

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

**Редакционная коллегия серии
«История и политические науки»**

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., МГОУ;

Воронин С.А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В.Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т.В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В.А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф.А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С.А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Сулакшин С.С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А.Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2018. — № 5. — 326 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. — на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

———— Issued 5 times a year ————

Series editorial board
«History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T.V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S.A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

S.S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2018. – № 5. – 326 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139

Index of the series «History and Political Sciences» according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК МГОУ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» – ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ... 8

100-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ – К ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ: МИРОВАЯ И РОССИЙСКАЯ ПОВЕСТКА.	10
Багдасарян В.Э. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОНФЛИКТА.	12
Степанян А.О. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК КРАТЕР ДЛЯ НОВОЙ МЕССИАНСКОЙ ИДЕИ.	24
Иерусалимский Ю.Ю. ЛИСТОВКИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.	33
Орлов И.Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.	48

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Гонзалез Д.А., Волобуев О.В. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОЖКОВ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.	62
--	----

Всеобщая история

Яровой Е.В. ЛУКУЛЛ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ.	78
Сапунцов А.Л. ТОПОЛОГИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАТСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.	89
Осипов Е.А. ФРАНЦИЯ И ВОПРОСЫ РАЗОРУЖЕНИЯ (1958–1974 гг.).	101
Орлов Н.С. РЕЛИГИЯ И АМЕРИКАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В 70-Е ГГ. XX ВЕКА.	116
Афоньшина А.И. НИКОЛЯ САРКОЗИ И «АРАБСКАЯ ВЕСНА». КРИЗИС ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НЕОГОЛЛИЗМА.	122
Юань Сюнь. КИТАЙСКИЙ ОПЫТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.	131

Отечественная история

Павлова М.Н. КОЛОКОЛЬНЯ ИВАНА ВЕЛИКОГО КАК СИМВОЛ РУССКОЙ ПОБЕДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА.	143
Арсланов Р.А., Климашин А.Л. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О РОССИЙСКО- БРИТАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX В.	151

Трухин М.Д. Е.Е. ЛАЗАРЕВ О ЛЕВЫХ ФРАКЦИЯХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	168
Волкова А.И. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ РЕДАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ТАНКОВА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	181
Соколов А.С. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» В ОРГАНАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ	189
Акматова А.Т. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА «ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ» (1920–1940 ГГ., КИРГИЗИЯ, ГОРОД ОШ)	197
Кожевников С.В. АРХИПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ, ХИРУРГА В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО В КРАСНОЯРСКЕ (1941–1944)	205
Горлов В.Н. Н.С. ХРУЩЁВ И ОБРАЗОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ МОСКВЫ» В 1960 ГОДУ	216
Маслов Д.В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА	221
Осина О.В. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	242

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Васецова Е.С. ВОПРОС О СТАТУСЕ ИЕРУСАЛИМА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	251
Вититнев С.Ф., Курков Н.В. «ЗЕЛЕННЫЕ» В ФРГ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	261
Лавренев С.Я. УНИОНИСТСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ МОЛДОВЫ: ОСНОВНЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РУМЫНИЕЙ МОЛДОВЫ)	273
Алябьева Т.К. РОССИЯ: ОТ ПОЛУРАСПАДА К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ	285
Пахолкин Д.А. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ЕАЭС В КОНКУРЕНЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ФОРМАТАМИ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ	296
Майборода Д.М. РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ» ...	308

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Соловьев Я.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БЕЛОВ А.В. 1812 ГОД В СУДЬБЕ РУССКОГО ГОРОДА: ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ НА СОСТОЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ЖИЗНЬ ИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2018. – 326 С.: ИЛ.	320
--	-----

CONTENTS

"JOURNAL "BULLETIN OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY. SERIES: HISTORY AND POLITICAL SCIENCES" CELEBRATES ITS 20TH ANNIVERSARY"8

CENTENARY OF THE BEGINNING OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

FROM CIVIL WAR TO CIVIL CONSOLIDATION: ORDER OF DAY IN THE WORLD AND IN RUSSIA10

V. Bagdasaryan CIVIL WARS IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS:

FACTORS OF CONFLICT REPRODUCTION12

A. Stepanyan CIVIL WAR AS A CRATER FOR A NEW MESSIANIC IDEA24

Yu. Ierusalimskiy LEAFLETS OF THE CIVIL WAR OF 1918–1920 AS A HISTORICAL SOURCE33

I. Orlov. POLITICAL CULTURE OF THE SOVIET RUSSIA IN THE CIVIL WAR YEARS48

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

J. Gonzalez, O. Volobuev NIKOLAY ALEXANDROVICH ROZHKOV. ON THE 150TH
ANNIVERSARY OF BIRTH62

General History

Ye. Yarovoy LUKULL AS AN ALTERNATIVE TO THE CIVIL WAR IN ANCIENT ROME78

A. Sapuntsov DECENTRALIZED COLONIZATION TYPOLOGIES IN OPERATIONS

OF THE DANISH EAST INDIA COMPANY89

E. Osipov FRANCE AND DISARMAMENT ISSUES (1958–1974) 101

N. Orlov RELIGION AND THE YOUTH IN THE UNITED STATES IN THE 1970S 116

A. Afonshina NICOLAS SARKOZY AND THE "ARAB SPRING". CRISIS OF THE FOREIGN POLICY

OF NEOGAULLISM 122

Yuan Xun THE CHINESE EXPERIENCE OF THE MIGRATION POLICY IMPROVEMENT:

THE BASIC STEPS AND UNSOLVED PROBLEMS 131

Native History

M. Pavlova IVAN THE GREAT BELFRY AS A SYMBOL OF THE VICTORY OF RUSSIA IN THE
CIVIL WAR OF 1812 143

R. Arslanov, A. Klimashin. DOMESTIC JOURNALISM ABOUT RUSSIAN-BRITISH CONTRADICTIONS
IN CENTRAL ASIA IN THE LATE XIX CENTURY 151

M. Trukhin E.E. LAZAREV ON THE LEFT-WING FRACTIONS IN THE II STATE DUMA 168

A. Volkova THE ROLE OF THE EDITOR'S PERSONALITY IN FORMING THE IMAGE

OF THE PROVINCIAL PERIODICAL EDITION OF THE XIX CENTURY

(ON THE EXAMPLE OF A.A. TANKOV'S ACTIVITIES IN KURSK PROVINCE) 181

A. Sokolov THE «OLD» AND «NEW» IN THE BODIES OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION.....	189
A. Akmatova LEGAL POLICY «LIQUIDATION OF THE POPULATION'S ILLITERACY» (1920–1940S, KYRGYZSTAN, THE CITY OF OSH).....	197
S. Kozhevnikov ARCHPASTORAL MINISTERING OF V.F. VOYNO-YASENETSKY, SAINT LUKA AND SURGEON IN KRASNOYARSK (1941–1944).....	205
V. Gorlov N.S. KHRUSHCHEV AND THE FORMATION OF THE "BIG MOSCOW" IN 1960.....	216
D. Maslov ECONOMIC REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY AS THE TRANSFORMATION OF THE INDIVIDUAL'S STEREOTYPES OF BEHAVIOR.....	221
O. Osina BACKGROUND AND MAIN DIRECTIONS OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS IN THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY	242

SECTION II POLITOLOGY

E. Vasetsova THE QUESTION OF THE STATUS OF JERUSALEM IN THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST	251
S. Vititnev, N. Kurkov THE "GREENS" IN GERMANY AS A POLITICAL PHENOMENON AND ITS INTERPRETATION IN GERMAN HISTORICAL AND POLITICAL LITERATURE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES.....	261
S. Lavrenov THE UNIONIST PROJECT FOR MOLDOVA: MAIN RISKS AND PROSPECTS (ON THE CENTENARY OF JOINING MOLDOVA TO ROMANIA)	273
T. Alyabieva RUSSIA: FROM COLLAPSE TO CENTRALIZATION	285
D. Pakholkin STRENGTHS AND WEAKNESSES OF THE EAEC IN COMPETITION WITH EUROPEAN INTEGRATION FORMATS IN THE CIS SPACE	296
D. Mayboroda RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS AFTER THE «CRIMEAN SPRING».....	308

SCIENTIFIC LIFE

Ya. Soloviev REVIEW OF A BOOK: BELOV A.V. 1812 IN THE FATE OF THE RUSSIAN CITY: NAPOLEONIC INVASION INFLUENCE ON THE STATE OF URBAN SETTLEMENTS IN CENTRAL RUSSIA AND ON THE LIVES OF THEIR INHABITANTS. MOSCOW, POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2018. 326 PP: ILL.	320
---	-----

ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК МГОУ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» – ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Юбилейная дата журнала не является по уровню начальной, хотя это еще и не показатель вершины этого уровня. Однако в любом случае уместна серия вопросов: что представляет собой «Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки» сегодня? Каково его место и роль в жизни факультета истории политологии и права и Московского государственного областного университета в целом? Что следует предпринимать для поддержания статуса журнала в меняющемся мире науки? Поиску ответов на эти вопросы способствует анализ, по необходимости краткий, прошедшего периода существования журнала.

Впрочем, уже сегодня есть очевидная определенность относительно роли и места журнала в жизни факультета истории, политологии и права МГОУ: он обеспечивает возможность публикаций результатов научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава факультета. Журнал создаёт также возможности публикации аспирантов и соискателей ученых степеней кандидата и доктора политических наук. Последнее произошло с включением журнала в список соответствующих изданий ВАК. В этом смысле серия «История и политические науки» является важной опорой работы действующего на факультете диссертационного совета по историческим наукам, хотя эта опора является взаимной: без наличия диссертационного совета журнал лишился бы важного источника публикаций. Правда, ни журнал, ни диссертационный совет не являются нормативным условием существования того и другого.

Изложенная ситуация о месте и роли серии «История и политические науки» не

была изначальной. Журнал был основан в 1998 г. и носил первоначально название «Вестник Московского педагогического университета». Ответственным редактором стал д.и.н., проф. О.В. Волобуев, членами редколлегии – О.Н. Наумов (ответственный секретарь), О.Ф. Кудрявцев, Н.И. Смоленский, В. Г. Сейранян, А. Н. Фукс. В первом выпуске журнала было положено начало той традиции, без дальнейшего развития которой он был бы невозможен: авторами 16 публикаций были как сторонние ученые (из Пермского педагогического университета и Института востоковедения РАН), так и сотрудники Московского педагогического университета.

В 2004 г. в редколлегии журнала произошли изменения. Её состав стал следующим: Смоленский Н.И. (ответственный редактор), Белов А.В. (ответственный секретарь), Журавлев В.В., Юферева Е.В., Пирогов А.И., Алафаев А.Л. Отличительной чертой первых лет издания журнала было отсутствие четкой структуры издания. Рубрики постоянно менялись. Такие колебания в содержании были обусловлены поиском оптимальной модели размещения материалов в журнале. Постепенно структура оформилась. Постоянными рубриками стали «История России средних веков и нового времени», «Новейшая история России», «Всеобщая история», «Политические науки».

Еще более значимыми следует признать перемены в области авторского состава. Как показывает контент-анализ журнала 2006–2008 гг., авторами более половины статей стали сторонние преподаватели из учебных и научных заведений России. Среди них были учёные из Брянска, Орла, Крас-

ноярска, Коврова, Владикавказа, Санкт-Петербурга и Москвы (в том числе, СПбГУ, МГУ, Институты всеобщей и российской истории РАН). Такое изменение географии авторов свидетельствует о том, что «Вестник» все в большей степени привлекал к себе внимание научной общественности

всей страны (см. табл. 1). Происходило это во многом за счет качества журнальных публикаций, хотя, конечно, их уровень не был и не мог быть одинаковым. Повышение качества журнала повлияло на рост его цитируемости, выразившееся в значении импакт-фактора издания (см. табл. 2).

Таблица 1

Состав авторов журнала «Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки»

год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кол-во авторов	46	85	90	83	72	65	60	77	57	57
Кол-во новых авторов	37	71	69	63	50	41	34	47	29	39
Средний индекс Хирша авторов	0,6	1,2	0,9	1,3	1,8	1,9	2,5	3,1	3,4	3,8

Источник: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=25665

Таблица 2

Динамика 5-летнего импакт-фактора РИНЦ журнала «Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки»

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Импакт-фактор РИНЦ	0,068	0,025	0,024	0,054	0,076	0,121	0,133	0,110	0,130

Источник: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=25665

Поддерживать научный уровень журнала, не делая его, впрочем, каким-то застывшим и неизменным – одна из основных задач редколлегии. Способом решения данной задачи является сегодня выход за рамки национального, т.е. внутригосударственного стороннего участия, и привлечение в качестве авторов зарубежных учёных.

Второй задачей является расширение поля проблем и публикаций дискуссионного характера. В настоящее время это делается в основном по отношению к проблемам методологии истории, которые рассматриваются в рамках «круглых столов» в изданиях журнала последних лет.

Третьей задачей является постоянное внимание к качеству, то есть к уровню публикаций. Одним из средств решения этой задачи является требование выдерживать необходимое соотношение между количеством публикаций аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук, с одной стороны, и кандидатов и докторов наук, в особенности последних.

Таковы основные результаты издательской работы в Вестнике за последние 20 лет и проблемы, которыми следует заниматься редколлегии – не только на ближайшее будущее.

Ответственный редактор журнала
Д.и.н., профессор Смоленский Н.И.

100-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ – К ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ: МИРОВАЯ И РОССИЙСКАЯ ПОВЕСТКА

«Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей»: слова «Евангелия от Матфея» оказались не единожды подтверждаемым в истории пророчеством, воплощаясь в кровавых драмах гражданских войн. Гражданская война представляет собой наиболее трагический из всех возможных сценариев в развитии любой страны, поскольку в ней, в отличие от войн с внешним противником, народ оказывается в состоянии самоистребления. Конфликтные разломы гражданских противостояний воспроизводятся из поколения в поколение и труднопреодолимы. Такой исторический конфликт между условно «белыми» и условно «красными» воспроизводится по сей день уже по прошествии столетия на пространстве русского мира. Он все еще служит основанием для взаимоотторжения русских России с русскими – потомками «белой эмиграции», и это отчуждение преодолевается с большим трудом.

Еще один нерв конфликтной напряженности на уровне исторического сознания – межнациональные отношения на пространстве бывшей Рос-

сийской империи. Распад государства обернулся сто лет назад преобладанием центробежных сил, что было выражено «парадом суверенитетов» столетней давности. Национальные силы оказались вовлечены в общую воронку конфликта, усугубив гражданскую трагедию. Кровавые развязки национальных конфликтов периода Гражданской войны до сих пор являются источником взаимопетензий, в том числе и претензий к России, в учебной исторической литературе стран «ближнего зарубежья», а также Финляндии и Польши.

Третьей составляющей конфликтных разломов явилось вмешательство в Гражданскую войну в России и провоцирование ее со стороны внешних акторов. Когда общество внутренне расколото, этим непременно пользуются геополитические конкуренты. В 1918 г. против России была инициирована иностранная интервенция, в которой принимает участие не менее 14 государств. От лица Лиги Наций, так же, как и сегодня – от лица стран западного сообщества, против России вводились экономические санкции.

Реализовывалась стратегия ее системной изоляции, включая выдворение из различного рода международных структур (в том числе международное олимпийское движение).

Угрозы новых гражданских расколов, воспроизводимости на уровне исторического сознания прежних конфликтных разломов Гражданской войны, повторяемость применяемых стратегиям геополитического изолирования России – все это должно составить предмет специального рассмотрения научно-экспертного сообщества и заинтересованных представителей общественности. Злободневность вызовов столетней давности предполагает не только реконструировать детали Гражданской войны, но и обратиться к ее урокам в свете актуальных вызовов.

Трагедию гражданской войны пережила исторически не только одна Рос-

сия. Трудно найти народ, который бы не пережил в своей истории гражданских войн. И память об этих войнах раскалывает не только российское общество. Недавние события в США проиллюстрировали то, что войны исторической памяти ведутся и на Западе. Разделенная по итогам корейской гражданской войны Корея, разделенный на КНР и Тайвань по итогам гражданской войны Китай демонстрируют сверхвысокую актуальность исторического наследия гражданских войн.

Обнаружение универсальности вызовов гражданских войн определяет постановку вопроса не только о Гражданской войне в России, но, через ее призму, о самом феномене гражданских войн. Задачи такого рассмотрения были поставлены перед авторами предлагаемой тематической подборки статей в «Вестнике МГОУ».

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОНФЛИКТА

Багдасарян В.Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Гражданские войны рассматриваются в статье в качестве универсального вызова, адресованного каждому национальному сообществу. Прослеживаются тенденции и выявляются механизмы воспроизводства гражданских войн на уровне исторического сознания народов. Проводится анализ факторов генезиса гражданских войн в мире и их российская контекстуализация. Особое значение в свете актуальных конфликтов современной эпохи придается роли в гражданских войнах внешнего фактора, что соотносится с иностранной интервенцией в России. Рассматриваются возможности целевой политики перехода от парадигмы гражданских войн к парадигме гражданской консолидации.

Ключевые слова: гражданская война; гражданская консолидация; интервенция; историческое сознание; исторические факторы; кризис.

CIVIL WARS IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS: FACTORS OF CONFLICT REPRODUCTION

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. Civil wars are considered in the article as a universal challenge addressed to each national community. Tendencies and mechanisms of reproduction of civil wars at the level of historical consciousness of peoples are traced. The analysis of the factors of the genesis of civil wars in the world and their Russian contextualization is carried out. Particular importance in the light of the current conflicts of the modern era is given to the role of the external factor in civil wars, which correlates with the foreign intervention in Russia. The possibilities of the target policy of transition from the paradigm of civil wars to the paradigm of civil consolidation are considered.

Key words: Civil war; civil consolidation; intervention; historical consciousness; historical factors; crisis.

Представляемые в статье концептуальные положения являются логическим продолжением осмысления результатов проекта 2017 года, посвященного изучению исторического сознания россиян через призму столетия Революции. В рамках него проводилось голосование современных граждан России (принимали участие также жители Белоруссии и Украины), как если бы они принимали уча-

© СС BY Багдасарян В.Э., 2018.

ствие в выборах в Учредительное собрание сто лет назад. С большим отрывом первые позиции заняли большевики и монархисты. Результаты голосования показали, что российское общество по-прежнему расколото [1]. Но следствием такого раскола, как это показывает история, может явиться гражданская конфронтация. Получается, что все исторически проигрывается заново и матрица гражданской войны, по меньшей мере, на уровне исторического сознания, не преодолена.

Для того, чтобы лучше понять какой-либо феномен, целесообразно поместить его в ряд сопоставимых с ним явлений. Размещение в едином категориальном ряду позволяет определить главное в этом феноменологическом ансамбле и отделить его от эксклюзивного, разграничить константы и переменные, выявить воспроизводимые причинные основания. Методологически такое рядоположение необходимо для выхода на уровень парадигмального анализа, парадигмализации изучаемого предмета. Такая парадигмализация необходима и по отношению к феномену Гражданской войны. Обычно на Гражданскую войну принято смотреть через призму национального исторического нарратива [10; 11; 13]. Само по себе это и неплохо, поскольку позволяет выявить цивилизационный контекст произошедшей сто лет назад российской трагедии, но недостаточно. Нужно понять универсальные, общеисторические причины, приводящие к гражданским войнам, включая и российскую гражданскую войну. Соответственно, и замысел представленной работы состоит в рассмотрении российских реалий столетней давности не только исходя из отече-

ственного опыта, но и опыта мирового исторического процесса. Опыт такого рода рассмотрения в мировой науке и общественно-политической мысли, безусловно, есть, но оттесняется на сегодня на второй план спецификацией анализа конкретной гражданской войны [10; 12; 18].

Широкое распространение до последнего времени имело суждение, что исторические конфликты есть специфика российского общества, следствие не пережитой им идеологизированности. Однако грянувший конфликт 2017 г. в США между симпатизантами линии Авраама Линкольна и симпатизантами конфедератов, со сносом памятников, манифестациями и силовыми столкновениями, наглядно показал универсальность вызова воспроизводимости Гражданской войны. Обнаружилось, что гражданские войны имеют общее свойство воспроизводиться в исторической памяти народов и их преодоление требует выработки особой рецептуры. Оказалось, что американская Гражданская война продолжает жестко разделять американское общество даже не сто лет, как в России, а уже более полутора столетий. И вот, согласно проведенному журналом «Foreign Policy» опросу экспертов, вероятность новой гражданской войны в Соединенных Штатах составляет 35%. Некоторые известные американские специалисты по конфликтам дают и более высокую вероятность того, что вторая гражданская война в США произойдет [16; 19].

Гражданская война в России, Гражданская война в США, Гражданская война в Китае, Гражданская война в Испании, Гражданская война в Корее – ряд примеров, воспроизводимых на

уровне исторического сознания гражданских войн, может быть продолжен. Осмыслению феномена гражданских расколов и войн как вызова не только российского, но всечеловеческого масштаба, и посвящен замысел проводимого обсуждения.

Если принять за критерий гражданской войны принятый в исторической и политологической литературе уровень в 1000 и более жертв в течение года, то всего за двести лет в мире фиксируется 250 гражданских войн. Через трагедии гражданских войн прошли в то или иное историческое время почти все из существующих сегодня общностей. При расчете динамики гражданских войн по десятилетиям их количество имеет очевидный тренд возрастания. Первый значительный подъем в динамике гражданских войн приходится на начало «холодной войны». Противостояние двух сверхдержав стало фактором, конвертируемым в национальные гражданские войны. Если в девятнадцатом – первой половине двадцатого столетия в среднем за десятилетие происходило в среднем 6–7 гражданских войн, то во времена «холодной войны» – в среднем за десятилетие 18 гражданских войн. Казалось бы, с окончанием противостояния СССР – США их число должно минимизироваться, но все происходит с точностью до наоборот. На современный период истории приходится максимум гражданских войн в мире – в среднем 30 на десятилетие. Из этой динамики вытекает с очевидностью вывод, что гражданские войны, помимо внутренних факторов раскола, определяются и в значительной мере существующей системой мироустройства. Если при нынешней мироустрой-

тельной модели их число резко возросло, то, следовательно, есть в ней некие парадигмальные изъяны.

Более чем в 25 миллионов жертв оценивается результат гражданских войн, произошедших после Второй мировой войны. Это совокупно сопоставимо с Первой мировой войной. И можно констатировать, что гражданские войны сегодня, балансирующие к тому же почти всегда с переходом в масштаб войн межгосударственных, являются одним из главных вызовов для человечества [12, с. 4–5].

Межгосударственные войны современности стали, ввиду развития соответствующих технических возможностей, более краткосрочными. Можно было бы предположить, что и гражданские войны эволюционируют в этом же направлении. В действительности, все ровно наоборот. До Второй мировой войны средняя продолжительность гражданских войн составляла полтора года, и на этом фоне гражданские войны в США и России казались сверхдлительными. На историческом интервале после Второй мировой средняя продолжительность гражданских войн составляет уже более четырех лет, и есть ряд стран (например, Афганистан или Мьянма), где постоянно воспроизводимая гражданская война уже становится «естественным» существованием социума.

По ситуации за 2017 г., в мире имело место 18 гражданских войн с количеством жертв более 1000 человек за год и еще 22 войны, в которых годовые жертвы составляли от 100 до 1000 человек убитых. А есть еще и тлеющие гражданские конфликты, сопровождающиеся отдельными перестрелками, способные в любой момент пере-

расти в фазу войны. И, наконец, есть конфликты, которые можно условно определить в качестве «вербальной гражданской войны», когда противостояние очевидно и выражается на уровне языка вражды, но не доходит, возможно, за исключением отдельных эксцессов, до физических столкновений. Каждая пятая страна сегодня охвачена гражданской войной в прямом физическом смысле, и почти в каждой стране современного мира ведется вербальная гражданская война. Если этой проблемой не заниматься немедленно, мир погрузится в хаос перманентных гражданских войн с неизбежным крушением всего здания цивилизации.

В теории Томаса Гоббса война всех против всех являлась исходным состоянием, выходом из которого перед угрозой самоистребления явился общественный договор, выразившийся в учреждении на конвенциональной основе института государства. К теории в действительности можно предъявить разные претензии как с точки зрения истории, так и взгляда на человека. Но то, что Гоббс относил к праисторическому прошлому, оказалось парадоксальным образом перспективой будущего. Гражданские войны, по сути, и являются утверждением гоббсовской парадигмы «войны всех против всех». Гражданские войны, собственно, и начинаются с разрыва неформального общественного договора. Власть обвиняет в нарушении законности антивластные силы, оппозиция, напротив, говорит о том, что это сама власть и явилась нарушителем общественного договора [5].

Выйти из кризиса возможно, по видимому, только через перезаключение общественного договора. Если у

Гоббса заключение общественного договора в прошлом представляло собой некий условный образ, то сегодня для расколотых социумов о нем следует вести речь в буквальном смысле, как о результате национального обсуждения. Общественный договор должен включать, прежде всего, вопрос о базовых ценностях, на которых будет выстраиваться социум. Одной из составляющих общественного договора должно стать принятие конвенционального взгляда на национальное прошлое. Без этого формирование конвенционального взгляда на Гражданскую войну, создание единого учебника истории, о чем говорил Президент, не в формальном, а субстантивном значении, выглядит весьма проблематично.

Довольно часто во взгляде на генезис гражданских войн причины конфронтации сводятся исключительно к субъективным качествам лидеров противоборствующих групп, их фанатизму и бескомпромиссности. Но если бы все было бы так просто и не имелось бы объективных оснований конфликтов, 250 гражданских войн за последние 200 лет вряд ли состоялись бы. Гражданские войны возникали, как правило, на стадии перехода от одной модели организации общества к другой и на возникающих на этом пути развилках развития. Выделяется четыре типа гражданских войн, соотносимых с различными историческими контекстами.

Первый тип осуществляется на переходе от децентрализованного к централизованному государству, в отдельных страновых версиях – при переходе к модели государства-империи. Гражданское противоборство осуществляется здесь, как правило, в фамильном

или династическом соперничестве. Решается вопрос, какая из династий возьмет на себя роль централизатора.

Второй тип гражданских войн связан с религиозными конфликтами и распадом единой в рамках социума религиозной идентичности. Исторически в Европе это соотносится с реформационными процессами. Итогом эпохи религиозных войн, как выход из тупика религиозной конфронтации, явился переход к новой модели общества секулярного типа.

Гражданская война в России относится к третьему типу гражданских войн. Это тип войн, определяющих переход от традиционного общества к обществу модерна. При этом переходе сталкиваются между собой, условно, традиционалисты, выступающие за сохранение традиционного уклада, и модернисты, которые, в свою очередь, делятся на сторонников различных идеологических версий модернизации. Феврализм и большевизм являлись в 1917 г. как раз этими модернизационными альтернативами [2].

Наконец, происходящие сегодня гражданские войны представляют четвертый тип гражданских войн. Эти войны контекстны эпохе глобализации. В них сталкиваются три основные силы: – 1. сторонники глобализационной перспективы; 2. сторонники национального государства, атакуемого глобализаторами; и 3. контрмодернисты, часто используемые целевым образом также для разрушения национальной модели государственности (пример – ИГИЛ).

Гражданская война оказывается, таким образом, трагическим следствием объективных проблем исторического развития. Сегодня зачастую де-

монстрируется упрощенный проход к интерпретации причин гражданской войны, сведению их к злой воле неких злоумышленников – без разницы, «красных» или «белых». Но гражданская война предполагает наличие социального раскола, значимых групп граждан, готовых ради своих групповых интересов убивать друг друга. Злоумышленники же могут быть успешны только тогда, когда этот раскол является реальностью. Следовательно, для предотвращения гражданской войны недостаточно выявить «злоумышленников», а необходимо решать проблемы, провоцирующие эскалацию гражданского конфликта.

Какие это проблемы? Некоторое время назад экспертами Всемирного банка было проведено исследование, в котором использовался материал по всем происходившим в истории гражданским войнам. На основании корреляционного анализа были выявлены факторы, устойчиво обнаруживаемые в качестве причин гражданских войн. Обнаружилось, что гражданские войны не зависят от степени демократичности или автократичности общества. Известны многочисленные случаи, когда гражданские войны вспыхивали в государствах, условно позиционируемых в качестве демократических [17].

Отталкиваясь от исследований Всемирного банка и других политологических обобщений феноменологии гражданских войн в истории, можно выделить шесть порождающих их интегральных факторов.

Первый идентифицируемый фактор гражданских войн – наличие ресурса сверхобогатения. Приватизация его ограниченной группой лиц вызывает устремление к проведению

перераспределения ресурсов. В преддверии Гражданской войны в США таким ресурсом выступали, в частности, земли, аннексированные Соединенными Штатами в результате войн с Мексикой [8]. Согласно выводам исследования Всемирного банка, страны с сильной экспортноориентированной составляющей подвержены, сообразно с этим фактором, угрозам гражданской войны в наибольшей степени. Фиксировался ли фактор наличия ресурсов сверхобогащения в императорской России начала двадцатого столетия? Безусловно. Концентрация капитала была в Российской империи одной из наивысших в мире. Российская экономика была заточена традиционно под экспорт хлеба, что дополнялось с конца девятнадцатого столетия и активным экспортом сырья, прежде всего, нефти.

Второй фактор – социальная поляризация. Имелся ли этот фактор в наличии в Российской империи? Без всякого сомнения. Сегодня, правда, предпринимаются попытки показать, что все было не так уж и плохо. Но все равно, расслоение было сверхвысоким. Существовавшая и прежде поляризация в положение элиты и народа была дополнена особенно болезненным для общинного мира социальным расслоением деревни.

Третий фактор – несоответствие существующей системы представлений о справедливости. Реформа по отмене крепостного права и последующие столыпинские реформы были вызовом для традиционного крестьянского общинного понимания справедливого жизнеустройства. Та модель, которая условно определяется как капиталистическая, вызывала у многих групп

населения устойчивое ощущение творимой несправедливости.

Четвертый фактор – разрушение единой гражданской идентичности, приоритетность отдельных групповых идентификаторов перед идентификаторами общегосударственными. В новых условиях развития перехода к обществу модерна в многонациональной Российской империи Романовым, надо признать, так и не удалось выдвинуть интеграционной по отношению ко всем этническим и социальным группам идеи. Еще в меньшей степени это получилось у Временного правительства. И в ситуации, когда люди не осознают свою общегосударственную принадлежность и ставят принадлежность к нации или классу выше принадлежности к государственной общности, государство не могло не посыпаться. По большому счету, гражданская война всегда является войной идентичностей – классовых, религиозных, национальных. Таковой была и гражданская война в России.

Пятый фактор гражданской войны – этническая или религиозная доминанция и связанная с ней дискриминация по этническому и религиозному принципу, был, пожалуй, единственным из интегральных факторов, не работающим в общероссийском масштабе. Российская элита никогда не являлась этнически или религиозно замкнутой и инкорпорировала в свой состав вне зависимости от национальной принадлежности. Тем не менее и эта факторная составляющая также обнаруживается на втором плане в раскладе причин Гражданской войны в России. Она проявляется, в частности, в особо остро стоящем еврейском вопросе и известных ограничителях для этой

группы российского общества. И картина Гражданской войны была бы не полной и неадекватной, если исключить из нее погромы и антисемитизм, что не могло, естественно, не породить ответных действий. И коллегам с Украины не лишне в этой связи напомнить о зверских погромах, чинимых армией Симона Петлюры, чьим именем названа сегодня привокзальная улица в Киве (бывшая Коминтерновская улица).

Действие пятого фактора обнаруживается также уже в ходе гражданской войны на национальных окраинах, выражаясь в этнизации возникающих государств и государственных образований. Многие из этих государств брали на вооружение националистическую идеологию и в соответствии с ней выстраивали свою политику.

Наконец, шестой фактор – это, как не парадоксально прозвучит, – фактор образовательный. Одной из причин гражданской войны оказывается нефункциональность социальных лифтингов. В традиционном обществе неротируемость элит воспринимается как данность. Но в ситуации, когда расширяется круг лиц, получивших высшее образование, и социальные претензии на статусный рост возрастают, отсутствие лифтинга становится фактором конфликта. Российская империя в начале двадцатого века находилась как раз в фазе существенного возрастания притока молодых университетских кадров, не получавших пропуска в элитарные части общества [3].

Таким образом, причины для гражданской войны имелись, и они были достаточно серьезными. Но означает ли это, что гражданская война была неизбежна? Выскажу свою точку зрения,

что в истории ничего неизбежного нет. Человек, как существо, обладающее сознанием и волей, сам конструирует свое будущее. Он решает, берется ли за оружие или договаривается с оппонентами. В православии это представление выражается положением о свободе воли. Гражданской войны, любых гражданских войн всегда можно избежать. Но для того, чтобы она не случилась, следует целевым образом устранять или минимизировать факторы ее возникновения. Нужна целевая политика гражданского мира.

Необходимо в рассмотрении истории, и гражданских войн в частности, отойти, наконец, от поиска виноватых. В советской версии виноватыми являлись белые, пытавшиеся восстановить власть помещиков и буржуазии. В версии, условно, «белой историографии», виновными были большевики, с их провозглашенной В.И. Лениным в работе «Социализм и война» установкой превратить войну империалистическую в войну гражданскую [7, с. 327]. Спор «кто виноват?» может быть бесконечным. Другого результата, чем воспроизводство гражданской войны, он дать не может. Навязывание чувства вины, как это показывает история, ни к чему хорошему привести не может. Вслед за вопросом, кто виноват в развязывании гражданской войны, следует другой – как виновные за ее развязывание должны ответить? Начинаются исторические судилища. И приговор здесь выносится одной из частей народа.

Гражданский мир есть не только вопрос для граждан той или иной страны, но и для мирового сообщества в целом. Подавляющее большинство гражданских войн происходило

и происходит при активном внешнем вмешательстве и иностранной интервенции. Гражданские конфликты поддерживаются интересантами извне. Геополитическое соперничество накладывается на гражданские конфликты, становясь зачастую, а возможно, и в большинстве случаев, доминирующим фактором конфронтации. Только Соединенные Штаты Америки после Второй мировой войны и до 2000 г., по подсчетам американского специалиста в теории международных конфликтов, профессора политологии Патрика Регана, 35 раз прибегали к военной интервенции, вмешиваясь во внутренние гражданские конфликты. Еще чаще вмешательство осуществлялось в ресурсной поддержке – деньгами и вооружением сторон конфликта, военном инструктаже, ангажированных информационных кампаниях. Такие внешние вмешательства усложняют задачи, служат эскалации конфликта. Военное вмешательство внешних сил, согласно проведенным расчетам, только в 14% приводило к прекращению активной фазы гражданской войны. В большинстве же случаев вмешательства имели обратный эффект [15].

Внешнее военное вмешательство имело место и при разрастании Гражданской войны в России. Используемое в отношении этого периода российской истории понятие «Гражданская война и иностранная военная интервенция» отражало наличие двух составляющих конфликта: внутреннего – гражданского и внешнего – геополитического. И неизвестно, какой из них был более весомым. А между тем уже в ноябре – декабре 1917 г. на уровне руководства стран Антанты принимается решение о кредитовании

антибольшевистских сил и о разделе территории России на сферы влияний государств-победительниц в мировой войне [4].

В последнее время в определении происходящих событий вторая составляющая – иностранная военная интервенция – часто опускается и вряд ли это совершенно не связано с политическим подтекстом. Напомню дискуссию Генуэзской конференции, когда в ответ на претензию к Советской России о погашении царского долга была выдвинута Г.В. Чичериным встречная претензия о компенсации за ущерб, нанесенный в результате интервенции [6, с. 293–294]. Долги царского правительства современная Россия, кстати, погасила. Вторую составляющую генуэзской дискуссии современная Россия, не в пример ряду других государств, требующих исторических компенсаций, сняла с повестки обсуждения. В конечном итоге иностранная военная интервенция сыграла против белых, так как борьба, которую вели красные, стала восприниматься населением не только как гражданский классовый конфликт, но и как защита Отечества.

Для международного сообщества как требование, которое должно быть, по-видимому, закреплено на уровне ООН, в качестве средства предотвращения гражданских войн, следует установить запрет на их внешнее инициирование. Внешняя поддержка каким-либо геополитическим актором одной силы в расколотом обществе неизбежно приведет к тому, что другой актор поддержит противоположную силу, и гражданскую войну будет уже невозможно остановить.

В ориентире достижения гражданского мира и выходе из парадигмы

гражданских войн мы, таким образом, выделяем уровень государственной политики и уровень политики в повестке деятельности мирового сообщества. Но есть еще и уровень деятельности гражданского общества. На этом уровне задача состоит в смене дискурса конфронтации, отказе в изложении истории от языка вражды.

Начать гражданскую войну, если есть соответствующие факторные основания ее развязывания – легко. Выйти из гражданской войны – крайне сложно. Гражданские войны, когда-то начавшись, имеют свойство воспроизводиться. Помимо идеологического размежевания, имеет здесь значение и тривиальный фактор мести. Если проливается однажды кровь близких, остановить человека в желании отмщения будет крайне тяжело. И такие группы, жаждущие отмщения, к 1917 г. имелись во всех слоях российского общества как на нижних, так и на верхних этажах. Близкие лиц, пострадавших при карательных экспедициях во время подавления крестьянских и рабочих беспорядков, близкие жертв еврейских погромов, близкие убитых в результате терактов чиновников, близкие казненных революционеров (один из которых носил фамилию Ульянов) – все они в совокупности создавали крайне взрывоопасную смесь. Принято датировать начало Гражданской войны маем 1918 г. – историки ведут спор о ее начале. Но с социально-психологической точки зрения гражданская война началась уже в 1905–1907 гг., и по всем критериям происходящее тогда определению гражданской во-

йны соответствует. Затем следовала десятилетняя пауза, и в 1917 г. война возобновилась снова, а в 1918 г. вышла уже на принципиально больший масштаб. Из современных примеров – яркий пример – идущая с 1978 г. гражданская война в Афганистане, то затухающая, то вспыхивающая вновь. Сегодня политологи говорят о седьмой фазе афганской гражданской войны и отсутствии реальной перспективы замирения враждующих сторон [14].

Осознавая те трагедии, которые принесла Гражданская война для России, те трагедии, которые приносят гражданские войны в мире, те расколы, которые существуют в отношении гражданских войн в исторической памяти, мы констатируем необходимость заключения нового общественного договора. Такой договор заключается как на уровне национального консенсуса, так и международного сообщества. Речь идет не о бумаге, а о широком общественном обсуждении. В фокусе этого обсуждения должен оказаться вопрос о ценностях, тот вопрос, который в современном мире оказался предельно выхолощен, но который является ключевым. Ведь политическая борьба, в том числе и гражданские войны, ведется в конечном счете за ценности, а соответственно, и без ценностного консенсуса ее не прекратить. Начать надо с консенсуса хотя бы о том, что базовой, безусловной ценностью для всех сторон вероятного политического конфликта является само существование России.

Статья поступила в редакцию 16.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) / Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 22–38.
2. Багдасарян В.Э. Октябрь 1917-го. Русский проект. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
4. Галин В. Интервенция. Их желанием было творить добро... М.: Алгоритм, 2017. 416 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991. 545 с.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 5: 1 января – 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. 806 с.
7. Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 307–350.
8. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 21–42.
9. Alpert M. The Republican Army in the Spanish Civil War, 1936–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 374 p.
10. Cunningham D.E. Barriers to Peace in Civil War. Cambridge University Press, 2011. 282 p.
11. Donald D., Baker J.H., Holt M.F. The Civil War and Reconstruction. New York: W.W. Norton & Company. 2001. 600 p.
12. Hironaka A. Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 204 p.
13. Lynch M. The Chinese Civil War 1945–49. New York: Osprey Publishing, 2010. 96 p.
14. Nojumi N. The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region. New York: Palgrave, 2002. 260 p.
15. Regan P.M. Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2000. 172 p.
16. Risks T.E. Will we have a 2nd Civil War? You tell me // FP [website]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/07/will-we-have-a-2nd-civil-war-you-tell-me> (дата обращения: 14.10.2018).
17. Understanding civil war: evidence and analysis / editors Collier P., Sambanis N. Volume 1. Africa. Washington, DC: World Bank, 2005. 353 p.; Volume 2. Europe, Central Asia, and Other Regions. Washington, DC: World Bank, 2005. 370 p.
18. Walter B.F. Committing to Peace: The Successful Settlement of Civil Wars. Princeton University Press, 2002. 200 p.
19. WrightIs R. America Headed for a New Kind of Civil War? (14.08.2017) // The New Yorker [website]. – URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/is-america-headed-for-a-new-kind-of-civil-war> (дата обращения: 14.10.2018).

REFERENCES

1. V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Ierusalimskiy, V. Fedyuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. Rossijskaya revolyuciya: vzglyad cherez stoletie (kruglyj stol) [The Russian Revolution: View Through the Century (Round Table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*, 2017, no. 5, pp. 22–38.
2. Bagdasaryan V.E. Oktyabr' 1917-go. Russkii proekt [October 1917. Russian project]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 224 p.

3. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red dis-temper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 969 p.
4. Galin V. *Interventsiya. Ikh zhelaniem bylo tvorit' dobro...* [Intervention. Their desire was to do good...]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 416 p.
5. Gobbs T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, form and power of the ecclesiastical state and the civil state]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 545 p.
6. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 5: 1 yanvarya – 19 noyabrya 1922* [Documents of the Soviet foreign policy. Vol. 5: 1 Jan. – 19 Nov. 1922. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 806 p.
7. Lenin V.I. *Sotsializm i voyna* [Socialism and war]. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 26* [Complete works, vol. 26]. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 307–350.
8. Sogrin V.V. [Civil war and Reconstruction in the United States. Modern interpretation]. In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 2010, no. 1, pp. 21–42.
9. Alpert M. *The Republican Army in the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 374 p.
10. Cunningham D.E. *Barriers to Peace in Civil War*. Cambridge University Press, 2011. 282 p.
11. Donald D., Baker J.H., Holt M.F. *The Civil War and Reconstruction*. New York, W.W. Norton & Company, 2001. 600 p.
12. Hironaka A. *Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War*. Cambridge, Harvard University Press, 2005. 204 p.
13. Lynch M. *The Chinese Civil War 1945–49*. New York, Osprey Publishing, 2010. 96 p.
14. Nojumi N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region*. New York, Palgrave, 2002. 260 p.
15. Regan P.M. *Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000. 172 p.
16. Risks T.E. Will we have a 2nd Civil War? You tell me. In: FP [website]. – Available at: <https://foreignpolicy.com/2017/03/07/will-we-have-a-2nd-civil-war-you-tell-me> [accessed: 14.10.2018].
17. *Understanding civil war: evidence and analysis*. Editors Collier P., Sambanis N. Vol. 1. Africa. Washington, DC, World Bank, 2005. 353 p.; Vol. 2. Europe, Central Asia, and Other Regions. Washington, DC, World Bank, 2005. 370 p.
18. Walter B.F. *Committing to Peace: The Successful Settlement of Civil Wars*. Princeton University Press, 2002. 200 p.
19. WrightIs R. America Headed for a New Kind of Civil War? In: Newyorker [website]. – Available at: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/is-america-headed-for-a-new-kind-of-civil-war> [accessed: 14.10.2018].

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках проекта Фонда Андрея Первозванного «Гражданская война: зеркала эпохи».

ACKNOWLEDGMENTS

The study was conducted in the framework of the project of the Foundation of St. Andrew Pervozvany "Civil War: mirrors of the Era".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: ve.bagdasaryan@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: ve.bagdasaryan@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В.Э. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 12–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Civil Wars in the World Historical Process: Factors of Conflict Reproduction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 12–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-24-32

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК КРАТЕР ДЛЯ НОВОЙ МЕССИАНСКОЙ ИДЕИ

Степанян А.О.*Академия геополитических проблем**121108, г. Москва, ул. Герасима Курина, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется проблема появления универсальной идеологии для пролетарских масс в кратере гражданской войны. Используя в исследовании системный подход, автор приходит к выводу, что в основу идеологии были положены основные принципы христианства при одновременном отрицании религии. Подчеркивается, что символом веры объявлялся пролетарский интернационализм. Представляется взаимосвязь большевистских и христианских идей, выступавших как наднациональная надстройка, позволяющая многонациональное общество сделать однородным. Утверждается созвучность нравственных идеалов христианства и коммунизма, которые привели к победе идей коммунизма в России, поднимаясь в обновлённой форме на мощной цивилизационной основе русского народа. Автором делаются выводы, что новая наднациональная мессианская идея не только помогла русскому народу одержать победу в Гражданской войне и освободить Россию от оккупантов, но и вокруг себя сплотить народы Кавказа и Средней Азии и создать новую страну с новой философией и с новым взглядом на свое будущее.

Ключевые слова: гражданская война, идеология, конфликт, национальная идея.

CIVIL WAR AS A CRATER FOR A NEW MESSIANIC IDEA

A. Stepanyan*Academy of Geopolitical Problems**10, Gerasima Kurina ul. Moscow, 121108, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the problem of the emergence of a universal ideology for the proletarian masses in the crater of the civil war. Using a systematic approach to the study, the author concludes that the ideology was based on the basic principles of Christianity while simultaneously rejecting religion. It is emphasized that proletarian internationalism was declared a symbol of faith. The interrelation of the Bolshevik and Christian ideas, acting as a supranational superstructure, allowing a multinational society to be made homogeneous, appears. The consonance of the moral ideals of Christianity and communism, which led to the victory of the ideas of communism in Russia, rises in a renewed form on the powerful civilizational basis of the Russian people. The author concludes that the new supranational messianic idea not only helped the Russian people win the civil war and liberate Russia from the invaders, but also to rally around the peoples of the Caucasus and Central Asia and create a new country with a new philosophy and new look.

Key words: civil war, ideology, conflict, national idea.

Четыре года Гражданской войны в России принесли не только оккупацию, разруху, гибель сотен тысяч людей как со стороны белой армии, так и красной, и похоронили старую Российскую империю, с её мессианской идеей «Москва – Третий Рим», но и сформировали новую мессианскую идею как новый смысл новой России. Как эта трансформация происходила, попробуем разобраться ниже.

После падения Византии православный мир нуждался в новом покровителе, и взоры христиан империи повернулись в сторону молодого русского государства, для которого мессианская концепция «Москва – Третий Рим» стала духовно-нравственной идеей. Однако Николай I, а также Александр II фактически отказались от межрелигиозной политики своих предшественников и уже сложившегося принципа «братания с инородцами» и предприняли методы принуждения к христианизации язычников, а также оказали давление на мусульман [4, с. 613–614]. Процесс отхода от концепции «Москва – Третий Рим» со стороны политической элиты и духовенства Российской империи приближал страну к революции 1917 г. Катализаторами этого процесса были следующие факторы: внутренний кризис Русской Православной Церкви, симпатия российской интеллигенции к западным идеям и отход России от Балкан.

Внутренний кризис Церкви проявлялся и в том, что евангельская мораль и реальная несправедливость не сочетались в российском обществе. Народ «варился» в своих проблемах, копил протестную энергию, а церковные иерархи мало на это обращали внимания. Мало того, Православная вера

уже не утверждалась ими в качестве пути духовного преображения, а использовалась лишь как средство идеологического сдерживания растущего кризиса православно-монархической государственности [6, с. 125, 128; 12, с. 108]. На этом фоне идея социализма, которая предлагала, как казалось, реальный выход из сложившегося кризиса, становится очень популярной [8, с. 177, 184, 185, 193; 1, с. 340, 350–351].

Кроме внутреннего кризиса Церкви, была еще одна причина отхода от концепции «Москва – Третий Рим»: это пренебрежительное отношение как государственной власти, так и значительной части интеллигенции к русской традиции, образу жизни, тяготение к Западу и, как следствие, отрыв от проблем и чаяний своего народа [14, с. 52; 13, с. 45; 11, с. 160]. Тем самым процесс расслоения общества на две различные культуры, начавшийся еще при Петре I, углублялся. Часть общества (интеллигенция) восприняла западные идеалы, а подавляющая масса людей осталась привержена русской православной традиции, а революция и Гражданская война стали следствием этого раскола в обществе¹ [9, с. 60].

Русский народ и русское государство строились на основе религиозной самоидентификации. В XIX в. широко применяемый термин Святая Русь, сохранял прежний смысл – Собор святых земли русской. Причем святых как умерших, так и живущих. К сожалению, живущих святых на Руси как в церкви, так и во власти, не осталось в преддверии революционных событий,

¹ Холопов А.В. Лекция «Противостояние информационной агрессии». URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cyCs3kt4IKg> [Дата обращения: 14.10.2018]

а если и были в некоторых монастырях, то только как исключение из правил. Поэтому народ потерял свои духовные ориентиры святости.

Пиком деградации русской политической и духовной элиты стало «кровавое воскресенье», когда по распоряжению Николая II расстреляли крестный ход 9 января 1905 года. После этого разрушился образ царя как «помазанника Божьего», и превратился он из богоборца в богохульника. А вместе с ним и его окружение, погрязшее в коррупции. Однако с таким вектором российского пути никак не мог смириться русский народ, и особенно крестьянство, как главный носитель народной традиции [4, с. 620].

Во время Первой мировой войны из мобилизованных более 10 млн. крестьян сотни тысяч дополнили класс пролетариев, заменяя рабочих в городах. При ином историческом раскладе эта сила могла бы играть стабилизирующую роль. В 1916 г. в губерниях европейской части России (42 из 49) прошли массовые волнения крестьян, рабочие бастовали, а солдаты массово дезертировали. И власти с этим процессом ничего не могли делать. К 1917 г. деревня утрачивала свои жизненные силы. Деревня стала центром протяжения для революционеров-агитаторов, которые обещали крестьянам прекрасное будущее, но только после свержения царя и выхода из войны.

Параллельно с этим печальным процессом развивалось влияние масонских лож, тайных обществ на значительную часть интеллигенции и чиновничества. Через эти структуры революционные организации получали финансирование от западных держав с целью оказать влияние на по-

литическую ситуацию в России таким путем [10]. Армия была на грани полного развала. К осени 1917 г. русская армия и полицейские силы были деморализованы, росли революционные настроения во всех слоях общества; доверие со стороны народа к семье Романовых было утрачено [4, с. 625].

Страна оказалась неуправляемой, революция становилась неизбежной; вопрос был в том, по какому пути она пойдет – «камо грядеши Русь?». И тут проявляются две антагонистические культурно-цивилизационные традиции: чуждая западная и традиционная евразийская. Все зависело от соотношения революционных сил. А они были довольно разнообразны: сторонники диктатуры пролетариата социал-демократы, социал-революционеры, ратующие тоже за диктатуру, представители среднего класса и интеллигенции, выступавшие за конституционную монархию, республиканский строй и т. д. И за всеми этими оппозиционерами и революционерами строго следили из-за рубежа масонские ложи и политические спецслужбы.

Ради справедливости, нужно отметить, что не только в России искали справедливости, духовности, но во всем мире был спрос на них. Тогда стоит вопрос – а какая страна может предложить человечеству новый, справедливый путь развития? В начале XX в. ни одна западная страна не была способна предложить миру ничего подобного. В этом плане Запад был нищим. Его интересовала только прибыль, которую он получал путем эксплуатации своих колоний.

Что могли англосаксы предложить миру в то время, когда они покупали скальпы индейцев по 20 долларов,

занимались работоторговлей и т. п.? В мире был острый запрос на идеи справедливости, добра и высокой духовности. В России, как было уже сказано, была мессианская идея, но она потухла и нуждалась в переформатировании. То есть если мессианская идея «Москва – Третий Рим», защищала только христиан, то новая идея должна быть призвана защищать все угнетенные народы мира. Вот такими мессианскими идеями была беременна русская революция. Стремление русского народа построить новый справедливый мир в России привело к революции 1917 года, спровоцированной внешними и внутренними факторами. Можно утверждать, что русский народ совершил революцию для себя, но по сути это соответствовало чаяниям всех угнетенных народов мира.

После отречения от трона Николая II страна стала неуправляемой. Не захотел наследовать престол и Михаил Романов; и в день его отречения Временное правительство обнародовало декларацию, где предлагались меры, способствующие прогрессу России. Первые шаги на этом пути были следующие: объявление политической амнистии; реорганизация органов местного самоуправления; замена полиции народной милицией; свобода слова, печати, собраний и стачек, профсоюзов; отмена сословных и национальных ограничений. Гражданские права получили все граждане, включая миллионы солдат. Такая внезапная демократизация общественной жизни обеспечивала согласие и равновесие в стране.

Но постепенно социальная революция взяла верх над политической революцией. Стали проявляться про-

тиворечия двух мессианских идей, которые были накоплены столетиями, просто статусы были разные – сначала идея «спасение угнетенных христиан» имела государственной статус, а теперь на эту роль претендует идея «спасение угнетенных народов». Тогда появились признаки раскола между имущими и неимущими крестьянами, между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Из таких неимущих крестьян, рабочих, солдат и матросов формировались Советы. И только лидер большевиков В.И. Ленин сумел разглядеть в Советах ту, не проявленную на полную мощь энергию, которая может изменить мир, – разрушив старую мессианскую идею и породив новую. Он, вместе со своей малочисленной партией РСДРП(б), проявил железную дисциплину и высочайшую организованность, в действиях – волю и наступательность, навязывая свою социалистическую программу и лидерство широким слоям населения. Ленин противопоставил Временное правительство и Советы, (власть буржуев и рабоче-крестьянская власть). 25 октября (7 ноября) Ленин, обращаясь с воззванием «К гражданам России», объявил о переходе власти от Временного правительства в руки Советов. Началась новая эпоха.

США 6 апреля 1917 г. вступили в войну на стороне, естественно, Антанты. Германия столкнулась с серьезными внутренними проблемами: растрата резервов и появление революционного движения внутри страны и внутри стран своих союзников. Англия, США, Франция на Западе и Япония на Востоке начали демонтаж российского государства. Циничное вторжение иностранных войск на территорию России

стало тем катализатором, который втянул Россию в Гражданскую войну.

После октября 1917 г. Лондон и Вашингтон открыто стали поддерживать и финансировать и белое движение, и определенные круги красных в лице Льва Троцкого [4, с. 635].

Немцы в то же время не были пассивными наблюдателями и поддерживали большевиков с целью заключить с ними мирный договор и, таким образом, вывести наиболее боеспособную русскую армию из войны. Ленин устраивал немцев еще потому, что был против англо-французского влияния в стране и яро выступал против любых планов по дроблению России [4, с. 636]. В январе 1918 г. начала создаваться Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Большевики отказались от добровольческого принципа набора и ввели всеобщую воинскую повинность. Таким образом, они за полгода довели численность армии от 300 тыс. до миллиона, а к концу Гражданской войны – до 5 миллионов.

Внутреннее положение страны Советов оставалось сложным. С 25 октября 1917 г. по март 1918 г. успешно проводилась советизация страны: из 97 крупнейших городов 79 приняли советскую власть. Русский народ выполнял почти невыполнимую миссию – через различные уровни установить власть народа, притом в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции.

По результатам выборов в Учредительное собрание 28 ноября 1917 г. партия эсеров заняла 410 мест в собрании, 175 – большевики. Но в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов объявил Россию

«Республикой Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» и принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в качестве конституционного акта. Таким образом, была утверждена Республика Советов как новая форма государственного устройства. Согласно вновь принятой конституции от 10 июля 1918 г., Всероссийский съезд Советов становится высшим органом власти. Но учитывая выше изложенные факторы – Гражданская война, присутствие в стране оккупационных сил, новая модель демократии оказалась не жизнеспособной. Поэтому коммунистическая партия – РКП (б) – фактически берет в свои руки управление процессами в стране. Коммунистическая идеология становится новой религией в какой-то мере. Не все граждане страны были в восторге от такого поворота судьбы, и многие не приняли диктатуру пролетариата. Около 2 млн. достаточно образованных граждан России вынужденно эмигрировали. Нехватку квалифицированных кадров во всех сферах жизни страны большевики сразу же ощутили. И вынуждены были принять некоторые меры: а) привлекли специалистов бывшей империи, принявших власть большевиков, к процессам управления; б) организовали тотальное образование; в) привлекали иностранных специалистов, которые шли на службу к большевикам с воодушевлением.

В экономической сфере большевики сотворили нечто, не имеющее аналогов в мировой истории: установили плановое введение хозяйства, ликвидировали частную собственность, национализировали предприятия, сформировали советы народного хозяйства, и всем

этим руководил Высший Совет народного хозяйства Республики.

Как только большевики взяли власть, почти сразу приняли Декрет о мире – 26 октября (8 ноября) 1917 г. Они предложили правительствам Великобритании, США, Италии, Франции, Бельгии, Румынии, Сербии, Китая и Японии прекратить мировую войну, а также готовы были заключить мир с Германией. Народы мира, и особенно народы воюющих стран стремились к этому. Такой неожиданный исторический поворот не устраивал союзников, особенно Британию, поэтому они отвергли эти предложения и потребовали продолжить войну до победного конца. Советское правительство вполне отдавало себе отчет, что продолжение войны для него губительно и может привести к краху страны Советов. Поэтому Ленин принимает решение выйти из войны, разорвать союзнические отношения с Антантой и готовится заключить мир с Берлином. 28 ноября 1917 г. большевики своим обращением к угнетенным народам Востока ставят знак равенства между всеми народами и цивилизациями. И это коренным образом меняет модели взаимоотношений стран и народов. Далее, трудовой народ становится правящим классом, а русский пролетариат, который установил свою диктатуру, становится авангардом мирового пролетариата. Лозунги «мир во все мире», «нет эксплуатации человека человеком» и т. п. становятся общечеловеческими девизами. Таким образом, большевики с чистого листа писали новую историю не только России, но и всего человечества. Во многом то, что предлагали большевики, совпадало с принципами христианской морали.

Во-первых, и христиане в I в., со своими апостолами, и коммунисты в XX в. со своими вождями, являлись возвестниками нового мира, который они должны были строить; одни обещали рай на небесах, другие обещали построить рай на земле. И христиане, и коммунисты формировали новую культуру, одни – человека Христа, другие советского человека – «*homo sovieticus*» [7, с. 262].

Во-вторых, и христианские идеи¹, и коммунистические идеи являются наднациональными, которые как христианское, так и советское многонациональное общество помогали делать однородным [7, с. 288, 263].

В-третьих, для обоих характерна общинность. Единство и равенство – вот новый тип социальных отношений у христиан [8, с. 208–209; 1, с. 356]. Такой пример можно видеть в образе жизни ранних христиан: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося...»². И коммунизм в каком-то смысле взял пример с образа жизни первых христиан. Одна из черт такого общества, чему подражали коммунисты – общинность и коллективизм [6, с. 148]. Однако они признавали эти ценности как новые, но не исконные. Мало того, они с этой «новизной» подчеркивали превосходство коммунистических идеалов над Церковью и религией: «Добиться того, чтобы каждый коллектив трудящихся был дружным, спаянным, чтобы никогда он не оставлял без помощи нуждающегося в ней товарища, – значит,

¹ Новый завет, Кол. 3: 11.

² Новый Завет, Деян. 4: 32-34

во многом закрыть для церковников возможность улавливать человеческие души» [5, с. 39].

В-четвертых, нравственные идеалы христианства и коммунизма одинаковы. И поэтому можно утверждать, что идеи коммунизма победили в России, поднимаясь на мощной цивилизационной основе русского народа, хотя и в обновлённой форме.

Хотя и в первые годы революции были попытки внести в русскую жизнь элементы западной культуры: легкость в разводах и аборт, однако после изгнания Троцкого из России этот процесс прервался и русский традиционный уклад был восстановлен. Это заметил посол Австралии в СССР 1944–1947 гг. Дж.А. Александер, который указывал на привнесенные революцией 1917 г. застенчивость и скромность советских девушек, поражавшие австралийского дипломата [15, с. 107].

Таким образом, в кратере гражданской войны русский народ создавал

универсальную, наднациональную идеологию, образ и смысл жизни для широких народных масс. В ее основу вошли трансформированные принципы христианской морали при одновременном отрицании Христа [15, с. 10]. Трудовой народ объявлялся символом веры. Мировой империализм выставлялся в качестве «дьявола», а ростовщический капитал – образом «зла» для пролетарских масс. ВКП(б) стала «церковью» для народа, десять заповедей заменяла коммунистическая мораль [8, с. 187; 6, с. 310; 3, с. 118].

Новая наднациональная мессианская идея не только помогла русскому народу одержать победу в Гражданской войне и освободить Россию от оккупантов, но и сплотить вокруг себя народы Кавказа и Средней Азии и создать новую страну, с новой философией и с новым взглядом на свое будущее.

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 241–398.
2. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
3. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. М.: Логос, 2004. 336 с.
4. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.
5. Ильичев Л. Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // Коммунист. 1964. № 1. С. 24–46.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1: От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2004. 528 с.
7. Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.
8. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Русский остров, 2008. 400 с.
9. Очирова Т.Н. Евразийская концепция культурной самобытности России // Социальная теория и современность. Вып. 18: Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 47–64.
10. Платонов А.О. Массонский заговор в России. М., Алгоритм. 2011. 1344 с.

11. Савицкий П.Н. Два мира // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 157–167.
12. Степанов А. Ober-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев // Общественный Русский Журнал. 2007. № 10. С. 106–109.
13. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
14. Федотов Г.П. Три столицы // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 37–53.
15. Фирсов С.Л. На весах веры: от коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб.: Вита Нова, 2011. 665 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 241–398.
2. Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [The history of the Soviet state. 1900–1991]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 480 p.
3. Gadzhiev K.S. Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu [Introduction to political philosophy]. Moscow, Logos Publ., 2004. 336 p.
4. Ivashov L.G. Geopolitika russkoi tsivilizatsii [Geopolitics of Russian civilization]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2015. 800 p.
5. Il'ichev L. [Formation of scientific ideology and atheist education]. In: *Kommunist*, 1964, no. 1, pp. 24–46.
6. Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Kn. 1: Ot nachala do Velikoi Pobedy [Soviet civilization. Book 1: From the beginning to the Great Victory]. Moscow, Algoritm Publ., 2004. 528 p.
7. Karrer d'Ankoss E. Evraziiskaya imperiya: Istoriya Rossiiskoi imperii s 1552 g. do nashikh dnei [Carrère d'ances E. Eurasian Empire: the History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 432 p.
8. Molotkov A.E. Missiya Rossii. Pravoslavie i sotsializm v XXI veke [The Mission of Russia. Christianity and socialism in the XXI century]. SPb., Russkii ostrov Publ., 2008. 400 p.
9. Ochirova T.N. [Eurasian concept of cultural identity of Russia]. In: *Sotsial'naya teoriya i sovremennost'*, no. 18 [In: social theory and modernity, issue 18: Eurasian project of modernizing Russia: pro et contra]. Moscow, RAGS Publ., 1995, pp. 47–64.
10. Platonov A.O. Maponskii zagovor v Rossii [The Masonic plot in Russia]. M., Algorithm, 2011. 1344 p.
11. Savitskii P.N. Dva mira [Two worlds]. In: *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 157–167.
12. Stepanov A. [Ober-Procurator of the Holy Synod Konstantin Pobedonostsev]. In: *Obshchenatsional'nyi Russkii Zhurnal*, 2007, no. 10, pp. 106–109.
13. Trubetskoi N.S. Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [The Legacy of Genghis Khan. A perspective on Russian history not from the West but from the East]. Berlin, Evraziiskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1925. 60 p.
14. Fedotov G.P. Tri stolitsy [Three capitals]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 37–53.
15. Firsov S.L. Na vesakh very: ot kommunisticheskoi religii k novym «svyatyam» postkommunisticheskoi Rossii [On the scales of faith: from the Communist religion to the new "saints" in post-Communist Russia]. SPb., Vita Nova Publ., 2011. 665 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанян Араик Оганесович – кандидат философских наук, ответственный секретарь Академии геополитических проблем;
e-mail: ara.s@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Araik O. Stepanyan – PhD in Philosophy, executive secretary of the Academy of Geopolitical Sciences;
e-mail: ara.s@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанян А.О. Гражданская война как кратер для новой мессианской идеи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-24-32

FOR CITATION

Stepanyan A. Civil War as a Crater for a New Messianic Idea. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-24-32

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-33-47

ЛИСТОВКИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Иерусалимский Ю.Ю.*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова**150003, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Советская д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В статье дается анализ листовок коммунистов, белогвардейских правительств и «зеленых», изданных в годы Гражданской войны в России. Листковая пропаганда была неотъемлемой частью деятельности всех политических сил в период Гражданской войны. Листовки играли важную роль: они являлись средствами информации, агитации, пропаганды, выступали в качестве организатора народных масс. Региональная листовая печать развивалась в том же русле, что и вся листовая агитация общероссийских политических сил и движений. Однако для нее характерны свои особенности. Листовки активно использовались коммунистами в качестве мощного средства агитационного воздействия на народные массы. Они сыграли свою роль в мобилизации трудящихся на борьбу с белым движением. Не отставали от коммунистов в своей листовкой агитации и белогвардейские правительства, но уступали им в четком изложении своих программ, популярности и эффективности.

Ключевые слова: листовки, Гражданская война (Россия), «красные», «белые», «зеленые», В.И. Ленин, рабочие, крестьяне, солдаты.

LEAFLETS OF THE CIVIL WAR OF 1918–1920 AS A HISTORICAL SOURCE

Yu. Ierusalimskiy*P.G. Demidov Yaroslavl State University**14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, Yaroslavl Region, 150003, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the leaflets of the Communists, the White Guard governments and the “Greens”, published during the years of the civil war in Russia. Leaflet propaganda was an integral part of the activities of all political forces during the civil war. The leaflets played an important role: they were the instruments of information, agitation, and propaganda. They acted as the organizer of the masses. Regional leaflet literature developed along the same lines as the rest all-Russian political forces and movements’ leafy agitation. However, it had its own characteristics. Leaflets were actively used by the Communists as a powerful means of agitation impact on the masses. They played their part in mobilizing the workers to fight the white movement. The White Guard governments did not lag behind the Communists in their leaflet agitation. But their leaflets lacked clearness in exposing their programs, thus they were less popular and effective.

Key words: leaflets, Civil war, the “reds”, the “whites”, the “greens”, V.I. Lenin, workers, peasants, soldiers.

В связи со столетним юбилеем наблюдается усиление внимания российских и зарубежных исследователей к истории Гражданской войны. С начала 1990-х гг. отечественные учёные получили возможность подвергнуть анализу историю Гражданской войны в России без обязательного использования формационной теории. Важнейшей гарантией объективного подхода к изучению Гражданской войны является комплексный подход к источникам. Необходим анализ документов, исходящих от всех политических сил, боровшихся в это трагическое для России время. Сохранились различные виды исторических источников, освещающих деятельность красных, белых и «зеленых» в указанные хронологические рамки.

Важное место среди источников занимают листовые издания. Их выпускали значительными тиражами практически все политические силы, боровшиеся в годы Гражданской войны. Для 1918–1920-х гг. листовая литература стала, как и для периода первой российской революции и революционного 1917 г., по-настоящему массовым источником. Термин «массовые источники» появился в отечественной историографии в конце 1970-х гг., и его использование специалистами-источниковедами далеко не отождествляется с обыденным понятием «многочисленный» [12, с. 335].

В источниковедении имеются две точки зрения по поводу понятия «массовые источники». Так, профессор Б.Г. Литвак отмечал такие характерные черты массовых источников, как ординарность обстоятельств происхождения, однородность и повторяемость содержания, а также однотипность формы,

тяготеющая к стандартизации [24, с. 7]. В противовес этому определению в коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» под реакцией академика АН СССР И.Д. Ковальченко подчеркивалось, что при определении понятия «массовые источники» следует, прежде всего, принимать во внимание, какие социальные процессы они отражают: «*Массовыми* являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные *системы* с существующими *структурами*. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы ...» [25, с. 6].

Ряд исследователей считают, что попытка примирить эти две точки зрения обречена на неудачу [12, с. 333]. По нашему мнению, феномен листовок 1905–1920 гг. допускает такую возможность, т.к. учитывает обстоятельства появления такого массового источника, как листовая литература, в повседневной жизни и содержание информации, помещенной в нее в момент создания, – как предлагал Б.Г. Литвак, и раскрывает соотношение общественных систем с определенными структурами (политические партии, классы, идеология и т. д.), сущность и взаимодействие массовых объектов, – как считал И.Д. Ковальченко.

Вопросам источниковедческого изучения листовок посвящен ряд общих и специальных работ. Однако в них не везде из-за ограниченности объема издания уделялось должное внимание листовкой литературе. Так, М.Н. Черноморский в учебном пособии «Источниковедение истории СССР.

Советский период» лишь вскользь упомянул листовки среди различных документов коммунистической партии [29]. М.Л. Варшавчик в работе «Источниковедение истории КПСС» дал рекомендации по работе с прокламациями и обратил внимание на важность изучения этого вида партийной литературы [2]. Однако он рассмотрел только листовки большевиков дореволюционного периода и Октябрьской революции. Работа Е.С. Петропавловского «Листовки как источник при изучении истории КПСС» посвящена листовкой литературе большевиков [26]. Автор отметил преимущество листовкой пропаганды по сравнению с другими партийными документами. Но листовки Гражданской войны Е.С. Петропавловским также не изучались. Данные исследования показывают методику работы с листовым материалом. Работ, посвященных изучению региональных прокламаций в годы Гражданской войны, крайне мало.

В.М. Щербак в работе «Большевистская агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.)» рассматривает начальный период Гражданской войны [30]. Он привел несколько листовок, не подвергая их глубокому анализу. Для раскрытия нашей темы следует отметить работу М.Ф. Дмитриенко «Произведения В.И. Ленина в листовках» [9]. Свое внимание автор сконцентрировал на работах председателя СНК, изданных в годы Гражданской войны в форме листовок на Украине. Автор подробно изучил каждую из листовок, выявил разночтения с первоисточником, привел данные о количестве экземпляров и месте издательства.

Слабая источниковедческая изученность листовок привела к тому, что

они часто оставались вне поля зрения историков, занимающихся событиями Октября 1917 г. и Гражданской войной. Так, в третьей книге коллективной монографии «Исторический опыт трёх российских революций» лишь вскользь упоминалось о листовкой литературе [13]. Интересные монографии, научные сборники и статьи по истории Гражданской войны были опубликованы в начале XXI в. [7; 10; 27; 3; 1 и др.]. Однако ряд современных трудов лишь выиграл бы от подробного анализа взаимосвязи листовкой агитации и ключевых событий 1918–1920 гг. В листовках приведены уникальные сведения обо всех этапах Гражданской войны, борьбе советской республики с белогвардейцами и т. д. До сих пор мало внимания уделяется листовкам белого лагеря и «зеленых». Одним из немногих исключений по этому вопросу является специальная статья А.А. Конкина «Агитационно-пропагандистская деятельность советского руководства и белогвардейских сил на северо-западе России в годы Гражданской войны» [15, с. 101–107].

На современном этапе развития исторической мысли определенное внимание листовкам 1918–1920 гг. было уделено в ряде разделов в учебниках и учебных пособиях по источниковедению отечественной истории, хотя детального и развернутого анализа данного вида исторических источников в них, ввиду ограниченности объема, не производилось [14; 4; 5; 11 и др.].

Также нет специальных работ, посвященных прокламациям местных коммунистов. Так, недостаточно изучены листовки РКП (б) таких важнейших в социально-экономическом

отношении регионов страны, как Центральный промышленный район, Северо-Запад, Север (европейской части России), Верхнее, Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Между тем огромный массив листовок хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации, областных государственных архивов и их филиалах – центрах документации новейшей истории (бывших партийных архивах), краеведческих и историко-архитектурных музеях-заповедниках, центральных и областных научных универсальных библиотеках [28]. Вплоть до настоящего времени ещё не увидел свет тематический сборник листовок периода Гражданской войны, подобный вышедшему более полувека назад трёхтомному изданию по Первой российской революции 1905–1907 гг. Лишь малая часть листовок Гражданской войны была опубликована [20; 19; 21; 23; 22 и др.]. Мало анализируются и рассматриваются листовки, хранящиеся в центральных музеях страны, несмотря на наличие специального каталога по начальному периоду Гражданской войны и ряда общих указателей [18 и др.].

Эти публикации имели весьма существенные недостатки. В ряде случаев весьма приблизительно приводятся даты выпуска листковой литературы, хотя их можно установить точно и по анализу содержания, и привлекая синхронные источники. Важные сведения по издательской деятельности местных коммунистов находились в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях, которые, тем не менее, под данным углом почти не анализируются.

Листовки большевиков использовались советскими историками в

своих работах по Гражданской войне относительно часто, в то время как издания противоположного лагеря ими почти не рассматривались, а лишь привлекались в качестве отдельных примеров антисоветской пропаганды. Определённый скептицизм в отношении изучения листовок всех противостоящих сил присутствует и в современной отечественной и зарубежной историографии. Сторонники этого взгляда отмечают субъективность такого рода источников, их слабую достоверность и т. д. Стоит отметить, что период Гражданской войны широко отразился в различных видах исторических источников, их комплексный анализ позволяет нарисовать объективную картину действительности, а листовки, по нашему мнению, интересны исследователям именно своей субъективностью. Они показывают агитацию и пропаганду красных, белых, «зеленых», их идеологию, «пиар-технологии» и т. д.

Одним из важнейших требований, предъявляемых к листковой агитации всех общественно-политических сил в России, являлось требование максимальной оперативности, мгновенного отклика на все злободневные и актуальные темы современной жизни. Остановимся, прежде всего, на листовках коммунистической партии. Учитывая сложное время начала Гражданской войны, ЦК РКП(б) и руководители региональных коммунистических организаций считали, что листовки должны постоянно находиться на острие политической борьбы, нести слово партии в массы, поднимать народ и вести его на борьбу с внутренними и внешними врагами. Этим условиям вполне отвечали про-

кламации центральных и местных организаций РКП(б), которые стремились соответствовать ленинскому положению, выдвинутому еще в период становления «Искры» в начале XX в., о трех функциях большевистской печати: быть коллективным пропагандистом, агитатором и организатором.

В начальный период Гражданской войны в 1918 г. листовая литература вместе с газетами и слухами были единственными источниками информации, из которых население узнавало о событиях, происходивших в стране. Местные прокламации во многом несли в себе информацию, которая не доходила до центральной прессы. Изучая и анализируя их, можно выявить проблемы, характерные не только для общероссийских сюжетов, но и для данной территории, а также проследить особенности региональной листовой литературы. В этом отношении значимость исследования листовой пропаганды и агитации в период Гражданской войны не вызывает сомнений.

Важным историческим источником являются работы В.И. Ленина, опубликованные в период Гражданской войны в форме листовок. «Такой ряд литературы, как прокламации ничем не заменим и всегда будет безусловно нужен» [17, с. 271], – писал В.И. Ленин. И сам он в годы Гражданской войны неоднократно обращался к этому роду партийной литературы. В форме листовок были опубликованы следующие его работы: «Социалистическое отечество в опасности», «Речь и правительственное заявление на заседании ВЦИК 15 июля 1918 г.», «Берегись шпионов», «К рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», «К рабочим и красноармейцам Петрограда», «Письмо

рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным», «Коль война, так по-военному»¹. Эти работы сыграли большую роль в развитии листовой пропаганды большевиков.

15 (28) января 1918 г. СНК издает декрет «Об организации Рабоче-крестьянской красной армии». 29 мая 1918 г. ВЦИК принимает декрет «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую красную армию». Таким образом, было положено начало создания Красной армии и вводилась всеобщая воинская обязанность. Но только одними декретами правительство советской республики не ограничилось, была развернута мощная агитация среди населения. Одним из средств агитации являлись листовки.

Наибольшее количество прокламаций, содержащих призыв вступить в ряды красноармейцев, обращено к крестьянам: «Братья крестьяне! В тяжелые для нашей свободной Социалистической Родины дни каждый из вас, кому дорога отвоеванная борьбой земля и воля, призывается встать в ряды революционных борцов»². Почти ничего не сообщалось в большевистских листовках о казни царской семьи. Данное умолчание весьма характерно для того времени.

15 августа 1918 г. издательство ВЦИК опубликовало листовку «Бой за социализм»³. Она включает в себя 9 пунктов, в каждом из которых излагается насущное требование сурового времени. Пятый параграф включает в себя призыв вступать в

¹ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 357–358, 523–526; Т. 38, с. 399; Т. 39, с. 151–159, 230–231; Т. 40, с. 41–47, 123–124.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9550. Оп. 2. Д. 820.

³ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 2. Д. 441.

Красную армию и учебные отряды. В том же месяце выходит листовка Московского комитета ВКП(б) «Катехизис сознательного пролетариата» [19, с. 222–224]. Эта прокламация явно написана под влиянием предыдущей. Она построена по такому же принципу, включает в себя основные положения, которые разделены на 10 пунктов. Это позволяет уточнить дату листка, изданного МК, – не раньше 15 августа 1918 г. Важным аргументом о значимости листковой агитации, является то, что на оборотной стороне листовки «Бой за социализм» нами обнаружена надпись: «Товарищу Свердлову». Из вышеприведенных примеров видно, что листковой пропаганде коммунисты предавали огромное значение и уделяли ей особое внимание. Прокламации подвергались тщательной проработке, прежде чем попадали в руки рабочих, крестьян и солдат, их также направляли руководителям советского государства.

Интересная листовка хранится в коллекции листовок Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). В данной прокламации «Товарищи! Старая армия расходится по домам...»¹, помимо призыва вступить в ряды Красной армии и информации о том, кто может быть красноармейцем, содержится перечисление льгот, которые предоставлялись красноармейцам и членам их семей. Этот момент привлекает особое внимание. Он, с одной стороны, говорит, что создание Красной армии шло очень трудно, так как, изможденные войной, новобранцы не спешили встать в ряды красноармейцев. Этим было обусловлено приня-

тие вышеупомянутого декрета 29 мая 1918 г., вводившего принудительный набор в армию. С другой стороны, это свидетельствует о том, что партия пыталась решить данную проблему не только путем принуждения, но и материальными стимулами: полное государственное довольствие, 50 рублей в месяц, обеспечение нетрудоспособных членов семьи всем необходимым. Упоминание декрета 29 мая является ключом к ответу на вопрос о дате написания данной прокламации: не ранее 29 мая 1918. Для «топонимики» историко-революционных памятников важны последние строки рыбинской листовки: «Бюро по приему заявлений в Красную армию помещается в здании новой биржи при Совете Рабочих и солдатских депутатов»².

Ряд коммунистических листовок содержали данные об адресах, по которым следует обращаться для приема в Красную армию. Например, прокламация «Товарищи – солдаты и граждане!»³ и уже упоминавшаяся «Товарищи! Старая армия расходится по домам...». Привязка к конкретным местам в большей степени характерна для коммунистических организаций губернских и уездных городов. В то же время прокламации большевиков Москвы и Петрограда были адресованы не только жителям данных городов, но и рассчитаны на массового читателя по всей стране Советов. В них, главным образом, освещались общероссийские проблемы.

Агитируя вступать в Красную армию, большевики показывали, что несут белогвардейцы и интервенты мирным жителям. В листовке «К оружию

¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Коллекция листовок. № 144.

² ГАЯО. Коллекция листовок. № 144.

³ ГАЯО. Коллекция листовок. № 143.

рабочие и крестьяне!» [6, с. 151–153] говорилось, что каждый должен определиться, «бесповоротно решить чего же он хочет?». Желает, чтобы пришли прежние «рабовладельцы», повернули течение жизни в старое русло? А если нет, то каждая деревня, каждая фабрика должны выделить «вооруженных людей, сколько может и как можно скорей».

О том, что призывы коммунистической партии находили отклик среди населения, говорят строки из воспоминаний ярославца, участника Гражданской войны Л. Короткова: «Владимир Ильич Ленин и партия большевиков обратились к трудовому народу с призывом вступить в борьбу за защиту завоеваний Великой Октябрьской Социалистической революции. Дошел этот призыв и до нашей деревни Парнеково, затерянной на самой окраине Ярославской губернии, и был поддержан» [16, с. 57]. В то же время не надо забывать, что эти и подобные воспоминания создавались в годы советской власти, а реальность Гражданской войны полна и примерами прямо противоположного свойства.

В сложный начальный период Гражданской войны, наряду с вопросом о создании армии, в большевистской агитационной литературе ставился вопрос об обеспечении армии всем необходимым. В первую очередь надо было обеспечить армию хлебом. В прокламации ВЦИК «Десять заповедей пролетариата» говорилось о необходимости борьбы за хлеб. Однако отмечалось: ведя борьбу с кулаком, «не задевай среднего крестьянина... Всю силу свою направь против богатых, не трогай средних, помогай беднякам»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 2. Д. 454.

Здесь явно прослеживается влияние ленинских положений, высказанных по этому вопросу: «У помещика и капиталиста – полная экспроприация... среднего крестьянина мы хотим убедить, привлечь примером, уговором, с средним крестьянином мы хотим работать вместе»². Листовки призывали к единению сил: «Красная армия будет сильна, если о ней каждый в тылу будет заботиться»³, только тогда можно победить «новую злую войну»⁴.

Проблеме обеспечения Красной армии всем необходимым посвящена прокламация, подписанная Ярославским губернским военным комиссаром Дроздиным и председателем Ярославской губернской комиссии по покупке лошадей, обоза и упряжи для Московского военного округа Вагановым. В ней говорится, что армия испытывает большой недостаток в конском составе и обозе. Лица, имеющие в своем хозяйстве лошадь или конскую упряжь, призывались продавать их Покупной комиссии или контрагенту губвоенкомата. «Каждая приведенная вами лошадь или принесенная сбруя значительно сократят время к миру»⁵. В листовке перечислялись точные даты, когда будет производиться закупка в Ярославле, Ростове, Пошехонье, Рыбинске, Мышкине и Угличе.

Вопрос обеспечения Красной армии всем, что ей необходимо для повышения боеспособности, ставился и в других листовках 1918 г.: «Фронт тылу – тыл фронту!»⁶, «От крестьян-

² См. Ленин В.И. Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Ответ на записки (ПСС. Т. 38. С. 19)

³ ГАЯО. Коллекция листовок. №. 195.

⁴ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 2. Д. 449.

⁵ ГАЯО. Коллекция листовок. №. 42.

⁶ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 2. Д. 487.

ского отдела ВЦИК Советов ко всему трудящемуся крестьянству и деревенской бедноте»¹.

Листовки, полностью посвященные борьбе с дезертирством, появились по всей территории Советской республики в массовом порядке в 1919 г., после выхода работы В.И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным!». Тем интересней тот факт, что в Ярославле такие листки появились в 1918 г. Именно в этом году была издана прокламация Литературно-издательского отдела политуправления Революционного военного совета РСФСР, который был создан в октябре 1918 г. и находился в Ярославле, «На кого работают дезертиры»². Примечателен данный документ еще и тем, что это была первая листовка, которую издал Литературно-издательский отдел. Также привлекает эта прокламация внимание и своей формой. Эта листовка представляет собой ряд рисунков, под которыми имеются поясняющие надписи. Такого рода агитация была предназначена главным образом для малограмотных и безграмотных крестьян и рабочих, которые, даже не читая сопровождающих рисунков подписей, могли без труда все понять. Другая ярославская листовка, посвященная борьбе с дезертирством, не имеет даты издания³, но по аналогии можно предположить, что и она была написана в 1918 г.

Наряду с многочисленными коммунистическими листовками, адресованными рабочим и солдатам на начальном этапе Гражданской войны, в ряде губерний Советской республики слабо велась агитация среди крестьян. По сви-

детельствам ярославской коммунистки Ж. Гутман, достаточной работы с крестьянскими массами первоначально не проводилось. В своих воспоминаниях Ж. Гутман привела слова крестьянина Сливина, сказанные им на IV Ярославском уездном съезде Советов: «Если бы агитация в деревне была, то за большевиками пошло, безусловно, большинство» [8, с. 22]. Ж. Гутман отметила, что до августа 1918 г. связь с крестьянами была очень слабая. Подобное происходило и в других регионах, подконтрольных Советской власти.

1919 год стал новым этапом в развитии коммунистической печатной пропаганды и агитации. Развёртывание в РСФСР советской периодической печати не снизило значение листковой литературы. В своих листках коммунисты разъясняли задачи рабочего класса и трудового крестьянства в борьбе за социалистические идеалы. Любое значительное событие 1919 г. находило отражение в листовках. Прокламации РКП(б), изданные тиражом более чем в 2,5 млн экземпляров, призывали народные массы к неустанной борьбе против белогвардейцев, агитировали за вступление в ряды Красной армии и коммунистической партии, перепечатывали материалы VIII съезда РКП(б) и работы В.И. Ленина, разъясняли политику «военного коммунизма», показывали поворот коммунистов «лицом к середняку», происшедший в 1919 г. В национальных районах коммунисты издавали листки на языках национальных меньшинств России. Для борьбы с голодом в ряде регионов проводился «День сухаря», о чём сообщали одноимённые прокламации.

В 1920 г. основное внимание коммунистические листки уделяли организа-

¹ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 2. Д. 864.

² ГАЯО. Коллекция листовок. № 158.

³ ГАЯО. Коллекция листовок. № 181.

ции масс на борьбу с Польшей и Врангелем. Упор делался на антинародную сущность данных правительств, помощь им со стороны западных стран, отмечалось необходимость перехода власти в руки Временного революционного комитета Польши (Польревкома) и на интернациональный долг со стороны рабочего класса РСФСР помочь польским братьям.

Большое внимание на всех этапах Гражданской войны уделяли листовкой агитации и белогвардейские силы. В каждом белогвардейском правительстве был специальный агитационный отдел. Именно он отвечал за подготовку и выпуск листовок, газет и другой печатной продукции. Отличительными чертами листовкой литературы белых являлись антикоммунизм, разоблачение агитации и пропаганды красных, сарказм и высмеивание руководителей советского государства, прежде всего В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и Я.М. Свердлова. Так, по отношению к председателю Совнаркома В.И. Ленину публиковались следующие строчки: «Едет Ленин на телеге, / А телега на боку! / «Ты куда, плешивый едешь?» / – «Ликвидировать муку!». В печатных изданиях белого лагеря подчеркивалось, что «Ленин – предатель русского народа!», председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий назывался убийцей, Свердлов – негодяем и т. д.

В листовках белогвардейцев регулярно указывалось, что после победы над красными на основе всеобщего, полного, прямого и тайного голосования граждан будет созвано Учредительное собрание, которое определит пути развития России. В листовкой литературе часто звучала резкая критика политики военного коммунизма,

которая иначе не называлась как «грабительская»: «Кто ограбил у тебя последнюю коровенку – тот комиссар и коммунист!» [15, с. 105].

Меньшевики, эсеры, кадеты и другие представители «демократической контрреволюции», как их называли большевики, отмечали диктаторские замашки коммунистов, узурпацию власти последними, резко осуждали красный террор и пролетарскую диктатуру.

Белые в своих листовых изданиях сосредоточили внимание населения на резком ухудшении его социально-экономического положения, связывали политику большевиков с быстрым удорожанием продуктов питания, гиперинфляцией, острой нехваткой товаров первой необходимости, указывали на полное отсутствие политических прав и свобод при советской власти. В тоже время меньшевики, эсеры, кадеты и другие антибольшевистские силы не могли четко ответить на вопрос о будущем государственном и социально-экономическом устройстве России, ограничиваясь констатацией необходимости равенства всех перед законом, признанием личных прав и политических свобод граждан, выборности местного самоуправления, возможности получения автономии для ряда территорий, ограничения длительности рабочего дня восьмью часами и т. д.

«Зеленых» привлекали идеи «третьей силы», равно борющейся против коммунистов и белогвардейцев за землю и волю для простого народа. Маштабы печатной агитации у них были явно скромнее, чем у советской власти и белогвардейских правительств, ввиду отсутствия необходимой матери-

альной базы, прежде всего мощных типографий, а также литературных сил, необходимых для сочинения листовок. Несмотря на это, в листовках «зеленых» постоянно проводилась идея, что именно они являются настоящими защитниками крестьян, казаков и всего трудящегося люда против Красной и Белой армий, а также иностранных интервентов.

Исследователи называют целый ряд причин победы красных в Гражданской войне: отсутствие у белых широкой социальной базы, популизм большевиков, красный террор, разобщенность антибольшевистских сил, слабость белой идеологии и т.д. Одной из причин поражения белых являлось преимущество красных в агитационно-пропагандистской работе. Массовый отклик у большинства населения России получили лозунги большевиков и левых эсеров: «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!», «Хлеб – голодным!». Эти лозунги и практические результаты в виде национализации промышленности, аграрной реформы, ликвидации сословий находили эмоциональный отклик у малообеспеченных слоев, которые составляли подавляющее большинство населения.

Большевики использовали исконные чаяния о справедливости всех народов, проживающих в России. В результате лозунги «Вся власть Советам!», «Долой старый мир!», постоянно звучащие в коммунистических листовках, пали на подготовленную почву. Большинство населения оказалось готовым мириться с политикой военного коммунизма, лишь бы не произошел возврат к власти помещиков и буржуазии. В отличие от комму-

нистов, белогвардейские правительства, антибольшевистские партии и движения не смогли представить для простого народа понятной и конкретной программы преобразований. В своих печатных изданиях они призывали к модернизированному старому порядку, а массы ждали коренных преобразований и нового справедливого способа управления страной.

Таким образом, анализ листковой пропаганды коммунистов, меньшевиков, эсеров, кадетов, монархистов и других общественно-политических сил позволит более полно раскрыть историю Гражданской войны в России. Изучение эффективности и результативности коммунистических прокламаций поможет решить проблему соотношения объективных и субъективных факторов в вооруженной борьбе 1918–1920 гг.

В свете 100-летнего юбилея Гражданской войны среди историков в наши дни ведутся многочисленные оживленные дискуссии по вышеперечисленным сюжетам. Их выводы во многом зависят от общественно-политической ориентации исследователей. Плодотворному течению полемики и научных дебатов, выяснению исторической истины будет способствовать комплексный анализ всех видов источников, включая листовую литературу РКП(б), её политических и военных противников.

Листковая пропаганда была неотъемлемой частью деятельности всех политических сил в период Гражданской войны и интервенции. Листовки играли важную роль: они являлись средствами информации, агитации, пропаганды, выступали в качестве организатора народных масс. Особое

значение для коммунистов играли работы В.И. Ленина, опубликованные в форме прокламаций. Они служили эталоном для развития местной большевистской листовкой пропаганды.

Региональная листовая литература развивалась в том же русле, что и вся печатная агитация общероссийских политических сил и движений. Однако для нее характерны и свои особенности. Необходимо заострить внимание на том, что именно региональные коммунистические организации раньше центра начали регулярную борьбу с дезертирством. На всех этапах Гражданской войны коммунисты уделяли большое внимание листовкой агитации среди рабочих и солдат. В то же время на начальном этапе Гражданской войны в 1918 г. они не придавали должного значения пропаганде среди крестьянства. Однако в целом листовая литература активно использовалась коммунистами в качестве постоянного и мощного средства агитационного воздействия на народные массы. Она сыграла свою роль в мобилизации трудящихся на борьбу с белым движением. Не отставали от коммунистов в своей листовкой агитации и белогвар-

дейские правительства, но уступали им в четком изложении своих программ, популярности и эффективности.

Листовки Гражданской войны являются массовым источником и по содержанию, и по форме подачи материала: они обращают внимание на глобальные вопросы и вызовы общественных систем с существующими структурами, отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, имеют определенный формуляр и пишутся по трафарету – вначале публикуется партийный лозунг («Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «В борьбе обрешь ты право свое!» и т.д.) и название листовки, затем раскрывается основное содержание листовки, постановка вопроса, ответы на него, а в конце приводятся лозунги текущего момента. Листовки Гражданской войны издавались большими тиражами и в значительной степени дошли до нашего времени. Они освещают все этапы борьбы, показывают идеологию и практику политических сил, участвующих в ней, и являются важным источником по истории Гражданской войны.

Статья поступила в редакцию 04.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Альманах ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 3: От Великой российской революции 1917 года к Гражданской войне в России / гл. ред. В.И. Голдин. Архангельск: САФУ, 2017. 172 с.
2. Варшавчик М.Л. Источниковедение истории КПСС. М.: Высшая школа, 1973. 221 с.
3. Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.
4. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М.: РОСПЭН, 2000. 459 с.
5. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М.: Академия, 2012. 464 с.
6. Голос великой революции. М.: Политиздат, 1967. 223 с.
7. Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия (Сб. материалов науч. конференции). Самара: Ас Гард, 2009. 549 с.

8. Гутман Ж. Ярославская организация ВКП (б) за десять лет // Власть Советов за 10 лет (1917–1927). Ярославль: Красная газета, 1927. С. 3–35.
9. Дмитриенко М.Ф. Произведения Ленина в листовках: указ. листовок, изд. на Украине в 1917–1920 гг. Киев: Наукова думка, 1980. 70 с.
10. Ипполитов Г.М. Летопись братоубийства (очерки советской историографии Гражданской войны на юге России). Самара: Высшая школа приватизации и предпринимательства, 2009. 517 с.
11. Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: ВШЭ, 2015. 685 с.
12. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
13. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. М.: Политиздат, 1987. 655 с.
14. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
15. Конкин А.А. Агитационно-пропагандистская деятельность советского руководства и белогвардейских сил на северо-западе России в годы Гражданской войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. История. 2015. Т. 4 (№ 1). С. 101–107.
16. Коротков Л. На восточном фронте // В сабельном походе: воспоминания участников событий. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. С. 57–61.
17. Ленин В.И. Ответ «Читателю» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 271–272.
18. Листовки Великого Октября: каталог Центрального музея революции СССР. М.: Радио и связь, 1988. 306 с.
19. Листовки московской организации большевиков. 1914–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1954. 406 с.
20. Листовки первых лет Советской власти. 25 октября (7 ноября) 1917–1925 гг.: каталог коллекции Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 1. М.: Книга, 1967. 312 с.
21. Листовки петроградских большевиков. Т. 3: 1917–1920 гг. Л.: Лениздат, 1957. 472 с.
22. Листовки Ярославского восстания 1918 года (новые поступления в Ярославский музей-заповедник из архива КГБ) // Ярославская старина. 1994. № 1. С. 54–58.
23. Листовки Ярославского восстания 1918 года // Ярославская старина: из архива русской провинции. Ярославль: Гос. архив Ярославской обл., 1992. С. 42–50.
24. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.
25. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1979. 415 с.
26. Петропавловский К.С. Листовки как источник при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1966. 81 с.
27. Русский исход как результат национальной катастрофы (К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России) / под ред. М.Б. Смолина. М.: РИСИ, 2011. 327 с.
28. Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: указатель каталогов и описаний. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Пашков дом, 2006. 328 с.
29. Черноморский М.П. Источниковедение истории СССР: Советский период. М.: Высшая школа, 1976. 296 с.
30. Щербак В.М. Большевицкая агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.). М.: Высшая школа, 1969. 160 с.

REFERENCES

1. Al'manakh assotsiatsii issledovatelei grazhdanskoi voyny v Rossii. Vyp. 3: Ot Velikoi rossiiskoi revolyutsii 1917 goda k Grazhdanskoi voine v Rossii [The almanac of the Association of researchers of the civil war in Russia. Iss. 3: From Great Russian revolution of 1917 to the Civil war in Russia]. Archangels, SAFU Publ., 2017. 172 p.
2. Varshavchik M.L. Istochnikovedenie istorii KPSS [Sources of the history of the Communist party]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 221 p.
3. Goldin V.I. Grazhdanskaya voyna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskie protsessy [The civil war in Russia through the prism of the years: historiographical processes]. Murmansk, MGGU Publ., 2012. 333 p.
4. Golikov A.G., Kruglova T.A. Istochnikovedenie otechestvennoi istorii [Source studies of Russian history]. Moscow, Rospen Publ., 2000. 459 p.
5. Golikov A.G., Kruglova T.A. Istochnikovedenie otechestvennoi istorii [Golikov A. G., Kruglova T. A. Source studies of Russian history]. Moscow, Akademiya Publ., 2012. 464 p.
6. Golos velikoi revolyutsii [The voice of the great revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 223 p.
7. Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922 gg.): vzglyad skvoz' desyatiletia (Sb. materialov nauch. konferentsii) [Civil war in Russia (1917–1922): a look through the decades (Coll. materials scientific. conference)]. Samara, As Gard Publ., 2009. 549 p.
8. Gutman Zh. Yaroslavskaya organizatsiya VKP (b) za desyat' let [The Yaroslavl organization of the CPSU (b) for ten years]. In: *Vlast' Sovetov za 10 let (1917–1927)* [The power of the Soviets for 10 years (1917–1927)]. Yaroslavl, Krasnaya gazeta Publ., 1927, pp. 3–35.
9. Dmitrienko M.F. Proizvedeniya Lenina v listovkakh: ukaz. listovok, izd. na Ukraine v 1917–1920 gg. [The works of Lenin in the leaflets: the index of leaflets, ed. in Ukraine in 1917–1920]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1980. 70 p.
10. Ippolitov G.M. Letopis' bratoubiistva (ocherki sovetskoi istoriografii Grazhdanskoi voyny na yuge Rossii) [Annals of fratricide (essays on Soviet historiography of the Civil war in the South of Russia)]. Samara, Vysshaya shkola privatizatsii i predprinimatel'stva Publ., 2009. 517 p.
11. Istochnikovedenie. Otv. red. M.F. Rumyantseva [Source Studies. Ed.-in-chief M.F. Rumyantseva]. Moscow, VShE Publ., 2015. 685 p.
12. Danilevskii I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii [Source Studies: Theory. History. Method. The sources of the Russian history]. Moscow, RGGU Publ., 1998. 702 p.
13. Istoricheskii opyt trekh rossiiskikh revolyutsii. Kn. 3 [The historical experience of the three Russian revolutions. Book 3]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 655 p.
14. Kabanov V.V. Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva [Source Studies of the history of the Soviet society]. Moscow, RGGU Publ., 1997. 385 p.
15. Konkin A.A. [Agitation-propaganda activities of the Soviet leadership and the white guard forces in the North-West Russia during the Civil war]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Istoriya*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 101–107.
16. Korotkov L. Na vostochnom fronte [At the Eastern front]. In: *V sabel'nom pokhode: vospominaniya uchastnikov sobytii* [In saber camping: the memories of the participants of the events]. Yaroslavl: Verhne-Volzhscoe knizhnoe publ., 1972. pp. 57–61.
17. [Lenin V.I. Answer to the Reader. In: Lenin V.I. *Full composition of writings*]. Vol. 6. Moscow, Politizdat Publ., 1963, pp. 271–272.
18. Listovki Velikogo Oktyabrya: katalog Tsentral'nogo muzeya revolyutsii SSSR [Leaflets of the Great October revolution: catalogue of the Central Museum of Revolution of the USSR]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1988. 306 p.

19. Listovki moskovskoi organizatsii bol'shevikov. 1914–1925 gg [Leaflets of the Moscow organization of the Bolsheviks. 1914–1925 gg]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 406 p.
20. Listovki pervykh let Sovetskoi vlasti. 25 oktyabrya (7 noyabrya) 1917–1925 gg.: katalog kollektsii Gos. publ. b-ki im. M.E. Saltykova-Shchedrina. T. 1 [Leaflets of the first years of the Soviet power. October 25 (November 7), 1917–1925: catalogue of the collection of the State. publ. b-ing them. M. E. Saltykov-Shchedrin. Vol. 1]. Moscow, Kniga Publ., 1967. 312 p.
21. Listovki petrogradskikh bol'shevikov. T. 3: 1917–1920 gg. [Leaflets of the Petrograd Bolsheviks. Vol. 3: 1917–1920]. L., Lenizdat Publ., 1957. 472 p.
22. [Leaflets of the Yaroslavl uprising of 1918 (new arrivals in the Yaroslavl Museum-reserve from KGB archives)]. In: *Yaroslavskaya starina*, 1994, no. 1, pp. 54–58.
23. Listovki Yaroslavskogo vosstaniya 1918 goda [Leaflets of the Yaroslavl uprising of 1918]. In: *Yaroslavskaya starina: iz arkhiva russkoi provintsii* [Yaroslavl olden times: from the archives of the Russian provinces]. Yaroslavl, State Archive of Yaroslavl region, 1992, pp. 42–50.
24. Litvak B.G. Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii XIX – nachala XX veka [Essays on source studies of mass documentation XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 294 p.
25. Massovyie istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii perioda kapitalizma. Pod red. I.D. Koval'chenko [The mass sources for the socio-economic history of Russia in the period of capitalism. Ed. I.D. Koval'chenko]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 415 p.
26. Petropavlovskii K.S. Listovki kak istochnik pri izuchenii istorii KPSS [Leaflets as a source for studying the history of the Communist party]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1966. 81 p.
27. Russkii iskhod kak rezul'tat natsional'noi katastrofy (K 90-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voiny na evropeiskoi territorii Rossii). Pod red. M.B. Smolina [The Russian Exodus as result of national disaster (the 90th anniversary of the end of the Civil war on the European territory of Russia). Ed. by M.B. Smolin]. Moscow, RISI Publ., 2011. 327 p.
28. Sobraniya knizhnykh pamyatnikov (redkikh i tsennykh izdaniy) v bibliotekakh, muzeyakh i arkhivakh Rossiiskoi Federatsii: ukazatel' katalogov i opisaniy. Izd. 3-e, pererab. i dop. [The collection of book monuments (rare books) in libraries, museums and archives of the Russian Federation: index of catalogues and descriptions. Ed. 3rd, rev.]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2006. 328 p.
29. Chernomorskiy M.P. Istochnikovedenie istorii SSSR: Sovetskii period [A source study of Soviet history: the Soviet period]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 296 p.
30. Shcherbak V.M. Bol'shevistskaya agitatsiya i propaganda (Oktyabr' 1917 – Mart 1919) [Bolshevik agitation and propaganda (October 1917 - March 1919)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1969. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri Yu. Ierusalimskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Domestic Medieval and New History of P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю.Ю. Листовки периода Гражданской войны 1918–1920 гг. как исторический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 33–47.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-33-47

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Leaflets of the Civil War of 1918–1920 as a Historical Source. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 33–47.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-33-47

УДК 94(470+571)“1917/1922”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Орлов И.Б.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и мемуаров периода Гражданской войны реконструируются основные ценностные компоненты политической культуры россиян 1917–1921 гг. В центре внимания исследования – отношение населения к революции и новой власти, проблема легитимности большевистского режима в условиях масштабного вооруженного противостояния. Гетерогенность и мозаичность политической культуры периода Гражданской войны раскрывается на примере поведения различных слоев российского социума – интеллигенции, городских средних слоев, рабочих и крестьян. В итоге делается вывод, что победа большевистского варианта «государства нового типа» объясняется тем, что этот проект предусматривал реализацию традиционных представлений о российской государственности и давал надежду на лучшую жизнь. А противники большевиков не смогли предложить новых общественно-политических идей и смыслов человеческой деятельности.

Ключевые слова: Гражданская война (Россия), политический контроль, политическая культура, бунт, конформизм.

POLITICAL CULTURE OF THE SOVIET RUSSIA IN THE CIVIL WAR YEARS

I. Orlov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

National Research University, Higher School of Economics

20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. In the article on the basis of archival materials and memoirs of the Civil war period the main value components of the political culture of the Russians of 1917-1921 are reconstructed. The research focuses on the attitude of the population to the revolution and the new government, the problem of the legitimacy of the Bolshevik regime in a large-scale armed confrontation. Heterogeneity and mosaic character of the political culture of the Civil war period is revealed by the example of behavior of different strata of the Russian society - intellectuals, urban middle strata, workers and peasants. As a result, it is concluded that the victory of the Bolshevik version of the “state of a new type” is explained by the fact that it provided the imple-

mentation of traditional understanding of the Russian statehood and gave hope for a better life. But the opponents of the Bolsheviks could not offer a new socio-political ideas and meanings of human activity.

Key words: Civil war (Russia), political control, political culture, revolt, conformism.

Сразу обозначим ряд ключевых подходов к освещению данной темы. Во-первых, мы сознательно избегаем употребления термина «советская политическая культура» применительно к начальному периоду советской истории. С одной стороны, трудно говорить о первых годах большевистского режима как о периоде не то чтобы доминирования, но даже сколько-нибудь устойчивого формата политической культуры «нового типа». С другой стороны, в условиях масштабного вооруженного противостояния огромных масс населения, реалии Гражданской войны, военного коммунизма и чрезвычайщины демонстрировали широкий спектр идеалов, ценностей и традиций, составляющих основу политической культуры. Во-вторых, в данной статье рассмотрим только один (но базовый, на наш взгляд) аспект – отношение населения к революции и новой власти. Ведь именно проблема легитимности большевистского режима стала основной причиной раскола российского социума и «топливом», подпитывающим костер Гражданской войны.

В третьих, реконструкция базовых элементов политической культуры россиян периода Гражданской войны предполагает использование, прежде всего, массовых источников. Относительно населения на территориях, контролируемых советской властью, речь прежде всего идет о трех обширных комплексах документов: информационно-политических сводках о настро-

ениях населения, материалах прессы и «письмах во власть». Тогда как воссоздание политических представлений участников белого движения затруднено в силу фрагментарности и опосредованного характера документов антисоветского лагеря.

Материалы политического контроля как регулярной системы «сбора и анализа информации различными ветвями партийно-государственного аппарата о настроениях в обществе, отношения различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях» различных групп [9, с. 5], позволяют лучше уловить реальные настроения различных групп населения. Одной из главных задач образованного в 1919 г. Информационного отдела ЦК РКП (б) стала «постановка дела информации» во всех партийных организациях¹. В марте 1920 г. партийным циркуляром «О широкой партийной помощи ВЧК и особым отделам» все коммунисты, находившиеся в армии, превращались в осведомителей², а 2 сентября 1920 г. эта обязанность была распространена на членов партии, работающих на транспорте³. Более широкие возможности в этом отношении имела ВЧК, использовавшая институт осведомителей для негласного наблюдения за населением. С 1919 г. в практику вошли еженедельные (иногда ежедневные) сводки Секретного и

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Д. 16. Л. 15.

³ Там же. Оп. 112. Д. 66. Л. 52, 87–88.

Особого отделов ВЧК. Больше всего чекистов интересовало отношение разных социальных групп к тем или иным мероприятиям правительства. Ведущим каналом информирования власти о настроениях красноармейцев были сводки политических и военнo-цензурных отделов, включавшие такие разделы об отношении к коммунистам и к советской власти¹. Сводки демонстрируют широкий спектр политических настроений и в армии, и среди гражданского населения.

Печать периода Гражданской войны – это, прежде всего, партийная периодика. По признанию В.И. Ленина, «... все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс» в эти годы, можно было «проследить в зародышевой форме по тогдашней печати» [14, с. 14]. Впрочем, информативность прессы зависела, прежде всего, от характера изданий (официальные или независимые²), принадлежности (партийные, советские, профсоюзные и пр.), уровня (центральные, региональные, местные и т. п.) и их направленности – общественно-политические, художественно-литературные или сатирические. Ориентироваться во всем многообразии периодики рассматриваемого периода помогают обзоры периодики, готовящиеся отделом местного управления и бюро печати Наркомата внутренних дел, концентрировавшие интересующую нас информацию, в том числе из несоветских газет и журналов.

В-четвертых, важную роль в воссоздании политико-культурного пространства играет политический сим-

волизм, который составляет в политической культуре собственно «культуру» [28, р. 570]. В «советской» политической культуре не только шествия, демонстрации и митинги, но и любые «уличные игрища» были противопоставлены «бессодержательным формам, так называемого карнавала» за счет насыщения политическим символизмом [15, с. 158–160, 226, 237].

В-пятых, язык политической культуры революционной эпохи (особенно причудливые сокращения типа «замкомпомордел») непонятен без специального разъяснения. Кроме того, люди революционной эпохи пытались выражаться искусственным языком газетных передовиц. Особенно это проявлялось в письмах населения в различные властные институты и вождям.

Формат данной статьи не предусматривает обзора существующей литературы по проблематике политической культуры Советской России 1917–1921 гг. Так или иначе содержательные работы будут упоминаться при рассмотрении тех или иных сюжетов. Однако стоит упомянуть ряд работ, которые стали знаковыми явлениями в отечественной и зарубежной историографии. Прежде всего, речь идет о монографии В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» [2; 3], раскрывающей разные аспекты политической психологии и культуры масс революционной эпохи. Главным тезисом автора стало утверждение, что стихийное движение низов в революции и Гражданской войне выступает особой формой поиска своего пути и «выкристаллизовывания» из своей среды жизнеспособной власти, которой они

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 8. Л. 12–15.

² Независимая пресса была окончательно разгромлена в 1922–1923 гг.

готовы подчиниться. Важной вехой в изучении массовых политических представлений исследуемого нами периода стала работа О.В. Великановой, презентующая культ вождя в категориях «гражданской религии» и увязывающая культ с проблемами формирования новой общности и легитимации большевистского режима [6]. Развитием этой темы стала монография О.В. Великановой 2001 года [29]. Новая книга О. Великановой посвящена изучению массовых настроений в СССР в первое послереволюционное десятилетие – росту разочарований и кризису легитимности большевистской власти [5].

Исходя из вышесказанного, задачей данной статьи является реконструкция базовых элементов политической культуры россиян периода Гражданской войны. Научная гипотеза сформулирована следующим образом: *политическая культура 1917–1921 гг. имела гетерогенную структуру (наличие просоветских, антисоветских и конформистских элементов) при довольно широком спектре настроений (мозаичности) внутри этих субкультур.*

* * *

Что касается *интеллигенции*, то ее большая часть восприняла большевистский режим негативно, так как ее ценностные установки не совпадали с коммунистической моралью. Впрочем, были представители интеллигенции, поддержавшие новую власть в силу профессиональных или прагматических причин. Хотя были в интеллигентской среде и разделявшие идеи социализма. Несмотря на то, что реа-

лии революции и Гражданской войны развеяли иллюзии и не оправдали надежды, какая-то часть представителей интеллигенции сделала выбор из двух зол в пользу большевиков, так как опасались «термидора» и мщения со стороны привилегированных слоев. Лояльности части интеллигенции по отношению к большевистскому режиму способствовала и избирательность власти в отношении инакомыслящей прессы.

Политическая культура некалфицированного слоя *рабочих* во многом совпала с интересами партийного и советского аппарата. Именно из числа малоквалифицированных рабочих рекрутировались красногвардейцы и члены продотрядов. Тогда как квалифицированные рабочие встретили новую власть без особого энтузиазма. Часть из них испытывала ностальгию по «царистскому прошлому», часть быстро разочаровалась в идее гегемонии рабочего класса. Рабочий из Воронежской губернии в декабре 1918 г. сетовал, что «демократия выродилась в советократию». Еще один рабочий в 1920 г. обращал внимание председателя Совнаркома на то, что между властью и пролетариатом «вырастает стена коммунистов урожая 1919 года» – носителей культуры нетерпимости, убежденных в возможности силового решения любых проблем.

Гражданская война существенно изменила основные смыслы человеческой деятельности в политической сфере. В норму жизни превратились попрание элементарных человеческих прав, отказ от исполнения воинского долга и массовое дезертирство. Идеологически окрашенный «красный» террор, усиленный потоком революционных

инициатив снизу, стал механизмом инфильтрации в повседневную жизнь насилия. Тогда как лишенный идеологических оснований (но нередко выходивший за правовые рамки) «белый» террор порождался, в большей степени, местью и анархией. В целом террор («белый», «красный» или «зеленый») был деструктивной силой и фактором деморализации всех его участников.

Городские средние слои в большей мере (около половины политических требований) склонялись к «спасению» демократии и установлению конституционных порядков. Но не следует преувеличивать степень осознания ими политических идеалов: требование передачи власти Учредительному собранию присутствовало не более чем в 10% выступлений. Тем не менее идея «Учредилочки» преобладала над лозунгом «Вся власть Советам!». В свою очередь, крестьяне и значительная часть рабочих не поддерживали лозунг возвращения власти Учредительному собранию: легитимации нового режима способствовали обещания мира, земли и хлеба. В итоге «Учредилочка» превратилась в политический лозунг только противников большевиков.

При этом значительная часть населения связывала с революцией позитивные изменения в своей жизни. Новая власть на практике сумела эффективно использовать миф «революционного обновления мира» [13, с. 138]. Вера в то, что советская власть превратится в истинную власть трудящегося народа, явно присутствует во всех письмах на имя В.И. Ленина и других вождей. Хотя были и письма-предупреждения, информирующие председателя Совнаркома о властных злоупотреблениях. Сохранялась тра-

диционная для россиян иллюзия, что от высшей власти скрывают правду.

Помимо насыщенной событиями Гражданской войны, весомым фактором формирования политической культуры населения стала политика, проводимая советскими и антисоветскими правительствами. В первую очередь, таким фактором стала политика военного коммунизма, отношение к которой различных слоев российского социума имело свою специфику.

Среди горожан в этом плане наиболее политизированными оказались «новые» средние слои (служащие, члены старой милиции и офицеры военного времени, поступившие на службу после развала старой армии), опасавшиеся тем не менее использования радикальных средств. Они, прежде всего, боялись конкуренции со стороны «низов» общества. Малоаметным было и участие в протестах против большевистского режима «старых» средних слоев города – торговцев, ремесленников и пр. Активно против экономической политики большевистского правительства выступали лишь торговцы, существенно «прижатые» новой властью летом 1918 г.

Исследование поведения средних городских слоев 200 провинциальных городов 14-ти губерний Центральной России опровергло вывод советской историографии о мирном «триумфальном шествии Советской власти». Большевики смогли установить контроль над горожанами и добиться их лояльности лишь к осени 1918 г. Отмечается высокий удельный вес (более трети от общего числа) умеренных антисоветских выступлений¹ в конце октября

¹ Стихийных (намного реже – подготовленных) мирных выступлений, численность участ-

1917 – августе 1918 гг., что подтверждает вывод о сдержанном политическом поведении городского обывателя. Тогда как под определение радикально-контрреволюционных¹ попадала лишь пятая часть всех выступлений.

При этом протестная активность городских средних слоев напоминала маятник. Для первой волны (конец октября – ноябрь 1917 г.) была характерна широта и умеренность требований: в основном словесные и письменные осуждения вооруженного восстания в Петрограде и вооруженного противостояния на местах. Вторая волна выступлений весной 1918 г., вызванная вторжением большевиков в сферу экономических интересов городского населения, была не столь широкой, но отличалась радикализацией выступлений. 58 восстаний (не считая других протестных выступлений) против большевистского режима свидетельствовали о возникновении не свойственных «мирным обывателям» радикальных форм поведения. Необычное для городских обывателей преобладание политических требований над экономическими можно объяснить тем, что почти две трети выступлений пришлось на период «триумфального шествия Советской власти», когда горожане подверглись преимущественно политического прессингу со стороны коммунистической власти. Однако среди политических требований можно заметить полное отсутствие монархических заявлений и небольшую долю прямых антисоветских и анти-
ников которых не превышала сотен и сводилась к частным обвинениям власти.

¹ В своем большинстве организованных (главным образом насильственных), с тысячами участников и с прямыми призывами к свержению коммунистической власти.

большевистских заявлений и, особенно, призывов к сопротивлению власти.

Призывы к перевыборам местных советов для удаления из них большевиков также звучали крайне редко. Это не подтверждает мнение о разделении горожанами лозунга «Власть Советам, но без коммунистов». Это относится и к популярности у городских обывателей идеи «однородного социалистического правительства». Не нашли подтверждения и утверждения о ключевой роли белогвардейцев в антисоветских восстаниях в Центральной России. Восстания в Муроме и Ярославле в июле 1918 г. являются скорее исключениями. Несмотря на влияние на средние слои города профессиональных союзов, 2/3 выступлений были стихийными или самоорганизованными. Редкость экономических требований в протестных выступлениях средних городских слоев объясняется недоверием их к Советской власти и ожиданием ее скорого падения.

Чаще всего городские средние слои были неспособны на самостоятельные протесты и поддерживали другие группы населения, и прежде всего, рабочих. Впрочем, большинство среднего городского слоя скептически относилось к совместным выступлениям как с рабочими, так и с представителями буржуазии. В ряде случаев «средние» горожане примыкали к крестьянским волнениям, но возможности такого союза ограничивались противоречиями между городом и деревней. В силу того, что только 10% выступлений были массовыми (несколько тысяч участников) и менее 5% длились более недели [11], можно говорить об отсутствии широкого антисоветского фронта в городских поселениях Центра России. Стоило большевикам раз-

вернуть “красный террор” (включая применение войск, аресты и расстрелы), как мещанство затихло, стараясь приспособиться к новому строю.

Настроения *рабочего класса* колебались еще в большей степени. Формированию антибольшевистских центров способствовал целый ряд факторов и, прежде всего, промышленный и продовольственный кризисы. С одной стороны, рабочие сыграли существенную роль в формировании советских властных институтов, а с другой стороны, в становлении «демократической контрреволюции» на Урале и в Поволжье и в колчаковском перевороте [17, с. 30–31].

Впрочем, зачастую любые выступления рабочих новой властью расценивались как контрреволюционные и антисоветские. Например, контрреволюционным было заклеено движение петроградских и московских рабочих весной 1918 г. за созыв Всероссийской конференции уполномоченных фабрик и заводов. Митинг рабочих астраханских металлических заводов в марте 1919 г. был расстрелян из пулеметов, а бежавших в степи преследовала красная конница. Н.И. Бухарин в 1921 г. констатировал, что «диктатура пролетариата» не пользуется большой поддержкой самого пролетариата [4, с. 26; 8, с. 224–225].

Революционные процессы в российской деревне протекали преимущественно стихийно: *крестьянство* на местах делало революцию “в одном отдельно взятом уезде”, преследуя, прежде всего, цели расширения земельных наделов. При этом крестьянские представления о власти в целом оставались неизменными – «мужицкое государство с добрым царем». Хотя отмеча-

лись и довольно странные заявления, типа “республики с хорошим царем”. Но одновременно проявилась и тенденция к самоорганизации в масштабе не только уезда и губернии, но и всей страны. Об этом свидетельствовали решения многочисленных уездных и губернских крестьянских съездов осени 1917 – первой половины 1918 г.

Если сначала крестьянство в лице солдатской массы позволило большевикам прийти к власти, то в середине 1918 г., оно же стало массовой социальной базой обширного контрреволюционного фронта. Годом позже крестьяне (прежде всего середняки) способствовали победе большевиков в Гражданской войне, то еще через год заставили власть отказаться от радикальных планов переустройства крестьянского мира. Если в первой половине 1920 г. селяне предпочитали легальные способы борьбы за свои интересы (прежде всего крестьянские союзы), то уже с осени начались массовые крестьянские волнения и вооруженные восстания, сопровождавшиеся повсеместным оживлением «политического бандитизма» [17, с. 28–29].

Документов *крестьянского антибольшевистского лагеря* сохранилось крайне мало [20], да и то преимущественно в материалах чекистов. Судя по информационным сводкам ВЧК, основной формой крестьянского повстанческого движения на излете военного коммунизма стал бандитизм¹. Крестьянская война, охватившая весной 1921 г. Украину, Поволжье, Черноземье и Сибирь, в ряде регионов не затухала до осени 1923 г.: крестьянство явно отдавало предпочтение коллективным формам бунтарства.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Д. 2618.

Появление крестьянских вождей, ожесточенность противостояния, настойчивость требований и перерастание протестного движения границ отдельных регионов, – все это свидетельствует о коренном отличии крестьянского протеста периода Гражданской войны от аналогичных явлений начала XX века [7, с. 23; 24, с. 7, 12–13]. Тогда как поворот крестьянства к Советской власти, как это не поразительно, осуществлялся под лозунгом: «Мы против всех». Крестьянство хотело сначала выгнать «белых», а потом не пустить к себе коммунистов [23, с. 150–151]. Крестьянство боролось и с помещичьей реставрацией, и с военно-коммунистическими порядками [22, с. 15–16]. В общем: «Бей белых, пока не покраснеют. Бей красных, пока не побелеют».

В рассматриваемый период традиционные отношения власти и крестьянства постепенно сменялись революционными представлениями об устройстве мира. Но лозунг «Советы без коммунистов» сохранял свою популярность в крестьянской среде¹. Например, из 13 лозунгов, распространенных среди участников западносибирского восстания, чисто монархическим («С нами Бог и царь Михаил II») был лишь один, два лозунга призывали поддержать Учредительное собрание, а остальные 11 лозунгов можно свести к формуле – «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть» [23, с. 156].

* * *

На полях сражений Гражданской войны сошлись не особо отличавшиеся

по социальному составу армии: удельный вес рабочих, крестьян и казаков в белой и красной армиях составлял 73% и 77% соответственно [26, с. 45; 18, с. 25]. Примерно равной была и численность офицеров старой армии, воевавших на стороне белых и красных: 100 тыс. и 75 тыс. [10]. Правда, в Красной Армии была довольно высока доля интернационалистов: 50 тыс. осенью 1918 г. и 250 тыс. летом 1920 г. Кроме того, оккупация части России и сотрудничество большевиков с немцами представляли для белых противника как «двуликого немецко-большевистского Януса» [12, с. 181–182].

Слабость антибольшевистского лагеря во многом обуславливалась неоднородностью представлений Белого лагеря о будущем России [16, с. 47, 171, 198]. Если среди бывших царских кадровых офицеров доминировали сторонники монархии (или, скорее, имперского строя), то свежее испеченные офицеры военного времени склонялись к позициям эсеров, а солдаты в своей массе были аполитичными [19, с. 17–18]. Потенциал борьбы с большевистским режимом ослабляло и разделение Белого движения на сторонников Германии и Антанты. Так, в октябре 1919 г. Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича разгромила Западную армию, придерживавшуюся прогерманской ориентации [1, с. 123–125].

Базовой характеристикой политической культуры участников «белого» лагеря была жертвенность. Сложилось устойчивое мнение о национализме как основной идеологии «белого дела» (лозунг «Спасения Великой России» и отказ от партийных позиций), и государственничестве, патриотизме, пра-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4 об.

вославии и приоритете законности как основных нравственных установках движения [21, с. 16, 24, 76; 28, с. 166, 172, 195]. Но надо признать, что у “белых” в годы Гражданской войны произошла существенная девальвация традиционных государственных и религиозных ценностей. Возможно, именно это стало причиной того, что “белые” в глазах значительной части россиян выглядели мятежниками.

Большинство населения (как в городе, так и в деревне) старалось уклониться от участия в Гражданской войне. От сменяющих друг друга правительств требовалось лишь одно – будут ли они фактором стабильности и гарантом интересов разных групп населения? Опыт «национальной диктатуры» генерала А.И. Деникина, «средней линии» адмирала А.В. Колчака, «левой политики правыми руками» генерала П.Н. Врангеля и «демократической контрреволюции» эсеровско-меньшевистских правительств продемонстрировал их неспособность решить насущные жизненные проблемы [19, с. 20, 22].

Тогда военно-коммунистическая политика большевиков сумела приспособиться к интересам основной массы крестьянства и приобрести терпимые формы. Из-за попыток “белых” реставрировать старые земельные порядки, бесконтрольной реквизиционной и карательной политики крестьянство в 1919 г. из двух зол выбрало меньшее. Кроме того, у части селян и горожан сработала надежда на лучшую жизнь. А противники большевистского режима не смогли сформулировать новых смыслов и перспектив человеческой жизнедеятельности.

Не нашел поддержки у подавляющей части россиян и «третий путь» в

Гражданской войне с его лозунгами всеобщего избирательного права и политического плюрализма. С одной стороны, эсеровско-меньшевистские правительства не смогли осуществить свои программы. С другой стороны, их идеология не работала на консолидацию разнородных социальных и политических группировок. О том, что антибуржуазные лозунги Комуча не способствовали единству “мелкобуржуазной демократии”, позднее писал бывший начальник штаба войск Поволжского фронта генерал С.А. Щепихин [27, с. 77]. Так, созданные на востоке страны временные правительства не поддерживали ни население, ни Народная и Сибирские армии. Крестьянство не поддерживало Комуч и не выступало против него: «Мы люди темные, повиноваться должны власти, уж какая она ни есть» [12, с. 184–185]. Крестьяне, не видевшие связи между Мировой и Гражданской войнами, вину за разжигание братоубийственной бойни возлагали на враждующие между собой партии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что гипотеза о гетерогенности и мозаичности структуры политической культуры россиян периода Гражданской войны подтвердилась. Победа большевиков и их варианта государственного строительства объясняется наличием в большевистских планах общественного переустройства новых социальных, экономических и политических механизмов реализации традиционных образов российской государственности, которая презентовалась как основа нового миропорядка. Адекватными российской политической культуре оказались и идеи мессианского и все-

мирного предназначения советского государства, а также исключительной роли советского (читай: русского) на-

рода в создании новых форм общественного устройства.

Статья поступила в редакцию 01.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый архив. Сб. материалов по истории и лит. войны, революции, большевизма, Белого движения и т.п.: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. Я.М. Лисового. Париж: Музей современ. событий в России, 1926. 223 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
4. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 499 с.
5. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
6. Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 162–173.
7. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М.: Тульский полиграфист, 2000. 417 с.
8. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 937 с.
9. Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). СПб.: Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов, 1995. 164 с.
10. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 367 с.
11. Канищев В.В. «Мелкобуржуазная контрреволюция»: сопротивление городских средних слоев становлению «диктатуры пролетариата» (октябрь 1917 – август 1918 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 174–182.
12. Константинов С.И. Влияние взаимосвязи мировой и гражданской войн на психологический раскол российского общества // Человек и война (Война как явление культуры): сборник статей. М.: АИРО-XX, 2001. С. 181–189.
13. Левандовский А. Миф как средство легитимации власти в России (XIX–XX вв.) // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 129–167.
14. Ленин В.И. Тезисы о продовольственной пропаганде // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 14–16.
15. Массовое действо. Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников / Под ред. Н.И. Подвойского и А.Р. Орлинского. М.;Л.: Гос. изд-во, 1927. 288 с.
16. Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск: СВНЦ, 1998. 220 с.
17. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Социально-экономические противоречия и государственная политика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 39 с.
18. Родина: Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал. 1990. № 10. 96 с.
19. Романишина В.Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 23 с.
20. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбург. губерния, 1999. 314 с.

21. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М.: МЮИ МВД России, 1996. 80 с.
22. Старостин Е.Н. Агитационно-пропагандистская работа организаций РКП(б) Центрального Черноземья в деревне в годы гражданской войны (1918–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1994. 18 с.
23. Телицын В.Л. Октябрь 1917 г. Крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 143–158.
24. Телицын В.Л. Феномен крестьянского бунтарства (конец 1917 – начало 1921 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002. 32 с.
25. Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 1995. 404 с.
26. Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело: Ист. науч.-попул. альманах. 1996. № 1. С. 31–48.
27. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага: Издание Общества Участников Волжского Движения, 1930. С. 165–213.
28. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. 1977. Vol. 29. № 4. P. 552–583.
29. Velikanova O. The Publik Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston; N.Y.: Edwin Mellen Press, 2001. 284 p.

REFERENCES

1. Belyi arkhiv. Sb. materialov po istorii i lit. voiny, revolyutsii, bol'shevizmu, Belogo dvizheniya i t. p.: V 3 t. T. 1 [The archive of the Whites. Coll. materials on history and lit. of wars revolution, Bolshevism, White movement, etc.: in 3 v. Vol. 1, ed. by Ya.M. Lisovoy]. Paris, Muzei sovrem. sobytii v Rossii Publ., 1926. 223 p.
2. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 376 p.
3. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 969 p.
4. Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 499 p.
5. Velikanova O.V. Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg. [Frustrated dreamers: Soviet society in the 1920s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 295 p.
6. Velikanova O.V. [Functions of the image of the leader in the mass consciousness. Nazi Germany and Soviet Russia]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1997, no. 6, pp. 162–173.
7. Vronskii O.G. Gosudarstvennaya vlast' Rossii i krest'yanskaya obshchina v gody «velikikh potryaseni» (1905–1917) [State power in Russia and in the peasant community during the "great upheaval" (1905–1917)]. Moscow, Tul'skii poligrafist Publ., 2000. 417 p.
8. Desyatyi s"ezd RKP(b). Stenograficheskii otchet [The Tenth Congress of the RCP(b). Transcript]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 937 p.
9. Izmozik V.S. Glaza i ushi rezhima (Gosudarstvennyi politicheskii kontrol' za naseleniem Sovetskoi Rossii v 1918–1928 godakh) [The eyes and ears of the regime (State political control over the population of the Soviet Russia in the years of 1918–1928)]. SPb.: Publishing house of Saint Petersburg University of Economics and Finance, 1995. 164 p.
10. Kavtaradze A.G. Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov. 1917–1920 gg. [Military experts in the service of the Soviet Republic. 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 367 p.

11. Kanishchev V.V. «Melkoburzhnaznaya kontrrevolyutsiya»: soprotivlenie gorodskikh sred-nikh sloev stanovleniyu «diktatury proletariata» (Oktyabr' 1917 – Avgust 1918) ["Petty-bourgeois counter-revolution": the opposition of urban middle class to the establishment of the "dictatorship of the proletariat" (Oct. 1917 – Aug. 1918)]. In: [The year 1917 in the destiny of Russia and the world. The October revolution: from new sources to new understanding] ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. Moscow, IRI RAN Publ., 1998, pp. 174–182.
12. Konstantinov S.I. Vliyaniye vzaimosvyazi mirovoi i grazhdanskoi voyn na psikhologicheskii raskol rossiiskogo obshchestva [The influence of the world and civil wars relationship on the psychological split in the Russian society]. In: *Chelovek i voina (Voina kak yavlenie kul'tury). Sbornik statei* [Man and war (War as a cultural phenomenon). A collection of articles]. Moscow, AIRO-XX, 2001, pp. 181–189.
13. Levandovskii A. Mif kak sredstvo legitimatsiya vlasti v Rossii (XIX–XX vv.) [Myth as a means of legitimization of power in Russia (XIX–XX centuries)]. In: *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* [The myths and mythology of modern Russia]. Moscow, AIRO-XX, 2000, pp. 129–167.
14. Lenin V.I. Tezisy o prodovol'stvennoi propagande [Thesis about food propaganda]. In: *Poln. sobr. soch.* T. 42 [Full. Coll. Op. Vol. 42], pp. 14–16.
15. Massovoe deistvo. Rukovodstvo k organizatsii i provedeniyu prazdnovaniya desyatiletiya Oktyabrya i drugikh revolyutsionnykh prazdnikov (Pod red. N.I. Podvoiskogo i A.R. Or-linskogo) [The mass action. A guide to the organization and carrying out the celebrating of the tenth anniversary of the October and other revolutionary festivals. Ed. by N.I. Podvoisky and A.R. Orlinski]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ, 1927. 288 p.
16. Medvedev V.G. Belyi rezhim pod krasnym flagom (Povolzh'e, 1918) [The White regime under the red flag (the Volga region, 1918)]. Ulyanovsk, SVNTS Publ., 1998. 220 p.
17. Pavlyuchenkov S.A. Voennyi kommunizm v Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie protivorechiya i gosudarstvennaya politika: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [War communism in Russia. Socio-economic contradictions and public policy: author. thesis. Doct. Hist. Sciences]. Moscow, 1998. 39 p.
18. [Rodina: Monthly socio-political scientific and popular illustrated magazine], 1990, no. 10. 96 c.
19. Romanishina V.N. Sotsial'nyi sostav i ideologiya Belogo dvizheniya v gody grazhdanskoi voyny v Rossii (1917–1920 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The social composition and ideology of the White movement during the civil war in Russia (1917–1920): abstract. thesis. cand. Hist. Sciences]. Moscow, 2001. 23 p.
20. Safonov D.A. Velikaya krest'yanskaya voyna 1920–1921 gg. i Yuzhnyi Ural [The great peasant war of 1920–1921 and the southern Urals]. Orenburg: Orenburgskaya provincia, 1999. 314 p.
21. Slobodin V.P. Beloe dvizhenie v gody grazhdanskoi voyny v Rossii (1917–1922 gg.) [The white movement during the Civil war in Russia (1917–1922)]. Moscow, MYUI MVD Rossii Publ., 1996. 80 p.
22. Starostin E.N. Agitatsionno-propagandistskaya rabota organizatsii RKP(b) Tsentral'nogo Chernozem'ya v derevne v gody grazhdanskoi voyny (1918–1921 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Advocacy-propaganda organizations of the RCP(b) Central Chernozem region in the village during the Civil war (1918–1921): Abstract. thesis cand. Hist. Sciences]. Bryansk, 1994. 18 p.
23. Telitsyn V.L. Oktyabr' 1917 g. Krest'yanstvo: povedencheskii imperativ i khozyaistvennaya obuslovlennost' [October 1917. The Peasantry: behavioral imperative and economic conditionality]. In: *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh is-*

- tochnikov k novomu osmysleniyu* [The year 1917 in the destiny of Russia and the world. The October revolution: from new sources to new understanding]. Moscow, IRI RAN, 1998, pp. 143–158.
24. Telitsyn V.L. Fenomen krest'yanskogo buntarstva (konets 1917 – nachalo 1921) [The phenomenon of peasant rebellion (late 1917 – early 1921)]: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2002. 32 p.
25. Ustinkin S.V. Tragediya beloi gvardii [The tragedy of the white guard]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. University, 1995. 404 p.
26. Tsipkin Yu.N. [The white movement in Siberia: people, ideas, reality]. In: *Belaya armiya. Beloe delo: Ist. nauch.-popul. al'manakh*, 1996, no. 1, pp. 31–48.
27. Shchepikhin S.A. Pod styagom Uchreditel'nogo Sobraniya [Under the banner of the Constituent Assembly]. In: *Grazhdanskaya voyna na Volge v 1918 g.* [Civil war in the Volga region in 1918]. Prague, 1930, pp. 165–213.
28. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. In: *World Politics*, 1977, vol. 29, no. 4, pp. 552–583.
29. Velikanova O. The Publik Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials. Lewiston; New York, Edwin Mellen Press, 2001. 284 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного областного университета и Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики;
e-mail: iborlov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor B. Orlov – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of Moscow Region State University and of National Research University, Higher School of Economics;
e-mail: iborlov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орлов И.Б. Политическая культура Советской России в годы Гражданской войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 48–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60

FOR CITATION

Orlov I. Political Culture of the Soviet Russia in the Civil War Years. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 48–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-48-60

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 929 Рожков Н.А.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-61-77

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОЖКОВ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Волобуев О.В.¹, Гонзалез Д.А.²

¹ Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

² Исторический научный центр Рожкова
А/Я 240, Оак Флатс, Новый Южный Уэльс, 2529, Австралия

Аннотация. Статья посвящена видному российскому историку Н.А. Рожкову, 150-летие которого отмечается в 2018 г. В статье отражены основные события научной и общественно-политической биографии Рожкова и кратко охарактеризована его историко-социологическая концепция, легшая в основу 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Уделено также внимание его типовой историко-социологической модели буржуазной революции. Статья написана на основе длительного изучения жизни и творчества Рожкова, проделанного авторами этой статьи и отраженного в их монографиях и публикациях в журналах и сборниках научных статей. В статье использованы основные источники и архивные фонды Российской государственной библиотеки и Архива РАН. Приводятся библиографические издания. Статья предназначена для ознакомления широкого круга читателей с основными вехами биографии и вкладом Н.А. Рожкова в историческую науку.

Ключевые слова: Н.А. Рожков, краткая биография, фундаментальные труды, историко-социологическая концепция, место и значение в русской историографии.

NIKOLAY ALEXANDROVICH ROZHKOVA. ON THE 150TH ANNIVERSARY OF BIRTH

O. Volobuev¹, J. Gonzalez²

¹ *Moscow Region State University*

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *The Rozhkov Historical Research Centre*

PO Box 240, Oak Flats, New South Wales 2529, Australia

Abstract. This article is devoted to the prominent Russian historian N.A. Rozhkov on the occasion of the 150th anniversary of his birth. The article reflects upon the main scientific and socio-political events of Rozhkov's biography and briefly characterizes the historical-sociological concept which formed the basis of his twelve-volume "Russian History in a Comparative Historical Interpretation". Attention is also given to his standard historical-sociological model of a bourgeois revolution. The article is written on the basis of a long study of Rozhkov's life and work undertaken by the authors as reflected in their books and publications in journals and collections of scholarly articles. The article uses the main sources and archival funds of the Russian state library and archive of the Russian Academy of Sciences. Bibliographic publications are given. The article aims to familiarize the general public with N.A. Rozhkov's key biographical milestones and contributions in historical science.

Key words: N.A. Rozhkov, biographic milestones, fundamental works, historical-sociological concepts, place and importance in Russian historiography.

Основные вехи биографии

Николай Александрович Рожков (лит. псевд.: Н.Р., Н. Р-ков; и др., парт. – Вячеслав) (1868–1927) – видный российский историк, педагог, общественный и политический деятель, публицист. Как историк известен исследованиями по экономической истории и оригинальной историко-социологической концепцией, наиболее полно воплощенной в 12-томном труде «Россия в сравнительно-историческом освещении» [30; 31]. Как педагог преподавал в высших учебных заведениях Москвы и Петрограда-Ленинграда и приобрел известность популяризацией лабораторного метода изучения истории и серией школьных учебников [8]. Как политический деятель был участником Первой российской революции (член ЦК РСДРП, большевик) и

Великой российской революции 1917–1922 гг. (член ЦК РСДРП, меньшевик). Как публицист являлся автором ряда брошюр и статей по общественно-политической тематике. Заметим, что как автор политической публицистики Рожков вполне может быть охарактеризован в современной терминологии как политолог.

Николай Александрович родился 24 октября 1868 г. в семье уездного учителя Александра Николаевича Рожкова (Верхотурье, Пермской губ.), ставшего затем инспектором народных училищ в Екатеринбургской губ. Подобно некоторым своим сверстникам (В.И. Ленин был на полтора года моложе Рожкова), рано проявил интерес к общественным наукам и политической деятельности. Закончив учебу в гимназии, поступил в Московский университет.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1890 г., был одним из учеников В.О. Ключевского. После окончания университета преподает в Пермской гимназии, готовится к сдаче магистерских экзаменов. В 1898–1906 гг. приват-доцент Московского университета. Магистерскую диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» защитил в 1900 г. [32]. Уже в начале XX в. Рожков стал популярен в кругах научной, студенческой и учительской общественности как лектор и автор ряда статей и книг («Город и деревня в русской истории» [23], «Обзор русской истории с социологической точки зрения» [26], «Исторические и социологические очерки» [25], «Происхождение самодержавия» [29]). В них был изложен первый вариант его концепции истории России, созданной на основе экономического монизма. К этому времени сформировалось и его признание как историка-экономиста [17; 18].

На рубеже двадцатого века Рожков провел много публичных лекций и семинаров. Они были организованы земством в крупных городах и направлены в первую очередь на повышение квалификации учителей в свете новых научных веяний. «Город и деревня в русской истории» выросла из тех публичных лекций, которые читал Рожков. Эта книга стала настолько популярной, что в течение его жизни семь раз переиздавалась. В указанной выше серии книг нового историографического направления первым обзором истории России с марксистской точки зрения, как ее понимал автор, была написанная профессиональным историком работа «Город и деревня в русской истории».

«Город и деревня...» Рожкова показывает не только то, как в самом кратком очерке можно дать достаточно детализированное изложение российской истории, но и то, насколько мастерски Рожков смог применить свою методологию к изучению исторического процесса. Уже в ранних обобщающих работах в трактовке смены натурального хозяйства денежным историк полагается на письменные источники, но он не скован ими. Логика его исторических построений сочетается с системой эмпирических доказательств.

Считавший себя марксистом в теоретическом отношении и радикально настроенный историк вступил в РСДРП в 1905 г., примкнул к большевикам, был избран членом ЦК на V съезде РСДРП, являлся членом Русского бюро ЦК, представителем ЦК по делам социал-демократической фракции III Думы. Вынужденный перейти на нелегальное положение, в 1908 г. был арестован, отбывал годичное заключение в тюрьме по приговору суда, вынесенному ему заочно еще в августе 1906 г. как редактору легальной большевистской газеты «Светоч» (май–июнь 1906) [см.: 9]. В 1909 г. Рожков по делу о московской организации РСДРП был уже вторично приговорен к заключению с последующей пожизненной ссылкой на поселение с лишением гражданских прав.

После 25-месячного пребывания в тюрьме с лета 1910 г. отбывал ссылку в Сибири (Иркутск, Чита, Томск, Ново-Николаевск), где принимал участие (неформальный редактор) в издании газет и журналов: «Иркутское слово» [см.: 3; 12], «Новая Сибирь», «Сибирское слово», «Забайкальское обозре-

ние», «Восточная Сибирь», «Голос Сибири» и др. Находясь в ссылке, Рожков отходит от большевиков. В 1911 г. в журнале «Наша Заря» (№ 9–10) была опубликована его статья «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» [33]. В ней оспаривались основные в то время ленинские постулаты о необходимости сохранения и укрепления нелегальной партии и нацеливания ее на новый революционный подъем. Рожков занимал другую позицию: по его мнению, в России происходит процесс утверждения «весьма умеренного буржуазного «прогрессизма»» и при этом имеются предпосылки медленной эволюции буржуазного общественного и государственного строя. А в силу движения в сторону «культурного капитализма» и «буржуазного прогрессизма» уменьшаются шансы нового революционного подъема и насильственного переворота [7; 12; 40]. Не разделял Рожков, будучи противником национализации земли, и ленинских взглядов по аграрному вопросу. В письме июля 1913 г. к главному редактору газеты «Русское слово» Рожков подчеркивает, что «по убеждениям своим является социал-демократом. В то же время он, как и многие другие его единомышленники, не сходит в своих убеждениях ни с одной из фракций, имеющих свои печатные органы в Петербурге»¹. Таким образом, разрыв с большевиками превращает Рожкова во внефракционного социал-демократа.

В годы Первой мировой войны Рожков печатает статьи антивоенно-

го содержания, что в Чите привело в апреле 1915 г. к возбуждению против него следствия. Рожков был далек и от «оборончества» (критиковал в ст. «Воззвание оборонцев» [22]), и от ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он в то время принадлежал, наряду с И. Церетели, к так называемым «сибирским циммервальдистам» и характеризовал себя как представителя умеренного общественного течения, который стремится придать рабочему движению европейские культурные и мирные формы. За 6 лет ссылки Николай Александрович опубликовал ряд научных и политических статей и порядка 120 рецензий, проделал значительную работу по подготовке многотомной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении».

Февральскую политическую революцию Рожков встретил в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск), где сразу же становится тов. председателя городского революционного комитета, выступает на митингах, редактирует очередную газету. В марте 1917 г. он возвращается в Москву, где становится одним из лидеров Московской объединенной организации РСДРП (МООРСДРП), ключевой фигурой в редакции газеты «Пролетарий» – ее печатном органе. В вопросе о войне московские объединенцы причисляли себя к интернационалистам. В серии брошюр Рожков формулирует взгляды на революцию, в ходе которой Временное правительство, несмотря на свой буржуазный состав, осуществляет демократизацию общества [24 и др.]. Рожков отрицает наличие двоевластия, поскольку Советы высказались в поддержку Временного

¹ Государственная публичная библиотека, научно-исследовательский отдел рукописей (далее РГБ НИОР). Ф. 259. Карт. 20. Д. 57. Л. 1.

правительства. Задачу Советов видит не в том, чтобы стать властью, а в давлении пролетариата на полновластное правительство. Он выступает за соглашение различных классов общества, в той или иной мере двигавших революцию вперед, но не приемлет курса на ее перерастание в социалистическую. Для осуществления последней в России нет объективных условий. Против немедленного перехода к социализму в России у Рожкова три основных аргумента: отсталость и бедность в сочетании с низким уровнем сознательности основной части общества.

Рожков – твердый сторонник унитаризма. Попытки федерализации рассматривались им как стремление к расчленению России, а сепаратизм – как проявление интересов местной буржуазии. Автономия и федерация не могут быть обоснованы ни интересами отдельных народов, ни региональными особенностями. Предпочтение отдается унитарной демократической республике, так как она предполагает наличие культурно-национальной автономии и широкого местного самоуправления. Рожков выступал против института президентства, заявляя, что там, где президент получает большую власть и где недавно было самодержавие, он может «отнять власть у народа».

В мае-июне 1917 г. Рожков с согласия МООРСДРП занимал пост тов. министра почт и телеграфа. Полностью «своим» во Временном правительстве не был и нередко критиковал его политику в издаваемой М. Горьким газете «Новая жизнь». Рожков отстаивал так называемую «платформу 8 июня» – положения резолюции об отношении к Временному правительству, приня-

той 1 Всероссийским съездом Советов: мир без аннексий и контрибуций, борьба с финансово-экономической и продовольственной разрухой, меры в интересах решения аграрного и рабочего вопросов, преобразование системы местного самоуправления. Взгляды Рожкова на выход из экономического кризиса были изложены в статье «Хозяйственный развал» («Пролетарий», 13 июня). Он был против хлебной монополии и твердых цен на основные продукты питания, т. к. эти меры могут дать эффект только при ликвидации рынка, но за введение минимума зарплаты и государственного регулирования.

После июльских событий 1917 г. Рожков настаивал на создании правительства «революционной демократии» без представителей крупной буржуазии, ответственного до созыва Учредительного собрания перед Советами. Разочаровавшийся в коалиции, он подал в отставку с поста тов. министра, которая была принята 4 августа. В тактике он призывал отказаться от крайностей и выработать «среднюю линию». Эту позицию отстаивал и как делегат Объединительного Съезда РСДРП. Выступая в прениях, заявлял, что буржуазия не способна в сложившейся ситуации проводить демократическую политику и после 3–5 июля сопротивляется революционным завоеваниям народа, что коалиция изжила себя, и съезд должен принять решение об отзыве социал-демократов из правительства. Был избран в ЦК РСДРП (о), и не поддержанный в этом шаге московскими объединенцами, предпочел членство в ЦК как дающее большую возможность для влияния на ход событий. Был выдвинут кандидатом

на выборах в Учредительное собрание по меньшевистскому списку в Тамбовской губ., где и встретил Октябрьскую революцию. В силу своих убеждений отрицательно относится к Октябрьскому перевороту и к большевистской власти как власти недемократической, установившейся в результате использования большевиками радикально настроенной солдатской массы, что он четко выразил в предисловии к документальному сборнику «Октябрьский переворот» [21].

Рожков считает, что «нормальный» ход революции может обеспечить только однородное социалистическое правительство «революционной демократии», ответственное перед Советами. Будучи делегатом чрезвычайного съезда РСДРП (о), он так сформулировал свою позицию: «Могут быть только две ориентации: против масс и в направлении соглашения с массами. Мы должны высказаться за последнюю ориентацию» [20, с. 397]. Выступая на чрезвычайном съезде РСДРП (о), объявлял победу Октябрьской революции следствием не только экстремизма большевиков, но и результатом краха коалиции социалистических партий и буржуазных элементов. Рассматривая Советы как органы, призванные защищать и отстаивать интересы пролетариата, он полагал, что они не могут быть властью, ибо при этом нарушается главный принцип демократии – всеобщий характер выборов любых властных институтов. Рожков был твердым сторонником демократической парламентской республики и полномочного местного самоуправления – городского и земского.

В первой половине 1918 г. публицистическим центром левых, револю-

ционно-демократических критиков политики большевиков стала газета «Новая жизнь». Полемику остро и талантливо вели Н. Суханов, В. Базаров, Н. Рожков. Рожков ратовал за установление не на словах, а на деле демократического строя, восстановление всеобщего избирательного права и свободной деятельности демократической оппозиции. «В политике Ленина-Троцкого» он видел «победу мелкобуржуазного космополитизма» и противопоставлял ей линию так называемой «революционной демократии». Вместо диктатуры пролетариата должна быть диктатура революционной демократии, вместо партократии – демократия, вместо Советов – парламентаризм как всенародное представительство, вместо всеобщей национализации – товарное хозяйство.

Резкая критика большевистской власти в газете «Новая жизнь» сочеталась у Рожкова с призывами к творческой революционной работе по строительству новой России. К концу 1918 г, вернувшись к полномасштабной научной и педагогической работе, отошел от практической политической деятельности. Активно сотрудничал с Комиссариатом просвещения Союза Коммун Северной области по подготовке учителей, составлению школьных программ и учебников по истории [8; 10]. Тогда же под его руководством учительский институт был преобразован во Второй Петроградский педагогический институт, а Рожков был избран ректором. В 1918–1922 гг. в качестве профессора преподаёт в ряде петроградских вузов.

В 1919 г. Рожков пишет письмо Ленину, в котором речь идет о пагубности политики военного коммунизма,

и получает от него ответ. Ленин возражает против свободы торговли и из этой переписки ясно: сближения позиций быть не может [16, с. 266–269]. Рожков подвергается аресту первый раз в советское время накануне Кронштадтского восстания в конце февраля 1921 г. и находится в тюрьме до июня 1922 г. [38]. Вторым арестом (сент. 1922 – янв. 1923) обрывается петроградский период его педагогической деятельности. Вторичный арест грозил высылкой за границу вместе с теми представителями творческой интеллигенции, которые были отправлены на «Философском пароходе». Однако Рожков обращается в высшие советские и партийные инстанции с просьбами отменить уже принятое решение о высылке. Вопрос о Рожкове в 1922 г. четырежды (20.10; 16.11; 07.12; 14.12) обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). Ленин упорно настаивал на высылке за границу, но в конечном счете было принято решение о ссылке в Псков [16, с. 545, 557, 579, 580; 1; 2; 7; 39; 40; 41].

После смерти Ленина Рожков обращается с письмами к Зиновьеву и Дзержинскому, объясняя стремление обосноваться в Москве или Петрограде научными, а не политическими интересами. Рожков пишет Зиновьеву: «Я не скрываю от Вас своих разногласий с Вами, но молчу о них в обществе не потому, что боюсь репрессий, а по той причине, что убежден в необходимости молчать»¹. В ответ на просьбу Рожкова, сопровождавшуюся отказом от политической деятельности, Политбюро 22 мая 1924 г. постановило разрешить ему проживание в Москве.

¹ РГБ НИОР. Ф. 546. Оп. 22. Д. 5. Л. 8. Черновики этих писем хранятся в РГБ НИОР.

В последние годы жизни Рожков работал в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, преподавал на этнологическом факультете МГУ и в Институте Красной профессуры, был директором Исторического музея. Скончался Н.А. Рожков скоропостижно в ночь со 2 на 3 февраля 1927 г. На его смерть было много откликов, в том числе некрологов, от учебных заведений, в которых он работал, различных организаций и коллег. Тогдашний нарком просвещения А.В. Луначарский в письме к Марии Константиновне, супруге Николая Александровича, назвал его человеком «огромной научной и общественной полезности»². Вопреки арестам и ссылкам, ученый, благодаря необычайной работоспособности, смог за свою жизнь написать, не считая ряда неучтенных публицистических статей, более 350 работ (согласно библиографии, подготовленной К. Сивковым) [19] и за сибирский период деятельности опубликовать в местных периодических изданий еще более 400 статей (по подсчетам Т.А. Борисовой) [4].

Историко-социологическая концепция

В теоретическом отношении Рожков причислял себя к марксистам, но, наряду с марксизмом, на его взгляды большое влияние оказали также позитивисты (Конт, Дюркгейм и др.) и представители психологической школы в социологии (Тард, Уорд и др.). В творческих поисках историка был осуществлен синтез марксистского экономического минимизма и классового

² РГБ НИОР. Ф. 546. Карт. 27, Д. 15. Л. 1.

подхода с контовской социальной статикой и динамикой, дополненный собственной теорией психических типов. По философским взглядам Рожков не только отличался от Ленина, но и подверг критике ряд положений книги «Материализм и эмпириокритицизм» [15]. В работе «Основы научной философии» [28] он выступает с позиций «энергетического материализма», не соглашаясь ни с Лениным, ни с эмпириокритиками. Рожков утверждает, что термин «материя» «далеко не научен» а термин «диалектический метод» устарел и его пора заменить понятием «эволюция». Главной задачей философии считает разработку теории познания, а единственным источником и вместе с тем пределом познания – опыт и наблюдение: «непосредственно дано сознанию только оно само, его содержание», что выражается в единстве субъекта и объекта. По его мнению, «современный научно-философский монизм сводится к понятию энергии» и через энергетику познается жизнь природы и общества.

Свою оригинальную концепцию Рожков в начале XX в. изложил в кратких очерках «Эволюция хозяйственных форм» [34] (1905) и «Основные законы развития общественных явлений» [27] (1907), а также в заключительной главе «Обзора русской истории с социологической точки зрения» [26]. Все общественные явления, по Рожкову, могут быть подвергнуты изучению с трех точек зрения: конкретно-теоретической (исторической), абстрактно-теоретической (социологической) и практической, прикладной (политической). Таким образом, под социологией (обобщающими законами) понималась теория истори-

ческого процесса, которая состояла из социальной статике и социальной динамики. Социальная статика (схема строения общества) включала вопросы классификации общественных явлений (экономические, социальные, политические, психологические или явления духовной жизни) и зависимости их разрядов (групп) друг от друга, а также влияние естественных (природно-географических) условий на развитие общества, которое уменьшается по мере прогресса. Относительное значение разных отраслей хозяйства (простейшего элемента экономики) – охоты и собирательства, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, торговли – определяется степенью плотности населения и естественными условиями страны. Сама же хозяйственная деятельность складывается под воздействием трех факторов – земли, труда и капитала. Соответственно определяются: отношение человека к земле – формы землевладения, отношения между трудом и капиталом – формы хозяйства, степень затраты труда и капитала – техника или система хозяйства. Иерархия зависимостей в разряде экономических явлений, как и в любом другом ряду явлений, строится на принципе воздействия всех предыдущих элементов на каждый последующий. Так, например, распределение хозяйственных благ (самая сложная группа экономических явлений) зависит от относительного значения разных отраслей труда, форм хозяйства и, наконец, его системы или техники. Подобная же иерархия структурных элементов наблюдается в каждом разряде общественных явлений. Что касается нравов, религии, искусства, литературы,

науки и всей сферы духовной жизни, то они связаны с предшествующими разрядами общественных явлений опосредствованно, через психические типы. Под психическим складом общества Рожков понимал типы и характеры, отличающие данное общество от других. Всего Рожков формулирует 12 законов социальной статики и 16 законов социальной динамики (закономерности развития). При этом исходный пункт логических построений – экономика. Для историко-социологических построений ученого характерны такие методологические подходы, как сравнительно-исторический и типологический (типы экономических и социальных отношений, типы политических структур, психические типы).

Первоначально история человечества от ее истоков до современности делилась на 4 периода, отражавшие переход от натурального хозяйства к хозяйству денежному и изменения, происходившие во всех 4-х разрядах явлений социальной статики. Так, например, четвертый период характеризуется: в экономической сфере – полным расцветом денежного хозяйства при преобладании обрабатывающей промышленности или ее равновесии с земледелием, торжеством свободных форм землевладения, вольнонаемного труда, интенсивной техники хозяйства, быстрым ростом заработной платы и налогов, тенденцией к обложению крупных доходов в пользу государства; в социальной структуре – размыванием сословных перегородок и переходом к бессословному обществу с резко выраженными классовыми различиями; в политическом плане – четкой организацией системы государственного управления, усвоением

идеи общего блага как цели государства и понятием о носителе власти как представителе общественного союза; в духовной жизни – оригинальностью и многообразием всех ее проявлений и преобладанием психических типов индивидуалистов и этических индивидуалистов.

В дальнейшем историко-социологическая концепция уточнялась и легла в основу вышедшего уже в советское время 12-томного труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (1922–1926), первого в российской историографии обобщающего труда по всемирной истории, охватившего весь путь человечества с древнейших времен до начала 1920 гг. Его новизна определялась, во-первых, широким использованием сравнительно-исторического метода (что позволяло ставить вопрос об общем и особенном в развитии стран и регионов), во-вторых, включением в общемировую исторический процесс как истории России и Запада, так и истории стран Востока, в-третьих, российско-центрическим построением панорамы всемирной истории. В концепции «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» появился новый по отношению к предшествующим работам ракурс: чередование периодов «критических», т. е. революционных, или переходных от прежнего общества к новому, и «органических», т. е. таких, когда тот или иной общественный строй достигает развитого состояния. Выделяя переходные типы (революционные периоды) в общественном развитии, Рожков вписывает их в эволюционный поток [37]. Не считая периодов в истории первобытного общества, Рожков теперь выделял

следующие периоды: родоплеменного общества варваров, феодальной революции [5], феодализма, дворянской революции [11], господства дворянства, буржуазно-демократической революции, производственного капитализма.

Рожкову принадлежит историко-социологическая модель буржуазно-демократической революции. На первом ее этапе объединение всех оппозиционных и революционных сил дает им преимущество и обеспечивает победу. Но при этом каждый класс и каждая партия коалиции «сохраняет свое собственное лицо». Главный приз на первом этапе достается правому крылу – крупной буржуазии, наиболее организованной и сознательной в смысле своих интересов. На следующем этапе осознают свои классовые интересы в революции центр и левый фланг. Они вступают в конфликт с правыми силами. Конфликт носит кратковременный характер и завершается неустойчивым компромиссом. Для времени высшего напряжения революции, ее кульминации является определяющим, какая революционная сила одерживает верх и какова ее классовая природа. В английской революции такой силой оказался революционный центр – индипенденты, джентри, переродившиеся в сельскохозяйственную буржуазию. Дальше, левее революция уже не пошла. В Великой Французской революции сказался ее более поздний по сравнению с английской характер, и поэтому в ней победило левое крыло – якобинцы. Якобинцев поддерживали и городские массы, и значительная часть крестьян (если не принимать во внимание крестьян Бретани). Но дело еще и в революционной «решительности»: именно сочетание решительно-

сти и социальной востребованности той или иной политической партии дает ей преимущество в революции. Восходящая линия революции завершается крушением власти левых сил. Такой поворот с экономической точки зрения объясняется объективными причинами: образуется разрыв между политикой торжествующей революции и имевшимся тогда уровнем развития производительных сил. Однако поражение революции не всегда сразу же завершается торжеством реакции и частичным возвратом к прошлому. В английской и французской революции этапу реакции предшествовала военная (цезаристская) диктатура. В реакции историк выделяет две стороны-тенденции. Политические силы, пришедшие к власти после окончания революции, с одной стороны, стремятся «повернуть колесо истории», реставрируют прежние порядки, которые, однако, не приживаются на изменившейся в результате преобразований почве. С другой стороны, неистовства и эксцессы реакции не могут остановить и предотвратить процесс взаимного приспособления достижения революции и всего живого, способного к развитию и перерождению» в старом обществе.

Значение и актуальность научного наследия Н.А. Рожкова

В годовщину смерти Н.А. Рожкова, 3 февраля 1928 г., состоялось торжественное заседание, посвященное его памяти. На нем с докладами выступили М.В. Нечкина, А.И. Яковлев, В.И. Невский. Каждый из них отдал дань вкладу Николая Александровича в российскую историческую науку.

М.В. Нечкина сделала упор на историко-социологические построения Рожкова. А.И. Яковлев уделил внимание ему как исследователю экономической истории России. В.И. Невский характеризовал Н.А. Рожкова как социал-демократа и революционера.

А.И. Яковлев особое внимание уделил исследованию Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в 16 веке». Его значение Яковлев образно сравнил «со значением тех работ, которые продельывает геолог, когда вместо суммарного беглого очерка он начинает вычерчивать детали карты, когда получается отчетливое и точное знание». Это исследование писцовых книг, полагал Яковлев, дало толчок изучению истории сельского хозяйства России¹.

М.В. Нечкина видела главную заслугу Рожкова в том, что он в начале XX в. выступил с новой концепцией истории России. «Он, – говорила Нечкина, – создал ее тихо, незаметно, и это крупное историческое дело, как свержение той схемы, которая тяготела над умами историков в продолжение 100 лет. Это было крупное и революционное дело, в смысле научном, дело прошло совершенно незаметно в научно-популярной работе “Город и деревня в русской истории”». Нечкина отметила такую черту личности Рожкова, как убежденность в силе научного знания².

Еще спустя год был издан в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов сборник статей, посвященной памяти Н.А. Рожкова [35].

Пятьдесят лет спустя после смерти историка столь же известный и уважа-

емый историк Н.М. Дружинин написал в письме к М.К. Рожковой: «Я помню влияние, которое оказали на меня первые исторические работы Николая Александровича, особенно краткая, но очень информативная книга «Город и деревня». В продолжение письма Дружинин особо отметил, что, будучи молодым человеком, он, как и его товарищи, рассматривал эту книгу как «первое марксистское сочинение, в котором полностью изучалась история России»³.

В настоящее время Н.А. Рожкову посвящены десятки статей, несколько диссертаций, две монографии [6; 36], а в Австралии создан центр по изучению его творческого наследия⁴.

Прошло сто пятьдесят лет с момента рождения Н.А. Рожкова и, несмотря на все, что было написано о нем, не устарела постановка вопроса, каково его наследие и почему оно по-прежнему актуально сегодня. Не станем повторять статистику всего написанного ученым. Но как мыслитель, который пытался создать Магнумopus, названный «Русская история в сравнительно-историческом освещении», Рожков, руководствовался целью, которую его учитель и наставник В.О. Ключевский считал «торжеством истории», то есть стремлением превратить историю из историописания в науку «об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий» [14, с. 39].

В 1902 г. Рожков впервые применил свою теорию социального развития к конкретному историческому материа-

³ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 174. Л. 1.

⁴ Исторический научный центр Н.А. Рожкова (Рожковцентр) в Новом Южном Уэльсе (Австралия) создан Дж. Гонзалезом.

¹ Архив РАН (далее АРАН). Ф. 665. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

лу в «Городе и деревне в русской истории». В ней была сжато представлена история России от периода Киевской Руси до пореформенного периода с целью попытаться понять экономические отношения между городом и деревней. Историк хотел доказать, что, пользуясь экономическими критериями, можно объяснить фундаментальные различия между двумя способами жизни, двумя этапами развития человеческого общества – докапиталистическим и капиталистическим. Кроме того, Рожков хотел показать, что экономические явления лежат в основе всех других, т. е. социальных и политических, явлений. Полагаем, что в литературе по истории исторической науки значение «Города и деревни в русской истории» как первого обобщающего труда, рассматривающего особенности всего исторического развития России с точки зрения примата экономического начала, до сих пор остается все еще недооцененным.

Само собой разумеется, что многое изменилось в исторической науке, по-

этому нереалистично ожидать, что работы Рожкова свободны от заблуждений и ошибок, а в целом его концепция может быть принятой. Изменялась также методология науки. Некоторые читатели могут считать обращение к поискам Рожковым регулярности в этапах исторического развития и законов в истории немодным или даже бесполезным занятием. Однако важность и ценность творчества Рожкова – в использованных им подходах, которые привели его к «сравнительно-исторической точке зрения», к модели, если так можно сказать, сверхструктуры в трактовке механизмов общественного устройства.

Приверженность Рожкова социал-демократическим идеалам, а также его убеждение в том, что социальная эволюция с научной точки зрения предполагают стремление к альтернативам капитализму, заставляет нас искать разные объяснения своего прошлого.

Статья поступила в редакцию 09.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Артизов А.Н. В.И. Ленин и Н.А. Рожков (Из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 г.) // Задавая вопросы прошлому... М.: ИАЦ «Гуманитарий» и Пробел-2000. 2006. С. 311–320.
2. «Будьте диктатором, Владимир Ильич!»/ сост. и коммент. Волобуев О., Симонов Н. // Родина, 1992, № 3. С. 266–269.
3. Возвращенная публицистика: Указания публикаций Н.А. Рожкова в сибирских периодических изданиях 1910–1917 гг./ сост. Борисова Т.А. Иркутск: изд-во БГУЭП. 2003. 88 с.
4. Борисова Т.А. Начало журналистской деятельности Н.А. Рожкова в Сибири (1910–1911 г.) // Сибирская ссылка (XIX – XX вв.). Вып. 2 (14). Иркутск, 2003. С. 126–141.
5. Волобуев О.В. Дворянская революция в странах Западной Европы как переходный период всемирной истории в трактовке Н.А. Рожкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 33–37.
6. Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание. 2012. 320 с.
7. Волобуев О.В. Н.А. Рожков и В.И. Ленин: две политические дуэли 1911 и 1919 годов // Социал-демократия в российской и мировой истории: обобщение опыта и новые

- подходы: материалы научной международной конференции, Москва, 21–22 апреля 2008 г. М., 2009. С. 210–216.
8. Волобуев О.В. Н.А. Рожков – методист-историк // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 121, 1965. С. 254–293.
 9. Волобуев О.В. Первая российская революция в жизни, воспоминаниях и трудах Н.А. Рожкова // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст.: в 2 т. Т. 2. М.: РГГУ. 2013. С. 224–246.
 10. Волобуев О.В. Первые советские учебники истории для средней школы // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени. М.: ИРИ РАН. С. 192–198.
 11. Волобуев О.В. Феодалная революция в трактовке Н.А. Рожкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 124–130.
 12. Гонзалез Дж. Ликвидаторство Н.А. Рожкова, Общество защиты интересов рабочего класса и “Наша заря”, 1911–1912 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 5. С. 13–27.
 13. Гонзалез Дж., Волобуев О.В. Н.А. Рожков в сибирской ссылке и газета «Иркутское слово» (май 1910 – январь 1912 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 6–23.
 14. Ключевский В.О. Сочинения: в 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль. 1987. 430 с.
 15. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 18. Изд. 5. М.: Политиздат, 1968. 526 с.
 16. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891 – 1922 гг. М.: РОССПЭН. 1999. 607 с.
 17. Майдачевский Д.А. Н.А. Рожков как историк-экономист // ЭКО. 2003. № 6. С. 172–187.
 18. Майдачевский Д.Я. Рожков Николай Александрович // Экономическая история России с древнейших времен до нашего времени. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. М., 2009. 533 с.
 19. Материалы для библиографии трудов Н.А. Рожкова / Под ред. Сивкова Т.В. М.: изд. ГИМ. 1928. 46 с.
 20. Меньшевики в 1917 году: В 3 т. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2. М.: РОССПЭН. 1997. 712 с.
 21. Октябрьский переворот. Факты и документы / Сост. А. Попов. Под ред. и со вст. ст. «Ход революции» Н. Рожкова. Пг.: изд. «Новая эпоха». 1918 (Архив революции). 415 с.
 22. Рожков Н.А. Воззвание оборонцев // Современный мир. 1915, № 12. С. 159–161.
 23. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). СПб., 1901. 104 с.
 24. Рожков Н.А. Диктатура революционной демократии. М.: «Студенческое изд.». 1917. 16 с.
 25. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки: сб. ст. Ч. 1–2. М.: «Шамов» 1906. С. 259–332.
 26. Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905. Ч. II, вып. 2, 173 с.
 27. Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии). М., 1907. 88 с.
 28. Рожков Н.А. Основы научной философии. СПб., 1911. 134 с.
 29. Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. 213 с.
 30. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы со-

- циальной динамики). Т. 1. Первобытное общество. Дикари – Варвары – Феодалная революция. Пгр. – М.: «Книга», 1918. 450 с.
31. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 12. Финансовый капитализм в Европе и революция в России. Л.-М.: «Книга». 1926. 406 с.
32. Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в ХУ1 веке. М.: (Из Учен. Записок Моск. Ун-та). 1899. 511 с.
33. Рожков Н.А. Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент // Наша Заря. 1911. № 9–10. С. 31–35.
34. Рожков Н.А. Эволюция хозяйственных форм. М.: «Молот». 1905. 32 с.
35. Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 5. М., 1929. 485 с.
36. Gonzalez J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov. Life in a Bell Jar. Leiden – Boston: Brill. 380 p.
37. Gonzalez J. From Historicism to Historical Sociology: An Examination Of N.A. Rozhkov's Nomothetic Scheme Of Historical Evolution // Journal of Russian History and Historiography, Vol. 6, 2013, pp. 90–115.
38. Gonzalez J. The Bolshevik Leadership And The Rozhkov Affair: Inakomysliashchie And The Politics of Persecution 1921–1922 // Revolutionary Russia, Vol. 23, No. 1, June, 2010, pp. 67–91.
39. Gonzalez J. N.A. Rozhkov and V.I. Lenin: The Polemics Of Revolutionary Practice, 1917–1927 // Revolutionary Russia, Vol. 19, No. 2, December, 2006, pp. 151–174.
40. Gonzalez J. N.A. Rozhkov and V.I. Lenin: The Forgotten Polemics Of The Inter- Revolutionary Years, 1908–1917 // Revolutionary Russia, Vol. 18, No. 2, December, 2005, pp. 169–200.
41. Gonzalez J. N.A. Rozhkov: His Bolshevik Years And The Origin Of His Polemics With Lenin // Revolutionary Russia, Vol. 18, No. 1, June, 2005, pp. 1–22.

REFERENCES

1. Artizov A.N. V.I. Lenin i N.A. Rozhkov (Iz istorii vysylki deyatelei intelligentsii v 1922 g.) [V.I. Lenin and N.A. Rozhkov (history of the expulsion of the leaders of intelligentsia in 1922)]. In: *Zadavaya voprosy proshlomu...* [Asking questions to the past...]. Moscow, Gumanitarii, 2006, pp. 311–320.
2. ["Be a dictator, Vladimir Ilyich!]. In: *Rodina*, 1992, no. 3, pp. 266–269.
3. Vozvrashchennaya publitsistika: Ukazatel' publikatsii N.A. Rozhkova v sibirskikh periodicheskikh izdaniyakh 1910–1917 gg. Sost. Borisova T.A. [Returned to journalism: publications N.A. Rozhkov upon completion of the Siberian periodicals, 1910–1917. Comp. Borisova T. A.]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2003. 88 p.
4. Borisova T.A. [Start of journalistic activity N.A. Rozhkova in Siberia (1910–1911)]. In: *Sibirskaya ssylka (XIX–XX vv.)*, 2003, no. 2 (14), pp. 126–141.
5. Volobuev O.V. [A noble revolution in Western Europe as a transitional period of world history in the interpretation of N. Rozhkova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2010, no. 2, pp. 33–37.
6. Volobuev O.V. N.A. Rozhkov: istorik i obshchestvennyi deyatel' [Rozhkov: historian and public figure]. Moscow, Sobranie Publ., 2012. 320 p.
7. Volobuev O.V. N.A. Rozhkov i V.I. Lenin: dve politicheskie dueli 1911 i 1919 godov [N.A. Rozhkov and V. I. Lenin: two political duels of 1911 and 1919]. In: *Sotsial-demokratiya v rossiiskoi i mirovoi istorii: obobshchenie opyta i novye podkhody: materialy nauchnoi mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva* [Social democracy in the Russian and world history: lessons learned and new approaches: proceedings of the international conference. Moscow, 21-28.04.2008]. Moscow, 2009, pp. 210-216

8. Volobuev O.V. N.A. Rozhkov – Methodist historian. In: *Scientific Notes of Moscow Regional Pedagogical Institute*, 1965, vol. 121, pp. 254–293.
9. Volobuev O.V. Pervaya rossiiskaya revolyutsiya v zhizni, vospominaniyakh i trudakh N.A. Rozhkova [The first Russian revolution in the lives, memories and writings of N.A. Rozhkova]. In: *Istoriograficheskie chteniya pamyati professora Viktora Aleksandrovicha Murav'eva: v 2 t. T. 2* [Historiographical readings in memory of Professor Victor Alexandrovich Murav'yova: in 2 v. Vol. 2]. Moscow, RGGU Publ., 2013, pp. 224–246.
10. Volobuev O.V. Pervye sovetskie uchebniki istorii dlya srednei shkoly [The first Soviet history textbooks for high school]. In: *Kul'tura i mentalitet Rossii Novogo i Noveishego vremeni* [The culture and mentality of New and Contemporary Russia]. Moscow, IRI RAN Publ., 2018, pp. 192–198.
11. Volobuev O.V. [The feudal revolution in the interpretation of N.A. Rozhkov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2009, no. 4, pp. 124–130.
12. Gonzalez J. N.A. Rozhkov's Liquidationism, The Political Association For The Protection Of The Interests Of The Working Class And Nasha Zaria 1911–1912. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki*, 2013, no. 5, pp. 13–27.
13. Gonzalez J., Volobuev O.V. N.A. Rozhkov in Siberian exile and the newspaper "Irkutsk" (May 1910 – January 1912)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2018, no. 2, pp. 6–23.
14. Klyuchevskii V.O. Sochineniya: v 9-ti t. T. 1. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 [Works: in 9 v. Vol. 1. The course of Russian history. Part 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 430 p.
15. Lenin V.I. Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and Empiriocriticism]. In: *Lenin V.I. Polnoe sobr. soch. T. 18. Izd. 5* [Lenin V.I. Complete works, vol. 18, 5th ed.]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 526 p.
16. Lenin V.I. Neizvestnye dokumenty. 1891 [Unknown documents. 1891]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 607 p.
17. Maidachevskii D.Ya. [N.A. Rozhkov as a historian and economist]. In: *EKO*, 2003, no. 6, pp. 172–187.
18. Maidachevskii D.Ya. Rozhkov Nikolai Aleksandrovich. In: *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashego vremeni. Entsiklopediya: v 2-kh t. T. 2* [Rozhkov Nikolay A. Economic history of Russia from ancient times to our time. Encyclopedia: in 2 v. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, pp. 533.
19. Materialy dlya bibliografii trudov N.A. Rozhkova. Pod red. Sivkova T.V. [Materials for N.A. Rozhkov's bibliography of the writings/ Ed. Sivkov T.V.]. Moscow, GIM, 1928. 46 p.
20. Men'sheviki v 1917 godu: v 3 t. T. 3. Ot kornilovskogo myatezha do kontsa dekabrya. Ch. 2 [The Mensheviks in 1917: in 3 v. Vol. 3. From the Kornilov revolt until the end of December. Part 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 712 p.
21. Oktyabr'skii perevorot. Fakty i dokumenty. Sost. A. Popov. Pod red. i so vst. st. «Khod revolyutsii» N. Rozhkova [The October coup. The facts and documents. Ed.by Popov. and with article "Progress of the revolution" by N. Rozhkov]. Petrograd, Novaya epokha Publ., 1918. 415 p.
22. Rozhkov N.A. [The appeal of the defenders]. In: *Sovremennyyi mir*, 1915, no. 12, pp. 159–161.
23. Rozhkov N.A. Gorod i derevnya v russkoi istorii (Kratkii ocherk ekonomicheskoi istorii Rossii) [Town and country in Russian history (a brief outline of economic history of Russia)]. SPb., 1901. 104 p.
24. Rozhkov N.A. Diktatura revolyutsionnoi demokratii [The dictatorship of revolutionary democracy]. Moscow, Studencheskoe izd. Publ., 1917. 16 p.

25. Rozhkov N.A. Istoricheskie i sotsiologicheskie ocherki: sb. st. Ch. 1–2. [Historical and sociological essays: collection of articles. Part 1–2]. Moscow, Shamov Publ., 1906, 260 p.; 332 p.
26. Rozhkov N.A. Obzor russkoi istorii s sotsiologicheskoi tochki zreniya [Review of Russian history from the sociological point of view]. Part 2, iss. 2. Moscow, 1905. 173 p.
27. Rozhkov N.A. Osnovnye zakony razvitiya obshchestvennykh yavlenii (Kratkii ocherk sotsiologii) [The basic laws of development of social phenomena (a brief outline of sociology)]. Moscow, 1907. 88 p.
28. Rozhkov N.A. Osnovy nauchnoi filosofii [The fundamentals of scientific philosophy]. SPb., 1911. 134 p.
29. Rozhkov N.A. Proiskhozhdenie samoderzhaviya v Rossii [The origins of autocracy in Russia]. Moscow, 1906. 213 p.
30. Rozhkov N.A. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy sotsial'noi dinamiki). T. 1. Pervobytnoe obshchestvo. Dikari – Varvary – Feodal'naya revolyutsiya [Russian history in comparative-historical interpretation (Foundations of social dynamics). Vol. 1. Primitive society. Savages – barbarians – Feudal revolution]. Moscow, Kniga Publ., 1918. 450 p.
30. Rozhkov N.A. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy sotsial'noi dinamiki). T. 12. Finansovyi kapitalizm v Evrope i revolyutsiya v Rossii [Russian history in comparative-historical interpretation (Foundations of social dynamics). Vol. 12. Financial capitalism in Europe and revolution in Russia]. Moscow, Kniga Publ., 1926. 406 p.
31. Rozhkov N.A. Sel'skoe khozyaistvo Moskovskoi Rusi v XVI veke [Agriculture Moscow Russia in XVI century]. Moscow, Mosk. University, 1899. 511 p.
32. Rozhkov N.A. [The current situation in Russia and the main task of the labor movement at the moment]. In: Nasha Zarya, 1911, no. 9–10, pp. 31–35.
33. Rozhkov N.A. Evolyutsiya khozyaistvennykh form [The evolution of economic forms]. Moscow, Molot Publ., 1905. 32 p.
34. Uchenye zapiski Instituta istorii RANION. T. 5 [Scientific notes of the RANION Institute of history. Vol. 5]. Moscow, 1929. 485 p.
35. Gonzalez J. An Biography of N.A. Rozhkov & Life in a Bell Jar. Leiden – Boston: Brill. 380 p.
36. Gonzalez J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov. Life in a Bell Jar. Leiden – Boston: Brill. 380 p.
37. Gonzalez J. From Historicism to Historical Sociology: An Examination Of N.A. Rozhkov's Nomothetic Scheme Of Historical Evolution. In: *Journal of Russian History and Historiography*, vol. 6, 2013, pp. 90–115.
38. Gonzalez J. The Bolshevik Leadership And The Rozhkov Affair: Inakomysliashchie And The Politics of Persecution 1921–1922. In: *Revolutionary Russia*, 2010, vol. 23, no. 1, pp. 67–91.
39. Gonzalez J. N.A. Rozhkov and V.I. Lenin: The Polemics Of Revolutionary Practice, 1917–1927. In: *Revolutionary Russia*, 2006, vol. 19, no. 2, pp. 151–174.
40. Gonzalez J. N.A. Rozhkov and V.I. Lenin: The Forgotten Polemics Of The Inter- Revolutionary Years, 1908–1917. In: *Revolutionary Russia*, 2005, vol. 18, no. 2, pp. 169–200.
41. Gonzalez J. N.A. Rozhkov: His Bolshevik Years And The Origin Of His Polemics With Lenin. In: *Revolutionary Russia*, 2005, vol. 18, no. 1, pp. 1–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гонзалес Джон Антонио – доктор наук, директор исторического научного центра Рожкова, Исторический научный центр Рожкова, Новый Южный Уэльс, Австралия;
e-mail: director@rozhkovcentre.org

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

John A. Gonzalez – Doctor of Historical Sciences, Director of Rozhkov Historical Research Centre, New South Wales, Australia;
e-mail: director@rozhkovcentre.org

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Professor of Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В., Гонзалез Дж. Николай Александрович Рожков. К 150-летию со дня рождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 61–77.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-61-77

FOR CITATION

Volobuev O., Gonzalez J. Nikolay Alexandrovich Rozhkov. On the 150th Anniversary of Birth. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 61–77.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-61-77

Всеобщая история

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88

ЛУКУЛЛ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Яровой Е.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. В статье рассматривается личность Лукулла, который после смещения с поста командующего римской армией в войне с Митридатом подвергся жесткой критике со стороны Помпея. Несмотря на то, что у него была потенциальная возможность вступить в открытое противостояние со своими оппонентами, Лукулл предпочел уклониться от политической борьбы и сделал выбор в пользу мира и личных удовольствий. Своим поведением он не только продемонстрировал альтернативу гражданской войне, но и подтвердил роль личности в истории.

Ключевые слова: Древний Рим, Понтийское царство, Лукулл, Помпей, Митридат, Тигран Великий, римский сенат.

LUKULL AS AN ALTERNATIVE TO THE CIVIL WAR IN ANCIENT ROME

Ye. Yarovoy

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Abstract. The article deals with the personality of Lucullus, who after being removed from the post of commander of the Roman army in the war with Mithridates was severely criticized by Pompey. Despite the fact that he had the potential to enter into an open confrontation with his opponents, Lucullus made efforts to avoid political struggle and chose peace and personal pleasures. By his behavior he demonstrated not only an alternative to civil war, but also confirmed the role of personality in history.

Key words: Ancient Rome, Pontic Kingdom, Lucullus, Pompey, Mithridates, Tigran the Great, the Roman Senate.

Существование Римской Республики насчитывает почти пять веков. За это время она пережила немало внутренних потрясений. Цепь гражданских войн и восстаний зависимого населения ознаменовала трудный переход от Республики к Империи. После войны между марианцами и сулланцами, которая растянулась

более, чем на четверть века (88–62 гг. до н.э.), наступил короткий период внутреннего мира. Этот период относительной стабильности продлился до 49 года, когда вспыхнула очередная гражданская война, на этот раз между Цезарем и Помпеем. Именно в эти годы в истории Республики появились имена Суллы, Помпея, Красса, Цицерона, Цезаря и других выдающихся римлян. В этом ряду, безусловно, стоит и имя Лукулла — потомственного аристократа, талантливого полководца и дальновидного политика. Этот незаурядный военный и общественный деятель оказался незаслуженно забыт потомками и вошел в историю лишь благодаря одной своей, ставшей нарицательной, слабости. Но этот человек имел все возможности развязать гражданскую войну в Республике задолго до противостояния Помпея и Цезаря, лишив Рим короткой мирной передышки. Мог, но не сделал этого. Причины такого поведения можно найти в анализе его личности.

Жизнь Лукулла хорошо известна и достаточно подробно описана Плутархом и современными историками [1; 3; 4; 5; 6; 8]. Тем не менее, чтобы понять его роль в политической жизни поздней Республики, необходимо обратиться к основным и наиболее ярким эпизодам его биографии.

Луций Лициний Лукулл (Понтийский) родился в 117-м году в знатной патрицианской семье. Дед его был консулом, а отец — наместником в Сицилии, где сумел собрать немалое состояние, которое впоследствии передал своим сыновьям. Авгур Сервилий даже обвинил его в присвоении казенных денег, что возмутило совсем еще молодого Лукулла и его младшего брата

Марка. Они привлекли жреца к суду. Несмотря на то, что процесс они проиграли и Сервилий был оправдан, этот поступок заслужил одобрение горожан. Тем более, что упоминаний о конфискации их имущества нет [3, с. 203]. С тех пор Лукулл неизменно пользовался уважением римлян.

Плутарх свидетельствует, что он получил прекрасное образование, знал два языка и свободно изъяснялся по-латыни и по-гречески. В молодые годы Луций принял участие в Марсийской войне, во время которой проявил себя как мужественный и бесстрашный воин. Император Сулла обратил на него внимание и до конца своих дней сохранил расположение к молодому аристократу [4, II–III].

Доверие к Лукуллу было настолько велико, что он даже поручил ему опеку над сыном Фаустом. В своем завещании Сулла обошел Помпея; он не только назначил Лукулла воспитателем сына, но и доверил ему издание «Воспоминаний». Это решение престарелого диктатора стало поводом для раздора, хотя и существует точка зрения, что нет оснований говорить о вражде Помпея и Лукулла вплоть до 66 года [6].

Вскоре после кончины Суллы, в 74 году Лукулл вместе с Марком Аврелием Коттой был избран консулом. По жребию он должен был отправиться в Цизальпинскую Галлию, но он сумел добиться назначения наместником в Киликию [5, с. 52]. В том же году Митридат вновь выступил против римлян. С началом войны Лукулл возглавил армию, в то время как Котта получил под командование флот.

На этот раз Митридат серьезно подготовился к войне. Он собрал 120 тысяч пехоты, 16 тысяч конницы, мно-

жество колесниц и боевых кораблей [4, VII]. Войско Лукулла было намного скромнее и состояло из одного легиона, с которым он прибыл из Италии, и солдат, оставленных еще Суллой в Азии. Это были независимые воины, которые когда-то бунтовали против своих командиров, но в то же время обладали большим военным опытом. Новому командующему удалось быстро восстановить дисциплину.

Кроме военных, Лукуллу пришлось решать и другие проблемы. Его обеспокоило, что в Вифинии и в городах Малой Азии местное население, встречало Митридата как освободителя. Оказалось, что оно было обложено непомерными поборами со стороны римских ростовщиков, хотя первоначальная контрибуция, наложенная на Азию после первой войны с Митридатом, была давно выплачена. Но путем различных махинаций с процентами ростовщики ухитрились увеличить этот долг в шесть раз! Местные жители были в отчаянии, так как «откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалили страну. Всех должников ожидал один конец – рабство» [4, XX].

Лукулл сумел решительно переломить настроение в регионе. Он ограничил ежегодный ссудный процент и принял ряд других срочных указов. Это позволило местным жителям в течение последующих четырех лет полностью освободиться от долгового бремени.

Положив конец вымогательствам и прогнав ростовщиков, Лукулл заслужил уважение у провинциалов. Но одновременно он приобрел и большое количество влиятельных врагов. Ведь большинство ростовщиков состояло из римских всадников, которые не желали мириться с потерей огромных

доходов в Азии. Поэтому в Риме стали раздаваться громкие и многочисленные жалобы против полководца.

Иногда проблемы возникали с неожиданной стороны. Так, его ближайший сподвижник Котта решил самостоятельно победить Митридата, но в итоге был разгромлен как на суше, так и на море. Учитывая значительные потери в армии и на флоте, он теперь рассчитывал только на благородство Лукулла. Но в армии Котта осудили и потребовали немедленно идти на столицу Понта, сулившую огромные трофеи. Показателен ответ Лукулла на эти призывы: «Я предпочту вызволить из рук врагов хоть одного римлянина, нежели завладею всем достоянием вражеским» [4, VIII]. После этого он приказал двигаться на север Малой Азии, где Митридат осадил стратегически важный город Кизик.

С первых же своих шагов Лукулл проявил себя, как опытный и дальновидный полководец. Увидев огромную армию противника, он отказался от генерального сражения и решил «бить врага по желудку». Он разбил лагерь на господствующей высоте, перерезав снабжение войска царя. В то время как кизикийцы держали оборону, Лукулл делал все возможное, чтобы прервать продовольственное снабжение противника. И добился этого: в армии понтийцев начался голод. Когда Митридат решил ночью отправить часть войска и всю конницу с обозом из лагеря, Лукулл с небольшими силами бросился в погоню и разгромил беглецов. Захваченных пленных он демонстративно провел перед лагерем понтийцев. Те были деморализованы, и Митридат вынужден был снять осаду города. Несмотря на численное превосходство, понтийцы

стали отступать, и стратегическая инициатива перешла к римлянам.

Лукулл отказался дать отдых солдатам и повел их в Понт, оставляя в стороне богатые города. Солдаты, жаждавшие трофеев, были этим крайне недовольны. Однако Лукулл не обращал на это внимания, стремясь вновь сразиться с соперником. За короткий период Митридату удалось собрать новое войско, в то время как у Лукула численность армии уменьшилась и ее дисциплина не отличалась надежностью. Тем не менее сражения проходили с переменным успехом, и в итоге Митридат в очередной раз был разбит и бежал [3, с. 204–205].

Лукулл знал и учитывал, что армянский царь Тигран был зятем Митридата, поэтому предполагал, что тот будет искать у него убежища. Так и случилось — понтийский царь бежал в Армению. После трех лет ведения боевых действий война была практически выиграна: Митридат был изгнан отовсюду, в том числе из своего царства. Но Лукулл желал довести войну до логического победного конца. При этом он прекрасно понимал, что вторгаться в глубь горной страны с небольшим войском крайне рискованно. Поэтому предпринял попытку решить этот вопрос мирным путем и отправил посла к армянскому царю.

Но выслушав требование Лукулла, уверенный в своем могуществе Тигран отказался выдать тестя и заявил, что в случае войны с Римом сумеет защититься. Война стала неизбежной. Римскому полководцу ничего не оставалось, как начать новую военную кампанию в неизвестной и далекой стране. При этом санкции сената и народа на ее проведение он не получил [3, с. 206].

«Его солдаты, которые и без того не отличались послушанием, шли в поход неохотно, открыто выражая свое недовольство. Тем временем в Риме народные вожаки выступали с шумными нареканиями и обвинениями против Лукулла: он-де бросается из одной войны в другую — хотя государство не имеет в том никакой надобности — лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество. Со временем эти наветы достигли своей цели» [4, XXIV].

Лукулл двинулся к Тигранокерту, но Тигран поспешно оставил этот город-крепость, чтобы собрать большое войско. Лукулл решил выманить его на генеральное сражение, осадив армянскую столицу. Расчет оказался верным: вскоре царь появился у ее стен во главе огромной армии. Она насчитывала 150 тысяч человек тяжеловооруженной пехоты, 55 тысяч всадников, из которых 17 тысяч было было заковано в броню, и 20 тысяч лучников. Сверх того, в его войске находилось еще 35 тысяч человек, занимавшихся инженерными работами. Тигран был настолько уверен в успехе, что не стал даже поджидать Митридата, чтобы не делить с ним безусловную победу. Увидев противника, он произнес знаменитую фразу: «Для посольства их много, а для войска мало!» [4, XXVII].

Оставив часть воинов блокировать город, Лукулл двинулся навстречу царю. Увидев наступающих римлян, Тигран не поверил своим глазам: «Это они на нас?». Но когда римляне нанесли удар по его броненосной коннице, царь перестал шутить. Легионеры стали выбивать у всадников их единственное оружие — копья, и разить их

в не прикрытые броней бедра и голени. Почти сразу же армянская конница бросилась в бегство. Так как Лукулл предусмотрительно оставил единственное открытое для их отступления направление, всадники врезались в боевые порядки своей пехоты и смяли ее. Враг побежал, не оказав достойного сопротивления.

«Говорят, – пишет биограф, – что у неприятеля погибло свыше ста тысяч пехотинцев, а из всадников не ушел живым почти никто. У римлян было ранено сто человек и убито пять» [4, XXVIII]. Скорее всего, потери армян преувеличены, в то время как и 5 погибших римлян вызывают сомнения. Но, как бы там ни было, это сражение стало одним из самых победоносных в истории римского оружия. Показательно, что могущественный царь царей первым бросился в бегство. Когда на пути он увидел сына, то передал ему свою диадему. Тот же, боявшийся деспота-отца, отдал ее на сохранение слуге, который вскоре попал в плен и выдал царскую диадему Лукуллу. Впоследствии она украсила его триумф в Риме.

Армянский царь бежал в глубь страны, а Тигранокерт вскоре был взят римлянами. По этому поводу очень метко выразился Плутарх: «Лукулл одолел двоих самых прославленных и могущественных царей двумя противоположными средствами — стремительностью и неторопливостью: если Митридата, находившегося в то время в расцвете своего могущества, он вконец измотал, затягивая войну, то Тиграна сокрушил молниеносным ударом» [4, XXVIII].

После этого Лукулл выиграл еще несколько сражений, заслужив славу полководца и уважение за то, что вел

войну, не требуя денег из государственной казны. Намереваясь добиться полной победы и не обращая внимания на ропот солдат, он снова выступил против Тиграна и Митридата. Однако недовольство в армии римлян позволило царям выиграть время и собрать новое войско. Лишь в середине лета 68 года легионеры Лукулла вступили на территорию Внутренней Армении. Напуганный Тигран не хотел давать генеральное сражение. И вновь Лукуллу пришлось применить испытанный метод: он двинулся к главной столице Великой Армении – Артаксатам, где находились жены и дети царя. И только тогда Тигран решился на битву. Она произошла у реки Арсаний, в двухстах километрах от столицы. После непродолжительного боя войска Тиграна и Митридата потерпели страшное поражение. Путь на столицу Великой Армении был свободен.

Лукулл было двинулся дальше, но свои планы ему пришлось изменить из-за непредвиденных проблем. Уже в середине сентября на армянской возвышенности неожиданно выпал снег, грянули морозы, и появился лед, от которых стали страдать не только кони, но и люди. Уставшие от длительной войны солдаты жили в болотистых лесах, в сыром и холодном лагере. Не удивительно, что в войсках начался ропот, который грозил перерасти в бунт. По свидетельству Плутарха, «Лукулл перепробовал множество настоятельных увещаний, упрасывая (солдат) запастись терпением, пока не будет взят «армянский Карфаген» но ничто не помогало, и он вынужден был повернуть назад» [4, XXXII].

На северо-западе от Месопотамии римляне захватили богатый город Нисибина, где расположились на зимних

квартирах. Попад в относительно достойные условия, солдаты заявили, что больше не пойдут ни против Тиграна, ни против Митридата. В армии Лукулла исчез всякий порядок. Униженные обращения командующего не смогли переломить эти настроения. Максимум, чего он смог добиться, – согласия остаться еще на лето. Солдаты держали себя нагло и отказывались воевать. Этими настроениями тут же воспользовались цари, и Митридат вторгся в Понт. В 67 г. он разбил подчиненного Лукуллу полководца Триария и вернул свое царство. Итог семилетней кампании оказался нулевым [3, с. 208].

В Риме сразу же активизировались противники Лукулла. Они кричали о его властолюбии. В 66 году народный трибун Гай Манилий выступил с предложением передать в наместничество Помпею Киликию, Вифинию и Понт. Также он внес законопроект о передаче ему командования на Востоке. Несмотря на недовольство сената, данный законопроект был принят народным собранием, и Помпей был назначен главнокомандующим в войне против Митридата. Цицерон, который был избран претором, горячо выступил в поддержку закона Манилия. Вот короткий фрагмент из его речи, произнесенной на форуме в 66 году: «О, если бы к вашим услугам, квириты, было так много храбрых и честных мужей, что вам было бы трудно решить, кому именно можно поручить ведение столь трудной войны! Но теперь, когда Гней Помпей является единственным человеком, мужеством своим затмившим не только своих современников, но также и тех, о ком повествуют предания старины, что может при решении этого вопроса вызывать сомнения у

кого бы то ни было?» [2, X:27]. Но в этой же речи известный оратор посчитал необходимым отметить и заслуги Лукулла: «Я воздаю Луцию Лукуллу всю похвалу, какой он заслуживает как храбрый муж, многоопытный человек и великий император... Лукулл сразу же по прибытии занял очень много городов Понта и Каппадокии; и что все эти подвиги были совершены без убытка для союзников и без ущерба для поступления налогов и податей. В этом, полагаю я, заключается очень веская похвала, квириты, которая должна убедить вас в том, что ни один из хулителей защищаемого мной закона и дела не воздал Луцию Лукуллу с этого места подобной хвалы» [2, VIII: 20].

Лукулл встретил Помпея в деревушке Данала в Галатии. Первые минуты не предвещали конфликта. «Перед обоими ликторы несли пучки розог, увитые лаврами, чтобы почтить их победы, Но Помпею пришлось проделать долгий путь, и лавры, обвивавшие розги его ликторов, засохли; заметив это, ликторы Лукулла дружески поделились с ними своими лаврами, которые были свежи и зелены. Друзья Помпея сочли это благим знамением – и действительно, деяния Лукулла послужили к украшению похода Помпея», – утверждает биограф [4, XXXVI]. Как видим, встреча полководцев началась достаточно дружелюбно. Но постепенно она приобрела бурный характер. Если верить Плутарху, «Помпей упрекал Лукулла в алчности, а Лукулл его — во властолюбии...». При этом Лукулл справедливо намекал, что он забрал часть славы у Красса, а теперь старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны» [4, XXXI]. По мнению некоторых историков, ссора произошла после

того, как речь зашла об утверждении распоряжений Лукулла [6, с. 118].

Действительно, Помпей, вступив в права главнокомандующего, с неоправданным рвением взялся за искоренение всего, что сделал его предшественник. Он «не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти» [4, XXXI]. О сложившейся ситуации сообщает и Страбон: «Но когда прибыл Помпей... он счел всех, оказавших какие-либо услуги его предшественнику, личными врагами... Возвратившись домой по окончании войны, Помпей добился того, что сенат не утвердил почестей, обещанных Лукуллом некоторым понтийцам; потому что, по словам Помпея, когда один полководец счастливо закончил войну, было бы несправедливо, чтобы от другого зависело распределение наград и почестей» [7, XII:3.33]. Как видно, Помпей делал все, чтобы оскорбить Лукулла.

В этом отношении показательна трогательная сцена капитуляции Тиграна, описанная биографом: «Когда царь предстал перед Помпеем, он... (хотел) упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и усадил его рядом с собой. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий — Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену» [4, XXXIII]. Показательно, что даже в минуту своего триумфа Помпей не упустил шанс в очередной раз задеть своего предшественника. Надо признать, что у последнего были все причины для обиды.

В этом чрезмерно пристрастном поведении Помпея проступает стремление оскорбить и унижить бывшего командующего. Причем нередко это происходило в присутствии солдат и офицеров, награжденных Лукуллом во время похода. В данном случае можно согласиться с теми исследователями, которые объясняют его столь неприглядное поведение постыдной ревностью, «которая питалась в данном случае безмерным честолюбием». К тому же Помпей не отличался «особой щепетильностью» и не пытался объективно оценить свои недостатки [3, с. 211]. Например, в последний момент он отнял у Красса плоды его легкой победы над Спартаксом, а затем приписал себе и успехи Лукулла, без труда победив Митридата.

Сдав дела, Лукулл уехал в Рим, где его встретили далеко не ласково. После длительного ожидания он все таки получил разрешение на триумф. Но этому предшествовали интриги Помпея и его ставленника – трибуна К. Меммия, который был у него квестором в Испании. Последний обвинил Лукулла в сокрытии общественных денег. Однако доказать это не удалось и Лукулл был оправдан. Его триумфальный въезд в Рим показал народу полководческий талант Лукулла.

Производит впечатление описание привезенных в столицу трофеев. «Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десяток серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата, его

щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух... Восемь мулов везли золотые ложа, еще пятьдесят шесть – серебро в слитках и еще сто семь – серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел» [4, XXXVII]. Закончился триумф великолепным угощением для жителей, на котором было открыто более 100 тысяч бочек вина. Но даже льющееся рекой вино не вызвало особых восторгов толпы — этот триумф запоздал, как минимум, на три года!

Назначая триумф, сенаторы, видимо, рассчитывали пробудить законную гордость и одновременно оживить в памяти триумфатора все обиды, нанесенные ему соперником. В перспективе Сенатская партия хотела выставить Лукулла главным оппонентом Помпея, который своим возвышением и военными победами стал вызывать у нее серьезные опасения [8, с. 62]. Но этот расчет не оправдался. Лукулл имел все основания, чтобы выступить против своего обидчика, но в силу своего характера и воспитания не использовал сложившуюся ситуацию и уклонился от участия в политической борьбе. Видимо, он рассудил, что уже испытал достаточно огорчений и хотел провести остаток своих дней в покое.

Но были ли в Риме объективные условия для открытого противостояния Лукулла с могущественным противни-

ком? Анализ сложившейся политической ситуации и биографии Лукулла позволяет считать, что были.

Лукулл мог уклониться от прямого столкновения с Помпеем в силу слабости своего характера, тем более, что по свидетельству современников перед своей отставкой часто сносил обиды и оскорбления со стороны собственных солдат и офицеров. Плутарх считал, что Лукулл «никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угодение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой» [4, XXXIII]. Некоторые историки с сомнением относятся к данной характеристике, отмечая, что он действительно не угождал подчиненным. Но упрек в высокомерии по отношению к равным по положению не совсем справедлив. Ведь среди римской аристократии было немало людей алчных и бесчестных. И вряд ли они заслуживали лучшего отношения со стороны командующего. В таком случае Лукулла можно упрекнуть лишь в недостатке лицемерия [3, с. 209].

Солдаты также считали его бездушным и холодным гордецом, не желающим учитывать их интересы и настроение. Причина такого отношения кроется, скорее всего, в том, что командующий требовал от них безусловной дисциплины и, главное, запрещал грабежи и насилия, зачастую лишая воинов заслуженных, по их мнению, трофеев. Хотя надо признать, что последнее не всегда ему удавалось. Плутарх пишет: в нем «сказывалась душевная кротость и отличное воспитание, и

именно этими качествами Лукулл без оружия покорял чужеземные народы» [4, XXIX]. Казалось бы, выражение «душевная кротость» не очень соответствует облику римского полководца. Но в данном случае, эти слова, видимо, не следует понимать, что он был слабовольным и мягкотелым.

О его мужестве и смелости сохранилось немало свидетельств. Так, под Кизиком он лично возглавил пехоту и конницу в преследовании отряда понтийцев, которых наголову разгромил. А когда в одной из стычек с солдатами Митридата римляне побежали, Лукулл вышел из лагеря и не только остановил беглецов, но и повернул их назад. В битве при Тигранокерте он шел в доспехах полководца в первых рядах легионеров, которых лично направил на панцирную конницу Тиграна [4, XV и XXVIII]. Подобных эпизодов в его биографии можно привести еще немало. Таким образом, говорить о слабости или нерешительности Лукулла не приходится.

Несмотря на то, что в Риме у него было множество недоброжелателей, у Лукулла оставалось и немало сторонников. Часть сенаторов даже была готова поставить его во главе оппозиции против Помпея. Ведь Лукулл еще со времен суда против Сервилия пользовался авторитетом среди простых горожан. Даже тогда этот частный и локальный судебный процесс вызвал столкновения с ранеными и убитыми. Не секрет и то, что после возвращения в Рим добиться триумфа ему помогли многие влиятельные граждане. Все эти факты свидетельствуют о том, что при желании он бы нашел поддержку в определенной части общества.

Вернувшись на родину, Лукулл понял, что его жизнь, целиком отданная

суровым походам, заботам о могуществе Рима, не получила достойной оценки сограждан. Видимо он психологически устал, чтобы продолжать политическую борьбу. Некоторые историки считают, что «Лукулл отнюдь не был лидером в борьбе с притязаниями Помпея» [6, с. 123], намекая на его личные качества. Но все его поведение на войне свидетельствует о наличии у него лидерских качеств. Видимо, будучи человеком дальновидным и умным, он посчитал излишним для себя участвовать в подковерной, а затем и в открытой борьбе за власть, которая могла закончиться гражданской войной с непредсказуемыми последствиями. К тому же, он прекрасно видел, что заслуженная на полях сражений слава ничего ему не дает. Долгожданный триумф был встречен прохладно, и сам триумфатор с горечью понял, насколько переменчиво настроение толпы. Семейная жизнь также не удалась – два брака распались, принеся Лукуллу сплошные разочарования.

И в самом расцвете лет, всего лишь в 54 года, перед ним встала проблема: как жить дальше? Путей было два: с головой окунуться в борьбу за власть или отойти от политических дрызг. Если верить характеристике, которую дал ему Плутарх, то он недолго стоял перед этим выбором. Решение было принято однозначно в пользу второго варианта. Детей у Лукулла не было, и огромное состояние некому было оставить, кроме брата Марка, который был почти его ровесником. Поэтому Лукулл решает посвятить остаток жизни исключительно себе, за что и удостоился осуждения историка.

Несмотря на то, что Плутарх описывает своего героя с нескрываемой

симпатией, он укорял его за «забавы», к которым почему-то относит расточительное, по его мнению, строительство и увлеченное собирательство произведений искусства. Но больше всего нареканий вызывают у него «ежедневные пиры с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство» [4, XL]. Но Лукулл никогда не был бедным человеком. Поэтому вряд ли объективно говорить о нем, как о человеке, который неожиданно стал богачом. Внушительный капитал, который отчасти он получил по наследству, отчасти – в войнах, не вызывал осуждения в обществе и позволял ему жить на широкую ногу. Нет необходимости описывать огромные траты полководца на роскошное строительство и не менее роскошную жизнь. На себя он денег не жалел, так как прекрасно понимал, что свое состояние на тот свет не заберет.

Лукулл, несомненно, был «продолжателем традиций славных полководцев времен расцвета Республики» [3, с. 207]. Но он вошел в историю не как опытный и бесстрашный командующий, благоразумный политик и ценитель литературы, а, скорее, как эпикуреец, который сумел поразить своих современников роскошной жизнью в конце своего жиз-

ненного пути. Его победы над Митридатом и Тиграном, сложные и опасные походы, личная храбрость известны больше историкам, в то время как некоторые его выражения стали афоризмами («Лукуллов пир», «Лукулловы сады», «Лукулл в гостях у Лукулла»).

Несмотря на все приписываемые излишества, очевидно, что последние годы своей жизни Лукулл прожил в собственное удовольствие. Причем прожил достойно, не оставив фактов пьяных оргий или непристойного поведения. Скорее наоборот. Увлечение книгами, писательством, создание общедоступной библиотеки, собранная коллекция картин и скульптур вызывают к нему симпатию. Не случайно, когда он умер в возрасте шестидесяти лет, римляне искренне скорбели и хотели похоронить его на Марсовом поле. Несмотря на большой боевой опыт, а возможно и благодаря этому, он сделал в свое время осознанный для себя выбор в пользу мира и личных удовольствий. Поэтому его судьбу можно рассматривать не только как политическую дальновидность, но и как осознанную альтернативу гражданской войне в Риме.

Статья поступила в редакцию 02.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубченков Ю.Н. Луций Лициний Лукулл (ок. 117–56 до н.э.) – римский полководец // Его же. 100 великих аристократов. М.: Вече, 2013. С. 28–31.
2. Марк Туллий Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе) // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том I. М.: АН СССР, 1962. С. 167–186.
3. Остерман Л.А. Римская история в лицах. М.: О.Г.И., 1997. С. 193–214.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. 706 с.
5. Смыков Е.В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов: СГУ, 1999. С. 47–62.
6. Смыков Е.В. Гн. Помпей и Л. Лициний Лукулл: истоки и история одного конфликта // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 1999. С. 108–126.

7. Страбон. География. М.: Олма Пресс, 2004. 638 с.
8. Штоль Г.В. Луций Лициний Лукулл // Его же. История Древнего Рима в биографиях. Смоленск: Русич, 2003. С. 427–449.

REFERENCES

1. Lubchenkov Yu.N. Lutsii Litsinii Lukull (ok. 117–56 do n.e.) – rimskiy polkovodez [Lucius Licinius Lucullus (C. 117–56 BC) – Roman military leader]. In: *100 Great Aristocrats*. Moscow, Veche Publ., 2013, pp. 28–31.
2. Mark Tullii Tsitseron. Rech' o predostavlenii imperiya Gneyu Pompeyu (O Manilievom zakone) [Marcus Tullius Cicero. Speech on giving Pompey to the Empire Gnew (On Maniliy law)]. In: *Cicero. Rechi v dvukh tomakh*, vol. I. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, pp. 167–186.
3. Osterman L.A. *Rimskaya istoriya v litsakh*. Moscow, O. G. I., 1997, pp. 193–214.
4. Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Plutarch. Comparative biographies]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 706 p.
5. Smykov E.V. [Lucius Licinius Lucullus: the commander and public opinion]. In: *Antichnyi mir i arkheologiya*, iss. 10. Saratov, SGU Publ., 1999, pp. 47–62.
6. Smykov E.V. Gn. Pompei i L. Litsinii Lukull: istoki i istoriya odnogo konflikta [Gn. Pompey and L. Licinius Lucullus: the origins and history of one conflict]. In: *Drevnie i srednevekovye tsivilizatsii i varvarkii mir* [Ancient and medieval civilization and the barbarian world]. Stavropol, Stavropol state university Publ., 1999, pp. 108–126.
7. Strabon. *Geografiya* [Strabo. Geography]. Moscow, Olma Press Publ., 2004. 638 p.
8. Shtol' G.V. Lutsii Litsinii Lukull [Lucius Licinius Lucullus]. In: *Shtol' G.V. Istoriya Drevnego Rima v biografyakh*. Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 427–449.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: ev.yarovoy@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeny V. Yarovoy – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, History of Ancient World and Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: ev.yarovoy@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е.В. Лукулл как альтернатива гражданской войны в Древнем Риме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 78–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88

FOR CITATION

Yarovoi Ye. Lukull as an Alternative to the Civil War in Ancient Rome. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 78–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88

УДК 94(489+540.651.24)"1616/1807" + 334.726(489)"17/19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-89-100

ТОПОЛОГИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАТСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ

Сапунцов А.Л.

Институт Африки Российской академии наук

123001, г. Москва, ул. Спиридоновка д. 30/1, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведено исследование децентрализованных форм колониальной экспансии, которые предполагают оптимизацию топологии аннексируемой заморской территории и установление прямого контроля исключительно в центрах производства, торговли и пересечения транспортных маршрутов, что в той или иной степени было свойственно первым транснациональным корпорациям (ТНК) – ост-индским компаниям (ОИК). Обосновано, что указанные формы колонизации были успешно применены Датской ОИК после 1616 г. (с учетом её реорганизации во вторую компанию в 1670 г. и в «Азиатскую компанию» в 1732 г.) при учреждении факторий (в Транкебаре, других частях Индии и Китае), что обеспечило налаживание внутриазиатской торговли, а также доставку грузов европейских купцов-конкурентов из Азии в Копенгаген для реэкспорта. Аргументирован тезис о значимости частнопредпринимательского капитала в деятельности Датской ОИК, что позволило оптимизировать затраты на администрирование заморскими владениями и диверсифицировать регионы торговли за счет отказа от свойственной первым ТНК моноцентрической модели снабжения метрополии колониальными товарами.

Ключевые слова: Азия, Датская Ост-Индская компания (ОИК), заморская торговля, колониальная экспансия, Коромандельский берег, Транкебар, транснациональная корпорация (ТНК).

DECENTRALIZED COLONIZATION TYPOLOGIES IN OPERATIONS OF THE DANISH EAST INDIA COMPANY

A. Sapuntsov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka ul., Moscow, 123001, Russian Federation

Abstract. The research covers the decentralized forms of colonial expansion, which suppose the optimization of the annexed overseas territory topology and establishment of direct control only in the centers of production, trade, and transport cross-roads. Such state of affairs was somehow concomitant to the first transnational corporations (TNC), especially to the East India Companies (EIC). It has been argued that the abovementioned forms of colonial policy were successfully implemented by the Danish EIC – *Østindisk Kompagni* – after 1616 (as it was reorganized into the second company in 1670 and into the *Asiatisk Kompagni* in 1732) as it established factories in Tranquebar, other parts of India, and China. The Company also outreached

intra-Asian trade and shipped cargoes for rivalling European merchants to Copenhagen for re-exportation. The important role of private capital in the Danish EIC has been stipulated, since it had allowed optimization of overseas administration costs. The patterns of trade diversified as the Company had relinquished the monocentric topology of supplying colonial cargoes to the home country, as the first TNCs were apt to follow.

Key words: Asia, Danish East India Company (EIC), overseas trade, colonial expansion, Coromandel Coast, Tranquebar, transnational corporation (TNC).

Эволюционное формирование государственных образований в средневековой Европе преимущественно сопровождалось утверждением авторитарных форм правления, при которых представители властных элит рассматривали подконтрольную территорию и населяющих её подданных в качестве источника для собственного обогащения. Однако свойственная эпохе Античности модель вертикально интегрированных империй, образованных в результате завоевания сопредельных территорий и их ограбления, показала отрицательные черты её применения, связанные с высокими затратами на проведение там военных кампаний. Крайне дорогостоящим было введение и поддержание диктаторского режима по управлению угнетёнными народами, уничтожение которых было нерациональным, в том числе с экономической точки зрения, и затруднялось распространением новых социально-философских концепций. Колонисты, в особенности английские, начали руководствоваться идеологией схоластики и ренессансного гуманизма [12, p. 1].

Европейцы начали осознавать, что заморские земли и населяющие их туземные народы были огромным источником натуралистических знаний и технологий по переработке местных минеральных ресурсов, а также рынком сбыта товаров, произведённых в

метрополии, и местом приложения ее избыточных факторов производства. Например, датский алхимик Педер Сёресен перевозил последователей своего дела, чтобы они «купили себе туфли, путешествовали в горы, обшаривали долины, пустыни, морские берега и глубочайшие лощины мира; внимательно замечали различия между видами животных, растений и разнообразных минералов, а также познавали свойства и первопричину всего, что находится в окружающем мире» [5, p. 160]. Указанное, как никогда ранее, актуально для отношений между развитыми странами современного мира и его «периферией», которая перестаёт рассматриваться как источник легкодоступного сырья и дешёвого труда. Например, «произошло смещение акцента от „помощи развитию“ к „партнёрству“ (*partnership*), то есть совместному использованию ресурсов и возможностей континента [Африки] с чётко выраженной выгодой для обеих сторон» [2, с. 28].

С приходом эпохи Великих географических открытий европейские державы активизировали мореплавание с целью организации импортных поставок товаров из Азии. Для решения задач материально-технического обеспечения флота, поддержания складских, заготовительных и торгово-обменных комплексов в колонизируемых территориях, а также для обеспечения там

военной безопасности были организованы фактории и армейские укрепления с территориями, подконтрольные метрополиям. Необходимость применения физической силы к туземным народам и конкурирующим колонизаторам определяла топологические характеристики площади захваченной территории, достаточные для стабильного и эффективного осуществления деятельности с учетом уровня и глубины распространения там власти метрополии. С учётом различий в моделях колонизации, применяемых европейцами, достигался некий баланс между допуском частнопредпринимательского капитала на внешний рынок и выполнением хозяйственных функций государственными институтами, принадлежавшими королю и подконтрольными религиозным организациями.

Представляется крайне ограниченным рассматривать формы организации деятельности человека в колониях по аналогии с распространением контактных организмов во время эпидемии инфекционных заболеваний, которые, в свою очередь, зачастую оказывали сдерживающее воздействие на внешнюю политику метрополии. Например, вспышки жёлтой лихорадки привели к задержке в выполнении работ по строительству Панамского канала, и вплоть до середины XX в. эпидемии этого заболевания оставили значимый след в истории Латинской Америки и Африки [4, р. 2]. Европейские колонисты раннего Нового времени поставили под сомнение продуктивность применения схем тотального ограбления захваченных территорий, способных принести сиюминутные выгоды от присвоения запаса ценно-

стей и порабощения туземного населения, а также истребления его представителей, не способных к занятию трудовой деятельностью. Более того, одномоментное изъятие биологических ресурсов нарушало рациональность землепользования и ставило под угрозу выживаемость самих колонистов в будущем.

В последнее время наблюдается повышенный интерес учёных к подготовке оценок роли скандинавских стран в колониальной экспансии Нового времени и их участия в формировании евроцентричного мира. В исследованиях прослеживается линия на отрицание связи скандинавских королевств с какими-либо зверствами, учинёнными европейскими колониальными режимами, и на авансцену выдвигаются тезисы о преобладании экономических амбиций и доминировании потребности в получении прибыли в качестве основных мотивов к учреждению скандинавами колоний и транснациональных корпораций (ТНК). Указывается, что «скандинавское участие в колониальной политике было милосердным, и соответствующее взаимодействие с коренными народами Африки, Азии и Америки было великодушным, так как оно основывалось на сотрудничестве, нежели чем на принуждении или покорении» [18, р. 4].

Децентрализованная колонизация стала основной чертой заморской экспансии Дании, достигшей своего пика в XVIII–XIX вв. и распространившейся в Индию (1620–1845 гг.), Африку (1659–1850 гг.), Карибский бассейн (1672–1917 гг.) и Северную Атлантику (Гренландия, Исландия, Фарерские о-ва) [16, р. 744]. С учётом отставания Дании в военном строительстве

и применения политики нейтралитета, основной упор был сделан на размещение опорных пунктов в важных местах пересечения торговых путей и ограничение площади захваченной территории, что позволяло оптимизировать расходы на колониальное администрирование и одновременно наделяло датских купцов возможностями по диверсификации региональной структуры торговых операций и расширению форм участия в экономических отношениях. Однако имеются и диаметрально противоположные выводы об истинном гуманизме рассматриваемого «бизнеса», согласно которым «датские подходы к организации работоторговли и использованию рабского труда на плантациях были во всех отношениях столь же жестокими, brutальными и нечеловечными, как и деятельность других держав в аналогичных колониальных предприятиях» [20, p. 4].

Датская Ост-Индская компания (ОИК) была учреждена согласно королевской хартии Кристиана IV в марте 1616 г. с целью налаживания торговли с Индией; уставный капитал составил 180 тыс. риксдолл., из которых 9,4% внес король, 12,5% – братья голландского происхождения Жан и Давид де Виллемы, а остальное – представители датской и норвежской знати, буржуазии Копенгагена и прочие инвесторы [21, p. 42]. Принятию указанного решения способствовали дошедшие до Дании сведения о высокой доходности первых ТНК – корпоративных форм организации торгового мореплавания, применённых в начале XVII в. английскими и голландскими купцами в импортных операциях по поставкам специй из стран Азии. Возможность

вовлечения увеличивающегося в объёме частнопредпринимательского капитала в серию торговых экспедиций не только вводила важные коммерческие стимулы для инвесторов и повышала уровень управляемости ОИК, но также позволяла извлечь выгоду из специализации субъектов колониальной экспансии на выполнении суверенных функций по оказанию военной защиты.

Автократические режимы со свойственным им принципом *L'état c'est moi*, применяемым в государственном управлении, отнюдь не ставили перед собой задачу по распространению тотального контроля над экономической деятельностью своих подданных и обращению их в рабов, так как свобода частнопредпринимательской инициативы, следствием которой становится бóльшая величина производимой стоимости, открывает новые возможности для оптимизации налогообложения и позволяет решить задачу по максимизации поступлений в королевскую казну. Конфискационный фискальный режим, возможно, и принесет сиюминутную выгоду, но организация торговых отношений между субъектами в регионах страны с последующим изъятием части прибыли в пользу центральных органов управления оказывается, в большинстве случаев, более рентабельной на некотором отрезке времени при условии сохранения власти в руках правящей династии.

Датские торговые компании (общества или корпорации) осуществляли деятельность в XVII в. на протяжении продолжительного периода времени (обычно явно указанного) и имели большое количество учредителей (однако встречались компании, основан-

ные 10–12 лицами), между которыми распределялась прибыль в пропорции со взносами в складочный капитал. Королевская хартия или аналогичная концессия служила правовой базой для осуществления деятельности компании и содержала в себе её обязанности, а также предоставленные ей привилегии и срок их действия; принимался устав, регламентирующий порядок проведения экономических операций и регулировавший отношения между акционерами и директорами [10, р. 205]. Из устава Голландской ОИК была дословно взята часть статей для составления хартии о Датской ОИК с указанием *bewindhebber* в качестве должностей её девяти директоров [14, р. 93]. Однако эти лица постоянно размещались в Копенгагене, что отличалось от принципов организации Герена XVII и подходов к ротации обременяющих его палат.

Несмотря на утрату архивов Датской ОИК, определённую информацию можно получить из записей государственных органов, регистрировавших отбытие из Европы морских судов в Азию и их прибытие. Более того, в архивных материалах Голландской ОИК описана деятельность датчан в Азиатском регионе, и на основе обобщения этих сведений правомерно констатировать важное значение внутриазиатской торговли для датского бизнеса [21, р. 43]. Ряд голландцев занимали высокопоставленные должности в Датской ОИК, а несколько директоров факторий Голландской ОИК, размещавшихся на Коромандельском берегу, выстроили личные отношения с датскими «коллегами» и отмечали коммерческий успех, достигнутый ими в первой половине XVII в. «Дат-

чане активно сотрудничали с голландским купечеством при организации торговой экспансии на новые рынки, тем самым получая доступ к капиталу и накопленному опыту ведения дел» [6, р. 16].

Голландец Марцелл де Боусхофер, ранее служивший в Голландской ОИК на Коромандельском берегу и Цейлоне, выступил в роли посла при радже Канди (Сенарата), в результате чего 30 марта 1618 г. в Копенгагене было подписано соглашение о торговле и сотрудничестве между королевством и Данией [17, р. 13–14]. Экспедиция в составе четырех кораблей (торговые корабли – «Кристиан» и «Копенгаген», военные корабли – «Элефант» и «Давид») под командованием Ове Гедде отправились в ноябре 1618 г. в воды Азии с целью изыскать возможности для торговли на Цейлоне и Юго-Восточной Индии [21, р. 43]. Датский флейт сопровождал флот, и в его состав был включен захваченный в районе островов Кабо-Верде французский корабль пиратов, который был переименован в «Выносливый». Организация указанной экспедиции находилась в руках двух голландцев, одним из которых был Жан де Виллем, а другой – Хендрик Розенкранц.

Голландец Роллант Краппе отбыл в Индию отдельно на яхте «Эрсесунн» в августе 1618 г. и прибыв в Танджавур, приступил там к проведению подготовительной работы по организации датской торговой деятельности, тогда как остальные члены экспедиции должны были базироваться на Цейлоне. Датчане рассматривали Танджавур как перспективное место для учреждения фактории, так как голландцы и англичане практически не вторгались в пре-

дела этого региона и не совершали на него набеги, а португальцы торговали нерегулярно и не проводили военные кампании, как в Малабаре. Более того, в начале XVII в. интенсифицировалась торговля перцем по сухопутным маршрутам из Малабара в Танджавур, которые проходили через горные ущелья Западных Гатов. В начале 20-х гг. XVII в. организаторы голландских факторий в Пуликате описывали Пету в окрестностях Танджавура как «город-рынок», куда в значительном количестве поставлялся перец из Малабарского берега – это приносило династии Найяков в Танджавуре доход в размере пятисот риалов в день [21, р. 44].

Р. Краппе атаковал португальцев, но был захвачен в плен и смог бежать только в конце 1619 г. В мае 1620 г. флот под командованием О. Гедде прибыл на Цейлон, причем за время экспедиции была потеряна половина членов экипажа. После проведения переговоров с Сенаратом о выдаче земельного участка под строительство крепости близ Тринкомали, О. Гедде направился на Коромандорский берег и в октябре 1620 г. прибыл в королевский двор Танджавура, а 20 ноября его правитель Рагхунатха Наяк предоставил концессию, позволившую датчанам соорудить форт Дансбург – укрепления в районе рыболовецкой деревни Транкебар [9, р. 3]. За 1624–1636 гг. регионы торговых операций Датской ОИК были существенно расширены за счет размещения факторий в Масулипатаме, Сурате, Баласоре и на Яве, а также вследствие установления отношений с предпринимателями из Бенгалии и Борнео.

На протяжении 1618–1639 гг. 18 кораблей датской ОИК отправились из

Копенгагена на Коромандельский берег, и за 1622–1637 гг. только семь из них вернулись назад, привезя с собой груз перца и гвоздики [9, р. 3]. В 1624 г. Датская ОИК была должна королю порядка 307 тыс. риксдолл., а к 1630 г. ему принадлежала почти половина акционерного капитала компании, что было вызвано как увеличивающимися объёмами инвестирования короны, так и уходом других акционеров [21, р. 48]. Их возможности по принятию решений об отправке грузов в Европу снизились, и руководство компании освободилось от выполнения указанной тягостной обязанности. Директора компании «превратились в государственных гражданских служащих, а сам король – в единоличного директора компании» [11, р. 140]. Предприниматели изначально планировали оставить суда в Азии и использовать их там для организации «перекрестной» торговли между своими колониями и опорными пунктами, что делало невозможным учреждение в Копенгагене перевалочных баз для реэкспорта азиатских товаров в другие страны Европы и противоречило интересам властных кругов Дании.

Однако личная забота Кристиана IV о Датской ОИК спасала её от ликвидации, которая всё же состоялась в 1650 г. после передачи короны Фредерику III. В сентябре 1670 г. королевский фрегат «Фарер» вернулся в Копенгаген с грузом перца и прочих специй из Бантама, и под впечатлением этого Кристиан V подписал 28 ноября того же года королевскую хартию об учреждении второй Датской ОИК, восстановив факторию в Транкебаре [9, р. 4]. Нейтралитет датского флага обеспечивал судам компании преиму-

щества относительно английской и голландской ОИК во второй половине XVII в., что привело к увеличению объёмов поставок перца, селитры и индийского хлопкового текстиля на копенгагенские аукционы, а возросшие доходы стимулировали привлечение новых акционеров.

Оборот внутриазиатской торговли Датской ОИК достиг максимального значения в последней четверти XVII в., однако политический нейтралитет метрополии более не мог защищать компанию от конкурентов в лице Голландской ОИК. Когда её монопольная власть ослабла, вторая Датская ОИК возобновила торговую деятельность с новой силой, но в годы Северной войны у компании возникли финансовые затруднения, которые обострились в 1709 г. и были связаны с возможными захватами её судов шведами в Северном море и необходимостью совершать дорогостоящие остановки в английских портах.

К моменту заключения мира в 1720 г. финансовые дела компании находились в негативном состоянии, король Фредерик IV отказался предоставить обеспечение по новому займу, в 1729 г. она была ликвидирована, а Транкебар был передан датской короне. Эксперты комиссии по проведению аудита Датской ОИК пришли к заключению о том, что за период 1671–1727 гг. ей было поставлено в Транкебар серебра и товара на 2,9 млн рикс-долл., тогда как в составе 45-ти экспедиций в Данию было ввезено грузов на 5,7 млн; грузы были проданы на аукционе и из них 78% было реэкспортировано (в стоимостном выражении) [9, p. 4].

Проводя анализ топологии децентрализованной колониальной экспан-

сии Дании, важно учитывать, что право собственности связано с необходимостью формирования структуры правомочий и обретения ими достаточных характеристик для эффективного использования объектов в хозяйственной деятельности – это указывает на размывание властных полномочий собственника и снижает рациональность достижения абсолютного владения или обладания заморской землёй. Обычно указанные суждения связывают с появлением производных ценных бумаг и их обезличенным обращением на фондовом рынке, в результате чего возникает «финансовая» собственность, оторванная от материально-вещественных благ, или фиктивный капитал ОИК, циркуляция которого генерирует «мыльные пузыри» и вызывает жёсткие экономические кризисы, как это было в Великобритании и Нидерландах в рассматриваемый период времени.

Королевская хартия Кристиана VI от 12 апреля 1732 г. реанимировала Датскую ОИК в форме «Азиатской компании», которая учреждалась с целью «поощрения и расширения торговли и мореплавания в нашем царстве и его землях в лучших интересах зависимого простого люда; чтобы указанная азиатическая торговля в этих землях была поставлена на регулярную основу». Новая компания получила автономию в выборе собственной организационной структуры и топологии органов управления, а также обладала улучшенными механизмами привлечения и защиты капитала [13, p. 110]. Несмотря на то, что спрос на колониальные товары предъявляли ограниченные слои населения Дании, компания смогла добиться существенного прогресса в диверсификации

региональной структуры торговых операций в Азии (за 1732–1771 гг. от туда в Данию было направлено 98 экспедиций, поставивших товара на 41,7 млн риск-долл.) за счет учреждения факторий в Кантоне и экономической экспансии в Китай (54 из вышеприведённых экспедиций были проведены с этой страной, что обеспечило поставку порядка $\frac{3}{4}$ стоимости товара – в особенности после 1760 г.) [15, р. 34].

Период 1772–1807 гг. принято считать «золотым веком» в колониальной деятельности Дании, когда показательным стало решение от 1777 г. о передаче колоний «Азиатской компании» в Индии короне с обеспечением конкуренции в торговле между предпринимателями [7, р. 140]. В этой стране колониальная деятельность вышла за пределы хозяйственной сферы, в частности, появилось крупное «Датское миссионерское общество» (1864 г.), построившее церкви, школы, приюты, вдовьи дома, а позже – больницу [22, р. 597]. Начавшаяся в 1807 г. Англо-датская война нанесла весомый удар по деятельности «Азиатской компании», так как вооружённые силы её метрополии оказались не в состоянии обеспечить должную защиту. Компания была ликвидирована, и Датские колонии в Индии и Цейлоне, а также Датский Золотой Берег были проданы Великобритании. Последующие датские торговые общества умело использовали нейтралитет своей метрополии для предоставления колониям враждующих европейских стран транспортных услуг через Копенгаген, что наблюдалось на рубеже XVIII–XIX вв. в районе Нидерландской Батавии [8, р. 73].

Учредители Датской ОИК учитывали необходимость достижения ре-

гулярного характера проведения торговых операций, для чего требовалось мобилизовать капитал в большом объёме и предоставить весомые гарантии при заимствовании денежных средств. Страны Европы рассматривали ОИК как способ обеспечения экономического роста и, в более широком смысле, улучшения общественной обстановки в целом, поэтому частные компании получали столь существенную поддержку от государства. Дания активно использовала свои колониальные владения не только в рассматриваемом регионе, но также в Северной Атлантике, Ост-Индии и Африке для решения задач по бесперебойному снабжению импортными товарами, а также сбыту продукции датского производства в целях достижения социального прогресса и стабильной политической обстановки.

Ряду регионов мира необходимо учесть в своей современной внешней политике явления, наблюдавшиеся в ходе проведения Данией в рассматриваемый период времени децентрализованной колониальной экспансии с опорой на ТНК, так как «проникновение на африканские рынки и интеграция хозяйственных потенциалов Старого Света и Африки – едва ли не единственный путь для Европы сохранить свой геополитический вес и уровень благосостояния в XXI веке» [1, с. 3]. Дания ликвидировала свои колонии значительно раньше других европейских стран, однако «передача имперских полномочий к частным предприятиям позволила им и в дальнейшем извлекать выгоды из экономических отношений колониального прошлого, в том числе благодаря контролю над экспортно-импортными

операциями. В настоящее время Дания позиционирует себя как прогрессивное общество достатка, в котором защищаются ценности социальной справедливости и решаются вопросы гуманитарного характера» [19, р. 208]. Эта страна располагает крупнейшим в мире торговым флотом, на службу в который привлекаются иностранные моряки, в основном из Филиппин, Индии и Польши [3, р. 1].

Дания во многом предвосхитила своих европейских конкурентов в проведении колониальной экспансии с участием ТНК, основанной на оптимизации органов колониального администрирования и отказе от применения моноцентрической модели снабженческого капитализма. Выйдя на новые рынки сбыта колониальных товаров в Азиатском регионе и оказывая другим европейцам посреднические услуги в торговле и грузоперевозках, Датская ОИК смогла избежать прямого вовлечения в военные конфликты, связанные с

проведением «крестовых походов» против туземцев и их ограблением, и получила возможность выйти на рекордные показатели рентабельности. Несмотря на сохраняющийся негативный «след» Дании в её бывших азиатских и африканских владениях, наследие колониального прошлого рассматривается там не столь негативно, как сохраняющиеся отголоски деятельности других европейских держав. Общественный доход Дании, полученный от работы её ОИК, был столь существенным в расчете на душу населения, что позволил быстрыми темпами развивать промышленность, провести модернизацию аграрного сектора, увеличить энергоёмкость производства и в целом способствовал проведению реформ в политической системе, направленных на демократизацию и распространение плюрализма, и совершенствованию социальной сферы.

Статья поступила в редакцию 08.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 5. С. 2–10.
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 9. С. 24–35.
3. Ádám B. et al. Occupational Accidents in the Danish Merchant Fleet and the Nationality of Seafarers // *Journal of Occupational Medicine and Toxicology*. 2014. Vol. 35, I. 9. P. 1–8.
4. Chippaux J.-P., Chippaux A. Yellow Fever in Africa and the Americas: a Historical and Epidemiological Perspective // *Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases*. 2018. Vol. 24, No. 1. P. 1–14.
5. Cummins A. Transatlantic Cunning: English Occult Practices in the British American Colonies // *Prophecy and Eschatology in the Transatlantic World, 1550–1800* / Andrew Crome Ed. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 151–186.
6. Dalgård S. Danish Enterprise and Mauritius Ebony, 1621–1624 // *Scandinavian Economic History Review*. 1956. Vol. 4, No. 1. P. 3–16.
7. Feldbæk O. Danish East India Trade 1772–1807. Statistics and Structure // *Scandinavian Economic History Review*. 1978. Vol. 26, I. 2. P. 128–144.
8. Feldbæk O. Dutch Batavia Trade via Copenhagen 1795–1807. A Study of Colonial Trade and Neutrality // *Scandinavian Economic History Review*. 1975. Vol. 21, I. 1. P. 43–75.

9. Feldbæk O. The Danish Asia Trade 1620–1807. Value and Volume // *Scandinavian Economic History Review*. 1991. Vol. 39. P. 3–27.
10. Feldbæk O. The Danish Trading Companies of the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Scandinavian Economic History Review*. 1986. Vol. 34, I. 3. P. 204–218.
11. Feldbæk O. The Organization and Structure of the Danish East India, West India and Guinea Companies in the 17th and 18th Centuries // *Companies and Trade. Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Régime* / Leonard Blussé & Femme S. Gaastra Eds. Leiden: Leiden University Press, 1981. P. 135–158.
12. Fitzmaurice A. The Ideology of Early Modern Colonisation // *History Compass*. 2014. Vol. 2, I. 1. P. 1–14.
13. Glamann K. The Danish Asiatic Company, 1732–1772 // *Scandinavian Economic History Review*. 1960. Vol. 8, No. 2. P. 109–149.
14. Goebel E. Danes in the Service of the Dutch East India Company in the Seventeenth Century // *International Journal of Maritime History*. 2004. Vol. 16, No. 1, P. 77–93.
15. Hodacs H. Silk and Tea in the North. Scandinavian Trade and the Market for Asian Goods in Eighteenth-Century Europe. London: Palgrave Macmillan, 2016. XII, 316 p.
16. Jensen J.O., Hall J.A. The Decomposition of the Danish Imperial Monarchy // *Nations and Nationalism*. 2014. Vol. 20, I. 4. P. 742–759.
17. Larsen K. De Dansk-Ostindiske Koloniers Historie: 2 vols. Vol I. Trankebar. København: Centralforlaget, 1907. 194 p.
18. Naum M., Nordin J.M. Introduction: Situating Scandinavian Colonialism // *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity. Small Time Agents in a Global Arena*. N.Y.: Springer Science+Business Media, 2013. P. 3–16.
19. Olwing K.F. Narrating Deglobalization: Danish Perceptions of a Lost Empire // *Global Networks*. 2003. Vol. 3, I. 3. P. 207–222.
20. Rud S. Colonialism in Greenland. Tradition, Governance and Legacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 170 p.
21. Subrahmanyam S. The Coromandel Trade of the Danish East India Company, 1618–1649 // *Scandinavian Economic History Review*. 1989. Vol. 37, I. 1. P. 41–56.
22. Vallgård K.A.A. Trying Children to God with Love: Danish Mission, Childhood, and Emotions in Colonial South India // *Journal of Religious History*. 2015. Vol. 39, No. 4. P. 595–613.

REFERENCES

1. Abramova I.O. [Lavrov's African Tour: New Challenges and perspectives for Russian Cooperation with Africa]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 2018, no. 5, pp. 2–10.
2. Abramova I.O., Fituni L.L. [The Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 9, pp. 24–35.
3. Ádám B. et al. Occupational Accidents in the Danish Merchant Fleet and the Nationality of Seafarers. In: *Journal of Occupational Medicine and Toxicology*, 2014, vol. 35, I. 9, pp. 1–8.
4. Chippaux J.-P., Chippaux A. Yellow Fever in Africa and the Americas: a Historical and Epidemiological Perspective. In: *Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 1–14.
5. Cummins A. Transatlantic Cunning: English Occult Practices in the British American Colonies. In: *Prophecy and Eschatology in the Transatlantic World, 1550–1800*. London, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 151–186.
6. Dalgård S. Danish Enterprise and Mauritius Ebony, 1621–1624. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1956, vol. 4, no. 1, pp. 3–16.

7. Feldbæk O. Danish East India Trade 1772–1807. Statistics and Structure. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1978, vol. 26, I. 2, pp. 128–144.
8. Feldbæk O. Dutch Batavia Trade via Copenhagen 1795–1807. A Study of Colonial Trade and Neutrality. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1975, vol. 21, I. 1, pp. 43–75.
9. Feldbæk O. The Danish Asia Trade 1620–1807. Value and Volume. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1991, vol. 39, pp. 3–27.
10. Feldbæk O. The Danish Trading Companies of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1986, vol. 34, I. 3, pp. 204–218.
11. Feldbæk O. The Organization and Structure of the Danish East India, West India and Guinea Companies in the 17th and 18th Centuries. In: *Companies and Trade. Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Régime*. Leonard Blussé & Femme S. Gaastra Eds. Leiden, Leiden University Press, 1981, pp. 135–158.
12. Fitzmaurice A. The Ideology of Early Modern Colonisation. In: *History Compass*, 2014, vol. 2, I. 1, pp. 1–14.
13. Glamann K. The Danish Asiatic Company, 1732–1772. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1960, vol. 8, no. 2, pp. 109–149.
14. Goebel E. Danes in the Service of the Dutch East India Company in the Seventeenth Century. In: *International Journal of Maritime History*, 2004, vol. 16, no. 1, pp. 77–93.
15. Hodacs H. Silk and Tea in the North. Scandinavian Trade and the Market for Asian Goods in Eighteenth-Century Europe. London, Palgrave Macmillan, 2016. XII, 316 p.
16. Jensen J.O., Hall J.A. The Decomposition of the Danish Imperial Monarchy. In: *Nations and Nationalism*, 2014, vol. 20, I. 4, pp. 742–759.
17. Larsen K. De Dansk-Ostindiske Koloniers Historie: 2 vols. Vol I. Trankebar. København: Centralforlaget, 1907. 194 p.
18. Naum M., Nordin J.M. Introduction: Situating Scandinavian Colonial-ism. In: *Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity*. Small Time Agents in a Global Arena M. Naum & Jonas M. Nordin Eds. New York, Springer Science+Business Media, 2013, pp. 3–16.
19. Olwing K.F. Narrating Deglobalization: Danish Perceptions of a Lost Empire. In: *Global Networks*, 2003, vol. 3, I. 3, pp. 207–222.
20. Rud S. Colonialism in Greenland. Tradition, Governance and Legacy. Cham, Palgrave Macmillan, 2017. IX, 170 p.
21. Subrahmanyam S. The Coromandel Trade of the Danish East India Company, 1618–1649. In: *Scandinavian Economic History Review*, 1989, vol. 37, I. 1, pp. 41–56.
22. Vallgård K.A.A. Trying Children to God with Love: Danish Mission, Childhood, and Emotions in Colonial South India. In: *Journal of Religious History*, 2015, vol. 39, no. 4, pp. 595–613.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапунцов Андрей Леонидович – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Sapuntsov – doctor of economic sciences, associate professor, senior researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапунцов А.Л. Топология децентрализованной колонизации в деятельности Датской Ост-Индской компании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 89–100.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-89-100

FOR CITATION

Sapuntsov A. Decentralized Colonization Typologies in Operations of the Danish East India Company. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 89–100.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-89-100

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115

ФРАНЦИЯ И ВОПРОСЫ РАЗОРУЖЕНИЯ (1958–1974 ГГ.)

Осипов Е.А.*Институт всеобщей истории Российской академии наук**119334, Москва, Ленинский проспект, 32а*

Аннотация. Анализ эволюции французской политики в вопросах сокращения вооружений в период президентства Шарля де Голля и Жоржа Помпиду проведен на основе материалов архива Министерства иностранных дел Франции (большая часть из которых не введена в научный оборот ни в российской, ни в зарубежной историографии). В статье показаны причины и особенности проведения Парижем особой политики в области разоружения. Исследование подтверждает, что позиция Франции, отказавшейся от участия во всех крупных проектах по сокращению вооружений в рассматриваемый период, объяснялась отличным от СССР и США пониманием сущности «разрядки» и проблем разоружения. Так, для Москвы и Вашингтона «разрядка» означала закрепление сложившегося после Второй мировой войны статус-кво, а сокращение вооружений, соответственно, неизменно планировалось на сбалансированной и блоковой основе. Франция, напротив, стремилась к преодолению «ялтинской системы» международных отношений, и отвергала советско-американские инициативы по сокращению вооружений из-за их биполярного характера. Сделанные выводы актуальны не только для периода «холодной войны», но и для объяснения политики в условиях современного обострения международной обстановки.

Ключевые слова: разоружение, «разрядка», Московский договор, «ялтинская система» международных отношений, Франция, голлизм.

FRANCE AND DISARMAMENT ISSUES (1958–1974)

E. Osipov*Institute of World History, Russian Academy of Sciences**32a, Leninskiy prospect, Moscow, 119332, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to analyze the evolution of the French policy in matters of arms reduction during the presidency of Charles de Gaulle and Georges Pompidou. Based on the materials of the archive of the Ministry of Foreign Affairs of France, most of which have not been put into scientific circulation either in Russian or in foreign historiography, the text shows the reasons for the formation and peculiarities of Paris's special policy in the field of disarmament. The study confirms that the position of France, which refused to participate in all major arms reduction projects, was explained by the détente's essence and disarmament issues understanding different from the standpoint of the USSR and the United States. For Moscow and Washington, détente meant consolidating the status quo that developed after the Second World War, and arms reduction, respectively, was invariably planned on a balanced and block basis.

© СС BY Осипов Е.А., 2018.

France, which aspired just to overcome the Yalta system of international relations, rejected Soviet-American initiatives to reduce armaments because of their bipolar nature. The conclusions drawn in the article are relevant not only for the Cold War period, but also for the current aggravation of the international situation.

Key words: Disarmament, détente, Moscow Treaty, Yalta system of international relations, France, Gaullism.

Голлизм как внешнеполитическая доктрина строился на идее «величия», то есть возвращении Франции самостоятельной роли в международных отношениях [1, с. 168–172]. Проведение подлинно независимой политики в условиях «холодной войны» ставило перед Францией очевидную задачу по выстраиванию собственной системы безопасности. Она основывалась прежде всего на двух аспектах: во-первых, обладание собственными ядерными силами, во-вторых, наличие достаточного военного потенциала для самостоятельной защиты собственных границ. Известно, что при реализации поставленных целей де Голль сначала предпринял попытку перераспределения ролей и обязанностей внутри НАТО в надежде повысить статус Франции до уровня Великобритании. Однако, не добившись от Вашингтона и Лондона желаемого, Париж в итоге взял курс на выход из военной организации НАТО и добился вывода американских войск с территории Франции [4, с. 237]. Учитывая разницу в военных потенциалах между Францией и двумя сверхдержавами, Париж мог самостоятельно обеспечить защиту собственных границ только с помощью создания национальных ядерных сил.

Разработка ядерного оружия во Франции началась еще во времена Четвертой республики. С приходом де Голля к власти в 1958 г. французский ядерный проект приобретал совер-

шенно иное значение. В период Четвертой республики ядерное оружие рассматривалось не как часть подлинно независимой системы обороны, а как средство для повышения роли Парижа в ЕЭС и НАТО [11, р. 47]. Для де Голля же, воспринимавшего атомное оружие как необходимый инструмент для возвращения Франции подлинной независимости, ядерный проект – приоритетное направление всей государственной политики. Учитывая необходимость создания именно национальных ядерных сил, Франция при де Голле отказалась от существовавших в период Четвертой республики совместных ядерных проектов с Италией и ФРГ, равно как и от идей помощи Израилю в разработке ядерного оружия. Первое испытание французской ядерной бомбы состоялось 13 февраля 1960 г.

Вхождение Франции в элитный клуб ядерных держав резко повысило международный статус Пятой республики, но при этом привело к осложнению отношений с союзниками по западному блоку и к ухудшению репутации Франции в мире. В тот период СССР постепенно сокращал свое отставание от США в военной мощи и был близок к достижению военно-стратегического паритета. В связи с этим все чаще звучали призывы к сдерживанию гонки вооружений и постепенному переходу к пропорциональному разоружению. Еще в марте

1957 г. Москва выступила с инициативой запрещения ядерных испытаний. Для Франции подобное предложение было явно несвоевременным. Запрет ядерных испытаний мог привести не к ядерному разоружению, а к монополизации ядерного оружия и к закреплению военного лидерства трех уже существовавших атомных держав: СССР, США и Великобритания. Франция, тогда только готовившаяся войти в элитный клуб, отказалась поддержать инициативу Москвы. В дальнейшем Париж не изменит своей позиции, и договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой был подписан в Москве 5 августа 1963 г. без участия Франции.

В переговорах, предшествовавших подписанию документа, обе сверхдержавы предпринимали попытки все же уговорить Париж изменить свое мнение. В частности, 24 июля 1963 г. Джон Кеннеди предлагал де Голлю в обмен на его согласие подписать договор поделиться с французской стороной данными об американских испытаниях в атмосфере [11, р. 159]. Однако подобная сделка не устроила французского президента. Он считал, что даже при наличии желания президент США не сможет передать секретные данные французской стороне, да и в наличии такого желания де Голль тоже сомневался. В любом случае использование американских данных без возможности их проверить в экспериментальных условиях явно противоречило самой идее создания национальных ядерных сил. Что же касается отношения де Голля в целом к Московскому договору 1963 г., то оно было четко сформулировано во время пресс-конференции 29

июля 1963 г.: «Ничто не мешает двум сверхдержавам после приостановки испытаний продолжать производить все более и более мощные снаряды во все большем количестве и разрабатывать все более совершенные средства доставки...Поэтому, я говорю это открыто, Московский договор имеет мало практического смысла...И это причина, по которой договор, несмотря на одобрение со стороны Франции, вызывает также нашу настороженность» [11, р. 160].

Отказ Франции от подписания договора о запрете ядерных испытаний и создание собственных ядерных сил имел и серьезные последствия для политики Пятой республики. Отношения между Парижем и Вашингтоном заметно ухудшились, де Голль окончательно отказался от попыток повышения статуса Франции в Североатлантическом альянсе до уровня Великобритании и взял курс на выход из военной организации НАТО. Отсутствие французской подписи под Московским договором и разногласия между Парижем и двумя сверхдержавами привели к ужесточению французской политики в области безопасности и обороны, к окончательной выработке французской позиции по разоружению и даже к некоторой самоизоляции Франции в этом вопросе.

Голлистское видение проблемы разоружения стало прямым следствием французского понимания разрядки. Руководство Пятой республики рассматривало разрядку как средство для изменения сложившегося в Европе «статус-кво», для преодоления «Ялты». Исходя из этого, голлистская концепция сокращения вооружений отвергала идеи блокового разоруже-

ния под контролем СССР и США. В Париже опасались, что возможное сближение позиций между Москвой и Вашингтоном приведет не к реальному разоружению, а к монополизации ядерного оружия, укреплению биполярной системы и, как следствие, к установлению американско-советского кондоминиума над Европой и перемещению зон опасности в мире, одной из которой в таком случае становилась Западная Европа. Отвергая все проекты блокового разоружения в Европе, Франция при де Голле выступала против идеи внешнего контроля за вооружением, поскольку, во-первых, не верила в его эффективность в условиях «холодной войны», а во-вторых, считала стопроцентный контроль за собственными вооруженными силами, без внешнего вмешательства, ключевым условием проведения независимой политики. Также Париж выступал за отказ от дискриминации и отстаивал принцип равенства в переговорах по разоружению, что предполагало как невозможность блокового сокращения вооружений, так и необходимость учитывать интересы всех участвующих в переговорах стран, а не только сверхдержав. Особую позицию Париж занимал относительно ядерного разоружения. В целом руководство Пятой республики высказывалось в пользу ядерного разоружения, но только при условии участия всех ядерных стран. В дальнейшем при появлении все новых проектов по сокращению вооружений позиция Франции постепенно конкретизировалась, первоначальная концепция при этом не менялась.

Как и в случае с созывом общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, инициатива прове-

дения в жизнь различных проектов по разоружению часто исходила от стран Восточной Европы. В первой половине 60-х гг. широко обсуждался так называемый план министра иностранных дел Польши Адама Рапацкого по созданию безъядерной зоны в Центральной Европе. Впервые он был озвучен Рапацким на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1957 г. Тогда речь шла о создании безъядерной зоны на территории ФРГ, ГДР и Польши [3, с. 134]. Изначально проект был достаточно обтекаемым и не содержал большого количества подробностей. В дальнейшем министром иностранных дел Польши были озвучены еще три версии этого плана, дополнявшие друг друга. В феврале 1958 г. территория безъядерной зоны в Центральной Европе была расширена за счет Чехословакии. Этот вариант плана предполагал обязательство всех ядерных держав «не производить, не держать и не ввозить» ядерное оружие на территорию безъядерной зоны, а также создание «широкой и эффективной» [8] системы контроля за выполнением обязательств.

В ноябре 1958 г. Рапацкий представил обновленную версию проекта, в которой процесс разоружения в Центральной Европе делился на два этапа. На первой стадии планировалось осуществить запрет на производство ядерного оружия на территории четырех государств, то есть речь шла о «замораживании» ядерных сил внутри обозначенной зоны. И только второй этап предполагал создание подлинной безъядерной зоны в Центральной Европе, а также начало «дискуссии по одновременному сокращению обычных вооружений» на территории ФРГ,

ГДР, Польши и Чехословакии. В марте 1962 г. Адам Рапацкий представил четвертую версию плана, которая не содержала в себе новых компонентов, но была наиболее подробной. В частности, в ней более детально прописывался механизм контроля за выполнением обязательств. Планировалось создание специальной международной системы наземного и воздушного контроля и инспекции с учреждением контрольных пунктов.

План Рапацкого был настолько амбициозным, что, очевидно, содержал в себе не только практические, но и психологические элементы, направленные на улучшение имиджа стран социалистического лагеря. Его полная реализация была невозможна, как минимум, до решения берлинского и в целом германского вопросов. Столкнувшись с негативной оценкой своих предложений на Западе, особенно в ФРГ, польское руководство в декабре 1963 г., на этот раз уже на уровне главы Польши Владислава Гомулки, выступило с новым предложением по разоружению, которое можно назвать умеренным вариантом плана Рапацкого. Не отвергая возможность реализации амбициозных идей Рапацкого в будущем, Гомулка предложил пока ограничиться «замораживанием» ядерных вооружений в Центральной Европе, то есть запретом для ядерных держав на увеличение ядерного потенциала на территории четырех государств. Таким образом, проект Гомулки представлял собой первый этап плана Рапацкого.

План Гомулки был детально представлен французской стороне в ходе разговора заместителя министра иностранных дел Польши Марьяна Нашковского и министра иностранных

дел Франции Мориса Кув де Мюрвиля 11 февраля 1964 г. Саму необходимость реализации подобного плана Варшава традиционно обосновывала угрозой реваншистских настроений в ФРГ и, соответственно, необходимостью помешать Бонну нарастить военный потенциал и, что самое главное, не допустить получения ФРГ ядерного оружия. Однако в разговоре с Кув де Мюрвилем Нашковский привел и другие аргументы, более близкие французской стороне. Он отметил, что предлагаемый проект является чисто польским и что его поддержка со стороны западных стран «поможет Польше утвердиться в проведении независимой национальной политики», как того требует польское общественное мнение [8]. Более того, в этом же разговоре заместитель министра иностранных дел Польши приветствовал установление дипломатических отношений между Францией и Китаем, назвав это «доказательством реализма» и отметив, что Варшава «положительно оценивает любые действия, направленные на уменьшение изоляции КНР» [8]. Однако, несмотря на подобную аргументацию польской стороны, Франция заняла отрицательную позицию по отношению к плану Гомулки и ко всем версиям проекта Рапацкого.

Французская позиция основывалась на том, что ФРГ на том этапе своего развития не представляла военной угрозы миру, а обвинения в реваншизме, постоянно звучавшие со стороны стран социалистического лагеря, были, по мнению Парижа, несостоятельны. Кув де Мюрвиль отметил в выше упомянутом разговоре, что в Европе только одна военная сверхдержава – СССР. В связи с этим, по мнению

Парижа, создание безъядерных зон в Центральной Европе с последующей возможностью превращения ФРГ в нейтральное государство («финляндизация ФРГ») должно было привести не к разрядке международной напряженности, а к увеличению влияния Москвы на Бонн и, как результат, к новому Рапалло. Поэтому требовалась не «нейтрализация» ФРГ, а ее включение в интегрированные структуры ЕЭС и НАТО. Во Франции также полагали, что польские предложения во многом являются пропагандистскими и направлены большей степенью на завоевание общественной поддержки. В разговоре с Нашковским Кув де Мюрвиль отметил, что «польский план не более чем видимость, в которой психологии больше, чем политики» [8].

Тема сокращения вооружений неразрывно связана с деятельностью ООН. Проблема разоружения рассматривалась на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. В 1952 г. была создана специальная комиссия ООН по разоружению, а в 1959 г. учрежден так называемый комитет 10-ти. Важным событием в истории разоружения стали советско-американские переговоры 1961 г. между заместителем министра иностранных дел СССР В.А. Зориным и советником президента США Джона Кеннеди Д. Макклоем. Их цель заключалась в попытках найти пути решения проблемы всеобщего и полного разоружения и договориться о составе органа, в котором будут продолжаться переговоры по этой проблеме. Таким органом стал учрежденный в рамках ООН в 1961 г. и начавший свою деятельность в 1962 г. Комитет 18-ти (пять стран ОВД, пять стран НАТО и 8 государств из числа «неприсоединив-

шихся»). В рамках этого комитета, заседавшего в Женеве, обсуждались все основные вопросы по разоружению, включая договор о нераспространении ядерного оружия.

Франция отказалась от участия в работе комитета 18-ти. Подобное решение объяснялось, прежде всего, тем, что сопредседателями комитета выступили СССР и США, они же определяли круг решаемых вопросов. Помимо традиционных для Франции опасений по установлению советско-американского condominiuma де Голля не устраивало еще и то, что комитет был создан в рамках ООН. Французское руководство считало, что решать проблемы разоружения можно только в узком составе, ООН же не подходила для подобной цели [11, p. 377].

Добровольно отказавшись от участия в работе комитета 18-ти, Париж тем не менее пристально следил за его деятельностью. В записках МИД Франции постоянно отмечалась бесперспективность обсуждаемых комитетом вопросов. Так, французские дипломаты писали о том, что работа комитета «зашла в полный тупик», называли переговоры между советской и американской делегациями «диалогом глухих» и предрекали возможное упразднение комитета [6]. Несмотря на скептицизм французской стороны, определенного прогресса участникам удалось добиться, особенно в подготовке договора о нераспространении ядерного оружия.

Подготовка договора о нераспространении ядерного оружия, ставшего логичным продолжением Московского договора 1963 г., превратилась в центральную тему в работе женевского Комитета 18-ти. Позиция Франции

по этому вопросу оказалась довольно противоречивой. Если отказ Парижа от подписания договора о запрещении ядерных испытаний можно легко объяснить желанием Пятой Республики развивать собственные ядерные силы, то мотивы неучастия Франции в переговорах о нераспространении ядерного оружия понять гораздо сложнее.

На официальном уровне французское руководство всегда высказывалось против расширения круга ядерных держав и в целом поддерживало идею ядерного разоружения. Более того, руководство Пятой республики неоднократно заявляло, что ядерное разоружение – главная составляющая политики сокращения вооружений. В 1964 г. де Голль в письме премьер-министру КНР Чжоу Эньлаю писал, что Франция «в любой момент готова участвовать в полноценных и серьезных переговорах, которые могли бы быть организованы между всеми ядерными державами для обсуждения на конструктивной и практической основе проблем разоружения» [6]. В этой фразе компактно изложена вся суть французской позиции по ядерному разоружению. В Париже считали, что начавшиеся в рамках Комитета 18-ти переговоры под руководством Москвы и Вашингтона преследуют цель не подлинного ядерного разоружения, а фиксации монополии двух сверхдержав на атомное оружие. Полноценные же переговоры по ядерному разоружению могли проходить только между всеми ядерными державами, имея в виду прежде всего Китай, который к тому времени уже провел испытание своей бомбы.

Комитет 18-ти, по мнению французской стороны, был не способен вести конструктивные переговоры,

особенно учитывая, что официальный Пекин на тот момент не был представлен в ООН. Выше сформулированная позиция оставалась неизменной на протяжении долгого периода. Так, например, в 1968 г. Эрве Альфан в одной из своих телеграмм снова приводил уже знакомые аргументы: «Хотя мы и убеждены, что любое соглашение между США и СССР об ограничении роста вооружений способствует разрядке, мы все же считаем, что это нельзя назвать полноценным разоружением... Настоящее ядерное разоружение начнется только в тот момент, когда все державы, обладающие ядерным оружием, соберутся для принятия конкретных мер по его уничтожению» [6].

Несмотря на отсутствие Франции за столом переговоров, участники Комитета 18-ти постепенно согласовывали условия договора о нераспространении ядерного оружия. Первый вариант текста был готов к началу 1967 г. Он предполагал обязательство ядерных держав не передавать напрямую или косвенно секрет атомной бомбы другим странам; отказ стран, не обладающих ядерным оружием, от производства и от попыток получения доступа к ядерному оружию; контроль за неядерными странами со стороны МАГАТЭ. После длительных дискуссий и некоторых изменений текста, договор о нераспространении ядерного оружия был принят 11 марта 1968 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе подготовки документа представители и США, и СССР предпринимали попытки привлечь Париж к переговорному процессу. Франция, поддерживая идею нераспространения ядерного оружия, все-таки воздержалась от голосования.

1 июля 1968 г. правительство СССР направило западным странам, в том числе и Франции, меморандум с новыми идеями по разоружению, направленными на развитие договора о нераспространении. Меморандум содержал в себе идею запрета на использование ядерного оружия, прекращения производства и ликвидации складов с ядерным оружием, запрета на полеты с атомным оружием за пределы государственной границы, запрещения подземных испытания ядерного оружия, запрещения использования химического и бактериологического оружия, упразднения военных баз за границей, введения мер по региональному разоружению, включая создание безъядерных зон [6]. Французский ответ на советский меморандум содержал традиционные для Пятой республики заверения в необходимости разоружения и необходимости полного отказа от ядерного оружия. Франция с удовлетворением отметила, что советский меморандум предполагает распространение его условий на все ядерные державы и поддержала запрет химического и бактериологического оружия. При этом во французском ответе ничего не было сказано про предложение Москвы о создании безъядерных зон и упразднении военных баз за границей [6]. Учитывая резко негативное отношение Парижа к планам Рапацкого и Гомулки и наличие французских баз в ФРГ и Берлине, такая позиция была логична.

Итак, на официальном уровне Париж поддерживал идею ядерного разоружения при условии участия всех ядерных держав. Положительно относились во Франции и к мерам по нераспространению ядерного оружия,

и к решению Бонна о присоединении к договору 1968 г. Тем не менее французская делегация воздержалась от голосования в ООН по этому договору и не присоединилась к нему впоследствии. Подобная позиция руководства Пятой республики, видимо, объясняется соображениями принципиального и стратегического характера. На принципиальном уровне Франция не поддерживала американско-советские попытки по разоружению, поскольку они вели к укреплению гегемонии двух сверхдержав и установлению двустороннего кондоминиума над Европой. Что же касается стратегических соображений, то договор о нераспространении ядерного оружия, так же как и Московский договор о запрете ядерных испытаний, рассматривались Парижем как путь к постепенному отказу от ядерного оружия. Франция же, несмотря на официальную поддержку полного отказа от атомных бомб, на самом деле была заинтересована в сохранении ядерного оружия. Наличие национальных, автономных ядерных сил давало Парижу неоспоримое преимущество в проведении независимой политики, особенно в Европе. Повсеместный отказ от ядерного оружия, напротив, привел бы к изменению европейского баланса и усилил позиции ФРГ.

Досрочный уход генерала де Голля с поста президента Франции и избрание в качестве главы государства Жоржа Помпиду в 1969 г. не повлияли на французскую политику в области разоружения. Внешнеполитическая доктрина Помпиду, считавшего себя голлистом, в некоторых аспектах отличалась от курса де Голля. Однако в области разоружения Помпиду

продолжал следовать классическому голлизму. Отметим, что политика, проводимая Парижем по вопросу сокращения вооружений, характеризуется преемственностью на протяжении всего периода Пятой республики.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1969 г., новый министр иностранных дел Франции Морис Шуман коротко описал основы французской политики в области разоружения, оставшиеся неизменными после смены хозяина Елисейского дворца. В достаточно откровенной манере М. Шуман заявил: «Мировая безопасность не может и не должна подменяться желанием сохранить хрупкое равновесие между несколькими государствами, имеющими ядерное оружие. Исходя из этого, разоружение не может, по нашему мнению, ограничиваться мерами частичного характера, единственным следствием которых станет установление монополии ядерных держав. Разоружение также не может ограничиться двусторонними соглашениями, которые, пусть и полезны для разрядки, нацелены на замедление роста вооружений в странах, которые и так уже перевооружены...Мы бы хотели, чтобы подлинное разоружение началось с переговоров между всеми ядерными державами и чтобы под строгим и эффективным контролем эти переговоры привели к устранению возможности доставки ядерного оружия и уничтожению арсеналов» [6]. Таким образом, французские правящие круги по-прежнему считали, что начатый под руководством Москвы и Вашингтона переговорный процесс по сокращению вооружений нацелен не на подлинное разоружение, а на сокращение воен-

ных расходов, монополизацию ядерного оружия и фиксацию сложившегося после Второй мировой войны статус-кво. При этом французы выражали готовность участвовать в дискуссии при определенных условиях. В телеграмме директора политического департамента МИД Франции Бомарше от 20 мая 1969 г. указываются четыре сферы, в обсуждении которых Франция была готова принять участие: рассмотрение мер, направленных на исключение возможности ядерного удара по ошибке; изучение условий, при которых подлинное ядерное разоружение могло бы быть принято всеми ядерными державами и поставлено под эффективный контроль; рассмотрение вопроса о запрещении производства химического и бактериологического оружия; изучение мер по ограничению поставок оружия в регионы, где это может привести к риску вооруженных конфликтов или к продлению уже существующих конфликтов. Исходя из перечисленных пунктов, понятно, что Франция была готова участвовать не в переговорах по разоружению, а скорее по разработке мер обеспечения безопасности в мире при существовавшем уровне вооружений.

В период президентства Помпиду широко обсуждались два проекта по разоружению: советско-американский по ограничению стратегических вооружений и предложение о взаимном и сбалансированном сокращении вооружений в Центральной Европе.

Идея двусторонних переговоров между Москвой и Вашингтоном по стратегическим вооружениям появилась еще в 1968 г. Непосредственные контакты между сторонами начались в 1969 г., предварительные условия до-

говора были согласованы в 1971 г., и 26 мая 1972 г. в Москве был подписан договор ОСВ-1. Отношение Франции к подписанию подобного документа и всему переговорному процессу было предсказуемым. С французской точки зрения ОСВ-1 нельзя было назвать шагом к разоружению, поскольку это был двусторонний документ. Однако договоренность между двумя сверхдержавами по стратегическим вооружениям объективно способствовала разрядке напряженности, что предопределило в целом положительное отношение Парижа к договору. В ноябре 1969 г., в начале американско-советского переговорного процесса, в коммюнике правительства Франции отмечалось, что Париж «с интересом следит за переговорами и желает им благоприятного исхода» [9, р. 20]. А вскоре после подписания договора в очередном правительственном коммюнике было прописано, что он «внесет важный вклад в установление климата разрядки и сотрудничества в мире» [9, р. 21]. Несмотря на официальную положительную оценку со стороны Франции договора ОСВ-1, сам факт его подписания имел ряд серьезных последствий и для французской, и в целом европейской, концепции безопасности.

В практическом смысле советско-американские переговоры по ограничению стратегических вооружений поднимали чувствительный для Западной Европы вопрос о присутствии американских войск в Европе. Несмотря на планы по развитию собственно европейской системы обороны и членство всех стран ЕЭС в НАТО, именно американская армия играла ключевую роль в системе западноевропейской обороны, и в ближайшее время эта си-

туация измениться не могла. Помпиду, отказавшись от возвращения в военную организацию НАТО, тоже считал американское присутствие в Европе необходимым. В ходе своего первого официального визита в качестве президента страны в США в 1970 г. он отметил, что численность американских войск в Европе должна сохраниться на «значительном» уровне. Переговоры между Москвой и Вашингтоном и их положительный исход в совокупности со все громче звучавшими голосами внутри США за вывод войск из Европы беспокоили европейцев. Как уже упоминалось, одним из главных мотивов отказа де Голля от участия в политике разоружения стали опасения, что договоренности между Москвой и Вашингтоном о пропорциональном сокращении вооружений в конечном счете приведут к перемещению зон опасности в мире, и такой зоной как раз станет Европа. Подписанный в мае 1972 г. договор ОСВ-1 оживлял эти опасения.

В более широком смысле договор ОСВ-1 был первым подтверждением возможности установления американско-советского кондоминиума над Европой. Следствием этого стали серьезные изменения европейской и французской политики. Сближение между СССР и США сыграло важную роль в охлаждении отношений Парижа как с Москвой, начиная с конца 1972 г., так и с Вашингтоном, особенно начиная с 1973 г. Что касается политики ЕЭС, то двусторонние действия США и СССР в итоге подтолкнули страны европейской «шестерки» (с 1973 г. – «девятки») к развитию политической интеграции, что стало особенно заметно в ходе европейских саммитов в

Париже в 1972 г. и Копенгагене в 1973 г. На парижском саммите страны ЕЭС договорились о создании к 1980 г. Европейского Союза. А на саммите в Копенгагене по инициативе французской стороны они приняли декларацию о «европейской общности», в которой содержались принципы общей политики будущего Европейского Союза. Таким образом, переговоры между СССР и США по стратегическим вооружениям, закончившиеся подписанием договора ОСВ-1, хотя и были поддержаны европейцами, в том числе и французами, на самом деле подтвердили ряд серьезных европейских опасений и подтолкнули ЕЭС к развитию политической интеграции, инициатором которой в 1972–1973 гг. выступила Франция.

Еще одной важной темой переговоров по разоружению в первой половине 70-х гг. XX в. стал американский проект о сокращении обычных вооружений в Европе. По очевидным экономическим причинам и Вашингтон, и Москва были заинтересованы в пропорциональном уменьшении военных бюджетов. По мнению известного французского дипломата Жака Андреани, США были заинтересованы в подобном проекте еще и по внутриполитическим причинам. Достаточно влиятельное меньшинство в конгрессе США под руководством демократа Майка Мэнсфилда строило свою риторику на требовании вывода американских войск из Вьетнама и из Европы. Эти идеи ложились на благоприятную почву и постепенно набирали популярность в американском обществе. Генри Киссинджер надеялся с помощью проекта по сокращению обычных вооружений включить тему снижения

американского присутствия в Европе в контекст международной политики. В таком случае речь могла бы идти не об одностороннем выводе войск США из Европы, что изменило бы баланс сил в пользу стран социалистического лагеря и ухудшило бы отношения с западными союзниками, а о пропорциональном сокращении численности войск, что как раз помогло бы сократить военный бюджет, не нарушив баланса сил [5, р. 55]. В итоге в коммюнике по итогам саммита НАТО в Рейкьявике в 1968 г. содержался призыв к взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе. Положительный ответ Москвы на американское предложение последовал в 1971 г. В отчетном докладе XXIV съезду КПСС Л.И. Брежнев выступил [2] с традиционными предложениями по запрету ядерного, химического и бактериологического оружия, испытаний ядерного оружия, ликвидации иностранных военных баз, добавив, что «СССР выступает за сокращение вооруженных сил в районах, где военное противостояние особенно опасно, прежде всего в Центральной Европе». Также Л.И. Брежнев отметил, что «СССР готов договариваться о сокращении военных расходов, прежде всего с крупными государствами». Впоследствии началась длительная дискуссия о взаимосвязи вопроса о разоружении и проведения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству.

В результате соглашения между Л.И. Брежневым и Г. Киссинджером от 12 сентября 1972 г. был утвержден так называемый «календарь», предполагавший параллельность двух процессов. Согласно календарю, переговоры

по взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе должны были начаться в Вене 31 января 1973 г., вскоре после начала предварительной стадии СБСЕ. В переговорах участвовали четыре страны ОВД: СССР, Польша, Чехословакия и ГДР; семь стран НАТО: США, Канада, Великобритания, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Еще восемь государств приняли участие в качестве наблюдателей. Географически речь шла о сокращении вооружений на территории ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Изначальное предложение стран социалистического лагеря предполагало сокращение численности войск и вооружений в Центральной Европе сначала на 5%, затем на 10%. Причем речь шла как о национальных, так и иностранных силах, воздушных и сухопутных войсках, обычном и ядерном вооружении. Западное предложение включало в себя установление «потолка» численности вооруженных сил для каждого блока в согласованной зоне – по 700 тыс. чел. При этом на первом этапе западные державы предлагали сократить советский контингент на 68 тыс. чел., а американский – на 28 тыс. чел. Асимметрия объяснялась разницей в количестве войск в указанной зоне на исходный момент времени: 460 тыс. советских солдат против 193 тыс. американских [7].

Что касается французской позиции, то с самого начала переговорного процесса, то есть с коммюнике Рейкьявика, Париж занял отрицательную позицию и объявил о решении не участвовать в переговорах. Выступая 19 июня 1973 г. в Национальной Ассамблее, министр

иностраннных дел Франции Мишель Жобер сказал: «Франция, как вы знаете, не участвует в этих переговорах. Почему? Прежде всего потому, что не стоит внутри Европы, уже и так достаточно разделенной, создавать еще одну зону со специальным статусом, которая будет сама по себе еще одним фактором разделения... Вдобавок, есть ли те, кто не видят опасности в переговорах, которые постепенно продвигаясь, поставят в конечном счете под вопрос наши вооруженные силы и наши аргументы, которые мы пытаемся сохранить свободными... Поскольку, если мы считаем, что переговоры могут привести к краху западной системы безопасности, то для нас особенно важно, чтобы они не затронули нашей способности защитить собственную территорию» [10, р. 2261].

В целом французская позиция основывалась на нескольких соображениях. Во-первых, в Париже не понимали, как переговоры по взаимному сокращению войск могут укрепить европейскую безопасность. Во-вторых, французы считали, что в Европе уже сложился определенный баланс, а переговоры по созданию специальных зон могут этот баланс нарушить, что отрицательно скажется на европейской безопасности [7]. Руководство Пятой республики также полагало, что сам факт начала переговоров уже является тактической ошибкой Запада. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, на тот момент в Центральной Европе у СССР было достаточно серьезное преимущество в численности войск. Именно поэтому первоначальный вариант западных держав предполагал асимметричное сокращение войск для выравнивания баланса.

В Париже полагали, что Западу не удастся добиться согласия Москвы на невыгодные для нее действия. В итоге западные страны окажутся перед тяжелым выбором между пропорциональным сокращением войск и укреплением, таким образом, неблагоприятной для себя ситуации или выходом из переговорного процесса, что было бы отрицательно воспринято общественным мнением [7]. Основываясь на подобной аргументации, Париж отклонил все попытки с обеих сторон вовлечь себя в переговорный процесс. А в справке МИД Франции от 28 января 1974 г. было прописано, что «нет никакого резона менять позицию, защищающую нашу политическую и военную независимость, и которая, если наши европейские партнеры к ней присоединятся, однажды сделает возможным создание настоящего и автономного Европейского Союза [7].

Таким образом, в 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. Франция отвергла все крупные международные проекты по разоружению. Пятая республика не подписала Московский договор о запрещении ядерных испытаний и договор о нераспространении ядерного оружия. Воздержалась от участия в так называемом Комитете 18-ти и в венских переговорах по взаимному и сбалансированному сокращению вооружений в Центральной Европе. Даже двусторонний советско-американский договор ОСВ-1, поддержанный на официальном уровне Парижем, в действительности вызвал достаточно резкое изменение французской политики и как следствие привел к ухудшению отношений Франции с СССР и США.

Жесткая, бескомпромиссная позиция Парижа объясняется прежде

всего особым, отличным от Москвы и Вашингтона, пониманием сущности разрядки и проблемы сокращения вооружений. СССР и США видели в разоружении главный аспект разрядки. С помощью пропорционального сокращения вооружений и расходов на оборону они рассчитывали при снижении затрат зафиксировать свое исключительное положение и добиться монополизации ядерного оружия. Франция же, воспринимавшая разрядку в качестве средства для преодоления сложившегося после Второй мировой войны статус-кво, отвергла исходившие и от Москвы, и от Вашингтона проекты по разоружению из-за того, что все они носили биполярный характер, а значит, противоречили голлизму.

Для Франции в целом проблема разоружения не была важной составляющей разрядки. На официальном уровне Париж поддерживал инициативы по глобальному сокращению вооружений, а ядерное разоружение называл важнейшей составляющей обеспечения мира и безопасности. В действительности большинство французских инициатив ограничивались лишь мерами по обеспечению безопасности при уже сложившемся уровне вооружения в мире. Особый статус Франции как ядерной державы и страны, сохранившей автономию в управлении собственной армией, давал ей серьезное преимущество в проведении европейской политики и, в конечном счете, давал надежду на реализацию голлистских внешнеполитических задач. Полноценное разоружение, включая отказ от ядерного оружия, лишило бы Францию основных преимуществ и сделало бы ее позиции уязвимыми, прежде всего в отношениях с ФРГ, зна-

чительно превосходившей Францию по уровню промышленного развития. Таким образом, в действительности руководство Пятой республики было не готово к конкретным шагам по полноценному разоружению. В итоге, сыграв важную компромиссную роль в переговорах по таким важным проблемам международных отношений, как берлинский вопрос и подписание

Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в вопросах сокращения вооружений Франция не воспользовалась своим особым положением внутри западного блока и налаженными контактами с Москвой и по сути устранилась от переговорного процесса.

Статья поступила в редакцию 13.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзаканян М.Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007. 268 с.
2. Брежнев Л.И. Отчетный доклад XXIV съезду КПСС: аудиозапись // Репортаж [сайт]. – URL: <http://reportage.su/audio/551> (дата обращения: 21.08.2018).
3. Егорова Н.И. Реакция миролюбивой общественности на первые инициативы по созданию безъядерных зон // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов. М.: Весь Мир, 2017. С. 129–151.
4. Улунян А.А. Послепражский 1969-й: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в европейском Средиземноморье. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
5. Andreani J. La Piège. Helsinki et la chute du communisme. Paris: Odile Jacob, 2005. 272 p.
6. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3676.
7. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3688.
8. Archives du ministère des affaires étrangères. Service des pactes. 1961-1970. № 400.
9. Evolution de la position française sur le contrôle et la limitation des armes nucléaires / sous la dir. de Bureau J.-R., Sada H. Paris: Flammarion, 1985. 249 p.
10. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. 1973. 20 juin.
11. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris: CNRS Editions, 2013. 733 p.

REFERENCES

1. Arzakanyan M.Ts. De Goll' [De Gaulle]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 268 p.
2. Brezhnev L.I. Otchetnyi doklad XXIV s'ezdu KPSS: audiozapis' [The report of the XXIV Congress of the CPSU]: recording. In: Reporting [website].] Available at: <http://reportage.su/audio/551> (accessed: 21.08.2018).
3. Egorova N.I. Reaktsiya mirolyubivoi obshchestvennosti na pervye initsiativy po sozdaniyu bez'yadernykh zon [The reaction of the peace-loving public on the first initiatives to create nuclear-free zones]. In: *Obespechenie mezhdunarodnoi bezopasnosti v usloviyakh kholodnoi voiny: poiski soglasovannykh podkhodov* [International security in the context of the cold war: the search for agreed approaches]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, pp. 129–151.
4. Ulunyan A.A. Posleprazhskii 1969-i: Sovetskie diplomatiya i razvedka v poiskakh soyuznikov i protivnikov na Balkanakh i v evropeiskom Sredizemnomor'e [The after-Prague year of 1969: Soviet diplomacy and intelligence in search of allies and adversaries in the Balkans and in the European Mediterranean]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 400 p.
5. Andreani J. La Piège. Helsinki et la chute du communisme. Paris, Odile Jacob, 2005. 272 p.

6. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3676.
 7. Archives du ministère des affaires étrangères. Europe. URSS. № 3688.
 8. Archives du ministère des affaires étrangères. Service des pactes. 1961–1970. No. 400.
 9. Evolution de la position française sur le contrôle et la limitation des armes nucléaires / sous la dir. de Bureau J.-R., Sada H. Paris, Flammarion, 1985. 249 p.
 10. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. 1973. 20 Juin.
 11. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris, CNRS Editions, 2013. 733 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: eaossipov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Osipov – PhD in History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
e-mail: eaossipov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Осипов Е.А. Франция и вопросы разоружения (1958–1974 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 101–115.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115

FOR CITATION

Osipov E. France and Disarmament Issues (1958–1974). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 101–115.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-101-115

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-116-121

РЕЛИГИЯ И АМЕРИКАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В 70-Е ГГ. XX ВЕКА

Орлов Н.С.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В статье рассматривается проблема религиозного сознания молодежи в США в 1970-е гг. На основе междисциплинарного подхода, с привлечением социологических данных, осуществлен анализ изменения религиозных ценностных установок американской молодежи в 70-е гг. Приводится сравнительная характеристика развития религиозно-философской мысли «белой» и «черной» молодежи в 60-е гг., выступавшей мировоззренческой платформой молодежи 70-х. Автором делается вывод о трансформации общественной активности молодежи 60-х гг. в мистицизм и увлечение восточными культами, преобладающими над институционализированными религиями в среде молодежи в 1970-е гг.

Ключевые слова: религиозность, индивидуализм, мистицизм, ненасилие, контркультура, хиппи, «психоделическая революция», «черный национализм».

RELIGION AND THE YOUTH IN THE UNITED STATES IN THE 1970S

N. Orlov*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article is aimed at researching the problem of the religious consciousness of youth in the United States in the 1970s. On the basis of interdisciplinary approach, involving social data, the changes of religious attitudes of American youth in the 70s are analyzed. The comparative characteristic of development of the religious-philosophical thought of the "white" and the "black" youth in the 60s is given. It turned out to be the world outlook platform of the youth of the 70s. The author concludes that the social activism of youth in 1960s transformed into mysticism and keenness on Eastern cults which predominated the institutionalized religions among the young people in the 1970s.

Key words: religiosity, individualism, mysticism, non-violence, the counterculture, hippies, the "psychedelic revolution", the "black nationalism".

Религия является немаловажным компонентом в становлении общественного сознания юношества и в этом качестве дает нам представление о ценностных ориентирах американской молодежи 1970-х гг. Согласно Конституции США, церковь отделена от государства и, как правило, формально не вмешивается в политику государства. Но что касается воспитания, религия оказывает огромное влияние на формирование морально-этических, социальных, культурных и

психологических установок американцев. Не случайно религию в США называют «спящим гигантом американской политики» [2, с. 183], ибо она продолжает играть важную роль в общественно-политической жизни страны.

Согласно результатам опросов общественного мнения, проведенных институтом Гэллапа, во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. 94% американцев верили в бога и 69 % – в загробную жизнь, в то время как во Франции эти цифры составляли 62 и 39%, а в Японии – 37 и 18 % [2, с. 183]. Как мы можем заметить, процент верующих в указанное время очень высок. Действительно, социологи отмечали подъем религиозности в США в 70-х гг., в частности, в студенческой среде, по сравнению с «бурными» 60-ми. Как и в случае с изменением ценностных и идеологических ориентаций американцев в 60-х гг., сдвиги в религиозном сознании молодежи уподобляют движению маятника, который, качнувшись в противоположенную сторону в 60-х гг., вернулся в исходное положение в 70-х гг.

Каким же в религиозном отношении был молодой американец 50-х годов? Опросы учащихся колледжей указывают на то, что религиозность была неотъемлемым качеством молодого человека, стремившегося преуспеть в движении по социальной лестнице. По мнению Баразговой, «молчаливое поколение» 50-х черпало в вере убежденность в правильности гражданских устремлений – молодых людей более всего заботило получение диплома, гарантировавшее в те годы стабильное материальное благополучие и завидный статус в социальной иерархии [1, с. 95].

1960-е годы ознаменовались смелой «молчаливого поколения» на «бунтующее» и эволюцией традиционного индивидуализма. Как отмечает Т. Рошак, без контркультуры 60-х «экологическое движение никогда не вышло бы за пределы своего консервативного направления... не было бы и женского движения, каким мы видим его сегодня... не было бы и свободы и для гомосексуалистов» [6, с. 31–32]. Родившийся в 60-х лозунг «жить своей жизнью» предусматривал изменение внутреннего мира, «глубинную трансформацию» индивида и на этой основе – изменение общества в целом. Согласно Ч. Рейчу, освобождение личности означает свободу от логики разума, поскольку она используется для оправдания преступлений истеблишмента [4, с. 411]. Известному переосмыслению подвергается и вера. Исследователи указывают, что в период 60-70-х гг. происходит радикальная трансформация американской религии. Отмечается заметное падение численности приверженцев и влияния традиционно утвердившихся церквей – либеральных протестантских деноминаций, католической и иудейской, а также бурный рост разного рода нетрадиционных новых религиозных культов [2, с. 184].

Теоретики контркультуры активно обращались к восточным религиозным культам, заимствуя из буддизма, индуизма и суфизма гностические и мистические элементы и используя их «для формулирования воззрений, отдающих предпочтение непосредственному опыту перед абстрактным разумом, “бытию здесь и теперь” перед ориентированным на будущее успехом, гармонизации с природой и дру-

гими людьми перед их использованием в своих собственных интересах» [2, с. 195]. Нередко восточные религиозные доктрины синтезировались или адаптировались под христианские вероучения, создавая своеобразный религиозный микс (сюда можно отнести такие организации, как «Миссия божественного озарения», «Арика», «Мехер Баба», «Ананда Марга» и др.) [2, с. 194]. Так, активист «Международной студенческой христианской ассоциации» Р. Террилл сравнивал молодежные коммуны хиппи с раннехристианскими общинами и полагал, что они будут способствовать возрождению и обновлению церкви [2, с. 198].

Как известно, участники движения хиппи активно использовали восточные религиозные практики (йога, медитация и т. д.) в попытках самосовершенствования, но также проповедовали и христианские идеи, такие как «любовь», «братство» и т. д. Не случайно песня Джона Леннона «All You Need Is Love» («Все, что тебе нужно – это любовь») стала негласным гимном хиппи. Но гораздо чаще движение хиппи ассоциировалось с понятиями «наркотического экстаза» и «психоделической революции». В 60-х гг. была разработана и широко практиковалась целая религиозная система, основанная на практике систематического употребления психоделиков с целью «нарко-экстатического расширения границ сознания» – «религия ЛСД» (по названию употребляемого галлюциногена). Один из основателей «религии ЛСД» Тимоти Лири, получивший в прессе прозвище «ЛСД-гуру», считал ЛСД западной йогой [2, с. 196], а наркотики – религией двадцать первого века [7, с. 44].

В 60-х гг., когда общественная актив-

ность молодежи была велика, восточный мистицизм и социально-политический радикализм синтезировались в общественном сознании молодежи. Например, приверженцы «Иисус-революции» стремились придать фигуре Христа черты политического активиста [2, с. 196]. С этой точки зрения нельзя не коснуться идеологических и мировоззренческих позиций афроамериканской молодежи, представленной в общественных движениях 60-х как умеренным (М.Л. Кинг), так и радикальным (Малкольм Икс, С. Кармайкл) крылом. На мировоззрение лидера Движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга оказало влияние его религиозное воспитание в духе баптистского протестантизма [8, с. 2]. Но вместе с тем взгляды его отличаются своеобразием [5, с. 137–144]. Кинг пришел к выводу, что христианин не должен примиряться с дискриминацией чернокожих, а его сердце не должно ожесточаться, так как насилие невозможно победить насилием. В тактике ненасильственного сопротивления, предложенной Кингом, немалую роль сыграл опыт М. Ганди. Тем не менее, несмотря на ряд успехов Движения за гражданские права, тактика ненасильственных действий не смогла изменить фактического неравенства, вследствие чего многие молодые афроамериканцы теряли терпение [3, с. 378–379].

Малкольм Икс, в 60-х гг. развивавший концепцию «черного национализма» [8, с. 17–29], критиковал христианское вероучение, обвиняя её в лицемерии и негативно оценивая роль христианства в жизни чернокожих американцев. Лучшая религия, по мнению Икса, это ислам, в котором нуждаются афроамериканцы. В рам-

ках концепции расового сепаратизма, принятой на вооружение радикальной националистической организацией «Нация ислама», в которой состоял Малкольм Икс, он считал, что чернокожее население должно отделиться от белого и создать свое государство. В конце 60-х гг., все больше вовлекаясь в политическую деятельность, приверженцы этих идей обратились к марксистскому учению, элементы которого заимствовались ими для своих политических программ.

Подобная радикализация наметилась и в среде «белого» молодежного движения. Но в 70-х гг., в условиях разочарования и идейного кризиса, последовавшего за 60-ми гг., политический радикализм уступает место мистицизму. Если в 60-х гг. молодые люди, недовольные существующим порядком вещей, искали пути самореализации в политической активности и радикализме, то в 70-х гг. потерянные для политики искали приют в мистицизме, спиритуализме и различного рода психотерапиях. В 70-х увлеченность поисками нового духовного опыта достигла значительных размеров и, главным образом, среди образованной молодежи. Согласно данным опроса, проведенного среди студентов Висконсинского университета, 86% опрошенных заявили, что веруют в бога, но более 46% из них являются приверженцами новых религиозно-мистических культов или же имеют собственное, особое представление о религиозной вере. Большинство приверженцев подобных движений являлись молодые люди в возрасте от 21 до 35 лет с дипломами об окончании колледжа [2, с. 194].

Еще одно любопытное исследование было проведено в 70-х гг. инсти-

тутом Гэллапа среди людей моложе 20 лет, которое показало, что лишь ¼ молодых людей выражают высокую степень доверия к формам организованной религии, причем ¼ из них, хотя и характеризует себя как «очень религиозных», но не посещает церковь [2, с. 193]. Как справедливо отмечает западный исследователь Дж. Пассмор, увлечение восточным мистицизмом является результатом разочарования как господствующими «мирскими» идеологиями, так и институционализированными религиями [2, с. 195]. Иначе говоря, увлечение религиозно-мистическими культами являлось протестом молодежи, но выраженным уже не в форме общественной активности, а в форме индивидуализма. Молодежь таким образом выступала против навязанных государством искусственных ценностей, не соответствующих духовным потребностям общества.

Как утверждает К. Гаджиев: «Во многом религиозно-мистические умонастроения представляют собой реакцию против засилья техницистского и технократического сознания» [2, с. 200]. Не стоит забывать, что именно эпоха НТР положила начало «бунтующему десятилетию». Отвечая на вопрос, являются ли 70-е возвращением к религиозным настроениям 50-х, мы можем ответить отрицательно.

К тому же выводу пришла и Е.С. Барзгова, изучив данные социологического исследования американских ученых, опубликованные в статье «Возвращение к 50-м?». Исследование последних базировалось на опросах студентов Дортмуфа и Мичигана в 1952, 1968, 1972 и 1979 гг. Ответы студентов в 70-х гг. показали: 1) снижение потребности в вере, религиозной или фило-

софской; 2) увеличение пропорции тех молодых людей, которые обладают верой, религиозной или философской; 3) рост числа людей, верующих в бога или высшую власть; 4) снижение значимости традиционных религиозных обрядов [1, с. 95]. Данные 70-х гг. говорят о некоторой растерянности молодежи в религиозной сфере. «Они ощутили необходимость в вере, не умея разобратся в противоречиях социальной действительности... Молодежь ощущает одиночество и беспомощность, и, естественно, ищет опору» [1, с. 96], – подчеркивает Барзгова.

Еще одним аргументом против возвращения религиозного сознания молодежи в 70-х к традициям 50-х, является очевидный раскол американского общества в 70-х. Разочарование в реальных результатах реформистской деятельности 60-х гг. способствовало формированию консервативных установок в 70-х гг., в том числе и в религиозной сфере. В качестве реакции на

расшатывание традиционных моральных устоев в 70-х гг. в США получили значительное распространение организации религиозных консерваторов, например, «Моральное большинство», «Религиозный круглый стол», «Национальная коалиция христианского действия», «Христианский голос» и другие [4, с. 362].

Но наметившаяся еще в 60-х гг. поляризация общества говорит о том, что и в религиозном плане 70-е не являлись возвращением к 50-м гг. с их традиционализмом и силой привычек. В религиозном отношении в 70-х гг. продолжалась борьба между традицией и поиском новых путей духовного самовыражения, поэтому развитие религиозного сознания в 1970-е являлось закономерным процессом. Таким образом, можно выявить еще одну связь между «бунтующими 60-ми» и консервативными 70-ми – в сфере религиозного сознания.

Статья поступила в редакцию 28.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Барзгова Е.С. Идеологическое воспитание молодежи в США. Свердловск: Уральский ун-т, 1989. 116 с.
2. Гаджиев К. Сдвиги в религиозном сознании американской молодежи // Молодежь. Религия. Атеизм / сост. Ю.А. Кимелев. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 181–202.
3. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 219 с.
4. История США: в 4-х т. Т. 4. 1945–1980. М.: Наука, 1987. 744 с.
5. Киселев В.С. Мартин Лютер Кинг: путь ненасилия // Философская и социологическая мысль. 1995. № 3–4. С. 136–159.
6. Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014. 380 с.
7. Leary T. The Politics of Ecstasy. Berkley, CA : Ronin Pub., 1990. 406 p.
8. Metz Sh. M. Dr. Martin Luther King, Jr. and MalcolmX: The Power and Legacy of Prophetic Discourse in the Civil Rights Movement (2005) / University of Tennessee Honors Thesis Projects [сайт]. – URL: http://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/888 (дата обращения: 16.10.2018)

REREFENCES

1. Barazgova E.S. Ideologicheskoe vospitanie molodezhi v SShA [Ideological education of youth in the United States]. Sverdlovsk, Ural'skii un-t Publ., 1989. 116 p.
2. Gadzhiev K. Sdvigi v religioznom soznanii amerikanskoi molodezhi [Shifts in the religious

- consciousness of American youth]. In: *Molodezh. Religiya. Ateizm* (sost. Yu.A. Kimelev) [Youth. Religion. Atheism (comp. Y.A. Kiselev)]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1983, pp. 181–202.
3. Zinn H. *Narodnaya istoriya SShA: s 1492 goda do nashikh dnei* [People's history of the United States: from 1492 up to the present day]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 219 p.
 4. *Istoriya SShA: v 4-kh t. T. 4. 1945–1980*. [History of the United States: in 4 v. Vol. 4. 1945–1980]. Moscow, Science Publ., 1987. 744 p.
 5. Kiselev V.S. [Martin Luther King, Jr.: the path of non-violence]. In: *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'*, 1995, no. 3–4, pp. 136–159.
 6. Roszak Th. *Istoki kontrkul'tury* [The origins of the counterculture]. Moscow, AST Publ., 2014. 380 p.
 7. Leary T. *The Politics of Ecstasy*. Berkley, CA: Ronin Pub., 1990. 406 p.
 8. Metz Sh. M. Dr. Martin Luther King, Jr. and MalcolmX: The Power and Legacy of Prophetic Discourse in the Civil Rights Movement (2005) / University of Tennessee Honors Thesis Projects [сайт]. Available at: http://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/888 (accessed: 16.10.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Николай Сергеевич – аспирант кафедры Новой, новейшей истории и методологии факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: hwangsolen@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Orlov – postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Faculty of History, Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: hwangsolen@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орлов Н.С. Религия и американская молодежь в 70-е гг. XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 116–121.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-116-121

FOR CITATION

Orlov N. Religion and the Youth in the United States in the 1970s. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 116–121.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-116-121

УДК 327.54

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-122-130

НИКОЛЯ САРКОЗИ И «АРАБСКАЯ ВЕСНА». КРИЗИС ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НЕОГОЛЛИЗМА

Афоньшина А.И.*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Российская Федерация*

Аннотация. В статье автором дан анализ внешнеполитического курса администрации Николя Саркози и МИД Франции в начальный период «Арабской весны» (2010–2012 гг.). Следуя традиционной концепции неоголлизма (поддержка авторитарных режимов в обмен на их лояльность к французским интересам), Париж не был готов к развернувшимся событиям и действовал ситуативно. В итоге Франция не выступила сразу с четкой позицией в связи с событиями в Тунисе и Египте, приняв активное участие в них лишь после кризиса в Ливии, следуя в фарватере политики США.

Ключевые слова: «Арабская весна», Николя Саркози, неоголлизм, внешняя политика, Франция.

NICOLAS SARKOZY AND THE “ARAB SPRING”. CRISIS OF THE FOREIGN POLICY OF NEOGAULLISM

A. Afonshina*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23, Gagarin prosp., Niznij Novgorod, 603950 Russian Federation*

Abstract. In the article the author makes an attempt to analyze the actions of N. Sarkozy's administration and the Ministry of Foreign Affairs of France during the beginning of the “Arab spring” (2010–2012). Following the traditional neogaullism concept (support to authoritative regimes in exchange for their loyalty to French interests) Paris turned out not to be ready for the events which followed it and acted contextually. Finally, France didn't express any firm position towards the events in Tunisia and Egypt. It took active part in the events only after the crisis took place in Libya. There France followed the policy of the USA.

Key words: the Arab spring, Nicolas Sarkozy, neogaullism, foreign policy, France.

Регионы Магриба и Ближнего Востока уже на протяжении нескольких лет переживают переломный момент в своей истории. Эти регионы подвержены процессам демократизации и глобализации, начиная с 90-х гг. XX в., однако, нельзя сказать, что данный процесс является линейным и движение к демократизации происходит эволюционно. События «Арабской весны», начавшейся в 2010 г., показали, что многие западные государства не были готовы к столь радикальной смене парадигмы в арабских странах. В их числе оказалась и Франция.

Следует заметить, что, начиная с периода деколонизации, Франция старалась поддерживать отношения с арабскими странами, встав на их сторону во время шестидневной войны с Израилем. Без сомнения, французская дипломатия в регионе «Большого Ближнего Востока» продолжает основываться на фундаментальных принципах, утверждавшихся со времен генерала де Голля, хотя методы их реализации могут быть различными [13]: система двусторонних договоров между бывшими колониями и метрополией о всеобъемлющем сотрудничестве, преференции на французском рынке, создание «Франкофонии» – сообщества франкоязычных государств [12, с. 282]. Однако французское руководство пользовалось также и методами тайной дипломатии, основанной на негласных договорах с авторитарными лидерами Арабского Востока для получения преференций для финансово-промышленных групп, которые эксплуатировали богатства стран Магриба и Ближнего Востока. Этот курс приносил Пятой республике не только экономическую выгоду, но и сотрудничество в политической сфере, что выражалось в активной поддержке французской позиции в ряде международных организаций [20, pp. 19–21].

Еще в период своей избирательной кампании Саркози активно выступал против практики тайной дипломатии и подкупа авторитарных режимов Ближнего Востока и Магриба [1], и, в принципе, заявлял о пересмотре всей ближне- и средневосточной политики Пятой республики. Также было заявлено о желании придать большую значимость вопросам соблюдения прав человека при проведении внешней

политики: «Я не хочу быть причастным ни к одной из диктатур по всему миру» [7].

В отношении конкретных шагов Саркози на посту президента следует отметить, что, по примеру американских неоконсерваторов, он часто разделял формы правления стран третьего мира по следующим категориям: «режимы западной семьи», «дружья» (режимы египетского президента Мубарака и тунисского президента Бен Али) и «подозрительные» (Иран, сектор Газа). Естественно, режимы второй группы всегда вызывали множество вопросов, так как известный тунисский президент Бен Али отличался систематическим нарушением демократических прав и свобод в своей стране [16]. Однако отношения с Тунисом были слишком важны для Франции, чтобы публично осуждать действия президента. Поэтому французское руководство, предпочитая закрывать глаза на внутреннеполитическую ситуацию в странах с «дружественными» режимами, не смогло адекватно оценить ее и подготовиться к нарастанию напряженности в странах, впоследствии затронутых событиями «арабской весны».

С приходом в Елисейский дворец в 2007 г., выступая перед послами во Франции, Саркози выразил свое мнение по поводу вызовов и угроз, стоящих перед страной. На первом месте избранный президент поставил конфронтацию между исламом и западным миром, намеренно разжигаемую экстремистскими группировками, например, Аль-Каидой, желающей создать халифат от Индонезии до Нигерии [1]. Президент не упомянул о нестабильности в странах, находящихся

в Южном Средиземноморье, которые меньше чем через три года стали первыми арабскими странами, испытавшими на себе последствия «Арабской весны».

В то же время в Программах развития ООН в 2000-е гг. [2; 9] была опубликована серия докладов, в которых отмечался взрывоопасный характер ситуации в арабском мире, где имело место отсутствие демократии, постоянные нарушения прав человека, слабый экономический рост, высокий уровень безработицы, особенно среди дипломированной молодежи, дискриминация в отношении женщин. Эти доклады, подготовленные в стенах арабских университетов, предрекали падение авторитарных режимов, несмотря на их обширные связи с западным миром, в том числе с Францией. В отличие от самих арабских стран, эти доклады прошли незамеченными на Западе [15]. Таким образом, незнание реальной ситуации в странах Магриба, частично объясняемое достаточно устаревшим и схематичным представлением о положении дел на южном побережье Средиземного моря, обуславливало неспособность французского руководства достаточно быстро среагировать на события, разразившиеся в декабре 2010 г. [17].

Действительно, в Тунисе был один из самых репрессивных и коррумпированных режимов, где руководству, однако, удалось достигнуть реального экономического роста, несмотря на отсутствие полезных ископаемых, что вызвало положительную оценку Международного валютного фонда, Всемирного банка и Европейского союза [18]. События в Тунисе захватили Париж врасплох, поэтому в начале

руководство Франции не могло осознать, что события в Тунисе приняли форму революции, а представители министерства иностранных дел выступали лишь с формальными заявлениями по данному вопросу [10, с. 241], стараясь избегать открытой критики режима Бен-Али, применявшего силу для разгона демонстраций. Министр иностранных дел Франции Мишель Аллио-Мари отправилась в отпуск в Тунис, где в это время революционные события набирали оборот, что показало полную некомпетентность министра в данном вопросе. В итоге правительство предложило на посту министра иностранных дел заменить ее Аленом Жюппе.

14 января Бен Али покинул страну, на что Николя Саркози отреагировал официальным коммюнике [3], отражающим его позицию по поводу ситуации в Тунисе. Однако оно было крайне лаконичным и лишь несколько расширено на следующий день [4]. Президент так обозначил два главных принципа внешней политики Франции: «невмешательство во внутренние дела суверенного государства и поддержка демократии и свободы» [10, с. 241]. Саркози призвал тунисцев положить конец беспорядкам и насилию и организовать свободные выборы в обозримой перспективе. Была выражена поддержка тунисскому народу в его «борьбе за демократию», было заявлено о замораживании финансовых счетов бывшего президента и членов его семьи. Таким образом, позиция французской дипломатии по данному вопросу была определена. А. Жюппе, объясняя столь запоздалую реакцию французского руководства, подчеркнул неожиданность произошедшего

в Тунисе – стране, которая на протяжении долгого времени считалась достаточно стабильной в политическом плане [8].

Следует отметить, что позиция французского руководства была достаточно противоречивой, в своих официальных заявлениях Саркози подчеркивал, что, несмотря на авторитарность, режимы Магриба представляют меньшую угрозу по сравнению с исламской угрозой, исходящей от Аль-Каиды. Президент высказывал опасения по поводу возможного присутствия исламистов в регионе в случае всплеск возмущения в других странах [10, с. 240].

Таким образом, подводя итоги французской реакции на события в Тунисе и на начало «Арабской весны» можно констатировать, что французское руководство не было готово к данному развитию событий, чем и объясняется нерешительность французской дипломатии. Более того, в планы Саркози и его команды не входил полный отказ от концепции, выстраиваемой еще со времен генерала де Голля, – поддержка авторитарных режимов в обмен на их лояльность к французским промышленно-финансовым компаниям, действующим в арабских странах. Руководство не могло определиться, каким образом нужно будет выстраивать отношения с новыми правительствами страны.

Следующей страной, которую потрясли революционные события, был Египет – давний союзник Франции в регионе. Франция вновь не смогла правильно оценить ситуацию. Имея прочные связи с руководством страны, французы дали очень сдержанную оценку событиям в Египте, надеясь

на диалог между руководством и манифестантами, требующими большей свободы [5; 6]. Франция представила достаточно «размытую» позицию по египетской проблеме, надеясь на то, что президент Египта Мубарак сможет решить вопрос, реализовав необходимые реформы по обеспечению демократических прав и свобод. Лишь после того как США заявили о том, что руководство Египта должно смениться, Франция изменила свою позицию и высказала поддержку революции. Недавно назначенный министр иностранных дел – Алан Жюппе – отправился в Египет, где встретился с демонстрантами в марте 2011 г. [19]. Эта поездка обозначила новую позицию Франции по отношению к событиям арабской весны.

Революция в Ливии послужила отличным поводом для Франции, чтобы сыграть активную и решающую роль в процессе свержения режима Каддафи. Во время очередного саммита ЕС в марте 2011 г. руководители европейских государств выразили поддержку демонстрациям в арабских странах. Они призывали полковника Каддафи покинуть пост руководителя страны, избегая насилия. Во время саммита G8 в Давиле значительная финансовая поддержка в размере 40 миллиардов долларов была обещана Тунису и Египту – странам, «вставшим на путь демократических преобразований» [15]. Франция была первой страной, признавшей 10 марта легитимным представителем Ливии Национальный переходный совет в Бенгази.

Франция выступила с резолюцией № 1973 по Ливии в Совете Безопасности ООН (принята на 6498-м заседании СБ 17 марта 2011 г.), опираясь

на принцип «обязанности защищать», введенный в ООН¹ в 2005 г. Французская инициатива подразумевала создание бесполетной зоны над Ливией для защиты мирного населения, усиления уже существующих санкций против режима Каддафи, а также требование о прекращении огня. Резолюция была активно поддержана США и Великобританией, а также Лигой Арабских государств. Данное решение позволяло Франции занять активную позицию в решении проблем Магриба. С 21 по 29 марта франко-британские силы проводили операцию в Ливии, а в результате Лондонской конференции военное руководство операцией перешло в руки командования НАТО. Через пять месяцев операция была закончена после смерти Каддафи, когда руководство НАТО заявило, что «основные цели операции были достигнуты» [12, с. 357].

Без сомнения, иностранная интервенция в Ливии была ключевым фактором в свержении режима Каддафи, Франция играла значительную роль в признании международным сообществом Национального переходного совета. Следует отметить, что, во-первых, в случае данной интервенции заметна очень широкая трактовка понятия «обязанность защищать», так как коалиция НАТО не только защищала мирное население, но и оказывала политическую, техническую и военную поддержку оппозиции и вооруженным повстанцам вразрез с резолюцией № 1973 СБ ООН. Во-вторых, после убийства Каддафи и падения его

режима западная коалиция не предприняла никаких шагов по обеспечению стабильности и безопасности в стране. Из-за этого страна погрузилась в хаос, сопровождаемый ростом исламистских настроений, увеличением числа разрозненных групп повстанцев, борющихся между собой, усилением роли племенных структур [11, с. 167].

Еще одна страна, затронутая событиями «Арабской весны» – это Сирия, где демонстрации привели к разжиганию гражданской войны. Принимая во внимание ухудшившиеся отношения с президентом Сирии Башаром Асадом, Саркози занял достаточно жесткую позицию. И Елисейский дворец, и Кэ д'Орсэ высказались достаточно однозначно по поводу событий в Сирии, призвав президента Асада уйти с поста, обвиняя его в преступлениях против собственного народа. Отноительно военного вмешательства в ситуацию президент и премьер-министр Франции были уверены, что данная мера должна применяться с осторожностью [15]. Более того, такая инициатива не могла бы пройти в Совете Безопасности ООН, где Россия и Китай выступали единым фронтом против какого-либо вмешательства в ситуацию [14].

Подводя итоги деятельности Саркози во время событий «Арабской весны» с точки зрения реализации принципов неоголлизма, следует отметить, что с началом революционных событий в регионе Магриба и Ближнего Востока президент старался придерживаться линии французской дипломатии, которая использовалась еще генералом де Голлем. Саркози не выступал открыто в поддержку режимов

¹ Резолюцией A/RES/60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года» на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (24.10.2005 г.).

Бен-Али и Мубарака, однако французское руководство долгое время не оказывало поддержки и повстанцам. Осознав, что предыдущая стратегия не может быть использована, Елисейскому дворцу и Кэ д'Орсэ пришлось резко изменить свой курс, отказавшись от сохранения status quo в регионе и заняв более активную позицию в событиях, происходящих в регионе. Объясняя свою позицию по данному вопросу, Н. Саркози во время выступления на годовщине терактов 11 сентября заметил, что «самый эффективный ответ на эти массовые убийства и теракты, это освобождение арабских народов, которые сейчас поддерживаются Америкой и Францией» [19].

Саркози ставил своей целью усилить роль Франции в решении международных проблем, активно участвуя в ливийской операции, которая должна была продемонстрировать военную

и дипломатическую мощь Парижа, а также усилить французское влияние на новые политические структуры стран Магриба. Однако, заняв проповстанческую позицию по Ливии и инициировав военную интервенцию, Париж не смог достичь своей цели по усилению влияния на Триполи в частности, и на весь регион Магриба в целом, так как Ливия из авторитарного, но централизованного государства, превратилась в полностью внутренне разобщенную страну, представляющую угрозу мировому сообществу вследствие усиления радикальных исламистских террористических группировок. Таким образом, на данном направлении внешнеполитические шаги Саркози сложно назвать удачными и соответствующими стратегии голлизма.

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Allocution de Nicolas Sarkozy, à l'occasion de la 15e Conférence des Ambassadeurs Palais de l'Élysée, 27 août 2007 / Sangonet [website]. – URL: https://www.sangonet.com/ActuDo/aia/sarkozy_afrique_15econfer-amb.html (дата обращения: 04.10.2018).
2. Arab Human Development Report, 2009 / United Nations Development Programme [website]. – URL: http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/hdr/arab_human_developmentreport2009.html (дата обращения: 04.10.2018)
3. Communiqué de la Présidence de la République, en date du 14 janvier 2011, sur la situation politique en Tunisie notamment la transition constitutionnelle / Vie-publique.fr [website]. – URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000116.html> (дата обращения: 04.10.2018).
4. Communiqué de la Présidence de la République, en date du 15 janvier 2011, sur le soutien de la France au processus de démocratisation en Tunisie / Vie-publique.fr [website]. – URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000117.html> (дата обращения: 04.10.2018).
5. Déclaration de Mme Michèle Alliot-Marie, ministre des affaires étrangères et européennes, sur l'apport de l'Agence française de développement et de son réseau à la stratégie d'influence de la France dans le monde, Paris le 27 janvier 2011 / Vie-publique.fr [website]. – URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/113000293.html> (дата обращения: 04.10.2018).
6. Déclaration de Mme Michèle Alliot-Marie, ministre des affaires étrangères et européennes,

sur la préoccupation de la France face à la situation en Egypte, Paris le 28 janvier 2011 / Vie-publique.fr [website]. – URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000290.html> (дата обращения: 04.10.2018).

7. Discours de N.Sarkozy à congrès de l'UMP, 14 janvier 2007 / Election présidentielle 2017 [website]. – URL: <http://www.election-presidentielle.fr/?p=743> (дата обращения: 04.10.2018).
8. Entretien de M. Alain Juppé, ministre de la défense et des anciens combattants, dans "Le Monde" du 19 janvier 2011, notamment sur la lutte contre le terrorisme, la coopération / Vie-publique.fr [website]. – URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/113000144.html> (дата обращения: 04.10.2018).
9. UNDP Annual Report 2003: Putting the World Back Together United Nations development programme / United Nations Development Programme [website]. – URL: http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/corporate/undp_in_action_2003.html (дата обращения: 04.10.2018).

Литература

10. Карева Д.О. Средиземноморская политика Франции в конце XX-начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 291 с.
11. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012). М.: Аспект Пресс, 2012. 382 с.
12. Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М.: Международные отношения, 2011. 319 с.
13. Barah M. Une « diplomatie du pragmatisme » aux effets limités au Moyen-Orient ? // Revue internationale et stratégique. 2010, no.1 (77), pp. 145–150.
14. Barluet A. Le printemps arabe réveille la diplomatie française, 12.10.2011 / Le Figaro [website]. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2011/10/11/01003-20111011ARTFIG00804-le-printemps-arabe-reveille-la-diplomatie-francaise.php> (дата обращения: 04.10.2018).
15. Bauchard D. La france et le printemps arabe / AFRICT Empowerment Initiative [website]. – URL: http://www.africt.org/wp-content/uploads/2015/02/259_Bauchard.pdf (дата обращения: 04.10.2018).
16. Billion D., Belkacem F. Une politique extérieure de la France à la peine... mais réactive // Revue internationale et stratégique. 2011, no. 3 (83), pp. 149-158.
17. Epstein M. La France ne se donne pas les moyens de connaître le Maghreb, L'Express, 2 février 2011 / L'Express [website]. – URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/la-france-ne-se-donne-pas-les-moyens-de-connaître-le-maghreb_958019.html (дата обращения: 04.10.2018).
18. Martinez L. Le printemps arabe, une surprise pour l'Europe // Revue Projet. 2011, no. 3 (322), pp. 5–12.
19. Takieddine R. France Diplomatie: face au monde arabe, la farce diplomatique, 01.03.2012 / Courrier International [website]. – URL: <http://www.courrierinternational.com/article/2012/03/01/diplomatie-face-au-monde-arabe-la-farce-diplomatique> (дата обращения: 04.10.2018).
20. Ould Aoudia J. Croissance et réformes dans les pays arabes méditerranéens. Paris: AFD, 2008. 176 p.

REFERENCES

1. Allocution de Nicolas Sarkozy, à l'occasion de la 15e Conférence des Ambassadeurs Palais de l'Élysée, 27 août 2007 / Sangonet [website]. Available at: https://www.sangonet.com/ActualDo/aia/sarkozy_afrique_15econf-amb.html (accessed: 04.10.2018).
2. Arab Human Development Report 2009. United nations development programme / United Nations Development Programme [website]. Available at: http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/hdr/arab_human_developmentreport2009.html (accessed: 04.10.2018).
3. Communiqué de la Présidence de la République, en date du 14 janvier 2011, sur la situation politique en Tunisie notamment la transition constitutionnelle / Vie-publique.fr [website]. Available at: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000116.html> (accessed: 04.10.2018).
4. Communiqué de la Présidence de la République, en date du 15 janvier 2011, sur le soutien de la France au processus de démocratisation en Tunisie / Vie-publique.fr [website]. Available at: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000117.html> (accessed: 04.10.2018).
5. Déclaration de Mme Michèle Alliot-Marie, ministre des affaires étrangères et européennes, sur l'apport de l'Agence française de développement et de son réseau à la stratégie d'influence de la France dans le monde, Paris le 27 janvier 2011 / Vie-publique.fr [website]. Available at: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/113000293.html> (accessed: 04.10.2018).
6. Déclaration de Mme Michèle Alliot-Marie, ministre des affaires étrangères et européennes, sur la préoccupation de la France face à la situation en Egypte, Paris le 28 janvier 2011 / Vie-publique.fr [website]. Available at: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/112000290.html> (accessed: 04.10.2018).
7. Discours de N.Sarkozy à congrès de l'UMP, 14 janvier 2007 / Election présidentielle 2017 [website]. Available at: <http://www.election-presidentielle.fr/?p=743> (accessed: 04.10.2018).
8. Entretien de M. Alain Juppé, ministre de la défense et des anciens combattants, dans "Le Monde" du 19 janvier 2011, notamment sur la lutte contre le terrorisme, la coopération / Vie-publique.fr [website]. Available at: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/113000144.html> (accessed: 04.10.2018).
9. UNDP Annual Report 2003: Putting the World Back Together United nations development programme / United Nations Development Programme [website]. Available at: http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/corporate/undp_in_action_2003.html (accessed: 04.10.2018).
10. Kareva D.O. Sredizemnomorskaya politika Frantsii v kontse XX – nachale XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Mediterranean policy of France at the end of XX – beginning of XXI centuries: Thesis of cand. hist. Sci.]. Moscow, 2015. 291 p.
11. Obichkina E.O. Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012) [French foreign policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 382 p.
12. Rubinskii Yu.I. Frantsiya. Vremya Sarkozi [France. Time Sarkozy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2011. 319 p.
13. Barah M. Une « diplomatie du pragmatisme » aux effets limités au Moyen-Orient ? In: *Revue internationale et stratégique*, 2010, no. 1 (77), pp. 145–150
13. Barluet A. Le printemps arabe réveille la diplomatie française. 12.10.2011. In: *Le Figaro* [website]. Available at: <http://www.lefigaro.fr/international/2011/10/11/01003-20111011ARTFIG00804-le-printemps-arabe-reveille-la-diplomatie-francaise.php> (accessed: 04.10.2018).
14. Bauchard D. La france et le printemps arabe / AFRICT Empowerment Initiative [website]. Available at: http://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2015/02/259_Bauchard.pdf (accessed: 04.1.2018).

15. Billion D., Belkacem F. Une politique extérieure de la France à la peine... mais réactive. In: *Revue internationale et stratégique*, 2011, no. 3 (83), pp. 149–158.
16. Epstein M. La France ne se donne pas les moyens de connaître le Maghreb, L'Express, 2 février 2011 / L'Express [website]. Available at: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/la-france-ne-se-donne-pas-les-moyens-de-connaître-le-maghreb_958019.html (accessed: 04.10.2018).
17. Martinez L. Le printemps arabe, une surprise pour l'Europe. In: *Revue Projet*, 2011, no. 3 (322), pp. 5–12.
18. Takieddine R. France. Diplomatie: face au monde arabe, la farce diplomatique. In: *Courrier International* [website]. Available at: <http://www.courrierinternational.com/article/2012/03/01/diplomatie-face-au-monde-arabe-la-farce-diplomatique> (accessed: 04.10.2018).
19. Ould Aoudia J. Croissance et réformes dans les pays arabes méditerranéens. Paris, AFD Publ., 2008. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афоньшина Александра Ильинична – аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

e-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra I. Afon'shina – postgraduate student (1st year), Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod, Institute of International Relations and World History;

e-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афоньшина А.И. Николя Саркози и «Арабская весна». Кризис внешнеполитической стратегии неоголлизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 122–130.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-122-130

FOR CITATION

Afonshina A. Nicolas Sarkozy and the “Arab Spring”. Crisis of the Foreign Policy of Neogaullism. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 122–130.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-122-130

УДК 325.1(510)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-131-142

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Юань Сюнь*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы миграционной политики Китая. Особое внимание уделено нормативно-правовому регулированию миграционных процессов с 1949 г. до настоящего времени. Автором был проведен анализ каждого из этапов развития миграционной политики Китая. Анализ выявил ключевые проблемы, обусловленные особенностями институциональной структуры и нормативно-правового регулирования в сферах привлечения и адаптации иммигрантов, в особенности высококвалифицированных специалистов. На базе китайского опыта предложены некоторые рекомендации для России в области государственной миграционной политики по привлечению высококвалифицированных специалистов и борьбы с нелегальной миграцией. По итогам исследования сделан вывод, что по мере экономического развития прирост иммигрантов увеличивается, следовательно, необходимость в эффективной миграционной политике возрастает.

Ключевые слова: Китай, миграционная политика, нормативно-правовое регулирование миграции, специальная программа «Тысяча талантов», высококвалифицированные специалисты.

THE CHINESE EXPERIENCE OF THE MIGRATION POLICY IMPROVEMENT: THE BASIC STEPS AND UNSOLVED PROBLEMS

Yuan Xun*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. This article examines the issues of China's migration policy. Particular attention is focused on the legal regulation of migration processes from 1949 to the present. Analysis of each stage of the development of China's migration policy made it possible to identify the key problems caused by the peculiarities of institutionalization and regulation of attracting and adapting immigrants, especially highly qualified specialists. Recommendations are given to Russia in the field of state migration policy regarding the involvement of highly qualified specialists and the fight against illegal migration based on the analysis of the peculiarities of the Chinese migration policy. According to the results of the study, the author concludes that with the economic development of our two countries, the number of immigrants is increasing, so it is necessary to put forward a more effective migration policy.

Key words: migrants, migration policies of China, legal regulation migration progress, special program of "Thousand talents", highly-skilled immigrants.

Значение термина «миграция» (от лат. migratio – переселение, перемещение) является общим и законодательно неопределенным в Китае. В официальных материалах он употребляется только при описании перемещения населения из Китая в другие страны на постоянное место жительства. Иностранцев, приезжающих в Китай, чаще называют «иностранцами» и «иностранцами гражданами», нежели «мигрантами».

В рамках этой статьи, мы используем общеупотребительное в современной России значение миграции как переселение в пределах одной страны (внутренняя миграция) или из одной страны в другую (международная или внешняя миграция) на определенное время. Согласно официальным источникам, в 2015 г. численность китайских мигрантов, выехавших из Китая в другие страны составила более 273 млн чел., а число иностранцев, прибывших в Китай – 76,31 млн чел [2]. Такой масштаб миграционных процессов имеет существенные демографические, социально-экономические и геополитические последствия не только для Китая, но и для всех регионов АТР, включая Россию. Именно поэтому анализ миграционной политики Китая является актуальным.

Во избежание неясности и путаницы необходимо пояснить термин «миграционная политика». Китайский специалист Ли Минхуань выделяет его узкое значение – «институциональный строй, соответствующий интересам государства, направленный на регулирование процессов переселения,

перемещения и размещения иностранных лиц на территории государства и (или) в отдельных его регионах, и содержащий нормативную регламентацию прав въезда и выезда из страны, разрешения на работу, обеспечения человеческих прав и благосостояния мигрантов» [3, р. 23].

Задачами настоящей статьи является анализ этапов развития миграционной политики Китая, выявление её основных проблем, а также формулировка рекомендаций по совершенствованию государственной миграционной политики России. В миграционной политике Китая после 1949 г. можно выделить три периода.

Политика «закрывания дверей» (1949–1977)

После образования КНР в 1949 г. страна столкнулась с блокадой и санкциями западных стран, поэтому главным направлением международной политики стала «защита государственной безопасности от врагов и шпионов». Под лозунгом Мао Цзэдуна «Приглашение гостей после уборки комнаты» проводилась политика «вытеснения» иностранных граждан, находившихся в Китае и прибывавших на его территорию [4, р. 3]. Этот период характеризуется незначительным числом пересекавших границу лиц по причине ограничений, введенных «Временно действующими правилами контроля за въездом в страну и выездом из страны, также проживанием в стране иностранцев-резидентов» (1951), «Временными мерами по управлению въездом в страну и выездом

дом из страны иностранцев-резидентов» (1954), «Временными правилами выдачи визы и регистрации пребывания иностранцам» (1954), «Временными правилами путешествия иностранцев» (1954) и «Правилами управления въездом в страну и выездом из страны, транзитом, пребыванием и путешествием иностранцев» (1964) и др. Эти законодательные нормы послужили основой китайской политики в сфере управления иммиграцией. Они существенно ограничивали возможности иностранцев на получение разрешения для въезда в Китай. Те, кто все-таки получал разрешение и въезжал на территорию КНР, всегда был под строгим надзором и контролем [5]¹.

Ослабление ограничений в эпоху «реформ и открытости» (1978–2004)

Принятая в 1978 г. программа экономических реформ способствовала расширению деловых связей с иностранцами, привлечению из-за рубежа высококвалифицированных специалистов и инвестиций, что прямо и косвенно оказало влияние на миграционную политику КНР. Цель Китая заключалась в том, чтобы, с одной стороны, снизить ограничения для въезда иностранцев в Китай и выезда из него, а с другой – ослабить контроль за их действиями на территории страны.

Во-первых, в 1985 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей был опубликован закон «О контроле за въездом в страну и выездом из страны ино-

странцев», условно разделивший иностранцев, прибывающих в Китай, на 3 категории: прибывшие для «краткосрочного проживания», «долгосрочного проживания» и «постоянного проживания». В «Подробных правилах осуществления Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» (1986) и их редакции от 1994 г. введен современный визовый режим. Пребывающим на территории КНР иностранным гражданам выдавались визы следующих категорий: виза для постоянного проживания (D), рабочая (Z), учебная (X), деловая (F), туристская (L), транзитная (G), виза для членов экипажа (C) и приграничная виза [6, p.72]. Принятые законы привели к ослаблению строгих миграционных ограничений и упрощению миграционных процедур.

Во-вторых, в ходе рыночной реформы руководство КНР убедилось в том, что дефицит специалистов становится одним из главных препятствий экономического развития. Учитывая опыт других стран, правительство стало активно стимулировать иммиграцию иностранных специалистов в Китай. Необходимо отметить, что «Испытательные положения об иностранных культурно-просветительных специалистах», опубликованные Госсоветом КНР в 1980 г., впервые определили понятие «иностранного культурно-просветительного специалиста» как «иностранного гражданина, нанятого китайскими вузами, пропагандистскими, издательскими, культурно-художественными, медицинскими и спортивными учреждениями и получающего государственные льготы или вознаграждение» [7]. Последующие официальные документы – Временные

¹ Например, в Пекине, согласно тем законам, иностранцы могли легально находиться, считая от площади Тяньаньмэнь, в радиусе 20 км, а дальше – только при наличии особого разрешения.

положения по привлечению иностранных специалистов (1983), «Методы стимулирования иностранных специалистов» (1990) и «Меры управления иностранными инвестициями и иностранными специалистами» (1996) – подробно описывали способы отбора, поддержки и адаптации высококвалифицированных кадров. В 1994 г. Академия наук Китая начала проводить Программу «Сто талантов» для привлечения ученых и специалистов высшего уровня, предложив им огромную финансовую поддержку. Из-за отсутствия на тот момент конкретных правил адаптации иностранных специалистов большинство участников этой программы были китайскими гражданами, получившими образование за рубежом. В 2002 г. Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета издали Программу «Планирование и подготовка персонала специалистов в 2002–2005 гг.» с перечислением сфер, нуждающихся в привлечении иностранных специалистов: информационно-техническая, биологическая, материально-техническая, производственно-техническая, авиакосмическая, финансовая, юридическая и сферы международной торговли и менеджмента. По данной программе специалистам-мигрантам были гарантированы высокие зарплаты, доступ к научно-исследовательским базам и лабораториям и т. д. [1].

По данным программ с 1985 по август 2004 г. более трех тысяч человек получили право временного и долгосрочного проживания в Китае и 50 человек — право на постоянное проживание [8]. С учетом огромного дефицита высококвалифицированных кадров эффект этих программ оказался не таким заметным. Причина заключа-

лась в том, что в этот период не была разработана процедура предоставления иностранным лицам права постоянного проживания или гражданства, несмотря на то, что эти права предусматривались Законом 1980 г. «О гражданстве КНР» и Законом 1985 г. «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев». Только те иностранцы, кто внес особый вклад в развитие Китая, получили разрешение на постоянное проживание в стране.

Вместе с тем существовали и общие проблемы трудоустройства иностранцев. Из-за отсутствия положения о процедуре получения рабочей визы (Z) все больше и больше иностранцев устраивались на работу нелегально. Для регулирования трудоустройства иностранцев и борьбы с нелегальными мигрантами был принят ряд нормативно-правовых актов, среди которых нужно отметить «Правила трудоустройства иностранцев и учащихся иностранных лиц без вида на жительство в КНР» (1987) и «Уведомление о запрете нелегального трудоустройства иностранцев в КНР» (1994) [9]. Только в 1996 г. были опубликованы «Положение об управлении трудоустройством иностранцев», регламентирующие порядок оформления рабочей визы (Z) и процедуру трудоустройства иностранцев. В «Положении...» не рассматривались вопросы соцобеспечения [10].

В целом в этот период главным ориентиром миграционной политики Китая было привлечение иностранных специалистов, что позволило заложить правовую основу управления миграцией на территорию КНР. Впоследствии Постоянный комитет Всекитайского собрания народных

представителей сосредоточил свое внимание на совершенствовании данной политики.

**Стратегия привлечения
специалистов и борьбы с
нелегальной миграцией
(с 2004 г. по настоящее время)**

В целях облегчения процедуры получения вида на жительство в Китае было принято Положение «О регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае» (2004), предоставившее право постоянного проживания в КНР высококвалифицированным специалистам, работающим на совместных с Китаем предприятиях; крупным зарубежным инвесторам; лицам, внесшие большой вклад в развитие Китая; членам воссоединяющихся семей (при этом право распространяется как на супругов и детей, так и на дальних родственников) [11]. Спустя год после вступления в силу данного Положения, к сентябрю 2005 г., численность иностранцев, получивших вид на жительство, составила 649 тыс. человек, что в сто раз больше, чем за период с 1978 по 2003 г. [12].

Для совершенствования институтов привлечения высококвалифицированных специалистов государство занялось вопросами их социального обеспечения. В 2012 г. вступил в силу «Перечень прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае», установивший, что у иностранцев, при наличии права постоянного жительства, такие же права и обязанности, как и у всех китайских граждан. Данный порядок распространяется на все жизненно важные правовые аспекты и вопросы благосостояния, в том числе

в области работы, учебы и покупки недвижимости [13].

Закон «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» (2012) и подробные Правила «Контроля за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» (2013) создали режим благоприятствования для въезда в страну и работы в ней иностранных специалистов и инвесторов. По сравнению с предшествующим режимом появились новые разновидности виз: коммерческая виза (М); виза членам семей граждан Китая или имеющим вид на жительство иностранным гражданам, которые приезжают в Китай в целях воссоединения с семьей или осуществления опекуновства (Q1); виза для приезжающих в Китай к родственникам (Q2); виза специалиста (R); гостевая виза для родственников иностранца, работающего или обучающегося в Китае (S).

В 2008 г. на государственном уровне была разработана специальная программа «Тысяча талантов», в целях привлечения в Китай высококвалифицированных кадров, научных исследователей высокого уровня и предпринимателей научно-технических предприятий. Китайское правительство выделило специальные пособия и компенсировало расходы иностранным специалистам, предоставив им «сверхнациональный статус», льготы и преференции в различных социальных услугах. В отличие от предыдущей программы «Сто талантов», новая программа добилась очевидного прогресса в привлечении специалистов. За 2008–2017 гг. более 6000 иностранных экспертов, предпринимателей и соотечественников, добившихся высоких научных результатов за границей, вос-

пользовались этой программой и внесли вклад в развитие Китая.

Другим важным направлением миграционной политики этого периода стала борьба с незаконной миграцией. В течение долгого времени большинство нелегальным мигрантов составляли беженцы или лица, незаконно переселившиеся в Китай из таких приграничных стран, как КНДР, Вьетнам и т. д. С начала 2000-х гг., по мере бурного развития экономики и международной торговли Китая, выросла численность иностранных мигрантов, которые незаконно въехали и работали в Китае. Согласно имеющимся статистическим данным, в 2005 г. в Китае находились 31 735 незаконных мигрантов, 27% из которых принадлежит к «трем видам нелегалов» – нелегально въезжающих, нелегально пребывающих и нелегально работающих. В 2006 г. более 36 тысяч нелегальных мигрантов были наказаны, 9,5 тыс. из них были депортированы из Китая [14, р. 23]. В последние годы ситуация с нелегальной миграцией в Китае ухудшилась. Прежде всего надо отметить нелегальных мигрантов из стран Африки, к примеру, в Гуанчжоу в 2016 г. проживало 200–300 тыс. африканцев (90% из них мужчины), 10% из них пребывали в Китае легально [15]. Такое количество нелегалов не только негативно влияет на местный рынок труда, но и угрожает общественной стабильности, поскольку некоторые из них вовлечены в преступную деятельность, в том числе в наркоторговлю.

В октябре 2004 г. Министерством общественной безопасности КНР проведена дискуссия по проблеме борьбы с правонарушениями и преступлениями, совершаемыми незаконными ми-

грантами. В ходе дискуссии были проанализированы состояние и динамика незаконной миграции в Китае, обобщен опыт борьбы с ней, подчеркивалась важность сотрудничества с сопредельными странами по совместной борьбе с нелегальной миграцией [1, с. 79]. На сегодня Китай уже налаживает договорно-правовое сотрудничество в данной области с более 40 стран, в том числе с государствами ЕС, США, Россией и другими странами СНГ. Кроме того, в Законе «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев», вступившим в силу с 1 июля 2013 г., усилена административная ответственность лиц, нарушающих пограничный режим и режим пребывания на территории Китая: нелегальные мигранты могут быть оштрафованы на сумму до 10 000 юаней или арестованы на срок до 15 дней. Нелегальная трудовая деятельность наказывается штрафом в размере до 20 000 юаней [16]. В регионах, где наблюдается огромное число незаконных мигрантов, часто проводятся спецоперации против нелегалов, на пример «100 дней разгона» в приграничных регионах Китая и др.

Таким образом, в последние годы приняты и введены в действие Закон о «Контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» и сотни других нормативно-правовых актов, позволивших уточнить процедуры регулирования миграционных процессов и упорядочить положения различных категорий населения Китая, что приблизило его миграционную политику к нормам международного права.

Проблемы и пути их решения

Можно выделить ряд проблем миграционной политики Китая. Во-

первых, в Китае отсутствуют официальное определение термина «мигрант» и классификация мигрантов, поэтому вместо этого термина в официальных материалах и нормативно-правовых актах употребляется много слов с расплывчатыми значениями: «иностранец», «гражданин другой страны» и др. Из-за отсутствия точной классификации мигрантов существуют затруднения как при их учете, так и для проведения научных исследований. Таким образом, на базе изучения опыта других стран мира необходимо ввести в законодательные акты нормативное толкование термина «мигрант» и классификацию мигрантов, отвечающую реальной миграционной ситуации КНР.

Во-вторых, в настоящий момент в Китае нет специального органа, занимающегося исключительно проблемой миграции. Эти функции в основном выполняют три органа власти: Министерство общественной безопасности отвечает за регулирование въезда в страну и выезда из нее иностранцев; Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения — за управление социальным обеспечением и трудоустройство иностранцев; Бюро по делам иностранных специалистов — за привлечение экспертов в Китай. Кроме того, в регулировании миграции участвуют и другие органы власти: Канцелярия Госсовета по делам китайцев, проживающих за границей, Министерство коммерции, Министерство иностранных дел, Государственный комитет по развитию и реформам, Министерство образования, Министерство науки и техники, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство финансов

и т.д. Хотя налажено взаимодействие этих государственных органов, но нередко возникает или дублирование административных функций, или их невыполнение — в том случае, если органы сваливают свою ответственность друг на друга. Все это снижает эффективность реализации миграционной политики в Китае. Опыт других стран (России, США, Австралии и т. д.) убеждает в необходимости создать специальный государственный орган, реализующий государственную политику в сфере миграции и осуществляющий правоприменительные функции, функции контроля, надзора и оказания государственных услуг в сфере миграции.

В-третьих, в настоящее время в Китае отсутствует единый закон, регулирующий все вопросы миграции и определяющий вектор развития миграционной политики КНР. В действующем законодательстве существует много недоработок и ограничений, препятствующих осуществлению эффективной миграционной политики в Китае. Главный недостаток законодательной базы — в том, что она абстрагирована от проблем экономического развития страны. Как мы уже упоминали, в Китае наблюдается серьезный дефицит высококвалифицированных специалистов, и для их привлечения принят ряд поправок в предшествующие законодательные акты, предоставлявшие иностранным специалистам «вид на жительство» и льготы в социальных обеспечениях. Но процедура ее оформления столь сложна, что закон стал настоящим шлагбаумом на пути иммиграции в Китай. В конце 2011 г. лишь 4752 иностранцев получили вид на жительство, среди кото-

рых научно-технические кадры составили только 1735 чел. В том же году численность специалистов, получивших постоянный вид на жительство в США, Австралии и Великобритании, составила более 120 тыс., 100 тыс. и 30 тыс. соответственно. Из этого следует, что для привлечения большего числа специалистов необходимо совершенствовать миграционную политику и законодательные акты в целях упрощения административной процедуры оформления разрешения на работу и проживание для иностранцев, введения современной системы отбора иммигрантов, улучшения социального обеспечения иностранцев и условий адаптации иммигрантов в Китае.

Особенности китайской миграционной политики и некоторые рекомендации для России

Обобщая китайский опыт миграционной политики, можно выделить ряд особенностей, применимых к текущей российской миграционной политике по привлечению высококвалифицированных специалистов и борьбе с нелегальной миграцией.

Российской Федерации следует руководствоваться практическими интересами при разработке подходов привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов в страну, так как миграционная политика РФ зачастую не соответствует ее собственным национальным интересам.

На мировом рынке труда квалифицированных специалистов Россия значительно отстает от остальных государств. На российском рынке труда наблюдается серьезный дисба-

ланс в спросе и предложении специалистов высокой квалификации. За последние десятилетия российское законодательство об управлении миграционными потоками было ориентировано на управление притоком иностранной рабочей силы в основном низкой квалификации, а нормы, регулирующие вопросы привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов, долгое время отсутствовали. Иностранные высококвалифицированные специалисты стали самостоятельным субъектом административных, трудовых и гражданско-правовых отношений только в мае 2010 г. в результате внесения поправок в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В свою очередь, Китай начал проводить политику по привлечению научных кадров в передовые области еще в 1990-е гг. Гибкость законодательства в данной сфере соответствовала изменениям экономической ситуации страны.

Кроме того, в Китае для привлечения большего числа иностранных квалифицированных специалистов не только был упрощен миграционный режим и процедуры, с ним связанные, но и применен ряд особых финансовых и налоговых мер в отношении данной категории лиц.

Ниже приведены практики борьбы с нелегальной миграцией, использующие всю систему доступных мер, которые в целом можно разделить на следующие категории.

Во-первых, совершенствование миграционного законодательства, целью которого было упорядочение миграционных процессов, ужесточение ви-

зового режима и ввод наказаний для нелегально проживающих и работающих на территории Китая иностранцев.

Во-вторых, разработка комплексного подхода проведения регулярного мониторинга миграционных процессов, учитывающих социально-культурные, экономические и демографические особенности стран миграционного притока.

В-третьих, укрепление международного сотрудничества в области борьбы с нелегальной миграцией, включающего не только сотрудничество в рамках международных организации (ООН, МОТ – Международная организация труда), но и двухстороннее сотрудничество. Например, 20 марта 2013 г. в Москве по итогам российско-китайских переговоров было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией.

В-четвертых, постоянное проведение комплексов скоординированных оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций по противодействию незаконной миграции в Китае. Они являются достаточно значимыми и эффективными мерами в профилактике нелегальной миграции.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи были рассмотрены три основных этапа развития миграционной политики Китая с 1949 г. до настоящего времени, что позволило выявить ряд нерешенных проблем в нормативно-правовой и институциональной сферах и выдвинуть несколько предложений по совершенствованию китайской миграционной политики. Были обобщены две самые яркие особенности китайской миграционной политики, которые можно применить в российской действительности с целью улучшения миграционной ситуации в стране.

В соответствии с текущим экономическим развитием КНР, связи государства с другими странами укрепляются, а численность иммигрантов, переселяющихся в Китай, увеличивается. Подобное положение наблюдается и в России. Поэтому разработка эффективной миграционной политики особенно является актуальной, более того, она оказывает влияние не только на положение мигрантов, но и на все другие сферы развития страны.

Статья поступила в редакцию 09.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Лун Чанхай, Коробеев А.И. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82.
2. 国务院关于印发 “十三五” 旅游业发展规划的通知 [Программа развития туризма во время «13-ой пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития»] // 公安部官网 [Министерство общественной безопасности] [сайт]. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm (дата обращения: 22.10.2018).
3. 李明欢. 国际移民政策研究]. 厦门: 厦门大学出版社, 2011, 23页[Ли Минхуань. Исследование международной миграционной политики. Сямьнь: Сямьньский ун-т, 2011. 23 с.].
4. 刘云刚、陈跃. 全球化背景下的中国移民政策 // 评述与展望//世界地理研究. 2015.

- 24卷. 1期. 3页 [Лю Юйньган, Чень Юэ. Китайская миграционная политика на фоне глобализации: критики и перспективы // Исследования по мировой географии. 2015. Т. 24. № 1. С. 3].
5. 中国绿卡变迁史 [История изменения режима китайского «Грин-карда», 03.03.2017] // Uschinapress.com [сайт]. – URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0303/1097100.shtml> (дата обращения: 22.10.2018).
6. 中华人民共和国公民出境入境管理法实施细则 // 中华人民共和国国务院公报. 1986年. 34期. 72页 [О подробных правилах осуществления Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев // Официальный бюллетень Государственного Совета КНР. 1986. № 34. С. 72].
7. 国发(1980) 270号《外国文教专家工作试行条例》 [Положение об испытании иностранных культурно-просветительных специалистов] // Baidu [сайт]. – URL: https://baike.baidu.com/redirect/6145g0f3MgyNz0dRmhL4yZ2qZxVyOhXxobcQ3YQ3BH9ITpFVhygPqfEpZcwDMt1WzBT8JG8p9yhcuuW-1IGALaMDuaxNLqaDCTCoVyGKvVv_HQsE (дата обращения: 22.10.2018).
8. 中国正研究降低绿卡门槛 年均发卡248张 [Китай рассматривает сокращение ограничения выдачи «зеленой карты»: ежегодно будет выдавать 248 карт в год, 06.03.2014] // People.cn [сайт]. – URL: <http://gx.people.com.cn/n/2014/0603/c229247-21332067.html> (дата обращения: 22.10.2018).
9. 关于未取得居留证件的外国人和来中国留学的外国人在中国就业的若干规定 [Правила трудоустройства иностранцев и учащихся иностранных лиц без вида на жительство в КНР] // 中华人民共和国劳动人事部 [сайт Министерства по труду и кадрам КНР]. – URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/210324.html (дата обращения: 22.10.2018).
10. 外国人在中国就业管理规定 [Положения об управлении трудоустройством иностранцев] // 中华人民共和国劳动部 [сайт Министерства труда КНР]. – URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/2/2-1-51.html> (дата обращения: 22.10.2018).
11. 外国人在中国永久居留审批管理办法 [Положение о регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае] // 公安部出入境管理局网站 [сайт Управления въезда и выезда Министерства общественной безопасности КНР]. – URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html> (дата обращения: 22.10.2018).
12. 中华人民共和国公安部新闻发布会 [Пресс-конференция Министерства общественной безопасности КНР, 17.11.2005] // China.com [сайт]. – URL: http://www.china.com.cn/zhibo/200511/17/content_8784797_2.htm.
13. 中华人民共和国人力资源和社会保障部, 中共中央组织部人力资源社会保障部公安部等 25 部门关于印发《外国人在中国永久居留享有相关待遇的办法》的通知中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Уведомление о публикации «Перечня прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае»] // 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [сайт Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. – URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3508/n2173912/3445263.html> (дата обращения: 22.10.2018).
14. 宋全成. 欧洲与中国: 非法移民及其社会控制政策之比较 [Сон Чуаньчень. Европа и Китай: Сравнение проблемы нелегальной миграции и политики ее регулирования] // 山东社会科学. 2011. 8期. 23页 [Социальная наука Провинции Шаньдун. 2011. № 8. С. 23].
15. 广州到底有多少非洲人? 来自学者的几点澄清和讨论 [Сколько африканцев в Гуанчжоу? Разборы и обсуждение ученых, 14.07.2016] // 澎湃新闻 [сайт «Пресса Вол-

ны»]. – URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1498095 (дата обращения: 22.10.2018).

16. 中华人民共和国出境入境管理法（第六十条） [Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев (пункт № 60)] // 中华人民共和国中央人民政府网站 [сайт Центрального народного правительства КНР]. – URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (дата обращения: 22.10.2018).

REFERENCES

1. Long Changhai, Korobeev A.I. [Peculiarities of migration policy of modern China]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, no. 9, pp. 77–82.
2. [Tourism development program during the "13th five-year program of national economic and social development"] // [Ministry of Public Security]. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm (accessed: 22.10.2018).
3. [Li Minghuan. International Migration Policy Study. Xiamen: Xiamen Univ. Publ.], 2011, 23 p.
4. [Лю Юйнянган Liu Yungang, Чень Юэ Chen Yue. Chinese migration policy against the backdrop of globalization: critics and perspectives] // [Research on world geography], 2015, v. 24卷, no. 1 期, pp. 3 页.
5. [The history of changing the regime of the Chinese "Green Card"] // *Uschinapress.com*. 2017. 3 марта. Available at: <http://news.uschinapress.com/2017/0303/1097100.shtml> (accessed: 22.10.2018).
6. [On the Detailed Rules for the Implementation of the Law on the Control of Foreigners' Entry and Exit from the Country] // [Official State Council of the PRC]. 1986年. 34期. 72页.
7. [Provisions on the testing of foreign cultural and educational specialists]. Available at: https://baike.baidu.com/redirect/6145g0f3MgyNz0dRmhl4yZ2qZxVyOhXxobcQ3YQ3-BH9lTpFVhygPqfEpZcwDMt1WzBT8JG8p9yhcuuW-1IGALaMDuaxNLqaDCTCoVyGK Vv_HQsE (accessed: 22.10.2018).
8. [China is considering reducing the restriction of issuing a green card: will annually issue 248 cards per year] // *People.cn*. 2014. 06.03. Available at: <http://gx.people.com.cn/n/2014/0603/c229247-21332067.html> (accessed: 22.10.2018).
9. [Rules of employment of foreigners and students of foreign persons without a residence permit in the PRC] // [Ministry of Labor and Personnel of the PRC]. Available at: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/210324.html (accessed: 22.10.2018).
10. [Regulations on the management of employment of foreigners] // [Ministry of Labor of the PRC]. Available at: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/2/2-1-51.html> (accessed: 22.10.2018).
11. [Regulation on the issue of residence permits to foreigners in China] // [Office of the Entrance and Exit of the Ministry of Public Security of the PRC]. Available at: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html> (accessed: 22.10.2018).
12. [Press Conference of the Ministry of Public Security of China]. 2005. 17.11. Available at: http://www.china.com.cn/zhibo/200511/17/content_8784797_2.htm
13. [Notice of the publication of the "List of Rights and Social Security Provided to Foreigners with a Residence Permit in China" / Ministry of Labor and Social Security of the PRC;] // [Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. Available at: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3508/n2173912/3445263.html> (accessed: 22.10.2018).
14. [Сон Чуаньчень Suong Chuanchen. Europe and China: Comparison of the Problem of Illegal Migration and its Regulatory Policies] // [Social Science of Shandong Province]. 2011. 8期. 23页.

15. [How many Africans are there in Guangzhou? Analysis and discussion of scientists] // [Press Waves]. 2016.14.07. Available at: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1498095 (accessed: 22.10.2018).
16. [The law on the control of entry into the country and departure from the country of foreigners (item number 60)] // [Central People's Government of China]. Available at: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (accessed: 22.10.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юань Сюнь – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: qggw1989@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuan Xun – PhD student of the Department of comparative politics, Department of political science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: qggw1989@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юань Сюнь. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 131–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-131-142

FOR CITATION

Yuan Xun. The Chinese Experience of the Migration Policy Improvement: the Basic Steps and Unsolved Problems. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 131–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-131-142

Отечественная история

УДК 94 (33)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-143-150

КОЛОКОЛЬНЯ ИВАНА ВЕЛИКОГО КАК СИМВОЛ РУССКОЙ ПОБЕДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Павлова М.Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. Целью статьи является поиск ответов на вопросы, касающиеся колокольни Ивана Великого в сентябре–октябре 1812 года. А именно: почему она так привлекла внимание французских завоевателей, почему крест с нее вошел в список московских трофеев Наполеона, представлял ли он какую-либо материальную ценность или же нет, и был ли он вывезен из Москвы неприятелем? В результате исследования было установлено, что крест не являлся предметом материальной ценности. Его каркас был деревянным, обшивка была из меди и просто позолочена. Крест не вывезли из города, его просто занесло снегом. Теоретическая значимость статьи заключается в приведении комплексного анализа источников и историографии разного временного происхождения, что позволяет избежать субъективизации данных. Статья адресована педагогам-историкам, исследователям, занимающимся историей Наполеоновых войн.

Ключевые слова: Наполеон в Москве, трофеи французов 1812 года, колокольня Ивана Великого, святотатство.

IVAN THE GREAT BELFRY AS A SYMBOL OF THE VICTORY OF RUSSIA IN THE CIVIL WAR OF 1812

M. Pavlova

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract: The aim of the article is to find answers to the questions concerning Ivan the Great belfry in September–October of 1812., i.e.: the reason why it attracted so much attention of the French invaders and why its cross was included into the list of Moscow trophies of Napoleon. Besides, it is unknown whether it was of any material value or not, and whether it was taken out of Moscow or not. The research result enabled the author to state that the cross had no material value as its framework was wooden and its cove was made of copper and just gilded. The

cross was not taken out of the city as it was snowed under. The theoretical importance of the article is in the complex analysis of the sources and historiography of various time origins. That makes it possible to escape the subjectivity of the data. The article is addressed to the teachers-historians and researchers who study the history of the Napoleonic wars.

Key words: Napoleon in Moscow, trophies of the French in 1812, Ivan the Great belfry, sacrilege.

Абсолютно любая война несет в себе массу загадок и противоречивых свидетельств. Война 1812 года не стала в этом плане исключением. Наряду с трагедией отступления не меньшую роль занимает и оккупация Москвы французами в сентябре–октябре 1812 г. Пребывание французских войск в Первопрестольной оставило дурную славу не только из-за пожара, уничтожившего почти 75% города, но и увенчалось массовым мародерством по отношению к русским православным святыням. Это было настоящее противостояние двух культур – православной, с одной стороны, и безбожной, с другой, которое проявлялось в различных аспектах [см., например: 10].

Отношение галлов к православным святыням было двояким, все зависело от сотрудничества служителей святынь с ними. Но вот почему именно колокольня Ивана Великого так прочно осела в сознании неприятелей, что вокруг нее стали ходить абсолютно разные данные, причем зачастую весьма противоречивые? Была даже доля сверхъестественных моментов. Колокольня Ивана Великого была своего рода не только символом величия Руси, но и символом Православия, именно поэтому, на наш взгляд, она так привлекла Наполеона и все его окружение. А вот крест колокольни вошел даже в число знаменитых московских трофеев Наполеона, но был ли он ценен и вывезли ли его в итоге?

Все разногласия вокруг креста породили прямые очевидцы, которые впоследствии запутали исследователей. Среди мемуаристов и в ряде исторических документов существует несколько точек зрения, касающихся вопроса о том, почему французский император включил крест с колокольни в число захваченных в Кремле трофеев. Согласно первой, в народе было поверье, что враг не войдет в Москву, пока крест находится на колокольне, и, снимая его, Наполеон стремился «поразить воображение суеверного народа» [14, с. 74]. То есть этот крест выступал своего рода защитником Москвы. Вторая точка зрения гласит, что крест служил «предметом почитания всех православных» и именно поэтому, желая отомстить русскому народу за нежелание покориться, Наполеон отдал приказ снять его и причислить к своим трофеям [5, с. 160]. Согласно третьей версии, Наполеон просто хотел установить крест в Париже над Домом Инвалидов, как свидетельство своего пребывания в Москве и ее покорения [13, с. 80]. То есть вывезти из города как сувенир. Все эти версии были выдвинуты абсолютно в разное время сподвижниками Наполеона.

В российской историографии распространена версия о том, что главным побудительным мотивом захватчиков был заурядный грабеж [6, с. 87]. Однако чтобы нам понять мотивы действий Наполеона, нужно выяснить, представлял ли крест с колокольни

Ивана Великого материальную ценность или же нет.

В сентябре–октябре 1812 г., войдя в Москву, французы разграбили колокольню. Полагаем, что это началось в период Великого пожара, пока Наполеона не было в Кремле, и он укрывался в Петровском дворце. Пожар длился, как мы знаем, с 3 по 8 сентября. Наполеон вернулся в Кремль 6 сентября. Трудно представить, что могло там на самом деле твориться без его руководства.

В начальный период оккупации на нижнем ярусе колокольни Лористон устроил свою канцелярию и телеграф. Немного позже французский император отдал приказ снять крест с колокольни [2, с. 9]. Вопрос даты снятия креста также является дискуссионным. Нам известно, что крест был снят в первых числах октября и это вызвало ряд сложностей, поскольку он был огромен. Опираясь на сведения Пейрюсса и сержанта Бургоня, В.Н. Земцов утверждает, что крест сняли 16–17 сентября по старому стилю, но тем не менее указывает, что префект Боссе и некоторые другие мемуаристы дают повод считать, что крест сняли позже, за несколько дней до выхода французов из города [7, с. 29–30].

Процедуру снятия креста вполне можно воссоздать, основываясь на ряд воспоминаний очевидцев. Металлические листы купола предварительно отвернули и вытаскивали крест с помощью блоков. Однако его в целом состоянии снять не удалось: увлекаемый собственной тяжестью, падая, он чуть не убил и не потянул за собой сдерживавших его за цепи саперов. Крест упал на землю с тяжелым звоном, который был слышен далеко вокруг. Шар, слу-

живший основанием, тоже сорвали, но тут же его бросили [4, с. 150].

Есть даже доля мистицизма в период этой кощунственной операции. Московед Александр Васькин в своем исследовании свидетельствует, что французам во время снятия креста постоянно мешали птицы, которые не позволяли сделать ни единого шага. Отбиваясь от них, они не удержали крест, и тот в итоге рухнул, разбившись на части. Исследователь также упоминает, что крест не был золотым, а позолоченным. Однако французы кинулись подбирать каждый осколок, чтобы хоть этим обогатиться.

Очевидец москвич Егор Харузин упоминает о двух предателях с русской стороны. Им было обещано хорошее вознаграждение. Мемуарист писал: «взобравшись с верёвками на главы Ивана Великого через форточки, нечестивцы отстегнули цепи, закинули на крест петлю и спустили концы верёвок на землю, тут уж им было легко раскачать его и стянуть вниз». Это свидетельство подтверждает, что крест действительно упал и разбился. Этот мемуарист, так же как и другие, упоминает о медной, позолоченной оболочке. Каркас креста был деревянный и железный. Стоит отметить, что предателям ничего не заплатили. Наполеон, как упоминает Егор Харузин, присутствовал при этой картине. Он сильно разозлился и приказал расстрелять обоих [1, с. 169].

Размеры креста нам также известны. Так сержант Старой гвардии Бургонь, описал деревянный крест высотой в 30 футов, и был он обит массивными серебряными вызолоченными полосами, его придерживало несколько позолоченных цепей. Ин-

тересно, что Бургонь упоминает и о другом вызолоченном кресте длиной в фут. Столь подробные сведения об устройстве креста Бургонь мог получить только от своих товарищей из гвардейской саперной роты, которые снимали его с колокольни. От них же он получил на память несколько кусков серебряной обшивки креста.

Коленкур обвинил в «снятии креста» поляков, которые внушили императору мысль о сакральности колокольни Ивана Великого. Император захотел к тому же послать что-либо во Францию на память об успехах французского оружия, и выбор его пал на крест. Стоит отметить, что Коленкур, по его словам, всячески пытался отговорить Наполеона от этого [8, с. 256–257]. Коленкур упоминает о печатной русской прокламации, попавшей в руки Наполеону, что верующие желают отбить крест у неприятеля. Это и заставило Наполеона решиться на снятие святыни с колокольни [7, с. 29].

Причастность поляков к снятию креста также подтверждает французский эмигрант Д'Изарн Вильфор. Согласно ему, польский генерал внушил Наполеону мысль, что французские силы не войдут в Москву до тех пор, пока крест будет находиться на колокольне. Поэтому было приказано снять крест, чтобы это было свидетельством пребывания французов в Москве [3, с. 241].

Судьба креста также загадочна. Сегюр и Лабама сообщают, что наполеоновская армия, выступив из Москвы, увезла крест с собой [8, с. 195]. Есть мнение, что крест остался в Кремле, где его, видимо, занесло снегом. 5 марта 1813 г. в изломанном виде он был найден синодальным ризничим иеро-

монахом Зосимой «близ дверей Успенского собора с северной стороны у стены, запавший снегом, но от капли с кровли протаявший» и был затем освидетельствован архитекторами Егоровым и Томанским, а также купцом Ионовым, то есть теми, кто участвовал в его установке в 1811 г. [12, с. 18].

Французы все же смогли «пожиться» с креста. Так, Бургонь смог вывезти кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки. Ему отдал его один солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни [11, с. 32].

С русской стороны первое официальное сообщение о кресте с колокольни Ивана Великого появилось в 9-м выпуске журнала «Сын Отечества» за 1813 г. В заметке говорилось: «Из Кремля увезено было французами вместо трофеев: крест с Ивана Великого, высотой в 3 сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, который прошлого года вместе с главою был вновь золочен и стоил 60 000 рублей». Стоит отметить, что подобное сообщение сразу же опровергла статья журнала «Вестник Европы» за 1813 г. В статье были подвергнуты критике источники, на которые ссылался автор статьи, а также говорилось, что нет точных, а главное – достоверных сведений о вывозе креста из города. «...Может быть, господин Сочинитель подумал, что подлинно крест был дорогой. Может быть, даже и сам Бонапарт, поверив подобным рассказам, велел его снять. Напротив того, крест Ивана Великого в 1811 г. вновь сделан из железа и обложен медью, через огонь вызолоченною. За крест и яблоко, бывшее под ним, со всеми материалами заплачено не более 8 тысяч рублей. Яблоко же найде-

но в Кремле поврежденным, а железо изломанным. Крест находится ныне в Успенском соборе... Конечно, подстрекаемые жадностью французы все блестящее почитали золотом» [цит. по: 6, с. 88]. В приведенном нами отрывке статьи ярко прослеживается церковная позиция. Французы посчитали крест золотым, но сняв его, обнаружили, что он медный. Таким образом, мародеры были одурачены, а жадность наказана.

Газета «Московские ведомости» в выпуске от 29 марта 1813 г. сообщила также, что крест с колокольни Ивана Великого остался в Москве и найден вместе с винтами у стены Успенского собора близ северных дверей. Крест во многих местах поврежден, вероятно, от падения с большой высоты. Интерес вызывает предположение, что французы увезли крест из смежного с колокольней Ивана Великого Филаретовского здания. Автор статьи ссылается на то, что в Кремле не доставало только двух этих крестов, из которых Филаретовский такой позолоты не имел [цит. по: 6, с. 90].

Подобное сообщение опять придавало кресту чудодейственную силу: ведь враг покинул город без боя. Таким образом, материальная стоимость креста с колокольни Ивана Великого представителями русской православной церкви занижалась, а на первое место выдвигалась история его чудодейственного воскрешения. Новый крест установили вскоре после окончания войны. Он представлял собой несколько железных полос, обитых медными позолоченными листами, то есть по конструкции был аналогичен предыдущему [6, с. 91].

Но тогда остаются вопросы: что вывезли французы, если крест остался в

городе, что было причислено к московским трофеям Наполеона? Дело в том, что железный крест с колокольни выполнял функции лишь каркаса и был одной из частей конструкции. Именно этот железный каркас креста был ошибочно причислен сподвижниками Наполеона к московским трофеям. На самом же деле, речь должна была идти о серебряных или медных позолоченных пластинах, которыми он был обит.

Перевозить в Париж огромный железный крест было проблематично, поэтому проще было снять с него обшивку, хорошо упаковать ее и отправить во Францию в числе прочих трофеев. В Париже же могли отковать новый крест по размерам имеющейся обшивки. Таким образом, он в точности бы повторял своего оригинального предшественника. Его бы Наполеон и мог бы установить над Домом Инвалидов [6, с. 92].

Если мы обратимся к списку трофеев, отобранных для отправки в Париж членами «комиссии уполномоченной на розыск ценных предметов, хранящихся в соборах Кремля», то в ней не находится прямого указания, что к числу трофеев относились серебряные или медные вызолоченные куски обшивки креста с колокольни Ивана Великого. Однако в списке упоминается деревянный крест, содержащий части настоящего креста и церковные украшения.

Даже если предположить, что при падении на землю обшивка разлетелась на мелкие кусочки, ее бы переплавили, и она все равно стала бы частью московских трофеев Наполеона. Есть сведения, что в Успенском соборе были установлены плавильные горны для переплавки громоздких церков-

ных ценностей и слитков драгоценных металлов. Если произошло именно так, то часть креста превратилась в один из безымянных слитков серебра. Нам известно, что слитков было выплавлено общим весом в 325 пуд. Подтверждением этого является надпись на стене Успенского собора [9, с. 30].

Все вроде бы ясно, но мемуарист Сегюр упоминает, что по дороге от Гжатска до Михайловской в Семлевское озеро сбросили вывезенную добычу из Москвы, здесь потопили вместе с пушками и крест с колокольни Ивана Великого. Однако спустя время дно озера было исследовано и никаких трофеев там не было обнаружено [7, с. 26].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что крест с колокольни Ивана Великого в Московском Кремле нес прежде всего духовную и идеологическую ценность для российского государства, а для французской стороны представлял собой лишь материальную ценность. Сам каркас креста в материальном отношении интереса не представлял, такую ценность имела лишь его оболочка. Сам крест после выхода неприятеля из города остался в Первопрестольной, что подтверждают приведенные нами показания очевидцев. Но вот судьба каркаса до сих пор не известна, полагаем, что массивные части креста были переплавлены в слитки для более легкой впоследствии транспортировки.

Как известно из многочисленных описаний, выходя из города, маршал Мортье по поручению Наполеона взрывает Кремль, монастыри на Соборной площади и колокольню Ивана Великого. Всего было пять взрывов. Первый прогремел в ночь с 10 на 11 октября во втором часу ночи. Последующие четыре были не менее сильные. Однако в результате взрывов Кремль в общем уцелел, но пострадали Оружейная палата, пристройка к колокольне Ивана Великого, крест с которой был снят, а глава повреждена. Разрушены были Комендантский дом, арсенал, башня Алексеевская до основания, Никольская первая башня, набережная повреждены, стены в пяти местах пробиты. В здании Сената разрушилась его верхняя часть, пострадали стены Кремля по обеим сторонам от здания. Целыми остались Соборы, Спасская и Троицкая башни, а также и Вознесенский монастырь. Взорван, значительно разрушен и погорел Арсенал. Взорвана до основания Водовзводная башня и повреждены в двух местах южные стены Кремля. Повреждена мостовая набережной у Кремля, а часть ее решетки упала в Москву-реку. Подорваны 1-я Безымянная и Петровская башни [12, с. 28].

Вот так, несмотря на попытки уничтожения колокольни Ивана Великого и снятия с нее креста, она устояла.

Статья поступила в редакцию 24.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. 202 с.
2. Васькин А.А. Вдали от Родины: «Панорама Москвы» // Актуальные проблемы современной науки. 2015. № 5. С. 8–15.
3. Васькин А.А. Москва 1812 года глазами русских и французов. М.: Спутник+, 2012. 528 с.

4. Васькин А.А. "Москва, спаленная пожаром". Первопрестольная в 1812 году. М.: Спутник+, 2015. 220 с.
5. Воспоминания о России Армана Домерга // Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 158–184.
6. Груцо И.А. Крест с колокольни Ивана Великого в Кремле как часть московских трофеев Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XI Всероссийской научной конференции, Бородино, 8–10 сентября 2003 г. Можайск: Маленький город, 2004. С. 86–93.
7. Земцов В.Н. Крест Ивана Великого Московского Кремля: двести лет двух национальных мифов // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 25–34.
8. Коленкур А.-О., де. Русская кампания 1812 года: мемуары французского дипломата. Смоленск: Русич, 2014. 462 с.
9. Нечкина М.В. Москва в 1812 году: Стенограмма публич. лекции, прочит. 21 февр. 1947 г. М.: Правда, 1947. 31 с.
10. Павлова М.Н., Розина О.В. Городское управление Москвы в период французской оккупации (сентябрь–октябрь 1812 г.) // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации: сборник науч. статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления, г. Стерлитамак, 26–27 апреля 2018 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 92–97.
11. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. М.: Правда-Пресс, 2005. 288 с.
12. Розанов Н.П. Московские святые в 1812 г.: Очерк. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. 69 с.
13. Сегюр Ф., де. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. 224 с.
14. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 3-х ч. Ч. 2. М.: ГПИИБ, 2016. 576 с.

REFERENCES

1. 1812 god v vospominaniyakh sovremennikov [War of 1812 in memoirs of contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 202 p.
2. Vas'kin A.A. [Away from homeland: "Panorama of Moscow"]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*, 2015, no. 5, pp. 8–15.
3. Vas'kin A.A. Moskva 1812 goda glazami russkikh i frantsuzov [Moscow of 1812 through the eyes of the Russians and the French]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2012. 528 p.
4. Vas'kin A.A. "Moskva, spalennaya pozharom". Pervoprestol'naya v 1812 godu ["Moscow scorched by fire". The throne city in 1812]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2015. 220 p.
5. Vospominaniya o Rossii Armana Domerga [Arman Domerge's memories about Russia]. In: *Istoricheskii vestnik*, 1881, vol. VI, pp. 158–184.
6. Grutso I.A. Krest s kolokol'ni Ivana Velikogo v Kremle kak chast' moskovskikh trofeev Napoleona [The cross from Ivan the Great bell tower in the Kremlin, Moscow as part of the spoils of Napoleon]. In: *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Borodino, 8–10 sentyabrya 2003 g.* [Patriotic war of 1812. Sources. Monuments. Problems: Materials of XI all-Russian scientific conference, Moscow, 8–10 September 2003]. Mzhaysk, Malen'kii gorod Publ., 2004, pp. 86–93.
7. Zemtsov V.N. [The cross of Ivan the Great in the Moscow Kremlin: two hundred years of two national myths]. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012, no. 1, pp. 25–34.
8. Kolenkur A.-O., de. Russkaya kompaniya 1812 goda: memuary frantsuzskogo diplomata

- [The Russian campaign of 1812: memoirs of a French diplomat]. Smolensk, Rusich Publ., 2014. 462 p.
9. Nechkina M.V. Moskva v 1812 godu: Stenogramma publich. lektzii, pročit. 21 fevr. 1947 g. [Moscow 1812: Transcript of a public lecture read in Feb 21. 1947]. Moscow, Pravda Publ., 1947. 31 p.
 10. Pavlova M.N., Rozina O.V. Gorodskoe upravlenie Moskvy v period frantsuzskoi okkupatsii (sentyabr'–oktyabr' 1812 g.) [The City administration of Moscow during the French occupation (September–October 1812)]. In: *Aktual'nye voprosy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: sbornik nauch. statei po itogam I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Dnyu mestnogo samoupravleniya, g. Sterlitamak, 26–27 aprelya 2018 g.* [Current issues of local self-government in the Russian Federation: collection of scientific articles on the I all-Russian scientific-practical conference devoted to Day of local government, Sterlitamak, 26–27 April 2018]. Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU Publ., 2018, pp. 92–97.
 11. Pozhar Moskvy i otstuplenie frantsuzov. 1812 god. Vospominaniya serzhanta Burgonya [The fire of Moscow and the French retreat. 1812. Memoirs of sergeant Bourgogne]. Moscow, Pravda-Press Publ., 2005. 288 p.
 12. Rozanov N.P. Moskovskie svyatyni v 1812 g.: Ocherk [Moscow Holy places in 1812: Essay]. Moscow, Printing House A. Snegirev, 1912. 69 p.
 13. Segyur F, de. Pokhod v Moskvu v 1812 godu [The campaign to Moscow in 1812]. Moscow, 1911. 224 p.
 14. Frantsuzy v Rossii. 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev: v 3-kh ch. Ch. 2 [The French in Russia. The year of 1812 in the memoirs of contemporaries-foreigners: in 3 parts. P. 2]. Moscow, GPIB Publ., 2016. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Мария Николаевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: maripavlova2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya N. Pavlova – postgraduate student at the Department of the Russian history of the Middle ages and modern times, Moscow Region State University;
e-mail: maripavlova2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова М.Н. Колокольня Ивана Великого как символ русской победы в Отечественной войне 1812 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 143–150.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-143-150

FOR CITATION

Pavlova M. Ivan the Great Belfry as a Symbol of the Victory of Russia in the Civil War of 1812. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 143–150.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-143-150

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-151-167

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX В.

Арсланов Р.А., Климашин А.Л.

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2

Аннотация. В статье рассматривается оценка периодическими изданиями России конца XIX в. противостояния России и Великобритании в Средней Азии с целью систематизации и реконструкции взглядов публицистов на политику двух империй в стратегически важном регионе. Проведён анализ интерпретаций отечественными публицистами основных компонентов российско-британских противоречий; аргументов, с помощью которых публицисты обосновывали деятельность русского правительства в противовес английской политике в регионе; восприятия различными изданиями целей и методов продвижения России и Великобритании в Среднюю Азию; трактовки особенностей внешней политики двух государств. Сделан вывод об акцентировании консервативными авторами внимания на геополитическом соперничестве двух империй, поскольку они считали вполне оправданным и закономерным расширение сферы влияния России. Либералы же считали, что разрешение противоречий между империями в регионе возможно в случае разграничения сфер влияния, установления границ и ликвидации буферных зон. Проведённое исследование даёт возможность выяснить общее и особенное в восприятии колониальной экспансии, провести корреляцию между идеологическими установками периодических изданий и их осмыслением сущности национальных интересов страны.

Ключевые слова: Российская империя, либеральная публицистика, консервативная публицистика, Центральная (Средняя) Азия, «Большая игра» (российско-британское противостояние в конце XIX в.).

DOMESTIC JOURNALISM ABOUT RUSSIAN-BRITISH CONTRADICTIONS IN CENTRAL ASIA IN THE LATE XIX CENTURY

R. Arslanov, A. Klimashin

Peoples' Friendship University of Russia

6, Mikloukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article deals with the assessment of the opposition between Russia and Great Britain in Central Asia given by a number of Russian periodicals of the late 19th century. The purpose of the article is to systematize and reconstruct the views of publicists on the policies of the two empires in the region strategically important for them. The domestic publicists' interpretations of the main components of the Russian-British contradictions are analyzed. The arguments used by some publicists to justify the activities of the Russian government in op-

position to the English policy in the region are given. The way various publications described the goals and methods of Russia and Britain's advance into Central Asia is also clarified, as well as their interpretation of the two states' foreign policy features. The authors conclude that the conservative authors focused on the geopolitical rivalry of the two empires, regarding the expansion of Russia's sphere of influence as fully justified and logical. The liberals believed that the resolution of contradictions in the region between the two empires was possible in case of the spheres of their influence were delimited, the borders were established and the buffer zones were eliminated. The research makes it possible to find out the common traits and the particular ones in the way colonial expansion was perceived, as well as to correlate between the ideological attitudes of the periodicals and their understanding of the essence of the country's national interests.

Key words: the Russian Empire, liberal journalism, conservative journalism, Central Asia, "Big game" (Russian-British confrontation in the late XIX century).

С 1860-х гг. среднеазиатское на- правление стало занимать одно из ведущих мест во внешней политике Российской Империи. В результате военных походов и дипломатических усилий 1860–1880-х гг. в состав России вошли новые территории, представлявшие собой стратегически важный и обладающий богатыми природными ресурсами регион. Расширение границ в сторону Персии, Афганистана, Индии вызывало столкновение интересов России и Великобритании в Центральной Азии. В историографии это геополитическое противостояние двух империй в регионе получило название «Большая игра».

На страницах ведущих российских периодических изданий активно обсуждались различные аспекты российско-британского противостояния в Центральной Азии, перспективы возможного вооруженного конфликта и мирного разрешения противоречий. От степени понимания русскими публицистами данной проблемы, их способности донести до общества и власти значение «Большой игры», во многом зависело не только развитие англо-русских отношений, но и

утверждение Российской империи в Центральной Азии.

Обращение к данной теме позволяет выявить уровень осмысления различными общественно-политическими кругами России основного содержания и целей внешней и национальной политики, проводимой правительством в Центральной Азии. Актуальность темы заключается, прежде всего, в том, что её разработка даёт возможность провести корреляцию между идеологией, проповедуемой либеральными и консервативными периодическими изданиями, и их пониманием национальных интересов страны. Важность темы состоит и в том, что её исследование позволяет установить степень влияния тех или иных изданий на общественное мнение страны и политику правительства. Актуальность темы возрастает в связи с обострением российско-английских отношений в наши дни, необходимостью изучения роли публицистики в противостоянии двух стран.

Исследование поставленной проблемы требует, прежде всего, анализа работ историков, посвященных «Большой игре» [12; 22; 25; 28; 32; 34; 35;

40–42], внешнеполитическим взглядам и идейной направленности российских общественно-политических кругов [1; 11; 14; 18–20; 23; 36; 37]. Авторы статьи использовали также исследования позиций тех периодических изданий, в которых нашло отражение противостояние России и Великобритании в Средней Азии [2–10; 13; 15–17; 21; 24; 26; 27; 29–33; 38; 39].

Вместе с тем освещение в российской публицистике противоборства двух империй в Средней Азии не получило должной разработки в современной историографии.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1873 г., когда было заключено русско-английское соглашение по разделению сфер влияния в районе Аму-Дарьи, по 1895 г., когда был подписан договор о разделении сфер влияния на Памире, в результате чего установились чёткие границы и окончательно завершилось присоединение Средней Азии к России.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе подходов либеральных и консервативных периодических изданий к проблеме российско-британского соперничества в Центральной Азии в конце XIX в. В задачи статьи входят реконструкция и анализ взглядов публицистов различных журналов на политику России в центрально-азиатском регионе, их отношение к британской политике в регионе, а также их видение содержания и путей разрешения англо-русских противоречий.

Авторы русских периодических обращались к целям экспансии России и Англии, методам противоборства двух империй, а также представляли своё видение достигнутых результатов.

В первую очередь необходимо обратить внимание на понимание публицистами геополитических целей России в регионе. В 1880 г. М.И. Венюков представил обзор территориальных приобретений империи за период с 1850 по 1880 гг. Продвижение России вглубь среднеазиатского региона автор обуславливал исторической необходимостью, или, по словам самого публициста, «историческим тяглом», берущим свое начало «с ордынского нашествия» [10, с. 135].

Венюков в целях укрепления туркестанской границы призывал заселять окраинные территории русскими колонистами. При этом он указывал на действия англичан, которые надеялись защитить свои индийские владения от проникновения России с помощью туркмен. С другой стороны, планы Англии использовались публицистом как обоснование необходимости присоединения к России афганского Туркестана. Таким образом, Венюков, исходя из своих представлений о геополитических интересах России, настаивал на активных действиях России в Средней Азии.

Подобного рода «наступательную позицию» разделяли в основном представители консервативного лагеря.

В журнале «Слово» русский зоолог и этнограф Н.А. Северцов, анализируя статью Венюкова «Поземельные приобретения и уступки России за 30 лет 1850–80 г.», высказался за проведение более сдержанной политики России в регионе. Он полагал, что заселение приграничных территорий может быть полезным для прекращения разбоев в регионе, «но никак не для прекращения туркестанского дефицита» [26, с. 101]. Под «дефицитом»

автор понимал те расходы, которые несло государство, обеспечивая безопасность и развитие Туркестана. По мнению Северцова, присоединение афганских Балха и Маймене не представляло бы труда, однако на содержание этих территорий, их защиту от афганских набегов, поддерживаемых Англией, потребовались бы непомерные средства. Новоявленные русские поселения также необходимо было бы защищать от племён Герата и Хорезма, а Семиреченские казаки не смогли бы эффективно противостоять набегам. Автор отмечал, что узкая полоса русских поселений вдоль персидской границы окажется отрезанной пустынями от остальных владений России. Такой проект, по мнению Северцова, вызовет больше расходов нежели доходов.

Автор призывал отказаться от новых приобретений и обращал внимание на необходимость укрепления новой границы. В частности, он предлагал обводнение реки Узбой для защиты закаспийских владений. «При теперешних наших отношениях к Бухаре и Хиве, – писал он, – эти ханства неприкосновенны; а при возможных еще там смутах, подобных кокандским, оконченным присоединением Ферганы – лучшей нашей границей будут Аму и Узбой, при доказанной теперь возможности возобновить течение последнего» [26, с. 102].

При этом автор обосновывал необходимость развития транспортных коммуникаций в регионе: «Скажу еще только, что для выгоды наших среднеазиатских владений соединение Аму с Каспием – даже несудоходное, все-таки облегчит сообщение с Россией всего бассейна этой огромной реки,

что будет несомненно полезнее всяких новых присоединений» [26, с. 103]. Таким образом, представляется, что для Северцова обеспечение национальных интересов России заключалось не в новых территориальных приобретениях, а в создании условий для экономического развития страны, что по духу было близко убеждениям русских либералов.

С 1883 г. рубрику «Иностранное обозрение» «Вестника Европы» стал вести либеральный публицист Л.З. Слонимский, уделявший особое внимание англо-русскому противостоянию в Центральной Азии. Особой остроты отношения двух стран достигли в марте 1885 г., когда произошли пограничные столкновения между русскими и афганскими войсками, во главе которых стояли английские офицеры (кушкинский конфликт). Под их впечатлением часть националистических изданий России стала призывать к походу на Индию, а английская пресса писать о русской угрозе и требовать у либерального правительства Гладстона решительных ответных мер. Обращает на себя внимание, как русский либерал пытался объяснить причины столь резкой реакции англичан на действия России в регионе. По мнению Слонимского, «опасения, внушаемые в Англии каждым шагом наших войск в Средней Азии вполне понятны, в виду шатких основ английского господства над многомиллионным населением, не утратившим еще надежды на независимость и свободу. ... Англичане боятся не действительного похода русских войск в Индию, а только приближения к ее пределам» [16, с. 839].

Автор пытается обосновать несостоятельность тезиса «о русской угро-

зе Индии». По его мнению, индийское население видит в русских таких же завоевателей, как и англичан. Напротив, наступление России вызвало бы консолидацию туземного общества вокруг английской администрации. Автор объясняет это тем, что за последние годы Индия интегрируется в социально-политическую, образовательную систему Великобритании. Британское управление становится либеральнее, а сведения о России индусское население получает из английских газет [17, с. 393–394].

Либеральный автор сравнивает политику двух государств, отмечая преимущества Англии, которые он находит в проведении либеральных реформ, в набирающем силу процессе интеграции. Центрально-азиатские противоречия между Россией и Англией являются лишь «прикрытием для более существенных разногласий в Европе» [17, с. 394]. Автор раскрывает дипломатические цели противостояния, заключающиеся в прикрытии борьбы в Европе.

Война с Англией за Индию, по мнению автора, не имеет смысла для России, т.к. основным направлением внешней политики России стал бы азиатский континент, а в Европе Россия утратила бы своё влияние, и Балканы тогда отойдут под контроль Австрии. «Не нужно забывать, что жизненные интересы наши – не в Азии, а в Европе, наша политическая будущность, связана с судьбами Дарданелл и Босфора – этих естественных ключей от нашего дома, имеющих для нас неизмеримо большее значение, чем всякие ключи к Индии» [17, с. 395]. Так, либеральный публицист пытался убедить правительство и националистов в том,

что жизненные интересы России находятся на Ближнем, а не Среднем Востоке, а их защита во многом зависит от позиции Англии. Выступая против угрозы войны, Слонимский доказывал, что она могла пагубно повлиять на экономическое развитие и международное положение России. В целом он выдвигал достаточно взвешенную внешнеполитическую программу, призывая к поиску компромисса. Публицист видел защиту национальных интересов в обеспечении мира в Средней Азии и создании внешнеполитических условий, необходимых для проведения либеральных реформ в стране.

Представители новой волны русского либерализма на страницах журнала «Русская мысль» еще активнее обосновывали необходимость экономического освоения региона, что было немыслимо без развития отношений с Великобританией.

Так, публицист Э. Циммерман в своих путевых заметках обосновал необходимость строительства железнодорожного пути в Индию. При этом он особо подчеркнул, что воплощение этого проекта в жизнь сблизит бы Россию и Англию, сгладив все противоречия между державами. Циммерман также отмечал, что экономическую выгоду из осуществления такого масштабного проекта могли бы извлечь все европейские государства [38, с. 29]. Связывая возведение железной дороги с геополитическим положением России, автор убеждал, что «восточный вопрос» перешел в более выгодную для России фазу, и вся его тяжесть перешла с Черного моря к границам Афганистана [38, с. 39].

«Русская мысль» опасалась обострения отношений между двумя им-

периями в регионе, полагая, что России «помимо политических и военных задач, предстоит гораздо более важная мирная работа» [5, с. 195].

Фактический руководитель журнала В.А. Гольцев пытался убедить общественное мнение страны в необходимости сближения с Англией. По его словам, «в интересах мира и правильного развития европейских народов вообще и родной страны в особенности союз России, Англии и Франции» крайне необходим, и ради него этим странам можно было бы поступиться «мелкими национальными интересами и тщеславием» [13, с. 98]. К таким мелким интересам он, вероятно, относил и цели, преследуемые Россией в Средней Азии.

В целом русские либералы всех направлений с разной степенью убедительности доказывали необходимость сближения с Англией, от отношения с которой во многом зависели и международное положение России, и её экономическое развитие, и перспективы реформ в стране.

Несколько иначе на «встречу» двух империй в Средней Азии смотрели консерваторы.

Еще в 1877 г. М.И. Венюков в своей статье, опубликованной в «Русском вестнике» отмечал, что Англия стремится к тому, чтобы Хоросан и часть Туркмении остались за Персией, т.к. это затруднит движение России к Герату, который считается ключом от Индии. Исходя из этого, англичане стремятся сделать все, чтобы Герат отошёл к Афганистану [9, с. 530].

Вместе с тем публицист полагал, что попытка овладеть британской Индией «была бы с нашей стороны политической неразумностью; но иметь ключи

от нее в своих руках для нас составляет историческую необходимость и положительную пользу» [8, с. 482]. Под «ключами от Индии» он имел в виду южную Туркмению и Герат. В доводах Венюкова, закончившего службу генерал-майором, прослеживается взгляд военного на геополитические интересы страны.

В статье «Памиры и памирский вопрос», опубликованной в журнале «Наблюдатель», автор В. Острогов отметил общую для России и Англии цивилизаторскую миссию в Средней Азии. Именно европейский, гуманный характер их продвижения в регион должен был гарантировать от развязывания военных действий между двумя странами, от попыток России захватить Индию. «Не можем же мы, в самом деле, желать, – писал он, – чтобы в Индии рушилась та европейская культура, которая, хотя весьма медленно, но все же сотни лет водворяется там Англией; чтобы эта злополучная Индия снова погрузилась в прежний мрак; чтобы настоящая прочность политического строя сменилась безобразными формами той отжившей гражданственности, которая и прежде служила пугалом человечества. Если мы насаждаем цивилизацию в средней Азии, то, конечно не можем желать, чтобы, по соседству с нами, взамен давно водворяющейся цивилизации, вновь возродились: грубый деспотизм, политическая неустойчивость, мертвящая власть фанатических жрецов, прежний дикий разгул своеволия и вечные, нескончаемые войны» [21, с. 76]. Автор уточняет, что даже если индусы стремятся свергнуть англичан, то явно не для того, чтобы попасть в такое же зависимое положение от Рос-

сии. Интегрировать Индию в состав империи не получится никогда, да и к тому же это не выгодно. Сухопутные пути не налажены, а о морских коммуникациях и не может быть речи, т.к. Россия не морская держава.

Вместе с тем, отказываясь от проникновения в Индию, Россия, по мнению автора, в своих геополитических интересах должна была взять контроль над Памиром. Начинать следовало с включения в состав империи Шугнана, являвшегося ключом к Памиру. К тому же «это одно из немногих мест с теплым климатом, источником провизии, фуража» [21, с. 91]. Стратегическая важность Шугнана заключалась в том, что контроль над этой территорией позволил бы блокировать взаимодействие Англии, Китая и Афганистана [21, с. 89].

В целях присоединения Памира автор призывал власть активно противостоять Англии, и прежде всего, выявлять английских шпионов, дестабилизирующих обстановку и провоцирующих местное население к выступлениям [21, с. 87]. В Афганистане и Китае он не видел серьезных соперников для России, полагая, что они не имеют существенных интересов на Памире. Отношения с этим государствами можно уладить с помощью дипломатии, а не путём демонстрации крупных военных сил на границе [21, с. 66].

Автор предупреждал, что в дипломатических вопросах на Англию невозможно полагаться, и в любой момент с её стороны можно ожидать любых провокаций. Поэтому на «Памирах» следует назначить опытного военного администратора и заняться налаживанием путей сообщений «для

того, чтобы без затруднений можно было перебрасывать войска» [21, с. 92–93].

После первой памирской экспедиции Англия присоединила нейтральное ханство Канджун и начала прокладку дороги, ведущую через Гиндукуш к российским Памирам. Таким образом, был уничтожен буферный пояс между британскими и российскими владениями. Как предполагает автор, единственная нейтральная территория – Вахан, подчиняющаяся Афганистану, – может в скором времени отойти к Англии. Поэтому этот участок необходимо присоединить к России или установить над ним протекторат, чтобы остановить дальнейшее продвижение Англии. «Уже слишком много было доказательств, что Англия чересчур злоупотребляет нашим терпением и нашими уступками и что она слишком склонная “класть ноги на стол”... Пора положить этому конец, ибо всякая подобная уступка неминуемо увеличит средней Азии обаяние английской силы и наглости в ущерб нашему влиянию» [21, с. 94].

Таким образом, автор «Наблюдателя» выступал за сдержанное противостояние Англии, опасаясь её активного проникновения в регион.

В «Русском вестнике» за 1895 г. была опубликована заметка о проблемах раздела сфер влияния двух империй в регионе. Ссылаясь на книгу английского священника Уильяма Бонара, автор М. Арьев отметил пренебрежительное отношение англичан к местным народам, что вызывало их недовольство. Он подчёркивал, что «туземные князьки присягают на верность англичанам лишь при необходимости». Публицист полагал также что мусульманское на-

селение региона видит в России освободительницу от британского владычества. В итоге, автор приходит к выводу, что положение Англии в Индии шаткое, однако Россия не заинтересована в наступлении на эту страну и не воспользуется мусульманским фактором в российско-британских отношениях. С другой стороны, задавал автор риторический вопрос, что «сделали бы англичане, если бы по соседству с ними была какая-нибудь страна в положении Индии? Мы не ошибаемся, если скажем, что они непременно воспользовались бы таким положением ..., но мы не англичане и этим наверное не воспользуемся» [2, с. 358]. Таким образом, автор обосновывал необходимость сдержанной политики России в регионе, доказывая, что она соответствует не только национальным интересам, но и русскому национальному характеру.

В статье «Наши интересы на Памире» автор под инициалами А.С. отметил, что, присоединив этот край, Россия достигла своих естественных границ и теперь соприкасается с британской Индией. Кроме того, овладение Памиром даёт преимущества в потенциальных конфликтах с Китаем и Афганистаном [3, с. 317–318]. А контроль над регионом имеет непреходящее стратегическое значение [3, с. 322]. В конце заметки автор предлагал пересмотреть существующее разграничение. По его мнению, настоящая граница условна и не решит проблемы, «а лишь отдаляет ее решение и дает возможность нашим новым соседям некоторое время успокаивать себя тем, что между Россией и Индией все-таки остается буфер, благодаря которому опасность, по-видимому, далека» [3, с. 324]. Таким образом, консервативное

издание не отказывалось от продвижения в регионе, предлагая выждать для расширения границ империи удобный момент.

Не менее важным представляется экономический аспект противостояния России и Англии в отражении русской периодической печати. В «Русском вестнике» за 1884 г. отмечалась важность Закаспийской железной дороги для укрепления позиций России в регионе. «С проведением же русской среднеазиатской железной дороги, – писал консервативный автор, – наши мануфактуры оживятся, увеличат свое производство и найдут возможность сбывать быстро свои изделия на рынках Средней Азии, где они вступят в выгодное соперничество с англичанами, коим предстоит долгий морской путь до индийских железных дорог и двойная перегрузка своих товаров предназначенных для распродажи на рынках Средней Азии. С увеличением русского мануфактурного производства связано возрастание производительных сил России» [15, с. 40].

Н. Вессель в своей статье «Британская империя в Индии» полагал, что англичане не готовы воевать с Россией в Центральной Азии, т.к. не решили внутренних проблем в своей индийской колонии. «Но готова ли Англия к встрече своей новой могущественной соседки в Азии? Выходит, что не готова, потому что иначе зачем бы ей теперь приходиться в такой трепет и ужас и поднимать и всю эту комически-трагическую историю из-за Герата? Если бы британское владычество в Индии было прочно утверждено “правосудием, мудростью, опирающимися на сильную армию”; если бы Англия, оставив свою исключительно сверхко-

рыстную “систему накопления национальных богатств”, привязала к себе туземных властителей и все туземное население справедливостью, распространением просвещения и человеколюбивым управлением, то зачем ей теперь так опасаться и страшиться приближения России к Индии?» [6, с. 543]. Более того, консервативный автор, в отличие от либералов, считает, что на сегодняшний день Англия не готова вместе с Россией выполнять культурную миссию в Азии, которая заключается в распространении «христианского европейского просвещения среди покоренных азиатских народов» [6, с. 554]. Вессель подчёркивает, что среди российских и британских колониальных чиновников найдутся люди, готовые к наживе за счёт коренного населения Центральной Азии. Однако система российского управления не основана, в отличие от британской, на жесткой эксплуатации и притеснении народов присоединённой территории. В этом автор видит преимущество России перед Англией.

В другой своей статье «Стратегия и торговля», опубликованной в журнале «Исторический вестник» Вессель затронул вопрос о стратегической важности среднеазиатской железной дороге. Автор отметил, что караванам с русскими товарами, чтобы попасть на среднеазиатские рынки, необходимо преодолеть долгий путь по Волге, Каспийскому морю, и только после перегрузки в Михайловском укреплении они попадут на закаспийскую железную дорогу. При таких условиях транспортировки грузов, по его мнению, Россия не сможет конкурировать с Англией на среднеазиатских рынках [7, с. 65].

В итоге автор пришел к выводу, что, несмотря на стратегические успехи России в Средней Азии, российская промышленность будет работать исключительно на внутренний рынок. Иными словами, военно-политическое проникновение России в регион не приносило ей заметного экономического эффекта. В это же время Англия может построить железную дорогу из Западной Европы в Индию через Малую Азию и Персию [7, с. 66]. Публицист напомнил о проекте Фердинанда Лессепса, который ещё в 1873 г. предложил русскому правительству построить железную дорогу, связывавшую Европу и Индию через среднеазиатские владения России. Вессель отмечает, что с помощью этого проекта, Россия и западноевропейские государства получили бы доступ к туземным хлопковым и рисовым плантациям, а также могли бы «получать все дорогие индийские продукты, для обработки их на своих фабриках, из первых рук, тогда как теперь все эти необходимые произведения приобретаются от англичан или через англичан, по несравненно более дорогим ценам. Это составляет громадные барыши, и в этом заключается главное значение Индии для Англии» [7, с. 70]. Таким образом, автор подчеркнул превосходство Англии в организации экономической эксплуатации её колониальных владений.

В заключении публицист пришел к выводу, что «вместо сооружения предложенной Лессепсом Средне-Азиатской индийской железной дороги на международные капиталы, которая соединила бы Европу с самыми богатыми областями Индустана и сделала бы наши внутренние рынки центрами

великой торговли Европы с Индией и вообще Дальним Востоком, мы теперь принимаемся за продолжение нашей закаспийской стратегической железной дороги в наши средне-азиатские владения, приготавливая этим торговые пути для англичан, и все более и более изолируем Россию от европейской торговли с Индией и Востоком, т.е. вместо того, чтобы, соответственно природному географическому положению России, забрать всю эту мировую торговлю в свои руки и руководить ею, мы сами прямо отдаем ее в руки англичан» [7, с. 71]. Представляется, что на эти выводы консервативного автора влияли, скорее, не экономические расчеты, а идейно-политические соображения, враждебное отношение к Англии и стремление предупредить её возможную экономическую экспансию в среднеазиатский регион.

Видный экономист того времени А.П. Субботин, сотрудничавший с «Вестником Европы», в статье «Россия и Англия на азиатских рынках» проанализировал особенности не только экономического развития различных регионов среднеазиатских владений России, но и торговли двух стран. Экономист обратил внимание на необходимость налаживания транспортной связи с афганским и китайским Туркестаном, органически связанным с Русским Туркестаном речными бассейнами и удобными торговыми путями. При этом он полагал, что благодаря «устройству удобных путей для соединения бассейна Аму-Дарьи с водной и рельсовой сетью внутренней России, русские товары, по своей дешевизне (столь ценимой азиатцами) должны вытеснить из прилегающих к этому бассейну областей всякие дру-

гие, иностранные, товары, доходящие сюда далекими путями. Таким образом мы должны получить тот рынок, какой естественно нам принадлежит; вместе с этим для нас *ipso facto* (в силу самого факта – *авт.*) откроется и удобный путь в северную Индию. Не сюда ли перенесется центр тяжести пресловутого “восточного вопроса”» [31, с. 16]. Так автор проводил мысль о возможности перенесения центра экономического и политического интереса России с Ближнего на Средний Восток.

Анализируя статистические данные внешней торговли Англии, автор пришёл к выводу, что английская торговля с граничащими с Бухарой странами (Афганистан, Белуджистан, Кашемир) сократилась на 45%. При этом Субботин подчёркивал необходимость воспользоваться отступлением Англии для укрепления экономической позиции России в регионе [30, с. 20–21].

В либеральных изданиях нашли своё освещение также методы противостояния империй в регионе. В статье «Россия и Англия в Средней Азии» автор под инициалами В.К. попытался представить Великобританию не только как союзницу Афганистана в его возможной войне против России, но и как организатора попыток ряда восстаний мусульманского населения против русской власти [4, с. 749]. И всё же, подчеркивая использование Англией религиозного и национального факторов в целях противодействия России, либеральный публицист не привёл конкретные факты участия Англии в организации антирусских выступлений.

Присутствие России в Средней Азии, по мнению публициста, стало свершившимся фактом. Однако, при-

соединив новые территории, Россия по-прежнему не решала свои внутриполитические проблемы [4, с. 733]. Противостояние двух империй в регионе, по его мнению, «поддерживало шовинистические инстинкты в русском и английском обществе», что в свою очередь, мешало русскому обществу «заняться серьезно своими ближайшими, внутренними интересами. Ни Афганистан, ни Индия не нужны России, необъятное пространство которой не оставляет желать большего в этом отношении» [4, с. 750]. Таким образом, для либеральных публицистов приоритетной оставалась задача внутреннего реформирования страны, а не расширения ее территорий и удовлетворения имперских амбиций части правящей элиты.

Либеральный публицист Л.З. Слонимский в статье «Неизбежна ли война» оспорил существовавшее в российском обществе мнение о том, что война между Россией и Великобританией лишь вопрос времени. Он утверждал, что Англия навряд ли решится на военный конфликт с Россией, т. к. не располагает достаточными военными силами в регионе, а также не имеет надежных союзников на мировой арене. Россия, по его мнению, также не заинтересована в войне. В итоге он выразил надежду на сближение двух стран, что могло принести им только пользу [24, с. 872].

Либеральный автор под псевдонимом Старый дипломат в «Русской мысли» утверждал, что если расширение России в сторону Балтийского моря и Тихого океана было исторически обусловлено, то движение к Индийскому океану через Афганистан и Индию нежелательно. По его мнению, «этот

путь будет слишком продолжителен, и слишком дорог, и слишком осложнен колоссальной борьбой с Англией, для которой потерять Индию – значит погибнуть» [29, с. 154]. Выйти к Индийскому океану, подчёркивал автор, было возможно исключительно мирным путём, прежде всего, усиливая своё дипломатическое влияние в Иране [29, с. 157]. Вместе с тем автор допускал возможность ввода Россией своих войск в соседние регионы ради обеспечения безопасности приграничных территорий и защиты своих интересов [29, с. 160].

Публицист доказывал целесообразность установления общей границы между двумя империями в регионе. Это позволило бы им достичь согласия в отношениях и исключить провокационные действия со стороны Афганистана, «население которого или занимается грабежом, или страдает от беспримерной, даже в Азии тирании эмира». Россия, по мнению автора, могла согласиться на осуществление английского протектората над территорией этого государства в обмен на «реализацию нашей заветной мечты и естественного стремления к выходу в Индийский океан, к проведению железной дороги через Персию и занятия порта в Персидском заливе на арендных началах, аналогичных с теми, на которых нами приобретен Порт-Артур» [30, с. 27]. Таким образом, автор, следуя курсу своего издания, обосновывал возможность и необходимость достижения не только компромисса, но и сотрудничества между Россией и Англией в регионе.

«Исторический вестник», проводивший консервативно-охранительную линию, опубликовал личные записи

генерала М.Д. Скобелева, доказывавшего, что английское владычество в Индии держится исключительно на штыках армии метрополии, а в случае какого-либо серьёзного военного конфликта мусульманское население Индии поднимет восстание против англичан [27, с. 278]. Таким образом, издание муссировало слухи о возможности антианглийских выступлений в Индии, поддерживая идею необходимости использовать их в своих интересах.

Обращалось также внимание на то, что после ликвидации Ост-индской компании «порвалась нравственная связь англичан с Индией» [27, с. 286]. Новое поколение английских чиновников ставит перед собой цель отслужить свой срок в Индии и вернуться в Англию. «Современный Индийский чиновник связан с Индией жаждой наживы; он пользуется и сомнительными средствами к обогащению себя, но взоры его обращены от Индии к Англии, которая благодаря Суэцкому каналу, стала гораздо ближе к Индии, чем прежде. Ныне офицеры и молодые люди вступают на службу с насмешкой к Индии» [27, с. 288].

Для русского генерала присоединение Туркестана означало, прежде всего, получение Россией операционной базы для дальнейших действий в Центральной Азии [27, с. 294].

В «Историческом вестнике» отмечалась также важность проведения памирских пограничных походов с целью недопущения английских разведывательных операций в регионе. «Появление на Памире английских агентов» могло привести «к восставлению против нас китайцев и афганцев. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы экспедиция

полковника Ионова, помимо значения «русского дозора», обходившего владения России на Памирах, *имела, может быть, и значение ответа на английские происки*» [33, с. 208]. Кроме того, автор отмечал, что до тех пор, пока не будут установлены чёткие границы с Афганистаном, инциденты и провокации в этом регионе будут продолжаться [33, с. 208].

Позднее «Исторический вестник» отмечал, что присоединение Мерва стало одним из ключевых событий в отношениях между Россией и Великобританией. «С исторической точки зрения, – писал Н.В. Чарыков занятие Мерва замкнуло второй и последний круг поступательного движения России вглубь Средней Азии. В области внешней политики, присоединение Мерва положило благоприятное для России начало подготавливавшемуся разграничению сфер влияния России и Англии в Средней Азии и тем, как было упомянуто выше, способствовало устранению векового препятствия к дружественному сближению этих государств» [39, с. 517]. Таким образом, консервативные издания, непосредственно наблюдавшие за процессом присоединения Средней Азии к России, первоначально настаивали на проведении активной наступательной политики России в регионе, не останавливаясь перед угрозой возможной войны с Англией. Позднее, уже во времена формирования Антанты, они подчёркивали дипломатический аспект в отношениях двух государств, полагая, что присоединение Средней Азии к России положило начало разграничению их сфер влияния в регионе и установлению, в итоге, дружественных отношений.

Проблема российско-британского противостояния в Средней Азии конца XIX в. получила определенное освещение в либеральных и консервативных изданиях того времени. При этом консервативные авторы подчёркивали геополитическое соперничество двух империй, а наиболее радикальные из них не исключали возможности войны, призывали к расширению сферы влияния России за счёт активной экспансии. Либералы напротив, опасались угрозы военного противостояния двух стран в регионе, пытались обуздать националистическую прессу с ее призывами к дальнейшему расширению границ российской империи. Они подчёркивали общее в политике России и Англии, заключавшееся, например, в противостоянии местным деспотическим режимам и осуществ-

лении цивилизаторской миссии в регионе. Либералы обосновывали возможность достижения компромисса, а представители их «новой волны» из «Русской мысли» доказывали важность и плодотворность сотрудничества двух стран.

Либеральные авторы считали, что разрешение противоречий между империями в этом регионе возможно в случае разграничения сфер влияния, установления границ и ликвидации буферных зон. И всё же главное для них заключалось не в расширении территорий и утверждении военного могущества России, а обеспечении экономического подъёма, в том числе и за счёт среднеазиатского потенциала, в проведении либеральных преобразований в стране.

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко В.Н. Освещение вопроса вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России на страницах журнала «Русский вестник» // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата: Казахский пединститут, 1985. С. 5–28.
2. Арьев М. Россия и Англия на Памирах // Русский вестник. 1895. № 11. С. 340–362.
3. А.С. Наши интересы на Памирах // Русский вестник. 1896. № 3. С. 319–324.
4. В.К. Россия и Англия в Средней Азии // Вестник Европы. 1879. Т. 5. Кн. 10. С. 732–754.
5. В.-ъ. Научный обзор. Русский Туркестан // Русская мысль. 1890. № 11. С. 177–203.
6. Вессель Н. Британская империя в Индии // Исторический вестник. 1885. № 6. С. 535–558.
7. Вессель Н. Стратегия и торговля // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 64–71.
8. Венюков М.И. Международные вопросы в Азии // Русский вестник. 1877. № 6. С. 474–503.
9. Венюков М.И. Очерк международных вопросов в Азии // Русский вестник. 1877. № 4. С. 512–559.
10. Венюков М.И. Поземельные приобретения и уступки России за последние 30 лет. 1850–1880 гг. // Русская мысль, 1880. Кн. IV. С. 124–144.
11. Гапоненков А.А. Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг.: редакционная программа (Литературно-философский контекст). Саратов: Издательство Саратовского Университета, 2004. 228 с.
12. Гарбузарова Е. Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010. 193 с.
13. Гольцев В.А. 1885 год в политическом отношении // Русская мысль. 1886. Кн. 1. С. 89–100.
14. Зайцев А.Д. Пётр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М.: Московские учебники и картолитография, 2001. 280 с.

15. Идаров С.А. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией // Русский вестник. 1884. № 6. С. 487–553.
16. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1885. Т.2. Кн.4. С. 837–850.
17. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1885. Т. 3. Кн. 5. С. 386–401.
18. Козлова Н.Н. «Вестник Европы» и политическая реакция 80-х гг. XIX в. (1884–1891): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1984. 203 с.
19. Китаев В.А. «Вестник Европы» versus русские консерваторы (1890-е гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2014. № 6. С. 32–40.
20. Никитина М.А. «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века (1890–1904). Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 4–43.
21. Острогоров В. Памиры и памирский вопрос // Наблюдатель. 1894. № 6. С. 65–94.
22. Почекаев Р.Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях, XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.
23. Плотникова Н.И. Журнал «Вестник Европы» о внешнеполитических взглядах российских либералов в 60–70-х гг. XIX века // Внешняя политика России. Источники и историография. М.: Институт истории СССР, 1991. С. 149–169.
24. С-кий. Л. Неизбежна ли война // Вестник Европы. 1885. Т. 4. Кн. 8. С. 863–872.
25. Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 238 с.
26. Северцов Н.А. Заметки о наших среднеазиатских владениях // Слово. 1880. № 8. С. 96–103.
27. Скобелев М.Д. Туркестан и английская Индия // Исторический вестник. 1882. № 11. С. 275–294.
28. Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 216 с.
29. Старый дипломат. Англия и Россия в Средней Азии. // Русская мысль. 1900. № 2. С. 139–162.
30. Старый дипломат. Англия и Россия в Средней Азии // Русская мысль. 1900. № 3. С. 19–30.
31. Субботин. Россия и Англия на азиатских рынках // Экономический журнал. 1885. № 5. С. 1–33.
32. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
33. Уманец С. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. 1892. № 1. С. 197–208.
34. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в). Ташкент: САГУ, 1957. 251 с.
35. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959. 208 с.
36. Хевролина В.М. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1878–1894 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 316 с.
37. Хевролина В.М. К вопросу о внешнеполитических концепциях российского либерализма (журнал «Русская мысль» о внешней политике России: 1880–1894 гг.) // Внешняя политика России и общественное мнение. М.: Институт истории СССР, 1988. С. 107–125.

38. Циммерман Э. По закаспийской железной дороге // Русская мысль. 1889. № 3. С. 17–44.
39. Чарыков. Н.В. Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. 1914. № 11. С. 487–518.
40. Шолохов А.Б. Общественно-политические взгляды М.Д. Скобелева // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 2. С. 37–43.
41. Яшнин В.П. Колониальные войны западных стран в Азии и присоединение Средней Азии к России в XIX в. (сравнительный аспект) // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 11. С. 86–90.
42. Arslanov R.A., Dzhangiryan V.G., Kurylev K.P., Petrovich-Belkin O.K. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // The International History Review (RINH). 2018. Vol. 40. Iss. 4. P. 916–938.

REFERENCES

1. Alekseenko V.N. [Covering the issue of including Central Asia and Kazakhstan into Russia in the magazine “Bulletin of Russia”]. In: *Voprosy istorii Kazakhstana v russkoi dvoryansko-burzhuaznoi i sovremennoi istoriografii sovetologov* [Issues of the history of Kazakhstan in the Russian aristocratic-bourgeois and modern historiography by Sovietologists]. Alma-ATA, Kazakhskii pedinstitut Publ., 1985, pp. 5–28.
2. Ar'ev M. [Russia and England in the Pamir]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1895, no. 11, pp. 340–362.
3. A.S. [Our interests in the Pamir]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1896, no. 3, pp. 319–324.
4. V.K. [Russia and England in Central Asia]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1879, vol. 5, book 10, pp. 732–754.
5. V. [The scientific review. Russian Turkestan]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1890, no. 11, pp. 177–203.
6. Vessel' N. [The British Empire in India]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1885, no. 6, pp. 535–558.
7. Vessel' N. [Strategy and trade]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1885, no. 8, pp. 64–71.
8. Venyukov M.I. [International issues in Asia]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1877, no. 6, pp. 474–503.
9. Venyukov M.I. [Essay on international issues in Asia]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1877, no. 4, pp. 512–559.
10. Venyukov M.I. [Land acquisition and concessions to Russia over the past 30 years, 1850–1880]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1880, book IV, pp. 124–144.
11. Gaponenkov A.A. *Zhurnal «Russkaya mysl'» 1907–1918 gg.: redaktsionnaya programma (Literaturno-filosofskii kontekst)* [The magazine «Russian thought» 1907–1918: drafting program (Literary-philosophical context)]. Saratov, Saratov University Publ., 2004. 228 p.
12. Garbuzarova E.G. *Geopoliticheskii aspekt protivostoyaniya Rossiiskoi i Britanskoi imperii v Tsentral'noi Azii v XIX veke: dis. ... kand. ist. nauk* [Geopolitical aspects of conflict between the Russian and British empires in Central Asia in the XIX century: PhD thesis in historical sciences]. Bishkek, 2010. 193 p.
13. Gol'tsev V.A. [The year 1885 in the political aspect]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1886, book 1, pp. 89–100.
14. Zaitsev A.D. *Petr Ivanovich Bartenev i zhurnal «Russkii arkhiv»* [Petr Ivanovich Bartenev and the magazine «Russian archive»]. Moscow, Moskovskie uchebniki i kartolitografiya Publ., 2001. 280 p.

15. Idarov S.A. [The importance of India in the policy of Russia with Turkey and England]. In: *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1884, no. 6, pp. 487–553.
16. [Foreign review]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1885, vol. 2, book 4, pp. 837–850.
17. [Foreign review]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1885, vol. 3, book 5, pp. 386–401.
18. Kozlova N.N. «*Vestnik Evropy*» i politicheskaya reaktsiya 80-kh gg. XIX v. (1884–1891): abstract of PhD thesis in Philological Sciences [«Bulletin of Europe» and the political reaction of the 80s of the XIX century (1884–1891): abstract. thesis. cand. Philol. Sci.]. Moscow, 1984. 203 p.
19. Kitaev V.A. [«Bulletin of Europe» versus Russian conservatives (1890s)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Istoriya* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Historical Series], 2014, no. 6, pp. 32–40.
20. Nikitina M.A. «*Vestnik Evropy*» [«Bulletin of Europe»]. In: *Literaturnyi protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX – nachala XX veka (1890–1904). Burzhuazno-liberalnye i modernistskie izdaniya* [Literature and Russian journalism of the late XIX – early XX century (1890–1904). Bourgeois-liberal and modernist publications]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 4–43.
21. Ostrogorov V. [The Pamir and the Pamir question]. In: *Nablyudatel'* [Observer], 1894, no. 6, pp. 65–94.
22. Pochekaev R.Yu. [The history of the «buffer States» on the borders of Russia: the Aral possession and its role in the Russo-Khivan relations, XVIII–XIX centuries]. In: *Vostochnyi arkhiv* [Oriental Archive], 2015, no. 1 (31), pp. 12–18.
23. Plotnikova N.I. [The magazine «Bulletin of Europe» on the foreign policy views of Russian liberals in the 60–70s of the XIX century]. In: *Vneshnyaya politika Rossii. Istochniki i istoriografiya* [Foreign policy of Russia. Sources and historiography]. Moscow, Institut istorii SSSR Publ., 1991, pp. 149–169.
24. S-kii. L. [Inevitable war]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1885, vol. 4, book 8, pp. 863–872.
25. Sal'nikova A.V. *Anglo-russkoe sopernichestvo v Tsentral'noi Azii v poslednei treti XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the last third of XIX – early XX century: PhD thesis in Historical Sciences]. Vladimir, 2009. 238 p.
26. Severtsov N.A. [Notes about our Central Asian possessions]. In: *Slovo*, 1880, no. 8, pp. 96–103.
27. Skobelev M.D. [Turkestan and the British India]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1882, no. 11, pp. 275–294.
28. Smirnova L.M. *Anglo-russkoe sopernichestvo v Tsentral'noi Azii v 70–90-e gody XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the 70–90s of the XIX century: PhD thesis in Historical Sciences]. St. Petersburg, 2004. 216 p.
29. The old diplomat. [England and Russia in Central Asia]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1900, no. 2, pp. 139–162.
30. The old diplomat. [England and Russia in Central Asia]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1900, no. 3, pp. 19–30.
31. Subbotin. [Russia and Britain in Asian markets]. In: *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic Journal], 1885, no. 5, pp. 1–33.
32. Terent'ev M.A. *Rossiya i Angliya v Srednei Azii* [Russia and England in Middle Asia]. St. Petersburg, tip. P.P. Merkulyeva Publ., 1875. 361 p.
33. Umanets S. [The Pamir question and its importance]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1892, no. 1, pp. 197–208.
34. Khalfin N.A. *Angliiskaya kolonial'naya politika na Srednem Vostoke (70-e gody XIX v.)* [English colonial policy in the middle East (70s of the XIX century)]. Tashkent, SAGU Publ., 1957. 251 p.
35. Khalfin N.A. *Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v – nachalo XX v.)* [The failure of the British aggression in Afghanistan (in the XIX – early XX century)]. Moscow, Sotsekgiz, 1959, 208 p.

36. Khevrolina V.M. *Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnei politiki, 1878–1894 gg.* [The struggle in Russia on the issues of foreign policy, 1878–1894]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN Publ., 1999. 316 p.
37. Khevrolina V.M. [On the question of Russian liberalism foreign policy concepts (the magazine «Russian thought» about the foreign policy of Russia: 1880–1894)]. In: *Vneshnyaya politika Rossii i obshchestvennoe mnenie*. Moscow, Institut istorii SSSR Publ., 1988. pp. 107–125.
38. Tsimmerman E. [At the TRANS-Caspian railway]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1889, no. 3, pp. 17–44.
39. Charykov. N.V. [The peaceful conquest of Merv (From the memoirs of General A.V. Komarov's campaign of 1885)]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1914, no. 11, pp. 487–518.
40. Sholokhov A.B. [The socio-political views of M.D. Skobelev]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 2014, no. 2, pp. 37–43.
41. Yashnin V.P. [Colonial wars of western countries in Asia and the annexation of Central Asia to Russia in the nineteenth century (comparative aspect)]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-rossiiskogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of Kyrgyz Russian Slavic University], 2014, vol. 14, no. 11, pp. 86–90.
42. Arslanov R.A., Dzhangiryan V.G., Kurylev K.P., Petrovich-Belkin O.K. West European Countries and their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century. In: *The International History Review (RINH)*, 2018, vol. 40, iss. 4, pp. 916–938.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсланов Рафаэль Амирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России;

e-mail: ars_raf@mail.ru

Климашин Алексей Львович – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов;

e-mail: klimashinaleksei@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rafajel' A. Arslanov – Dr. of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);

e-mail: ars_raf@mail.ru

Alexey L. Klimashin – graduate student of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);

e-mail: klimashinaleksei@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Отечественная публицистика о российско-британских противоречиях в Средней Азии в конце XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 151–167. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-151-167

FOR CITATION

Arslanov R., Klimashin A. Domestic journalism about Russian-British contradictions in Central Asia in the late XIX century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 151–167.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-151-167

УДК 94(470) "1905/1907"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-168-180

Е.Е. ЛАЗАРЕВ О ЛЕВЫХ ФРАКЦИЯХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Трухин М.Д.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В статье подробно рассматриваются позиции эсеровского публициста Е.Е. Лазарева по вопросу о характере российского парламентаризма в связи с противоборством и сотрудничеством левых фракций и групп во II Государственной думе. Автором произведен анализ эмпирического материала (личные письма Е.Е. Лазарева к своей жене и др. лицам за период Первой российской революции 1905–1907 гг.), эволюции взглядов Лазарева на разных этапах указанного исторического периода. В результате установлены и проверены ключевые установки Лазарева на оценки характера политической борьбы левых фракций и групп во II Государственной думе, а также определена степень объективности его критических оценок. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в формировании новых оценочных выводов о характере политической борьбы вокруг II Государственной думы и введении в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных материалов. Статья адресована историкам и политологам, занимающимся проблемами изучения процесса формирования парламентаризма в России.

Ключевые слова: II Государственная Дума, Первая российская революция, партийные фракции, социал-демократы, социалисты-революционеры, максималисты, трудовики, анархисты.

E.E. LAZAREV ON THE LEFT-WING FRACTIONS IN THE II STATE DUMA

M. Trukhin*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul, Mytishchi, Moscow region 141014, Russian Federation*

Abstract. The article considers in detail the socialist-revolutionary publicist E.E. Lazarev's standpoint on the nature of the Russian parliamentarism, confrontation and cooperation of the left factions and groups in the II State Duma. The author analyzes the empirical material (E.E. Lazarev's personal letters to his wife and other people for the period of the first Russian revolution of 1905–1907). Besides, the reconstruction and comparative evaluation of Lazarev's views at different stages of this historical period is performed. E.E. Lazarev's key guidelines on assessing the nature of the political struggle of the left factions and groups in the II State Duma are empirically established and verified. The degree of objectivity of his critical assessments of the ongoing process has been determined. Theoretical and practical value of the article consists in the forming new evaluation conclusions about the nature of the political struggle around the II State Duma and presenting previously unpublished archival materials. The article is addressed to historians and political scientists dealing with the problems of studying the process of parliamentarism formation in Russia.

© CC BY Трухин М.Д., 2018.

Key words: II State Duma, parliamentarism, first Russian revolution, party fractions, social-democrats, socialist-revolutionaries, maximalists, laborists, anarchists.

Егор Егорович Лазарев (1855–1937), известный российский революционер, видный член Партии социалистов-революционеров (эсеров), происходил из крепостных крестьян, участвовал в народническом движении и «хождении в народ». В 1917 г. был избран членом Всероссийского Учредительного собрания, а в январе 1918 г. участвовал в его единственном заседании, затем – министр просвещения Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ), политэмигрант, редактор и издатель. Вот лишь самые основные вехи биографии Лазарева.

Огромный жизненный опыт и пережитые гонения сделали этого человека одним из авторитетных деятелей революционного движения России и левой эмиграции. Перечень его знакомств с самыми различными деятелями революционного движения, науки и культуры России и других стран невероятно обширен. Однако, как ни странно, на протяжении долгого времени фигура Лазарева привлекала мало внимания историков. Лаконично писали о нем и мемуаристы. Например, всего лишь по несколько строк о чертах характера и главных заслугах Лазарева пишут в своих сочинениях хорошо его знавшие В. Л. Бурцев, И. М. Майский, В. М. Чернов и др. авторы¹ [6, с. 10; 13, с. 124; 5, с. 3–4]. В советский период любые представители революционного движения России, вставшие на путь сопротивления большевизму, традиционно освещались скупо и заведомо негативно. Не стал исключением в этом отношении и Лазарев.

Первой научной работой, в которой была предпринята попытка объективно проанализировать политические взгляды Лазарева, стала дипломная работа (1989 г.) Г.С. Кана². Открывшаяся возможность свободно излагать свои взгляды и широкий доступ к архивным источникам радикально изменили ситуацию. Сегодня историки всё чаще и чаще обращаются к изучению личности Лазарева. Так, специальные статьи историков Н. А. Ерофеева, И. А. Сафронова, Л.Г. Протасова о нем появились в ряде энциклопедий [7, с. 298–300; 8, с. 244–248; 1, с. 211–212]. В научно-популярных публикациях были освещены некоторые интересные факты из жизни семейства Лазаревых в России и эмиграции [3, с. 20–30; 4, с. 58–64; 12, с. 54–84]. В последнее время всё больший интерес у историков вызывают его оценки политической судьбы России в свете деятельности II Государственной думы и Всероссийского Учредительного собрания [2, с. 104–111; 9, с. 76–99; 10, с. 28, 30, 77, 80, 87].

В 2017 г. нами уже были опубликованы и прокомментированы тексты отдельных писем Лазарева к своей жене Ю.А. Лакиер-Лазаревой в Швейцарию из Петербурга и Выборга во время Первой российской революции [11, с. 169–256]. Опираясь на эту публикацию и дополняя ее новыми, ранее не опубликованными архивными материалами,

¹ Государственный архив РФ (далее ГА РФ). Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

² «Общественно-политические взгляды правого крыла эсеров (на примере Е.Е. Лазарева)» [рукопись, 70 с.]: Кан Г.С., студент V курса дневного отделения Московского государственного историко-архивного института, научный руководитель дипломной работы К.Ф. Шацилло.

можно выстроить следующую реконструкцию.

В начале Первой российской революции Лазарев совмещает повседневную хозяйственную работу на своей молочной ферме в небольшой швейцарской деревне Божии с частыми поездками в Женеву, где активно участвует в партийной жизни эсеров. Ближе к лету 1906 г. Лазарев всё чаще начинает задумываться о своём приезде в Россию. Из письма от «старой» народницы А.И. Мороз-Корниловой Лазарев выясняет наилучшие пути предстоящего проезда через границу и риск своего ареста в России¹. Известный историк революционного движения В.Я. Богучарский-Яковлев подробно информирует Лазарева о том, какую конкретную эсеровскую литературу он мог бы привезти ему из Швейцарии².

Одной из своих главных теоретических задач в это время Лазарев считает выявление потенциальных возможностей института Государственной думы для революции в России. Он много и часто рассуждает об этом в переписке со своими соратниками и друзьями. Особенно интересным выглядит содержание ответного письма к Лазареву от лидера Конституционно-демократической партии (кадетов) Ф. И. Родичева, отправленное им в начале июня 1906 г. в Швейцарию. Как социалист-революционер, Лазарев, безусловно, отрицал главные либеральные постулаты кадетов, но при этом не видел для себя политического будущего России без органов классического парламентаризма. Поскольку Лазарев находил-

ся не только в дружеских отношениях с Родичевым, но и всегда ценил его компетентность в знании современного парламентаризма, подобное обращение с его стороны выглядело вполне оправданным и уместным.

Хотя, к большому сожалению, иницировавшее переписку письмо Лазарева к Родичеву нами не было обнаружено, вполне понятно, что в нём главной причиной своего отрицания «царской» Думы Лазарев, как классический революционер и неонародник, считал её выборы, прошедшие вне принципов всеобщего избирательного права. Также, по всей видимости, Лазарев в своём письме использовал прекрасно известные отрицательные примеры практики борьбы внутри парламента. Родичев достаточно жёстко критикует его скепсис. Выступая как активный поборник начала развития парламентаризма в России, он пишет, что отрицательные представления о Думе взяты Лазаревым из «газет» и не соответствуют реальности. Главным упреком к Лазареву он ставит то, что тот считает Думу инструментом борьбы лишь либералов, а не всего революционного лагеря. В письме он также кратко комментирует для Лазарева агитационные возможности различных партий в деревне. Пишет, что черносотенцы способны побеждать лишь в регионах с преобладанием не образованного крестьянства. Возможности левых сил им также явно занижены: «Понимание с[оциал]-д[емокра]тии отскакивало как горох от стены – проповедь э[се]рская пугала республикой, и учредительным собранием, мняющим царя и имела, сколько я знаю, успех – только в местах всесожжения, порки и расстрелов».

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 3. Д. 53. Л. 1-4.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 34. Л. 1-2.

Естественно, что на этом фоне Родичев подчёркивает преимущество кадетов, считая их идеи наиболее адаптированными для всех слоёв общества. Также, Родичев делает одно очень интересное замечание: «Смею уверить Вас, что народ верил в Думу больше, чем в Николая Чудотворца и, кажется, только чуть-чуть поменьше чем в самого Господа Бога. Проповедь всеобщего избирательного права, прямого и пр. воспринималась одобрительно, но отнюдь не страстно, а прямая подача голосов иногда вызывала сомнения. Сказать народу – эта Дума неправильно избрана – она должна уступить место другой – а реформы Вы уж подождите – это сделать и сказать нельзя». Впоследствии, уже находясь в России, и переосмысливая свои представления о Думе, Лазарев уже сам несколько раз напишет об этом же. В конце своего письма Родичев активно призывает Лазарева к приезду в Россию: «Ну что же... Придите и посмотрите»¹.

Любопытно и в какой-то мере даже символично, что сразу после разгона II Думы этот спор о будущем российского парламентаризма продолжился уже как реальная дискуссия, развернувшаяся в доме Родичевых за обедом, где, как пишет Лазарев, «сошлись люди всех направлений и партий до н[ародных] с[оциалистов] включительно». Защищавший на этой дружеской встрече позиции эсеров, Лазарев пишет: «Сам Фёдор тянет во чтобы то ни стало идти в 3 Думу и составить в ней оппозицию: без оппозиции что за Дума? Что за поросенок без хрена? Он – все-таки очень хорошая и боевая натура. Я многое ему прощаю. Энергии не початой угод, утомился, как водо-

возная кляча, а все таки как услышит слово Дума, ногой топает, как старый конь. Кабы человек на настоящие рельсы вышел!» [11, с. 252].

В конце 1906 г. Лазарев решает наехать в Россию. Не без приключений добравшись до Финляндии (полицейская слежка, начатая ещё в Швейцарии, и оставший багаж), Лазарев с начала зимы 1907 г. останавливается в Выборге у Н.А. Рубакина, откуда несколько раз нелегально посещает Петербург. В марте легализуется и уже окончательно переезжает в столицу, поселившись у своих друзей Милашевских-Шебляковых. Находясь в Петербурге, Лазарев становится экспертом по аграрным вопросам фракции социалистов-революционеров во II Думе. Помимо этого он добывает деньги для партии, продолжает устраивать лечение партийных товарищей у себя в Божии, занимается редактурой и пр. Однако несомненно, что своей главной личной миссией в Петербурге Лазарев считает наблюдение за парламентской борьбой, развернувшейся вокруг и внутри II Государственной думы.

Почти в каждом письме к жене он делится своими впечатлениями о происходящем. Лазарев сразу констатирует не только неизбежный разгон II Думы, но и её практически полную бесполезность для революции. В начале марта он, со свойственной ему иронией, пишет жене об известном инциденте в виде обвала потолка Таврического дворца, произошедшем 2 марта 1907 г.: «Дорогие... Дума пока ещё жива, но потолок уже провалился... Скоро ли провалится вся Дума никто не знает, ни наверху, ни внизу, а это делает положение всех нестерпимым». Продолжая развивать в письме

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 73. Л. 1–2.

эту мысль, Лазарев одновременно пробоует хоть как-то, но оправдать агитационную полезность существования Думы: «В ближайшем будущем ни на что путное и светлое – никаких иллюзий быть не должно. Одно общее утешение, что изменение в настроении и сознании масс проникает так глубоко, что в радикальном перевороте уже больше никто не сомневается. После разгона и этой Думы вопросы политические и социальные обрисуются для массы ещё резче... Существование Думы необходимо для группировки и организации массы: крестьян, рабочих и солдат. Это сознаёт правительство и потому оно не прочь воспользоваться первым столкновением по неважному вопросу и расправиться с Думой как с бунтовщиками. Тогда для партий левых невыгодно разойтись по кутузкам, не выполнив, не вымолвив не одного крепкого слова»¹.

Сходные мысли Лазарев высказывает и в своём следующем письме к супруге: «Положение крайне не определённое... Разгон Думы удалось избегнуть, но теперь со дня на день становится яснее, что Дума сама по себе бессильна изменить хоть что-нибудь. Поэтому у большинства надеявшихся, что Дума что-нибудь внесёт облегчающее, унывают. Непрекращающийся разгром – только довершает общую трагическую картину. В самых неутомимых пропадает энергия... Только рабочие и крестьяне прут напрямик и знать не хотят юридических тонкостей кадетов и основных законов. Настроение тут ожесточается»². Практически сразу в переписке Лазарев формулирует и свой главный тезис о сформиро-

ровавшемся у народа представлении о Думе: «Но здесь обнаруживается странная драма. Народная масса по своему понимает Думу и выборы народных депутатов. Они думают, что Дума может и должна сделать все, что требует народ. Никаких основных законов или законных ограничений со стороны правительства, народ не признает, не допускает. Масса Думу принимает за Учредительное Собрание, которое выполняет волю народа, не считаясь ни с какими начальственными предписаниями» [11, с. 188]. Важно и интересно подчеркнуть, что в этом высказывании мы видим косвенную отсылку Лазарева к довольно популярной среди умеренных неонародников идее не только использовать думскую трибуну для агитации, но и попытаться принудить правительство добровольно предать ей, как уже существующему органу, название и, главное, статус Учредительного собрания. По их мнению, это могло бы быть осуществлено за счёт демократических довыборов II Думы или даже простого переименования уже существующей.

Стоит обратить внимание, что к началу созыва II Думы в обществе (преимущественно в крестьянстве) действительно фигурировали подобные настроения, сопровождаемые практикой подачи коллективных обращений (чаще всего в виде наказов депутатам Думы от сельских сходов), как правило, приходивших на адреса эсеровских газет, в Трудовую группу и Социал-демократическую фракцию Думы. Отталкиваясь от этих данных, некоторые умеренные эсеры вполне открыто задумывались о такой относительно «бескровной» перспективе захвата власти. Однако к лету 1907 г. все эти

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 66-67.

² ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162. Л. 14.

утопические иллюзии были окончательно развеяны.

Накануне Третьеиюньского переворота Лазарев, признавая поражения левых сил во II Думе, тем не менее сохраняет веру в парламентское будущее России: «Выборы, Дума и всякие упражнения в правах имеют значение лишь постольку, поскольку они содействуют сознанию массы своего истинного положения и заставляют искать её самостоятельного выхода из этого положения. Центр тяжести теперь даже не в агитационной трибуне в Думе, ибо правительство сделало всё, чтобы голоса этого не было слышно в массе. Не ясность положения и роли Думы мешают массе понять своё положение и положение своих представителей. Вера в «Думу» пропадает, но не пропадает и не может пропасть вера в народное представительство, в выборное начало, в самоуправление, в независимость от произвола окружающей чиновничьей вши»¹. В следующем письме, написанном сразу после разгона Думы, он также пишет: «Будет ли законодательное собрание называться Думой, Земским Собором или Учредительным Собранием; будет ли равное прямое и тайное избирательное право или цензовое; двуполое или однополое. Раз исполнительная власть от Думы не зависит, раз все военные полицейские и финансовые силы от народа забронированы всякая организационная работа в Думе – чистая бессмыслица, толчение воды в ступе. Агитационное значение сводится к нулю, благодаря необычайной полицейской и военной организации при современных усовершенствованиях человеческого взаимоистребления, обширно-

сти территорий, ее разнородности и разбросанности населения» [11, с. 346]. Доводя поиск своих суждений до максимума, Лазарев в определённый момент даже позволяет себе отступить от прерогативы общепризнанных в революционной среде постулатов принципов всеобщего избирательного права: «...пока народ остаётся без соотвествующих сил, т.е. механически дезорганизованным и экономически разорённым, ни какие прямые и кривые, явные и тайные голосования делу не помогут»².

Не ставя под сомнения верность этих оценок мы тем не менее вынуждены констатировать один момент, который Лазарев, как впрочем, и подавляющее большинство других теоретиков неонародничества, упускает в это время из вида. Критически рассуждая над конфронтацией законодательной и исполнительной власти, внутренними противоречиями левых фракций, дефицитом парламентской культуры в России и пр., Лазарев не замечает главной проблемы – отсутствия в тот момент у левых партий хотя бы проекта общепризнанного и подробного юридически разработанного плана правового оформления новой законодательной власти в виде демократического парламента (Думы) или Учредительного собрания.

Важным компонентом в наблюдениях и размышлениях Лазарева о II Думе становится оценка деятельности её левых фракций и групп. Естественно, что наиболее часто Лазарев обращается к критическому сравнению действий социал-демократической и социал-революционной фракции внутри и вокруг Думы. Почти сразу,

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 119.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 119.

определив слабую возможность использования думской трибуны левыми фракциями для агитации, Лазарев начинает сосредоточивать своё внимание на неизбежном разгоне Думы и перспективе наиболее выгодного ее использования. Оценивая действия социал-демократов в Думе, он признаёт их гораздо более революционными и эффективными по сравнению с эсерами: «Тактика молчания народнических фракций сравнительно с тактикой с[оциал]-д[емократов], решивших с первого же шага кричать народу через головы депутатов, начинает вызывать недовольство. С[оциал]-д[емократы] в отношении печати находятся в таком же положении, как и народнический блок, хотя к ним правительство относятся более благосклонно. Но они пишут статьи, прочитывают их с думской трибуны и таким образом стенографически воспроизводятся в газетах. Выгода – несомненная... Истинно революционной является тактика с[оциал]-д[емократов], которые не думают беречь Думу, – Дума есть не цель, а средство для революционных масс».

Однако даже в более пассивной тактике народнического блока в Думе он находит верные компоненты и не лишает её перспективы реализации: «И если Думу разгонять теперь, то выиграют только с[оциал]-д[емократы], и проиграют молчаливики народники. Это несомненно. Но именно поэтому народники должны избегать поводов к немедленному разгону Думы, чтобы выступить с революционными требованиями в нужный момент и дать битву по таким вопросам, которые всего чувствительнее для масс» [11, с. 191–192]. Поэтому на такие случаи во время думских заседаний Лазарев в

первую очередь обращает своё внимание: «С[оциалисты]-р[еволюционеры] ловко выдвинули и поставили ребром аграрный вопрос и продовольствие голодного населения. Инициативу предоставили крестьянам. В случае разгона, теперь нельзя увернуться от этих двух самых жгучих вопросов. Амнистия тоже крупный козырь» [11, с. 179].

Своими первыми впечатлениями от деятельности трудовиков во II Думе, как правило, не скоропалительный в оценках, Лазарев делится осторожно. В своих письмах ещё из Выборга он лишь кратко сообщает о слабой консолидации трудовиков с другими левыми фракциями: «Выдержка левого блока, однако, произвела на всех хорошее впечатление. Трудовая группа и Крестьянский союз пока действуют трудно» [11, с. 179]. Однако, ещё даже не переехав полностью в Петербург, но уже погрузившись в его политическую атмосферу, он не скрывает своего явного интереса к Трудовой группе: «Вижу много знакомых, хотя больше случайно. Изучаю главным образом трудовиков. Вблизи положение депутатов и самой Думы совсем не то, что оно представляет для посторонней публики. Ощущение всех Думцев – ощущения арестантов, которым дают свободный проход, отгоняя от них постороннюю «свободную публику» [11, с. 180].

Лазарев начинает активно изучать и сравнивать партийную печать всех оппозиционных групп в Думе. Практически сразу после своего окончательного переезда в столицу из Финляндии он в один день посещает Трудовую группу и фракцию социалистов-революционеров в Думе. И хотя Лазарев

отдаёт должное хорошему техническому оснащению и размерам их помещений «лабораторий для подготовки завтрашних дел», он сразу обращает внимание на кадровую слабость представителей обеих организаций в Думе: «Состав думских фракций очень случайный и колеблющийся. А главное нет достаточно годных для парламентских выступлений людей, лидеров». И далее сразу же критически противопоставляет их действия: «Кроме того, в Трудовой группе есть лидеры мешающие с[оциалистам]-р[еволюционерам] приобретать свое влияние на трудовиков; не допускают с[оциалистов]-р[еволюционеров] принимать участие в заседаниях трудовой группы, боясь, как бы не перетянули кого к себе» [11, с. 193].

В какие-то моменты своих рассуждений о трудовиках Лазарев, как большой любитель метафор и иронических сравнений, не упускает случая их использовать. Так, подобно В.И. Ленину, он сравнивает конформизм трудовиков и кадетов с сюжетом известного произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь»: «...все пескари из Трудовой группы по временам к кадетским пескарям захаживают. Всё равно мол, хоть пескарей много, да щука одна»¹. Единственной более-менее прочной точкой соприкосновения трудовиков с фракцией эсеров и энесов в Думе Лазарев называет положение об отказе от частной собственности на землю. В дальнейшем критический настрой Лазарева лишь усиливается. Накануне разгона Думы он делает свой заключительный вывод: «Трудовая группа разлагается вследствие её беспринципности или

беспартийности. Лезут туда все кто хочет спрятаться от какого-нибудь авторитета, попы от Синода, крестьяне от пославших их крестьян. Программы у них никакой нет, а если есть написанная в прошлой Думе с[оциалистами]-р[еволюционерами], то большинству она не известна, не продумана»².

Любопытно, что на этом фоне мы практически не встречаем прямой критики со стороны Лазарева в адрес небольшой фракции народно-социалистической партии во II Думе. Периодически комментируя позиции народных-социалистов, Лазарев лишь подчёркивает их тягу к легальной законодательной работе, но делает это без какого-либо осуждения. Напомним, что думская фракция энесов имела к моменту роспуска II Думы 18 членов, а общая численность партийной организации приближалась к 2000 человек. В руководство партии входили довольно известные политические и общественные деятели России, причём с некоторыми из них Лазарев был не просто знаком лично, но и имел вполне дружеские отношения (В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов и др.). Возможно, что именно поэтому Лазареву было скорее свойственно чаще обращать внимание на солидарность обеих неонароднических фракций, чем на расхождение ряда программных требований и тактики. Так, он одобрительно высказывается в адрес энесов по поводу их совместного участия с другими левыми фракциями по вопросам бюджета и амнистии.

Хотя по вполне понятным причинам такие ярко выраженные представители революционного радикализма, как эсеры-максималисты и анархисты,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162. Л. 17-19.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 62.

бойкотировали Думу, их позиции не остались без критического внимания Лазарева. Сравнивая легальную тактику борьбы левых сил в Думе с методами террора и экспроприации, Лазарев отчётливо демонстрирует свою неприимимость с революционным радикализмом и анархией. Один из первых общих отрицательных отзывов Лазарева в это время был адресован в целом всей радикальной молодёжи России, повально увлечённой тактикой террора и экспроприаций. В конце марта он пишет супруге: «Вся обычная психология людей, и целых слоев совершенно извращается. Грабежи, экспроприации в Питере и по всей России принимают эпидемический характер. Среди студенчества развиваются самые невероятные теории: тут и нищезанство и анархисты-индивидуалисты, и анархисты-мистики. Чем жестче реальная жизнь, тем дальше от земли улетаются мысли» [11, с. 200].

Через два месяца, уже имея гораздо более чёткие представления о революционной среде России, Лазарев ещё раз и гораздо более обдуманно озвучивает эти мысли: «Анархия и полный беспорядок разливается всюду по мере того, как всё больше и больше обнаруживается полное бессилие Думы. Пока она представляла собой авторитет в населении, т. е. пока верили, что она имеет фактическую власть и возможность удовлетворить народным требованиям, население держалось известной дисциплине, инициатива была предоставлена Думе»¹. Лазарев заостряет внимание на том, что тяга к экспроприациям часто рождается среди молодёжи спонтанно, за счёт нищеты и безработицы, и лишь только затем, для

самооправдания, обретает какие-либо политические направления. И здесь Лазарев вновь и уже целенаправленно связывает эти происходящие социальные процессы с Думой: «Отсюда полное искажение взглядов на Государственную Думу... Социалисты, недовольные Думой, начинают отрицать выборы, представительное правление, политику; облюбовывают actiondirect² и смеются над Учредительными Собраниями, республиками, и с легкостью лезут в анархический кузов»³. В какой-то степени Лазарев даже вынуждено признаёт некоторые успехи революционных радикалов, правда, не считая их внутренней организационной заслугой: «Максималисты и анархисты потому и держаться прочно, что для данного политического момента, успех революции зависит не от того сколько левых депутатов будет сидеть в «Думе», не от того, что будет введена та или другая избирательная система (как это имело место в Австрии. При 500 с[оциал]-р[еволюционных] или с[оциал]-д[емократических] депутатах в «Думе», результат будет тот же, если соотношение общественных сил останется тот же»⁴. Таким образом, мы отчётливо видим, что Лазарев является последовательным критиком эсеровского максимализма, анархизма и др. радикальных теорий.

После разгона II Государственной думы, прекрасно понимая всю перспективность продолжения революции в настоящем и учитывая высокий риск своего ареста, Лазарев на несколько дней уезжает в Финляндию. В письме от 14 июня 1907 г., по

² Прямое действие (фр.)

³ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 61 (об).

⁴ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 62 (об).

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 61.

всей видимости отправленном из Выбора, он кратко рассказывает жене о кризисном положении дел в левых фракциях после разгона Думы: «Трудовики ходили как опущенные в воду. С[оциал]-д[емократы] – тоже; у последних большинство или тоже уехало или были арестованы. Начались переговоры об общем воззвании. Начались колебания и разногласия по поводу письма. Готового не было... проходило время и большинство бродило, как овцы, не желая ехать по местам не будучи арестованными. С[оциалистов]-р[еволюционер]ов почти всех оставили на свободе, это увеличивало только их мрачное настроение. Одним словом, получилась ерунда»¹. Далее, памятуя о своём давнем обещании родным и друзьям приехать в Самару, он возвращается в столицу и отправляется в это путешествие на пароходе по Волге. С этого времени Лазарев несколько теряет интерес к новым перипетиям парламентской борьбы в России. В конце июня 1907 г. он пишет жене из Самары: «Выборы в Думу пройдут, вероятно, тихо, при всеобщем равнодушии... Агитации и возбуждения при выборах в 3-ю Думу вероятно совсем не будет. Утрачен всякий интерес к Думе, к бессильной Думе. Даже крестьяне говорят: зачем эта канитель: созывать чтобы разгонять»². В дальнейшей переписке за это время он мало говорит о политике и сосредотачивается на впечатлениях от встреч с близкими и быта

Поволжья.

Подводя итоги, мы видим, что даже после полученного критического и наглядного опыта от увиденной политической борьбы левых сил во II Государственной думе, Лазарев продолжает сохранять веру в перспективу развития революционного движения в России. Специфика запутанного, а порой и совершенно неверного представления о задачах думского института власти в широких массах не разочаровывает Лазарева. В конце своего уже упомянутого выше июльского письма из Финляндии он пишет: «Утомление нервное – немалое, но нравственное самочувствие – очень хорошее... Время поистине нелепое, но всё же интересное... Масса теперь переваривает тяжёлый бульжик, который правительство заставила её проглотить. Машина большая и сложная, а потому и переварить не сразу. Но после первой растерянности – быстро восстанавливается нравственное настроение. Повсюду свирепствуют правые, хулиганы и дворяне земцы. Но силы моральной за ними не на волос. За ними кроме полиции нет никого»³. Поэтому, ненадолго вернувшись в Швейцарию, Лазарев в 1909 г. вновь возвращается в Петербург, где продолжает свою революционную и общественную деятельность.

Статья поступила в редакцию 17.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014. 555 с.
2. Гноевых А.В. ...Власть, отвергающая всякое проявление частной инициативы, несовместима с демократией // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 104–111.

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 63.

² ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162. Л. 17-19.

³ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26. Л. 66.

3. Ёхина Н.А. Эмигранты, революционеры и коронованные особы: «русская волость» Е.Е. и Ю.А. Лазаревых в Божии над Клараном // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына – 2014/15. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 20–30.
4. Ёхина Н.А. «Я верю в человека и в человеческий прогресс»: к 160-летию со дня рождения Е.Е. Лазарева (1855–1937) // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 3 июня 2015 г. Новосибирск: ЦРНС, 2015. С. 58–64.
5. Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород: Издание группы друзей, 1935. 119 с.
6. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 360 с.
7. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 872 с.
8. Революционная мысль в России XIX – начала XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2013. 613 с.
9. Серапионова Е.П. Егор Егорович Лазарев. Из писем М. Ю. Морозову о Гражданской войне в Сибири // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 76–100.
10. Трухин М.Д. Борьба неонароднических партий за созыв Учредительного собрания в России, 1901 – начало 1918 гг. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 170 с.
11. Трухин М.Д. Письма Е.Е. Лазарева к Ю.А. Лакиер // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М.: РОССПЭН, 2017. С. 169–255.
12. Фролова Е. И. «Если любишь Россию...» Егор Егорович Лазарев (1855–1937) // Осмысление судьбы: Историко-библиографические очерки, публицистика. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 54–84.
13. Чернов В. М. Перед бурей. М.: Международные отношения, 1993. 406 с.

REFERENCES

1. Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya [The all-Russian Constituent Assembly: encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 555 p.
2. Gnoevykh A.V. [The power that rejects every manifestation of private initiative is incompatible with democracy]. In: *Otechestvennye arkhivy*, 2014, no. 3, pp. 104–111.
3. Ekhina N.A. Emigranty, revolyutsionery i koronovannyye osoby: «russkaya volost'» E.E. i Yu.A. Lazarevykh v Bozhi nad Klaranom [Immigrants, revolutionaries and royalty: "the Russian town" by E.E. and Y.A. Lazarev in Bogis over Claran]. In: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna 2014/15* [Yearbook of the House of the Russian abroad Alexander Solzhenitsyn 2014/15]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2015, pp. 20–30.
4. Ekhina N.A. «Ya veryu v cheloveka i v chelovecheskii progress»: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya E.E. Lazareva (1855–1937) ["I believe in man and human progress": to the 160th anniversary from the birthday of E.E. Lazarev (1855–1937)]. In: *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo: sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Novosibirsk, 3 iyunya 2015 g.* [Culture. Spirituality. Society: proceedings of the XVIII International scientific-practical conference, Novosibirsk, June 3, 2015]. Novosibirsk, TsRNS Publ., 2015, pp. 58–64.
5. Lazarev E.E. Iz perepiski s druz'yami [From correspondence with friends]. Uzhgorod, Izdanie gruppy druzei Publ., 1935. 119 p.
6. Maiskii I.M. Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya [The democratic counter-revolution]. M.; PG., Gosizdat Publ., 1923. 360 p.

7. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka [Political parties of Russia. The end of the nineteenth – the first third of the twentieth century]. Encyclopedia. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 872 p.
8. Revolyutsionnaya mysl' v Rossii XIX – nachalo XX veka [Revolutionary thought in Russia of XIX – early twentieth century]: an encyclopedia. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 613 p.
9. Serapionova E.P. Egor Egorovich Lazarev. Iz pisem M. Yu. Morozovu o Grazhdanskoi voine v Sibiri [Egor Egorovich Lazarev. From the letters of M.Y. Morozov about the Civil war in Siberia]. In: Kul'turnoe i nauchnoe nasledie russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike: dokumenty i materialy [Cultural and scientific heritage of the Russian emigration in the Czechoslovak Republic: documents and materials]. Moscow; SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 76–100.
10. Trukhin M.D. Bor'ba neonarodnicheskikh partii za sozyv Uchreditel'nogo sobraniya v Rossii, 1901 – nachalo 1918 gg. [The neo-Russian populist parties' struggle for convening the Constituent Assembly in Russia, 1901 – early 1918]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 170 p.
11. Trukhin M.D., Pis'ma E.E. Lazareva k Yu.A. Lakier [Lazarev's letters to Lacier]. In: *Vlast' i obshchestvo v Pervoi rossiiskoi revolyutsii 1905–1907* [Power and society in the First Russian revolution of 1905–1907: the documentary evidence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, pp. 169–255.
12. Frolova E.I. «Esli lyubish' Rossiyu...» Egor Egorovich Lazarev (1855 ["If you love Russia..." Egor Egorovich Lazarev (1855)]. In: *Fate comprehension: Historical and bibliographic essays, journalism*. SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2011, pp. 54–84.
13. Chernov V.M. Pered burei [Before the storm]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 406 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Российский государственный архив социально-политической истории. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00540.

ACKNOWLEDGMENTS

Gratitude to: Russian State Archive of Social and Political History. The article is prepared with the financial support of the Russian Fund of Fundamental Research (RFFR), project no. 18-09-00549.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трухин Михаил Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и московского региона Московского государственного областного университета, главный специалист отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата Российского государственного архива социально-политической истории; e-mail: aristei2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail D. Trukhin – PhD in historical sciences, associate professor at the Department of History of Russia and Moscow region, Moscow Region State University; e-mail: aristei2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Трухин М.Д. Е.Е. Лазарев о левых фракциях во II Государственной Думе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 168–180.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-168-180

FOR CITATION

Trukhin M. E.E. Lazarev on the Left-Wing Fractions in the II State Duma. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 168–180.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-168-180

УДК 93/94; 908

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-181-188

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ РЕДАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ТАНКОВА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Волкова А.И.*Курский государственный университет**305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 33, Российская Федерация*

Аннотация. На примере редакторской деятельности известного курского историка, краеведа, журналиста, педагога А.А. Танкова (1856–1930 гг.) показано, как личность редактора провинциального издания становится определяющей для развития периодической печати. Автор рассматривает личные, творческие, интеллектуальные и профессиональные характеристики редактора, его социальную и гражданскую позиции, моральные принципы в определении позиции редактируемого им печатного органа. В статье описывается краеведческая тематика основных периодических изданий Курской губернии конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: периодическая печать, Курская губерния, редактор, издатель, А.А. Танков.

THE ROLE OF THE EDITOR'S PERSONALITY IN FORMING THE IMAGE OF THE PROVINCIAL PERIODICAL EDITION OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF A.A. TANKOV'S ACTIVITIES IN KURSK PROVINCE)

A. Volkova*Kursk State University**33, Radischeva ul., Kursk, 305000, Kursk Region, Russian Federation*

Abstract. The decisive role of the editor's personality in the formation and development of the periodical publication of the Russian province of the XIX century is analyzed in the article on the example of editing activities of A.A. Tankov (1856–1930), the historian, regional ethnographer, journalist and pedagogue from Kursk. The author considers his personal, creative, intellectual and professional characteristics, his social and civic positions, moral principles in determining the position of the printed organ he edits. The article describes the regional themes of the basic periodicals of Kursk province of the late XIX – early XX centuries.

Key words: periodical, Kursk province, editor, publisher, A.A. Tankov.

Роль редактора и издателя всегда являлась первостепенной в формировании облика периодического издания, определении направления его деятельности и, конечно же, сказывалась на развитии печатного органа, отношении к нему читателей. Позиция редактора является определяющей и в системе современных

средств массовой информации, тем более, фигура редактора имела большее значение в системе функционирования периодической печати XIX в., когда эта система находилась в стадии развития, формирования и становления.

В общественной и культурной жизни провинции газета занимала значительное место. Главной функцией провинциальной прессы становится не просто формирование общественного мнения, а информирование населения о главных событиях в государстве, губернии, уезде. Печатный орган знакомил своих читателей с официальной информацией, например, об издании указов, изменении в законодательстве и т.п. В провинциальной газете можно было найти объявления о ярмарках, списки награжденных, статьи о развитии сельского хозяйства, литературные новинки и многое другое [См., напр.: 8; 9]. Редактор провинциального издания был даже более авторитетным лицом, чем столичного. Читатель провинциальной газеты – обычный житель губернии, как правило, мещанин, доверявший абсолютно всей информации, размещенной в газете. Так, личные и политические взгляды редактора, его мировоззрение, мнение по тем, или иным вопросам современности определяли не только направление провинциального издания, но и формировали общественное мнение, становились мнением его читателей [3].

Редактор провинциальной печати являлся не просто грамотным человеком, талантливым журналистом, но и авторитетным человеком. Для еще более убедительной иллюстрации значимости фигуры редактора в формировании облика, выбора направления и

развития провинциального периодического издания, обратимся к личности А.А. Танкова – одного из наиболее известных и авторитетных редакторов провинциальной курской прессы XIX в.

Известный курский историк, краевед, журналист, педагог Анатолий Алексеевич Танков (1856–1930) являлся и авторитетным человеком в Курске. Он окончил Курскую классическую гимназию, а затем, с золотой медалью историко-филологический факультет Московского университета, получил степень кандидата филологических наук. С 1880 г. А.А. Танков преподавал в Курской Мариинской женской гимназии, с 1903 г. – в Курском реальном училище, с 1908 по 1917 гг. – в Александровской мужской гимназии в г. Короча и в женской гимназии г. Лебедина [4, с. 247–249]. Работы Танкова-историка помогают современным исследователям в изучении истории периодической печати Курской губернии. Так, его исследования наиболее полно раскрывают историю курской периодической печати, особенно газеты «Курские губернские ведомости» [См., напр.: 9].

Проследим далее редакторскую деятельность А.А. Танкова.

Анатолий Алексеевич Танков в 1890-х гг. редактировал неофициальную часть газеты «Курские губернские ведомости». Данное издание являлось представителем официальной прессы в Курской губернии, издававшимся при Курском губернском правлении. Ведомости состояли из двух частей: официальной и неофициальной. И, если официальная часть полностью состояла из распоряжений и указов, то есть информации, не подвергавшейся-

ся редакторской обработки, то облик неофициальной части газеты в конце XIX в. во многом определял редактировавший ее А.А. Танков.

Неофициальная часть «Курских губернских ведомостей» сначала во многом уступала первому отделу, но постепенно ее программа расширялась, что во многом было заслугой редактора.

В этом разделе помещались материалы о ярмарках, о развитии сельского хозяйства в губернии, о ведении домашнего быта, о происшествиях и о многом другом. К примеру, подобная информация содержалась в следующих статьях: «Курский отдел московского общества сельского хозяйства сообщает об отчете за 1888 год», «Итоги Коренной ярмарки», «Виды на урожай в Курской губернии»¹. И подобные статьи были регулярными для губернского издания. Достаточно любопытными выглядят метеорологические наблюдения, регулярно сообщавшие жителям губернии о погодных условиях города Курска: «погода остается быть хорошею. Стоят умеренные холода; ртуть не опускается ниже 8 градусов холода, часто идет снег»². Со временем в газете появились рубрики с описанием курского фольклора, этнографические материалы, «дневник происшествий» (с 1880 г. – А.В.), что делает издание еще более ценным источником краеведческой информации [См., напр.: 6; 7; 11].

Регулярно в неофициальном отделе газеты публиковались исторические и статистические материалы о губернии, которые были достаточно интересны и для читателей газеты, и для современ-

ных исследователей. Так, за 1867 г. находим информацию о заштатных городах Курской губернии – Богатом, Мирополье и Хотмыжске³. В следующем, № 12, газета опубликовала материал о еще нескольких городах губернии, кстати, о наиболее крупных – Белгороде, Грайвороне, Дмитриеве (на Свапе), Короче, Льгове, Старом Осколе, а также губернском центре – Курске⁴. В подобных статьях дано краткое статистическое описание городов и историческая справка по каждому из них.

С приходом А.А. Танкова «Курские губернские ведомости» часто обращаются к истории Курского края, публикуют на своих страницах различные заметки и статьи по данной теме. Статьи известного курского историка, краеведа, талантливого публициста и журналиста регулярно помещались в издании. В основном посвященные истории и культуре родного Курского края, они украшали газету, делали ее менее сухой и официальной и привлекали внимание читателей, а также пробуждали интерес к истории и культуре родного края. Например, на страницах газеты появились следующие статьи: «О необходимости в Курске губернской ученой архивной комиссии» или «Бой русских с турками в г. Белгород», в которой подробно рассказывается о беспорядках между пленными турками и русским населением, случившихся в городе Курской губернии – Белгороде: «В 1811 [...] в июле месяце партия пленных турок, состоявшая из 320 унтер-офицеров и 892 простых солдат, вступила в пределы Курской губернии и остановилась [...] в уездном городе Белгороде на три

¹ № 21 от 17 марта 1889 г.; № 46 от 23 июня 1889 г.; № 75 от 3 октября 1889 г.; № 85 от 7 ноября 1889 г.

² № 10 от 3 февраля 1889 г.

³ № 11 от 18 марта 1867 г.

⁴ № 12 от 25 марта 1867 г.

дня. Пришли в Белгород турки 4 июля вечером и расквартированы были, за неимением других помещений, по домам обывателей»¹. Достаточно информативен и цикл статей А. Танкова, опубликованный в нескольких номерах «Курских губернских ведомостей» по теме «Освобождение крестьян в Курской губернии»². Интересны и другие статьи редактора губернского издания А.А. Танкова, такие, как «История пожарных команд курской губернии», «Театральные заметки», цикл статей «Новые сведения о Новооскольском кустарном сапожном промысле», «К истории края» и т. д.³

Количество публикаций и регулярность их выхода говорят о возросшем интересе местных жителей и образованной читающей публики к истории родного края.

Благодаря редакторской деятельности А.А. Танкова «Курские губернские ведомости» много внимания уделяли культурной и общественной жизни губернии и города Курска.

Так, в течение 1889 г. неоднократно появлялись статьи и заметки об устройстве в соседних губернских и уездных городах народных чтений [5]. В одной из таких публикаций, например, сообщалось: «Опять и опять пожелаем, чтобы безвременно прекратившиеся чтения в Курске были начаты в непродолжительном времени»⁴.

¹ См., напр.: № 101 от 14 мая 1898 г.; № 102 от 16 мая 1898 г.; № 107 от 22 мая 1898 г.; № 157 от 24 июля 1898 г.; № 224 от 18 октября 1898 г.; № 234 от 1 ноября 1898 г.

² См., напр.: № 49 от 4 июля 1889 г.; № 75 от 3 октября 1889 г.; № 85 от 7 ноября 1889 г.

³ См., напр.: № 21 от 17 марта 1889 г.; № 85 от 7 ноября 1889 г.; № 57 от 31 июля 1890 г.; № 62 от 17 августа 1890 г.

⁴ № 4 от 13 января 1889 г.; № 73 от 27 сентя-

Настойчивость газеты увенчалась успехом, т. к. 21 января 1890 г. состоялось первое такое чтение, о чем в газете отмечалось, что «состоялось первое (по возобновлении) народное чтение. Были прочитаны две брошюры – о Кивее и его святынях и об архангельских поморах А.А. Танковым. Чтения сопровождались теневыми картинами»⁵.

В газете помещались литературоведческие статьи, посвященные писателям-землякам. Так, в 1889 г. в № 76 была напечатана статья о драматурге И.А. Купчинском, в 1893 – о поэте И.Ф. Богдановиче, в 1899 – об А.С. Пушкине и о распространении в Курской губернии сочинений великого поэта (№ 76 от 1889 г.; 1893 г. [обзор]; 1899 г. [обзор]) [1]. В 1897 г. – исследование А.А. Танкова «Местный элемент в «Слове о полку Игореве», объемная статья «А.А. Фет-Шеншин», перепечатанная из «Правительственного вестника» (1897 г. [обзор]) [1].

Систематически затрагивались и вопросы культуры на страницах официальной курской газеты. Подтверждением этому служит постепенно ставшая постоянной рубрика «Хроника общественной жизни». Так, на первой странице неофициальной части газеты в указанной рубрике находим достаточно объемную и очень увлекательную статью «Живые картины и концерт в пользу бедных города Курска»⁶. В ней говорится, что любители музыки и театралы «устроили 3 апреля в городском театре любопытный музыкально-картинный вечер»⁷. Читатели могли узнать, что на выстав-

бря 1889 г.; № 87 от 15 ноября 1889 г.

⁵ № 7 от 23 января 1890 г.

⁶ № 14 от 8 апреля 1867 г.

⁷ № 14 от 8 апреля 1867 г.

ке было представлено шесть картин: «Кавказский пленник», «Малороссиянка», «Фортуна и Нищий», «Реввека и Елеазарь», «Ангел и Бери» и «Гадание на венках»¹. В статье также подробно описывался ход представления, сами картины, музыкальное сопровождение происходящему действию.

Позже в газете появилась постоянная рубрика «Театр и музыка». Под ее заголовком читатели могли узнать о спектаклях и представлениях, поставленных на сцене театра Лазаретного сада, познакомиться с деятельностью городского зимнего театра. Так, о последнем узнаем, что «для спектакля 10 ноября поставлены были: драматический этюд сочинения И. Щеглова «Красный цветок» (по Гаршину) и французский фарс в переводе Сабурова «Волшебные звуки Шопена»².

А.А. Танков допускал появление на страницах губернского издания стихийных заметок и значительного объема статей, по мере происходящих культурных событий. Например, сообщением, что «в Курске с 23 по 26 мая будет происходить выставка пожарных инструментов. Выставка организуется Курской губернской земской Управой», или «в день чествования пятидесятилетнего юбилея литературной деятельности А.А. Фета в числе других он получил приветствие и от Курской гимназии»³.

В неофициальной части газеты часто публиковались статьи, заметки, небольшие фельетоны рассказывающие читателю о проходящих в губернии и за ее пределами праздниках, народных гуляниях и т.д. Например, в рубрике

«Местные известия» содержались следующие названия публикаций: «Катанье», «Новый год», «Концерт Гартля», «Концерты и балы зимнего сезона», «Концерт в пользу женской гимназии» и др. [9]. В «Курских губернских ведомостях» появлялось описание русского фольклора, в основном в статьях А.А. Танкова.

Благодаря позиции А. Танкова как редактора «Курские губернские ведомости» достаточно подробно освещали культурную жизнь губернии, становились важным источником информации и формирования общественного мнения, а также ценным источником для современных исследователей. По мнению белгородского исследователя И.Т. Шатохина, многие идеи, высказанные на страницах газеты, вскоре материализовались в благотворительные и просветительские акции, вечера, концерты, публичные лекции, общественные организации [10, с. 275].

Первая курская газета также уделяла внимание и темам сатирического плана, сообщениям о народных праздниках и гуляниях не только по Курской губернии, но и за ее пределами. Так, для современных исследователей «Курские губернские ведомости» являются ценным источником по многочисленным вопросам провинциальной повседневной жизни курян.

Анатолий Алексеевич Танков, кроме того, сотрудничал и с другими курскими газетами. Например, с официальным церковным периодическим изданием Курской губернии, газетой «Курские епархиальные ведомости». Сотрудниками данной газеты были в основном разного чина священнослужители: священники, преподаватели

¹ № 14 от 8 апреля 1867 г.

² № 243 от 11 ноября 1906 г.

³ № 10 от 3 февраля 1889 г.

семинарий, протоиереи, иеромонахи и т.д. Но активно сотрудничали и светские авторы. На страницах епархиального издания Танков обращался к вопросам истории Курской губернии и Курской епархии. Здесь были опубликованы его статьи «Некоторые черты из истории Курской епархии», «Курское духовенство полвека назад», «К истории «Комиссии уложения» в царствование императрицы Екатерины» и некоторые другие [2; 4, с. 228–229]. Несмотря на то, что Танков не был главным редактором «Курских епархиальных ведомостей», благодаря его позиции в газете появились новые жанровые формы. Издание перестало быть «сухим», оно приобрело интонацию свободного заинтересованного обсуждения.

Таким образом, роль и позиция главного редактора как главы провинциального периодического издания, его таланта журналиста, управленца определяют развитие, авторитет и потенциал возглавляемого им печатного издания. Личные, творческие, интеллектуальные и профессиональ-

ные характеристики редактора, его социальная и гражданская позиции, моральные принципы определяют позиции редактируемого им печатного органа.

На примере редакторской деятельности А.А. Танкова мы видим, что личность редактора провинциального издания становится определяющей для данного органа прессы. Профессиональные, моральные, интеллектуальные качества этого выдающегося курского историка, краеведа, журналиста, педагога, а также его деятельность как главного редактора определяли облик курской прессы, направление ее работы, позицию губернской периодической печати в общероссийском масштабе. Именно Анатолий Алексеевич Танков сформировал «лицо» (образ, характер, направление. – А.В.) редактируемых им изданий, вывел их на ведущие позиции в губернии, привлек к ним внимание читателей, сделав «свои» газеты популярными, интересными, содержательными.

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугров Ю.А. Литературные хроники Курского края. Курск: Издательский дом «Славянка», 2011. 408 с.
2. Бугров Ю.А., Амоскин А.С. Танковы. Курск: Курское обл. науч.-краеведческое о-во, 2003. 47 с.
3. Волкова А.И. Работа редакции периодического издания Курской губернии в начале XX в. (на примере редакторской деятельности Курской губернской ученой архивной комиссии) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 46–50.
4. Историки Курского края: Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев; 2-е изд., исправленное и дополненное. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2009. 469 с.
5. Кононова Т.Л. Книжное дело в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX в.). Курск: Курск. гос. ун-т, 2017. 325 с.
6. Силакова Д.В. Вопросы развития образования в интерпретации курской периодической печати конца XIX века // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 100–103.

7. Силакова Д.В. Литературный материалы на страницах курских газет до 1917 г. // События и люди в документах курских архивов. 2010. Вып. 8. С. 113–117.
8. Стрельский И.Д. Указатель важнейших статей, помещенных в «Курских губернских ведомостях» с 1900 по 1909 год // Труды Курского губернского ученого архивного комитета. 1915. Вып. II. С. 148–205.
9. Танков А.А. Указатель важнейших статей, помещенных в Курских Губернских Ведомостях с 1839 по 1900 год // Труды Курской губернской ученой комиссии. 1915. Вып. II. С. 112–147.
10. Шатохин И.Т. Роль «Курских губернских ведомостей» в инициировании культурной жизни Курска в конце XIX века // Культура в истории России: прошлое и современность. Курск: КГПУ, 2001. С. 273–275.
11. Шицкова М.А. Характеристика административно-правового регулирования книгораспространения в российской провинции во второй половине XIX в. // Библиосфера. 2016. № 4. С. 88–93.

REFERENCES

1. Bugrov Yu.A. Literaturnye khroniki Kurskogo kraia [Literary chronicles of Kursk region]. Kursk, Izdatel'skii dom «Slavyanka» Publ., 2011. 408 p.
2. Bugrov Yu.A., Amoskin A.S. [The Tankovs]. Kursk, Kurskoe obl. scientific and local history soc., 2003. 47 p.
3. Volkova A.I. [The work of the editorial staff of the periodical in Kursk province in the early XX century (on the example of editorial activities of the Scientific Archival Commission of Kursk province)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 46–50.
4. Istoriki Kurskogo kraia: biograficheskii slovar' / Sost., otv. red. S.P. Shchhavelev; 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe [Historians of Kursk region: biographical dictionary / Comp., edited by S.P. Shchhavelev; 2nd ed., revised and enlarged]. Kursk, Kursk state medical University, 2009. 469 p.
5. Kononova T.L. Knizhnoe delo v Tsentral'nom Chernozem'e (konets XVIII – nachalo XX veka) [Book publishing in the Central Chernozem region (late XVIII – early XX centuries)]. Kursk, Kursk. gos. un-t Publ., 2017. 325 p.
6. Silakova D.V. [The development of education in the interpretation of the Kursk periodicals of the late nineteenth century]. In: *Provintsial'nye nauchnye zapiski*, 2017, no. 1 (5), pp. 100–103.
7. Silakova D.V. [Literary materials on the pages of Kursk newspapers until 1917]. In: *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov*, 2010, no. 8, pp. 113–117.
8. Strel'skii I.D. [Index of key articles placed in the "Kursk Gubernia Vedomosti" from 1900 to 1909]. In: *Trudy Kurskogo gubernskogo uchenogo arkhivnogo komiteta*, 1915, iss. II, pp. 148–205.
9. Tankov A.A. [Index of key articles placed in the Kursk Provincial Gazette from 1839 to 1900]. In: *Trudy Kurskoi gubernskoi uchenoi komissii*, 1915, iss. II, pp. 112–147.
10. Shatokhin I.T. Rol' «Kurskikh gubernskikh vedomostei» v initsirovanii kul'turnoi zhizni Kurska v kontse XIX veka [The role of the "Kursk provincial Bulletin" in initiating the cultural life of Kursk in the late nineteenth century]. In: *Kul'tura v istorii Rossii: proshloe i sovremennost'* [Culture in the history of Russia: past and present]. Kursk, KGPU Publ., 2001, pp. 273–275.
11. Shitskova M.A. [Characteristics of administrative-legal regulation of book distribution in the Russian province in the second half of the 19th century]. In: *Bibliosfera*, 2016, no. 4, pp. 88–93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Анна Ивановна – старший лаборант кафедры всеобщей истории Курского государственного университета;
e-mail: AnettVolkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Volkova – senior laboratory assistant of the Department of World History, Kursk State University;
e-mail: AnettVolkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волкова А.И. Роль личности редактора в формировании образа провинциального периодического издания Курской губернии XIX века (на примере деятельности А.А. Танкова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 181–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-181-188

FOR CITATION

Volkova A. The Role of the Editor's Personality in Forming the Image of the Provincial Periodical Edition of the XIX Century (on the Example of A.A. Tankov's Activities in Kursk Province). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 181–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-181-188

УДК 947.084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-189-196

«СТАРОЕ» И «НОВОЕ» В ОРГАНАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

Соколов А.С.

*Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей,
экономики и права – филиал в г. Калининград
236039 Россия, г. Калининград, Ленинский пр., 42б Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринят анализ соотношения «старого» и «нового» в органах ВЧК, так как эта проблема стоит наиболее остро в отечественной историографии. Автором показано наличие неоднозначности в оценке органов ВЧК как нового явления в истории органов государственной безопасности. На основе источниковой базы отмечена, с одной стороны новая организация ВЧК, а с другой использование в ее работе средств Охранного отделения Российской империи. В результате, на основе понятия о преемственности, была выведена формула сочетания «старого» и «нового» в органах ВЧК.

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Охранное отделение, кадровый состав, средства оперативно-розыскной деятельности.

THE «OLD» AND «NEW» IN THE BODIES OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION

A. Sokolov

*Branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law
42B, Leninskiy prosp., Kaliningrad, 236039, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the relationship between the old and the new in the organs of the All-Russian extraordinary commission (Cheka), as this problem is the most acute in the domestic historiography. The author shows the presence of ambiguity in the assessment of the Cheka as a new phenomenon in the history of the state security. On the basis of the source base, a new organization of the Cheka was noted, on the one hand, and, on the other, the use of the Security Department of the Russian Empire in its work. As a result, on the basis of the concept of continuity, the formula of a combination of the "old" and the "new" in the organs of the Cheka was derived.

Key words: All-Russian extraordinary commission, protective squad, personnel, means of operational and investigative activities.

В историографии Всероссийской Чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК) одной из ключевых проблем является вопрос о преемственности. С одной стороны, еще в советский период установилась догматическое представление о ВЧК как абсолютно новом учреждении, не имеющем ничего общего с ранее существовав-

шими «буржуазными разведками и контрразведками» [15, с. 18, 244–245]. С другой стороны, как в работах советских исследователей, так и современных можно встретить сюжеты, которые подвергают сомнению устоявшуюся традицию об однозначном отсутствии преемственности в органах ВЧК. Это сведения о службе у чекистов представителей высшего царского офицерского состава и использовании старых инструкций [4; 10; 16; 19]. Такое положение дел обосновывает актуальность исследования вопроса о соотношении «старого» и «нового» в органах ВЧК.

Большое значение в изучении преемственности играет понятийный аппарат. Под ней в первую очередь понимается связь между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе некоторые его элементы. При этом применительно к обществу, с одной стороны, преемственность включает передачу социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, от формации к формации и усвоение этих ценностей каждым новым поколением, каждой новой социальной системой. С другой стороны, это особый механизм памяти общества, который осуществляет накопление и хранение культурной информации прошлого, на основе которой создаются новые ценности¹.

Одним из элементов старого в деятельности органов ВЧК является опыт сотрудников, принадлежащих к царским охранным отделениям, разведке и войскам. Большевики неоднократно отмечали невозможность использования жандармов на службе ВЧК, так как

основной акцент делался на использовании труда опытных коммунистов. Более того, на представителей спецслужб царской России, судя по протоколам заседаний Комиссии, была открыта целая охота [2, с. 264, 269, 291, 298]. Но в этих случаях идет речь о лицах, причастных к контрреволюционной деятельности. Нельзя исключать возможность использования старых специалистов в условиях кадрового голода и отсутствия опыта работы, особенно на первых порах становления органов ВЧК.

Тезис, что проблему специальных знаний в деятельности ВЧК большевики решали за счет привлечения членов партии, имеющих опыт конспиративной деятельности, представляется не совсем убедительным. Во-первых, дело в том, что уровень подготовки специалиста спецслужб царской России и революционера, пускай и имеющего навыки конспиративной деятельности, слишком отличается. Нельзя же назначить на должность врача хронического больного. Тем более, что этот больной не имеет образования. Ведь образовательный уровень чекистов оставлял желать лучшего [8, с. 180–181]. Во-вторых, если в отношении агентуры еще можно предположить возможность использования опыта старых революционеров, то применение методов перлюстрации и регистрации требовали специальной подготовки и не как не могли быть освоены без участия «старых» специалистов.

Поэтому и встречаются сведения о привлечении старых специалистов к работе в ВЧК. Так, одним из первых советских разведчиков был сотрудник военной разведки царской России А.Н. Луцкой [1, с. 35; 13, с. 111].

¹ См.: Большая советская энциклопедия (3-е изд.), том 20, статья «Преемственность».

Начальником корпуса войск ВЧК был бывший полковник царской армии К.М. Волобуев [19, с. 80–85]. У истоков контрразведывательной работы ВЧК стоял К.А. Шевара, который был до революции секретным сотрудником по особо важным поручениям при штабе расквартированного в Финляндии 42-го армейского корпуса [14]. Бывшие дешифровальщики Департамента полиции В.И. Кривош-Неманич и И.А. Зыбин также работали в ВЧК [8, с. 208]. Есть сведения о консультациях ВЧК бывшим начальником Корпуса жандармов В.Ф. Джунковским [4, с. 300–304].

Интересен тот факт, что в пограничной охране, которая входила в состав войск ВЧК, большевики открыто пытались привлечь старых специалистов. По крайней мере, был подготовлен в июле 1921 г. проект Постановления Совета Труда и Оборона «О изъятии из всех учреждений Республики специалистов-пограничников»¹. Бросается в глаза и то, что с 1919 г. начинают выявлять в рядах чекистов старых специалистов. В 1919 г. за сокрытие факта своей службы в царской полиции был уволен из Ярославской губЧК с лишением права занимать руководящие должности инспектор секретно-оперативного отдела В.А. Нальянов. В феврале 1921 г. были разоблачены сотрудники Ярославской губЧК, один из которых оказался бывшим офицером царской охранки, другой – полицейским чиновником [13, с. 205]. Но ведь до этого времени они работали в органах ВЧК.

Главным вопросом в этом отношении является позиция руководства

ВЧК. Как представляется, оно в условиях резкого обострения политической ситуации, кадрового голода, а также отсутствия в среде чекистов сотрудников с навыками спецслужб не стремилось к выявлению лояльных «старых» специалистов, а в некоторых случаях просто закрывало глаза на использование их труда. Ярким примером такого подхода является история бывшего статского советника В.И. Кривоша-Неманича, сыгравшего весомую роль в деятельности «черных кабинетов». Он, находясь под следствием, пишет 23 января 1918 г. В.И. Ленину письмо, в котором не только просил о своем освобождении, но, указывая на лояльность к Советской власти, предлагал свои услуги². В следственном деле вместе с письмом к главе государства имеется и доклад о деятельности «черных кабинетов»³. Интересен в этом отношении тот факт, что В.И. Кривош, несмотря на то, что в 1918 г. был привлечен к ответственности как «секретный политический агент»⁴, в дальнейшем проходил службу по своей специальности в органах Военного контроля, а позже и ВЧК [5, с. 319, 322]. Разумеется, что афишировать подобные случаи руководство ВЧК не стремилось, так же, как и проводить старых сотрудников открыто. Да и сами сотрудники явно скрывали свою принадлежность не то что к структурам охранных отделений, а даже к привилегированным классам.

Необходимо отметить, что использованию старых специалистов в органах ВЧК в какой-то мере способство-

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30.

³ Там же. Л. 31–32.

⁴ Там же. Л. 1–2.

вало и отсутствие четкой организации кадровой работы. Но, как только деятельность органов ВЧК стабилизировалась, как и обстановка на фронте, появляется в декабре 1921 г. Приказ ВЧК №406/С «О чистке личного состава органов ВЧК», в котором предписано «беспощадно» удалять «бывших жандармов, полицейских лиц, внушающих малейшее сомнение со стороны своего прошлого» [9, с. 410]. Введение этого пункта Приказа косвенно подтверждает наличие в рядах органов ВЧК «старых» специалистов.

Между тем нельзя сказать, что процесс принятия чекистами старых методов работы проходил однозначно. С одной стороны, в рядах большевиков имело место твердое убеждение в строительстве общества на абсолютно новых принципах. Общества, где использование каких бы то ни было средств, применявшихся органами политического сыска царской России, принципиально недопустимо. В 1919 г. сотрудник Особого отдела ВЧК И. Зорин делает доклад своему начальнику т. Кедрову. В нем он категорически выступает против использования названия «особый отдел», указывая: «Уже теперь приходится слышать, когда предъявляются документы Особого отдела – это охранка? Это охранка опять появилась?»¹. С другой, под давлением реалий повседневной работы по обеспечению государственной безопасности руководство ВЧК приходит к мнению о необходимости использования таких методов. Так, линия на использование агентуры начинает потихоньку преобладать в руководстве ВЧК, причем с самого начала ее деятельности. На это указывает факт

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 273.

вербовки Ф.Э. Дзержинским еще в декабре 1917 г. первого агента органов ВЧК «Арского» [17, с. 35–36, 789–790]. А уже в 1918 г. использование негласных методов широко применялось в борьбе со спекуляцией.

В условиях отсутствия широкой агентурной сети, нередко сами чекисты под прикрытием покупателей совершали сделки на приобретение товаров, подлежащих обязательному учету². Такая работа чекистов была на грани с той же провокацией. В свое время с опровержением использования «провокации» в работе ВЧК выступил д.и.н. А.С. Велидов. Он, рассмотрев случай организации сотрудником ВЧК П.Я. Березиным провокации в отношении видных большевиков, указал на закономерный финал этого «позорного» дела, закончившегося приговором бывшему чекисту, который как выяснилось, сотрудничал с царской «охранкой»³. Между тем этот пример также говорит о наличии в среде чекистов лиц, хорошо знающих методы работы Отделения по охранению общественной безопасности и порядка Министерства внутренних дел Российской империи. К тому же, тот факт, что система кадрового отбора в первое время не была организована должным образом в органах ВЧК, говорит не в их пользу.

На использование «старых» методов в ВЧК указывает тот факт, что приемы перлюстрации, ведения агентурной работы и наружного наблюдения перекочевали из дореволюционных

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 1080. Л. 2–2 об; Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 67. Л. 50–51; Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4613. Оп. 1. Д. 1162. Л. 6–10.

³ ГАРФ. Ф. Р543. Оп. 1. Д. 11. Л. 417–420, 452.

инструкций в чекистские. Сравнительный анализ «Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения» (1907 г.) и Инструкции и руководства Секретного отдела ЧК по наружному наблюдению» (1922 гг.) показывает, что из инструкции Российской империи в общих чертах были заимствованы технические приемы наблюдения¹. В данном случае можно говорить о том, что опыт, наработанный органами государственной безопасности Российской империи, оказался универсальным и востребованным независимо от политической конъюнктуры.

С другой стороны, необходимо отметить и новое в органах ВЧК. В первую очередь, в этом смысле она являлась собой абсолютно новую организацию. Аппарат ВЧК за время своего существования эволюционировал от трех основных отделов с численностью несколько десятков человек к пяти управлениям, с развитой сетью подведомственных органов, которых было более сотни с общей численностью в пятьдесят тысяч человек [11, с. 223 – 257, 270]. Ключевым моментом в понимании «нового» в работе органов ВЧК было объединение под единым управлением таких направлений деятельности ВЧК как разведка, контрразведка, обеспечение войсковых операций и охраны важнейших государственных учреждений, безопасности границы, транспорта и экономики [2, с. 156–157; 3, с. 78–79; 17, с. 227].

Да и по социальному происхождению и политическому составу ВЧК являлась наглядной иллюстрацией из-

менений, происходивших в стране. В ее рядах преобладали представители крестьян, рабочих и выходцев из мещан. Постепенно на руководящие и ответственные посты в органах ВЧК были назначены преимущественно коммунисты [14].

Таким образом, в отношении наличия преемственности в органах ВЧК складывается двойственная ситуация. Если исходить из определения, то с точки зрения передачи социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, от формации к формации и усвоения этих ценностей каждым новым поколением, каждой новой социальной системой, ВЧК была новым явлением в истории. За все время ее существования был создан мощнейший аппарат, охватывающий практически все стороны обеспечения государственной безопасности. Этот аппарат был частью Советского государства, построенного на абсолютно новых принципах и ценностях. Между тем при таком подходе возникает аналогичный вопрос о преемственности органов Федеральной службы безопасности России от Комитета государственной безопасности СССР.

С другой стороны, можно с уверенностью говорить не только об использовании в органах ВЧК опыта старых специалистов, но и наличии механизма его передачи. При этом такая практика все же не имела массового характера и была реализована в компромиссном варианте, что объясняется условиями Гражданской войны и острой политической борьбы в первые годы Советской власти. Другое дело, что методы перлюстрации, наружного наблюдения, осведомительной и агентурной работы Отделения по ох-

¹ ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 2. Д. 47. Л. 1–8; Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения. 1907.

ранению общественной безопасности и порядка Министерства внутренних дел Российской империи были взяты на вооружение в работе ВЧК. В результате можно говорить и о связи между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе некоторые его элементы, и о особом

механизме памяти общества, что подтверждает уместность вывода о наличии преемственности в органах ВЧК. В этом случае она прослеживается на уровне средств обеспечения государственной безопасности.

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.С., Прокофьев В.И. Служба внешней разведки России: памятные даты. М.: СВР России, 2004. 174 с.
2. Архив ВЧК: сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. 720 с.
3. В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917–1922). М.: Политиздат, 1987. 717 с.
4. Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: МВД России, 2012. 319 с.
5. Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. 382 с.
6. Иванов А.А. Становление советских контрразведывательных служб 1918–1919 годах: традиции и новации // Вестник Челябинского государственного университета. История (Вып. 34). 2009. № 28 (166). С. 86–90.
7. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. Сборник документов. М.: Политиздат, 1958. 510 с.
8. Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт+, 2014. 416 с.
9. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. 766 с.
10. Овченко Ю.Ф. Использование опыта тайной полиции императорской России в работе советских органов госбезопасности // Тайная стража России: Очерки истории отечественных органов Госбезопасности. Книга 2. М.: Алгоритм, 2018. С. 175–183.
11. Отчет ВЧК за четыре года деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.): Организационная часть. М.: Издание ВЧК – ОГПУ, 1921.
12. Плеханов А.А., Плеханов А.М. Железный Феликс: белые пятна в биографии чекиста. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 380 с.
13. Рыжиков А.В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. М.: Кучково поле, 2013. 480 с.
14. Соколов А.С. О принципах и факторах кадровой работы в органах ВЧК // Власть: общенациональный научно-политический журнал. 2017. № 11. С. 130–136.
15. Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1960. 247 с.
16. Тишков А.В. Первый чекист. М.: Воениздат, 1968. 136 с.
17. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ, 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: Материк, 2007. 872 с.
18. Чудакова М.С. Особенности формирования агентурного аппарат ВЧК и ГПУ // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 126–131.
19. Штутман С.М. Внутренние войска: история в лицах. М.: Газойл пресс, 2004. 302 с.

REFERENCES

1. Antonov V.S., Prokof'ev V.I. Sluzhba vneshnei razvedki Rossii: pamyatnye daty [The foreign intelligence service of Russia: memorable dates]. Moscow, SVR Rossii Publ., 2004. 174 p.
2. Arkhiv VChK: sbornik dokumentov. Moscow, Kuchkovo pole, 2007 [The archives of the Cheka: a collection of documents]. Moscow, Kuchkovo pole, 2007. 720 p.
3. Lenin i VChK: sbornik dokumentov (1917–1922) [Lenin and the Cheka: a collection of documents (1917–1922)]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 717 p.
4. Dunaeva A.Yu. Reformy polititsii v Rossii nachala XX veka i Vladimir Fedorovich Dzhunkovskii [Police reform in Russia in the early XX century Vladimir Fedorovich Dzhunkovsky]. Moscow, MVD Rossii Publ., 2012. 319 p.
5. Zdanovich A.A., Izmozik V.S. Sorok let na sekretnoi sluzhbe: zhizn' i priklucheniya Vladimira Krivosha [Forty years on the secret service: the life and adventures of Vladimir Krivosh]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 382 p.
6. Ivanov A.A. [The formation of the Soviet counterintelligence services in 1918–1919: traditions and innovations]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* (Vyp. 34), 2009, no. 28 (166), pp. 86–90.
7. Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii, 1917–1921 [From the history of the All-Russian Extraordinary Commission 1917–1921: a collection of documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1958. 510 p.
8. Kapchinskii O.I. Gvardeitsy Lenina. Tsentral'nyi apparat VChK: struktura i kadry [Lenin's guards. The Central apparatus of the Cheka: structure and personnel. Moscow, Kraft+, 2014. 416 p.
9. Lubyanka: Organy VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991 [Lubyanka: the Bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991]. Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, MFD Publ., 2003. 766 p.
10. Ovchenko Yu.F. Ispol'zovanie opyta tajnoi polititsii imperatorskoi Rossii v rabote sovetskikh organov gosbezopasnosti [Using the experience of the secret police of Imperial Russia in the work of the Soviet security organs]. In: *Tainaya strazha Rossii: Ocherki istorii otechestvennykh organov Gosbezopasnosti. Kniga 2* [Secret guards of Russia: Essays on the history of the national security organs. Book 2]. Moscow, Algoritm Publ., 2018, pp. 175–183.
11. Otchet VChK za chetyre goda deyatelnosti (20 dekabrya 1917 g. – 20 dekabrya 1921 g.): Organizatsionnaya chast'. Moscow, Izdanie VChK [Report of the Cheka during the four years of activities (20 Dec 1917 – 20 Dec 1921): the Organizational part]. Moscow, Publishing of the OGPU, 1921.
12. Plekhanov A.A., Plekhanov A.M. Zheleznyi Feliks: belye pyatna v biografii chekista [Iron Felix: white spots in the biography of the Cheka serviceman]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 380 p.
13. Ryzhikov A.V. Chrezvychainye komissii Verkhnei Volgi. 1918–1922 [The Extraordinary Commission of the Upper Volga. 1918–1922]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013. 480 p.
14. Sokolov A.S. [The principles and factors of personnel work in the Cheka]. In: *Vlast': obshchenatsional'nyi nauchno-politicheskii zhurnal*, 2017, no. 11, pp. 130–136.
15. Sofinov P.G. Ocherki istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii (1917–1922) [Essays on the history of the All-Russian Extraordinary Commission (1917–1922)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 247 p.
16. Tishkov A.V. Pervyi chekist [The first Cheka serviceman]. Moscow, Voenizdat Publ., 1968. 136 p.
17. Dzerzhinskii – predsedatel' VChK – OGPU, 1917–1926 [Dzerzhinsky – Chairman of the Cheka – OGPU, 1917–1926]. Comp. A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. Moscow, Materik Publ., 2007. 872 p.

18. Chudakova M.S. [Features of formation of the intelligence apparatus of the Cheka and the GPU]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 380, pp. 126–131.
19. Shtutman S.M. *Vnutrennie voiska: istoriya v litsakh* [Internal forces: history in faces]. Moscow, Gazoil press Publ., 2004. 302 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель филиала Санкт-Петербургского Института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Калининграде;
e-mail: sas555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Sokolov – candidate of Historical Sciences, Associate Professor, teacher of Kaliningrad branch of "St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law";
e-mail: sas555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколов А.С. «Старое» и «новое» в органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 189–196.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-189-196

FOR CITATION

Sokolov A. The «Old» and «New» in the Bodies of the All-Russian Extraordinary Commission. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 189–196.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-189-196

УДК: 342.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-197-204

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА «ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ» (1920–1940 ГГ., КИРГИЗИЯ, ГОРОД ОШ)

Акматова А.Т.*Ошский государственный юридический институт
723510, Киргизия, г. Ош, ул. Салиева, 40 В*

Аннотация. Рассмотрен комплекс основных правовых мероприятий по ликвидации безграмотности киргизского населения на материале юга Киргизии. Исследован процесс «культурной революции» в момент становления киргизской государственности – с 1920 г. по 1930 г., в том числе выделены важнейшие этапы по осуществлению политики ликвидации безграмотности взрослого населения. Особое внимание уделено содержанию понятия ликвидации безграмотности, которое раскрывается количественными данными и практикой применения основных законов и постановлений молодого советского государства по архивным материалам из города Ош. Отмечено, что одновременно с созданием киргизской советской национальной государственности была проведена системная и планомерная работа по преодолению неграмотности киргизского населения.

Ключевые слова: Советская Киргизия, ликвидация безграмотности, культурная революция, национальные кадры, киргизская письменность, народное образование.

LEGAL POLICY «LIQUIDATION OF THE POPULATION'S ILLITERACY» (1920–1940S, KYRGYZSTAN, THE CITY OF OSH)

A. Akmatova*Osh State Law Institute
40 B Salieva ul., Osh, 723510, Kyrgyzstan*

Abstract. The article deals with a set of basic legal measures to eliminate the illiteracy of the Kyrgyz population on the material of the south of Kyrgyzstan. The process of Cultural Revolution at the time of the Kyrgyz statehood formation from 1920 till 1930 is studied. The author has analyzed the most important stages in implementing the legal policy to eliminate the illiteracy of the adult population. Particular attention is paid to the concept of illiteracy eliminating which was supported by the quantitative data and the practice of applying basic laws and regulations of the young Soviet state on the basis of the archival materials of the city of Osh. It was noted that together with the creation of the Kirghiz Soviet national statehood the systematic and systemic work was carried out to overcome the illiteracy of the Kyrgyz population.

Key words: Soviet Kyrgyzstan, illiteracy liquidation, Cultural Revolution, national cadres, the Kyrgyz written language, public education.

Молодое советское государство в 1920 г. получило возможность вплотную заняться культурным строительством. Как отмечал основатель первого государства рабочих и крестьян Владимир Ильич Ленин, «Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью», чтобы победить «ту некультурность и ту темноту и дикость, от которых нам приходится все время страдать» [5, с. 332].

В сложной обстановке осуществлялось культурное строительство в Киргизии. Предстояло преодолеть экономическую отсталость, ликвидировать остатки национального неравенства во всех областях общественной и хозяйственной жизни, искоренить патриархальные феодальные пережитки.

Культурное развитие населения советской Киргизии являлось одной из главных задач советского правительства в первые годы Советской власти. Осуществление культурных преобразований осуществлялись в исключительно сложных условиях. Особенности проведения данных мероприятий определялись экономической и культурной отсталостью края, малочисленностью рабочего класса, отсутствием письменности на родном языке, также отсутствием национальных кадров. Эти особенности отложили отпечатки на ход культурных изменений в Киргизии.

После Октябрьской революции была проведена работа по созданию новой социалистической системы образования. Советское правительство в Оше и городская партийная организация проводили практические мероприятия по осуществлению культурных преобразований. Так, **20 мая 1918 г.** в Оше был сформирован совет

народного образования и в **августе 1918 г.** в Оше был открыт первый детский сад на 95 человек.

Первые школы по ликвидации безграмотности появились в октябре 1918 г. на юге Киргизии. В Ошском уезде в 1918 г. насчитывалось 13 школ ликбеза, в которых обучалось 939 детей и подростков. Позднее, в 1924 г. в Ошском уезде действовали 38 школ для ликвидации безграмотности населения¹.

11 декабря 1920 г. была образована Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности при Народном комиссариате по просвещению Туркестанской АССР. Чрезвычайная комиссия координировала деятельность всех организаций по обучению взрослого населения. Дополнительно в 1920 г. в Туркестане создается Комитет профессионального образования. В 1921 г. такие же Комитеты профессионального образования стали функционировать в поселках Кызыл-Кия и Сулюкта на каменноугольных рудниках. Основной задачей Комитета была организация курсов. Срок обучения составлял от 4 недель до 8 месяцев.

К концу 1920-х гг. на территории Киргизии действовали такие типы школ, как: 1) начальные, 2) школы первой и второй ступени, 3) семилетки, 4) девятилетки. Школы – девятилетки были распространены в местах проживания европейского населения [2]. Грамотность населения в Киргизии составляла 3–5%, а из детей школьного возраста посещали школу лишь 39%².

¹ Центральный государственный архив политической документации Кыргызстана (ЦГАПД КР). Ф. 2. Оп. 7. Д. 302. Лл. 12–14. Протокол № 6 заседания Бюро областного комитета КП/6/Киргизии. С. 57–78.

² ЦГА политической документации КР, Ф. 2. Оп. 7. Д. 302. Лл. 14–16. Протокол № 6 заседания

Борьба за овладение грамотой сопровождалась серьезными трудностями, которые были обусловлены особенностями кочевого и полукочевого образа жизни киргизов. Материальная база школ была скудной: не хватало учебников и подготовленных кадров. Обучение проходило под открытым небом, бумагу заменяла белая войлочная кошма, на которой писали углем. К сожалению, общий уровень грамотности самих учителей был низким.

Вождь пролетарской революции Владимир Ильич Ленин, выступая на втором Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г., отметил, что ликвидация неграмотности является неперенным условием культурного подъема народа, основой его политического просвещения [4]. Политика ликвидации неграмотности советского народа стала общегосударственной политикой. Для реализации данного закона был подписан декрет Совета народных комиссаров «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Все эти мероприятия предусматривали процесс обучения грамоте всего населения в возрасте от 18 до 35 лет к 10-й годовщине Октября. С этого времени подъем грамотности взрослого населения стал важным направлением работы местных органов власти.

В 1920 г. (21 января) была принята **Инструкция о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР** [1, с. 18]. В целях реализации данной Инструкции стали активно функционировать школы ликбеза, пункты ликбеза, женские клубы, красные юрты, рабочие уголки, красные чайканы.

«Каждый населенный пункт с числом неграмотных свыше 15-ти должен был иметь школу грамоты (ликпункт). В программу обучения включались чтение, письмо, счет. В начале 20-х годов программа была уточнена: занятия на ликпункте имели своей целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и служебных делах; читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах; учащимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. Срок обучения составлял 3–4 месяца» [3, с. 89].

Народное образование находилось в тяжелых условиях. Коренное население в основном было неграмотным. В 1923 г. в 225 школах обучение велось не на родном языке. Дети киргизов, живущих в Семиреченской, Сырдарьинской областях, обучались на казахском языке, а в Ферганской и Самаркандской – на узбекском [2, с. 136]. В 1924 г. в Киргизии имелось 243 школы 1 степени, 83 школы ликбеза и лишь 4 библиотеки¹, но ни специальных, ни высших учебных заведений не было [8, с. 224–225]. Отсутствовала печать на киргизском языке. Только с конца 1924 г. на нем начала выходить газета «Эркин-Тоо» (Свободные горы).

В 1920–1928 гг. обучение велось на арабском языке. В широких кругах обсуждался вопрос о совершенствовании алфавита, результатом чего стало принятие латинского алфавита. С 1928 г. по 1929 г. во всех школах ликбеза обучение проводилось на новом алфавите. Был переиздан на латинском алфавите букварь для неграмотных «Джанылык» Х. Карасаева.

Бюро областного комитета КП/б/Киргизии. С. 51–58.

¹ ЦГА политической документации КР, Ф. 20. Оп. 6. Д. 16. Лл. 224–232.

В 1923 г. в Кызыл-Кие¹ была открыта школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на 40 человек, в которой была организована группа для учащихся коренных национальностей. Для практического обучения здесь была оборудована слесарно-механическая мастерская.

Следует отметить, что 14 февраля 1924 г. был издан циркуляр Народного Комиссариата Просвещения о работе среди допризывников (по ликвидации неграмотности) [3, с. 25]. Дополнительно 11 января 1926 г. был издан циркуляр ВЦИК РСФСР о ликвидации неграмотности среди допризывников и красноармейцев переменного состава. Правительство считало, что вся подготовительная работа к призыву подчинялась основной задаче – дать Красной Армии хорошее грамотное, здоровое, выносливое пополнение.

На основании данных всесоюзной переписи населения к началу 1927 г. общая грамотность населения в СССР составляла 51,1%, а в Киргизии – 15,1%, т. е. по темпам ликвидации неграмотности республика намного отставала от общесоюзного уровня. Необходимо было пересмотреть методы работы ликбеза. К осени 1928 г. были организованы месячники ликбеза. Месячник ликбеза включал чтение лекций, проведение собраний, взрослое население активно изучало алфавит, училось держать ручку и писать. Создавались специальные комиссии, которые собирали книги.

«Так, в Ошском округе было собрано 1700 экземпляров книг и 117 рублей. В городе Фрунзе на субботниках в пользу движения по ликвидации неграмотности участвовало 3 тысяч

человек и было собрано 10700 рублей и 13 тысяч книг. К концу 1927 г. на территории Ошской области уже насчитывалось 142 общеобразовательных школ, где обучались 8 426 учащихся»².

На 10 марта 1930 г. в Ошском округе школами ликбеза было охвачено 24 316 человек, из них 2 664 женщин. Создавались специальные школы для женщин, передвижные школы для скотоводов-кочевников, широко практиковался индивидуально-групповой метод обучения. С каждым годом увеличивалось число женщин, посещающих пункты ликбеза.

«Борьба за ликвидацию неграмотности женщин – киргизок вызывало яростное сопротивление баев, манатов, мулл, которые стремились сохранить феодально-патриархальные отношения в семье и быту, всячески препятствовали приобщению женщин-киргизок к просвещению, к знаниям и культуре, к участию в общественной жизни. Не ограничиваясь антисоветской агитацией, они прибегали даже к прямому террору. Так, за участие в ликвидации неграмотности враги зверски убили активную общественницу, члена Таштак-Гузарского кыштакского Совета Ошского округа Курманжан Задунбаеву, организатора школ ликбеза Саргы Мамытову, активистку Айнабюбю Джаманбаевну, заведовавшую красной юртой в селении Кызыл-Туу Кочкорской волости, и других активных борцов за культурное преобразования, за утверждение нового быта. Но как ни бесновались враги, они были не в силах остановить дви-

¹ Кызыл-Кия, город (с 1938 г.) в Киргизии, в настоящее время в Баткенской обл.

² ЦГА политической документации КР, Ф. 2. Оп. 7. Д. 302. Лл. 12–14. Протокол № 6 заседания Бюро областного комитета КП/б/Киргизии. С. 57–78.

жение женщин за приобщение к грамоте и культуре» [7, с. 459].

На третьем съезде Советов Киргизской АССР, который проходил с 6 по 12 февраля 1931 г., особо рассматривался вопрос культурного строительства. В Постановлении *«О культурном строительстве и подготовке кадров»*¹ отмечался бурный подъем культуры киргизского народа и предлагалось правительству и советским органам республики в ближайшие годы закончить ликвидацию неграмотности населения, подготовить мероприятия для введения всеобщего обучения, всемерно расширять сеть школ, особенно в кочевых районах; съезд наметил также широкий план подготовки кадров, увеличения сети и улучшение работы политико-просветительных учреждений, активизации издательского дела.

Советское правительство обращало большое внимание на социально-культурные мероприятия по усилению борьбы за ликвидацию неграмотности, школьное образование, подготовку кадров, культурно-просветительскую работу, развитие науки, печати, литературы. В 1933–1937 гг. на эти цели было израсходовано 265 млн. руб. В Постановлении XVII съезда ВКП (б) *«О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.)»* указывалось на необходимость завершения во второй пятилетке «не только ликвидации неграмотности среди населения Союза», но и «ликвидации малограмотности трудоспособного взрослого населения» [6].

Следуя данным правительственным мероприятиям, Киргизский обком ВКП (б), пленум которого состоялся в

июне 1933 г., рассмотрел вопрос культурного строительства и ликвидации безграмотности. Было принято решение «Повысить качество работы школ ликбеза». В 1933–1934 гг. предусматривалось обучить 150 тысяч неграмотных и 50 тысяч малограмотных. На нужды ликбеза было запланировано выделить 345,5 тыс. рублей. В регионы было направлено 27800 учебников на киргизском и свыше 4300 – на русском языке.

С 1 по 6 января 1935 г. во Фрунзе проходил XVII республиканский съезд Советов. Съезд подвел итоги социально-экономического и культурного развития за предшествовавшие десятилетия и в соответствии с решениями XVII съезда ВКП (б) (26 января – 10 февраля 1934 г.) и наметил пути дальнейшего социалистического строительства.

В Киргизии увеличилась сеть начальных и средних школ, открылось три высших учебных заведения и несколько техникумов. Грамотность населения достигла в 1935 г. 57,1% против 3,5% в 1924 г. Только за 1934–1935 гг. по линии ликбеза было охвачено обучением 181,5 тыс. человек. Все же состояние культурного строительства и здравоохранения не удовлетворяло запросы тружеников города и особенно села².

Серьезным шагом в усилении борьбы против безграмотности послужило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР *«О работе по обучению неграмотных и малограмотных»*, принятое 16 января 1936 г. Была поставлена задача в течение 1936 и 1937 гг. полностью ликвидировать неграмотность трудящихся в возрасте до 50 лет. Был установлен твердый план обучения неграмотных и малограмотных по

¹ ЦГА политической документации КР, Ф. 20. Оп. 6. Д. 16. Лл. 224–232.

² ЦГА политической документации КР, Ф. 20. Оп. 6. Д. 16. Лл. 224–232.

каждому району. Обучение в школах ликбеза ранее проводилось только в зимний период, а теперь предлагалось вести работу в течение года в два срока. Народному комиссариату просвещения республики поручалось обучить до 1 сентября 1939 г. 100 тысяч неграмотных и 20 тысяч малограмотных, а с 1 сентября охватить обучением еще не менее 80 тысяч неграмотных и 30 тысяч малограмотных. В 1936 г. на ликвидацию безграмотности было выделено 2,3 млн. рублей, а в 1937 г. – свыше 8 млн. рублей. Усиливалось руководство ликбезом, так, при Наркомпросе было организовано управление по ликвидации неграмотности и малограмотности, а в штаты районных ОНО были введены должности инструкторов по школам взрослых. При городских, районных, поселковых и сельских Советах создавались секции по ликбезу на примере общества «*Долой неграмотность*»¹.

Стали открываться двухмесячные курсы по подготовке работников для школ взрослых, которые окончили 455 человек. В отдаленные районы Ошской области были отправлены 183 учителя специально для школ ликбеза. На 10 августа 1936 г. школами ликбеза было охвачено 93 тысячи неграмотных и 21,5 тысячи малограмотных² людей.

На пятом чрезвычайном съезде Советов Киргизской ССР от 20–23 марта 1937 г. было отмечено, что к 1936 г. в СССР утвердилась социалистическая

система хозяйства. Вместе со всеми трудящимися СССР исторических успехов добился и киргизский народ. Повышалось материальное благосостояние и культура киргизского народа. Значительно увеличилась зарплата рабочих и служащих, возросли доходы колхозников. Улучшились условия труда на предприятиях и жилищно-бытовые условия трудящихся. Грамотность населения Киргизии достигла в 1936 г. 63%, работало 1777 школ с 230 700 учащимися, 12 техникумов и 3 высших учебных заведения, насчитывалось 52 больницы, 191 амбулатория, много детских и женских консультаций, детсадов и детплощадок. В медицинских учреждениях работало около 2 тысяч врачей и фельдшеров. Расходы бюджета на социально-культурные мероприятия во второй пятилетке повысились в 6 раз³.

Благодаря усилиям партийных, советских, хозяйственных органов, всей общественности Киргизии к концу 1938 г. общая грамотность поднялась до 70 %, а среди населения в возрасте от 9 до 49 лет – до 80%, в том числе среди мужчин она составила 89,4%, среди женщин – 74,4%. Общий уровень грамотности в Киргизии приблизился к среднему в стране.

Система ликвидации безграмотности стала настоящей школой культурного роста киргизского народа. В ходе борьбы за всеобщую грамотность из неграмотных кочевников выросли сотни способных организаторов, замечательных мастеров своего дела, видных партийных, советских, хозяйственных работников, выдающихся деятелей науки, литературы и искусства.

Статья поступила в редакцию 28.06.2018

¹ ЦГА политической документации КР, Ф. 2. Оп. 7. Д. 302. Лл. 12–14. Протокол № 6 заседания Бюро областного комитета КП/6/Киргизии. С. 57–78.

² ЦГА политической документации КР, Ф. 2. Оп. 7. Д. 302. Лл. 12–14. Протокол № 6 заседания Бюро областного комитета КП/6/Киргизии. С. 57–78.

³ ЦГА политической документации КР, Ф. 20. Оп. 6. Д. 16. Лл. 224–232.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев И.И. (сост.). Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства. М.: АПН РСФСР, 1947. 320 с.
2. Воропаева В.А., Джунушалиев Дж., Плоских В.М. История Отечества. Бишкек: Раритет Инфо, 2005. 289 с.
3. Глущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920-1930-е годы // Вопросы образования. Серия: Народное образование. Педагогика. 2013. № 3. С. 31–38.
4. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. Том 44. М.: Политиздат, 1970. С. 155–175.
5. Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Приветственная речь 6 мая // Ленин В.И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. Том 38. М.: Политиздат, 1970. С. 329–333.
6. Петрова, Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-х годах: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2010. 218 с.
7. Плоских В.М. История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 651 с.
8. Устинов В.М. Ленинская политика партии на Востоке (О руководстве ЦК РКП (б) компартией Туркестана в 1918–1924 гг.) Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963. 171 с.

REFERENCES

1. Boldyrev I.I. (sost.). Direktivy VKP(b) i Postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva [Directives of the CPSU(b) and Resolutions of the Soviet government]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1947. 320 p.
2. Voropaeva V.A. Dzhunushaliev Dzh., Ploskikh V.M. Istoriya Otechestva [History of the Fatherland]. Bishkek, Raritet Info Publ., 2005. 289 p.
3. Glushchenko I.V. [The Soviet educational project: illiteracy liquidation among adults in the 1920–1930s]. In: *Voprosy obrazovaniya. Seriya: Narodnoe obrazovanie. Pedagogika*, 2013, no. 3, pp. 31–38.
4. Lenin V.I. Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov [New economic policy and the tasks of political education workers]. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*, 5-e izd. Tom 44 [Lenin V.I. Complete works, 5th ed. Vol. 44]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, pp. 155–175.
5. Lenin V.I. I Vserossiiskii s'ezd po vneshkol'nomu obrazovaniyu. Privetstvennaya rech' 6 maya [I all-Russian Congress on adult education. Welcoming speech on May 6]. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*, 5-e izd. Tom 38 [Lenin V.I. Complete works, 5-e ed. Vol. 38]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, pp. 329–333.
6. Petrova YA.I. Organizatsiya obucheniya vzroslykh v protsesse likvidatsii negramotnosti v SSSR v 1920–1930-kh godakh: dis. ... kand. ped. nauk [The organization of adult education in the process of eradicating illiteracy in the USSR in 1920–1930s: thesis cand. Ped. Sciences]. Samara, 2010. 218 p.
7. Ploskikh V.M. Istoriya Kirgizskoi SSR [The history of the Kirghiz SSR]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1986. 651 p.
8. Ustinov V.M. Leninskaya politika partii na Vostoke (O rukovodstve TSK RKP (b) kompartiei Turkestana v 1918–1924 gg.) [The Leninist policy of the party in the East (the leadership of the Central Committee of the RCP (b) by the Communist party in Turkestan 1918–1924s.), Frunze: Kirgizhistan]. 1963. 171 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акматова Аманай Турсунбаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, заведующий отделом аспирантуры и науки Ошского государственного юридического института;
e-mail: oshgui-nauka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amanay T Akmatova – candidate of historical sciences, associate Professor of the Department of «Theory and History of State and Law», head of the Department of Postgraduate Studies and Science, Osh State Law Institute;
e-mail: oshgui-nauka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Акматова А.Т. Правовая политика «ликвидации безграмотности населения» (1920–1940 гг., Киргизия, город Ош) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 197–204.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-197-204

FOR CITATION

Akmatova A. Legal Policy «Liquidation of the Population's Illiteracy» (1920–1940S, Kyrgyzstan, the City of Osh). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 197–204.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-197-204

УДК 94 (571.51) «1941/44»: 27-772

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-205-215

АРХИПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СЯТИТЕЛЯ ЛУКИ, ХИРУРГА В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО В КРАСНОЯРСКЕ (1941–1944)

Кожевников С.В.

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, Российская Федерация*

Аннотация. Рассмотрены ключевые аспекты архипастырской деятельности святителя Луки (хирурга с мировым именем, доктора медицинских наук, профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого) в г. Красноярске в 1941–1944 гг. На основании архивных источников, научных изысканий и свидетельств самого святителя выявлены особенности состояния и развития церковной жизни в Красноярской епархии. Автором описаны этапы архиерейского служения владыки Луки в единственной действующей во всём Красноярском крае церкви и условия, в которых трудился архиерей. Сделаны выводы относительно результатов кропотливой деятельности архиепископа Луки по возрождению Красноярской епархии за достаточно короткий срок. Статья адресована специалистам, изучающим жизнь святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и положение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: свт. Лука (Войно-Ясенецкий), Русская православная церковь, Красноярская епархия, Великая Отечественная война.

ARCHPASTORAL MINISTERING OF V.F. VOYNO-YASENETSKY, SAINT LUKA AND SURGEON IN KRASNOYARSK (1941–1944)

S. Kozhevnikov

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
89, Ady Lebedevoi ul., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation*

Abstract. The submitted article deals with the key aspects of the archpastoral activity of saint Luka (a world-renowned surgeon, Doctor of Medical Sciences, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky) in the city of Krasnoyarsk in 1941–1944. On the basis of archival sources, scientific research and testimony of the saint himself, the author analysed the specifics of the state and development of non-secular life in the Krasnoyarsk diocese. The author highlights the peculiarities and stages of Luka's pontifical ministering as the Archbishop in the only church that was operating in the Krasnoyarsk region and describes the conditions in which the Bishop worked. Conclusions are drawn on the results of the hard work of Archbishop Luka on the revival of the Krasnoyarsk diocese in a fairly short time. The article is addressed to historians studying the periods of the life of St. Luka (Voyno-Yasenetsky) and the position of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War.

Key words: st. Luka (Voyno-Yasenetsky), Russian Orthodox Church, Krasnoyarsk diocese, the Great Patriotic War.

Об архипастырском служении святителя Луки¹ (Войно-Ясенецкого) в красноярский период его жизни (1941–1944) известно немного. И тому есть несколько причин. Во-первых, мало сохранилось доступных документальных свидетельств об архиерейской деятельности владыки в рассматриваемое время, и эти свидетельства не систематизированы, во-вторых, архиерейское служение свт. Луки в Красноярске началось только с конца декабря 1942 г., а богослужения и проповеди владыки в церкви продолжались меньше года, в-третьих, в Красноярске святитель совмещал архипастырскую деятельность с напряжённой работой по лечению и спасению раненых солдат и офицеров в госпиталях, научной работой в области гнойной хирургии и обучением молодых хирургов.

Церковная и архиерейская деятельность владыки Луки в рассматриваемый период отражена в ряде публикаций общероссийского и регионального уровней [11; 4; 5; 6; 7 и др.]. В то же время до сих пор нет подробного исследования, в котором бы последовательно рассматривались и уточнялись имеющиеся и добавлялись бы новые сведения об архипастырском служении и труде святителя Луки в Красноярске. Отсутствие подобного рода исследования явилось поводом для написания настоящей статьи.

Основными источниками в работе послужили письма владыки Луки Н. П. Пузину (1942–1943), дневниковые записи красноярского священника Николая Климовского за 1943 г. и личное

дело архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72).

Святитель Лука, несмотря на огромную загруженность работой в красноярских тыловых госпиталях, страдал духовно, так как не имел возможности совершать богослужения и проповедовать. Соблюдения же православных постов и прочих церковных предписаний в миру епископу было недостаточно. И он активно добивался от властей открытия церкви. Владыка Лука со знанием дела писал в ноябре 1942 г. Н.П. Пузину, что открытие церквей в военное время было общей мерой по всему Союзу [11, с. 49]. В. А. Глушников отмечает, что в СССР «за годы войны открыто было 20 000 храмов Русской Православной Церкви» [3, с. 188].

На фронтах Великой Отечественной шли тяжёлые сражения, в боях и в тылу советский народ искал опору в православной вере, всё чаще обращался к Богу. Советское руководство не могло этого не понимать, и «в центральной части России храмы начали вновь открываться еще с конца 1941 г.» [6, с. 388]. Хотя, по свидетельству протоиерея Владислава Цыпина, «в последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла» [12, с. 447], но большая часть из выживших священнослужителей не была на воле. Среди же оставшихся в живых и, одновременно, сохранивших регистрацию, были Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) [2, с. 57], имевшие по одному викарному архиепископу (Пе-

¹ Церковные титулы архиепископа Луки: святитель (свт.), архиерей, архипастырь, архиепископ, епископ, владыка.

тергофский Николай и Дмитровский Сергей) [13, с. 510].

Отбывающий с апреля 1940 г. третью ссылку в посёлке Большая Мурта Красноярского края епископ Лука (Войно-Ясенецкий)¹, согласно данным автобиографии, написанной им 30 апреля 1944 г. собственноручно, «30. IX.1941 г. переведён в Красноярск (из Б. Мурты. – С. К.), где работал хирургом эвакогоспиталей до 28.I.1944 г.»². Помимо свидетельств самого архиепископа, отметим, что эвакуационный госпиталь № 1515, бывший основным местом работы профессора-хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого, дислоцировался в г. Красноярске до сентября 1944 г.³, поэтому отъезд владыки Луки из города в большей степени был вызван не изменившимися условиями работы хирурга в госпитале, а, как указано в Журнале № 30 заседания Священного Синода при Святейшем Патриархе от 15.12.1943 г., непосильными для старца внешними условиями служения в Красноярске⁴. Таким образом, архиепископ-хирург, одновременно с окончанием работы в госпитале, 28 января 1944 г. прекратил руководство Красноярской епархией. Общая же продолжительность пребывания владыки Луки в г. Красноярске составила 28 месяцев.

¹ В.Ф. Войно-Ясенецкий (епископ Лука), в п. Большая Мурта отбывал свою третью ссылку за священнический сан. Согласно сфабрикованному делу официальной причиной этой ссылки было участие В.Ф. Войно-Ясенецкого в антисоветской организации. В 2000 г. В.А. Лисичкин добился реабилитации святителя.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72. Л. 14 об.

³ Филиал Центрального арх. Министерства обороны Российской Федерации (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург) (ФЦАМО РФ). Л. 1970 (рукопись). С. 11.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72. Л. 15.

В декабре 1937 г. был расстрелян временно управляющий Красноярской епархией епископ Ачинский Сергей (Куминский) [7, с. 79], и епархия «оставалась вдовствующей в течение 5 лет, вплоть до декабря 1942 г.» [6, с. 352], когда на Красноярскую кафедру был назначен архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Церковно- и священнослужители пребывали за штатом, сидели в тюрьмах, отбывали незаслуженную ссылку в Красноярском крае либо также были расстреляны. К началу Великой Отечественной войны и ко времени прибытия епископа Луки в г. Красноярске, как и на всей территории края, не осталось ни одного действующего храма, поэтому совершать богослужения и проповедовать ссыльному архиерею было негде.

Из сохранившихся дневниковых записей священника Николая Климовского, известно, что первая Божественная Литургия в открывшейся Николаевской часовне (далее мы увидим, что в церкви. – С. К.) была совершена 28 февраля 1943 г.⁵, то есть спустя 17 месяцев с момента прибытия епископа Луки (Войно-Ясенецкого) в г. Красноярск. Надо полагать, что официальное разрешение на открытие часовни владыкой было получено в январе-феврале 1943 г. Это видно из отчёта о состоянии Красноярской епархии в 1943 г., в котором архиепископ Лука писал: «Месяца через три после открытия церкви Бог послал второго священника, Николая Попова» [4, с. 98], который до этого отбывал наказание по сфабрикованному делу, а в Красноярск «вернулся <...> в Вели-

⁵ Дневник о. Николая Климовского (1943), хранящийся в семье Климовских-Яковлевых (далее дневник Климовского).

кий Вторник Страстной Седмицы» [6, с. 399], то есть 20 апреля 1943 г., и приступил к службе. Так в глубоком тылу на красноярской земле возобновились долгожданные богослужения, и люди слышали голос проповедника Луки.

Первые упоминания о своём архиепископском положении и состоянии церковных дел в г. Красноярске делает сам епископ Лука в письмах, адресованных Николаю Павловичу Пузину (июнь 1942 г. – август 1943 г.) Так, в письме от 20.06.1942 г. свт. Лука сообщал, что начал с митрополитом Сергием (*Страгородским. – С. К.*) «большую переписку по вопросам религиозно-философским, церковно-политическим и тактическим» [11, с. 48]. В письме владыка радуется, что переезжает в новую квартиру, где «будут самые лучшие условия для размышлений на религиозные темы» [11, с. 48], тогда как, по его данным, некий «бедный обновленческий архиерей в Мурте голодает до голодных отеков» [11, с. 48].

Письмом от 1 августа 1942 г. владыка Лука сетует на то, что «церкви в городе не хотят открывать» [11, с. 48]. При этом он выражает сожаление по поводу смерти в Красноярске митрополита Иоанна¹, которому обещали (*представители власти. – С. К.*) открыть Покровскую церковь в центре города. В этом же письме святитель впервые упоминает Николаевку (*Николаевская слобода, предместье Красноярска, где была часовня. – С. К.*), куда «осенью и весной ходить невозможно» [11, с. 48], поскольку дорога размывается дождём.

Из письма свт. Луки очевидно, что почивший митрополит Иоанн про-

рабатывал несколько вариантов скорейшего открытия церкви. Самым желанным для клира и мирян было бы возобновление богослужений в Покровской церкви, но реальным оказалось открытие кладбищенской часовни во имя святителя Николая Чудотворца в Николаевской слободе, чего добился уже архиепископ Лука, продолживший дело митр. Иоанна.

В очередном письме Н. П. Пузину 8 ноября 1942 г. владыка сообщал о «радикальном изменении судьбы Церкви» [11, с. 49] и обещании красноярских властей «открыть маленькую церковь (*часовню. – С. К.*) в Николаевке» [11, с. 49]. Длительные хлопоты святителя, начавшиеся весной 1942 г., подтверждаются дневниковыми записями о. Николая Климовского. Отец Николай писал: «Январь 1 (1943 г. – С. К.). Вечером, <...> неожиданно пришел проф. Лука с предложением сходить в Николаевку к Захарову (*священнику Алексею Захарову. – С. К.*) и узнать: в каком положении находится дело об открытии там в Часовне храма»².

Формулировка об открытии в часовне храма у людей, близких к Церкви, должна бы вызвать некоторое недоумение, но эту проблему мы рассмотрим чуть ниже. Из этой же фразы можно заключить, что, во-первых, решение красноярской власти было однозначным – открыть для верующих только часовню в Николаевской слободе, во-вторых, чиновники сознательно не открывали городские церкви, удобнее расположенные территориально, лучше приспособленные для массовых богослужений, совершения Литургии и т. д.

Как известно, часовней является небольшое сооружение-постройка, а

¹ К сожалению, сведений о нём найти не удалось, но, совершенно очевидно, что он был ссыльный.

² Дневник Климовского.

само название «часовня» происходит от слова «часы», которыми называются краткие службы в Православной Церкви. Часовня не имеет алтаря и предназначена именно для таких служб. Литургию служить в часовне нельзя, но часы, молебны и панихиды служить можно. Однако Божественная Литургия является основным богослужением, так как на ней совершается Таинство Евхаристии – главное Таинство Церкви, на котором верующие и священнослужители под видом хлеба и вина вкушают истинные Тело и Кровь Христа. Евхаристия (Причастие) – Таинство Таинств, на нём происходит единение христиан с Господом. Очевидно, что партийные и идеологические чиновники знали вселенскую важность Литургии для православного мира, поэтому пытались ущемить чувства верующих людей и настойчивого епископа.

Сделав это информативное отступление, вернёмся к часовне в красноярской Николаевской слободе.

В письме от 17 марта 1943 г. архиепископ Красноярский Лука писал, что «открылась церковь в Николаевке <...> в ней нормально помещается 40–50 чел., а приходят 200–300, и в алтарь так же трудно пройти, как на Пасху <...> Служить мне в ней можно было только священническим чином, но и это пока невозможно, т. к. нет облачений. По-видимому, получим их из театра. Нет диакона, певчих, даже псаломщика. Служит 73-х-летний протоиерей, а я проповедую» [11, с. 49] и т. д. О. Николай Климовский, в свою очередь, сообщал: «28/2 (1943 г. – С. К.) была совершена первая литургия <...> Вчера предполагалась тоже литургия, но архиепископ Лука, за неимением

архиерейского облачения, вина – кагора и просфор с печатями, служить не стал, а была отслужена обедня и молебен о даровании победы над врагом»¹. А далее, спустя два месяца, отец Николай уже пишет: «Канун 1-го Мая <...> Предполагалось служить заутреню (составная часть службы Пасхи, сразу же за ней и пасхальными часами, без перерыва, совершается пасхальная Литургия свт. Иоанна Златоуста. – С. К.) на открытом воздухе, но <...> богослужение совершалось в храме <...> служил епископ Лука (проф. Войно-Ясенецкий, хирург) в сослужении о.о. (отцов, священников. – С. К.) Захарова и Попова»² и т. д.

Таким образом, в феврале–марте 1943 г. владыка Лука не мог служить ни иерейским чином³, по причине отсутствия облачений, ни архиерейским, поскольку также не было облачений, вина и кагора для Литургии. Кроме того, из доклада настоятеля Николаевской кладбищенской церкви священника Владимира Плотникова «Уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Красноярском Крайисполкоме тов. Гусеву»⁴ от 17.06.1949 г. явствует, что пристройка алтаря с восточной стороны церкви была выполнена только в 1948 г.⁵ Но потомственный священник Николай Климовский⁶ ещё раз подчёркивал, что на Пасху, 25 апреля 1943 г., «служил еп.

¹ Дневник Климовского.

² Там же.

³ Иерейский (священнический) чин архиерейской Литургии, которым может служить архиерей.

⁴ Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.

⁵ ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.

⁶ Священнический род Климовских известен с XIX в.

Лука (профессор) и два священника»¹, а 16 августа 1943 г. красноярский владыка уже сообщал Н. П. Пузину: «Служу и проповедую каждый праздник и каждое воскресенье» [11, с. 49].

Приведённые неоспоримые факты вызывают вполне обоснованные вопросы. Когда же у владыки Луки появились богослужебные облачения (*внебогослужебные облачения – каждодневные одеяния архиерея (ряса, клобук и др.) у святителя уже имелись. – С. К.*)? Как могли совершать Литургию в часовне без алтаря, без престола? И почему красноярские священнослужители в 1943 г. называли часовню церковью, храмом, а свт. Лука упомянул даже алтарь в Николаевской церкви (*которая открылась как часовня. – С. К.*)? Попробуем дать ответы на эти вопросы.

Из свидетельства самого архиепископа Луки известно, что с открытием Николаевской часовни в конце февраля 1943 г. служил единственный в городе 73-летний священник Алексей Захаров, а правящий архиерей Лука за неимением богослужебного облачения только проповедовал молящимся верующим людям. Пасхальную же службу 25 апреля 1943 г. владыка Лука уже вёл с двумя священниками, так как в город вернулся о. Николай Попов, первые богослужения которого «пришлись на Великие Четверток, Пятницу, Субботу Страстной Седмицы и – на Светлое Христово Воскресение 1943 г.» [6, с. 399] (*22-25 апреля 1943 г. – С. К.*). Очевидно, что владыка Лука, с получением облачения, сразу же начал служить архиерейским чином, ориентировочно, не ранее, чем 20 апреля 1943 г.

В марте 1943 г. о. Николай Климовский писал: «В Николаевской Часов-

не была обедня; говорят, что служил епископ Лука»², однако священник этого не утверждает. Мы знаем, что 17 марта святитель поведал Н.П. Пузину, что ему ещё невозможно служить ни священническим, ни архиерейским чином, а 23 марта владыка уже был в г. Новосибирске.

20 апреля 1943 г. архиепископ Лука сообщал Н.П. Пузину: «17.III (1943 г. – С. К.) послал Вам письмо, в котором писал, в каких жалких условиях приходится мне начинать служение Архиепископа Красноярского (*не было возможности служить не только архиерейским чином, но и иерейским из-за отсутствия облачений. – С. К.*) <...> Мой тяжелый невроз, Слава Богу, прошел, когда возобновилось мое церковное служение» [11, с. 49]. Оно выразилось в богослужениях.

Когда же у архиепископа Луки появились богослужебные облачения, позволившие ему начать архиерейские службы?

Как отмечалось ранее, в письме Н.П. Пузину 17 марта 1943 г. свт. Лука допускал, что облачения выдадут из красноярского театра. Это было вполне возможно по причине кардинального изменения церковно-государственных отношений в 1942 г. Однако, как отмечает С.Г. Петров, подробно исследовавший период пребывания В.Ф. Войно-Ясенецкого в г. Новосибирске, в получении облачений в Красноярске архиепископу Луке было отказано, и он обрёл их только в Новосибирске [9, с. 121], в дни Великого Поста.

Будучи в г. Новосибирске на окружной хирургической конференции госпиталей Сибирского военного округа, проходившей 24-29 марта 1943 г., епи-

¹ Дневник Климовского.

² Там же.

скоп-хирург Лука (Войно-Ясенецкий) «на окне Новосибирского облздрави <...> увидел кусок парчовой ткани» [3, с. 171], который ему удалось заполучить перед самым отъездом из города. Как известно, основным материалом для пошива богослужебных облачений (риз) является парча, которую использовали ещё с давних времён (в России – с XVIII в.). Она представляет собой плотную, толстую и тяжёлую шёлковую ткань с вплетёнными металлическими нитками, то есть довольно дорогой и редкий для военного времени материал.

По свидетельству С.Г. Петрова, «архиепископ Лука находился на конференции с 23 по 30 марта» [9, с. 122]: он задержался в Новосибирске на день и провёл операцию тяжелораненому лейтенанту.

Итак, материал для пошива облачения у архиепископа Красноярского появился не ранее конца марта 1943 г. Добирался до Новосибирска профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий (владыка Лука) поездом, врач П.Т. Приходько «встретил его на вокзале» [9, с. 127] города. Как известно, с 23 июня 1941 г. работа железной дороги в СССР осуществлялась по военному графику, поэтому архиепископ Лука мог добираться из Красноярска до Новосибирска от 1 до 3 дней. Такой же была обратная дорога. Следовательно, приблизительно с 20 марта по 3 апреля 1943 г. В.Ф. Войно-Ясенецкий был занят на конференции и передвижением из Красноярска в Новосибирск и обратно. С приездом в г. Красноярск он сразу же отдал ткань для пошива богослужебного облачения. Готово оно было через определённое время, совпавшее с окончанием Великого Поста, Страстной Седмницей

и празднованием Пасхи. Только после того, как владыка Лука облачился, он смог вернуться к церковному служению, о чём и написал Н.П. Пузину 20.04.1943 г.

Ответ на вопрос по поводу совершения Божественной Литургии в часовне, не имевшей алтаря и престола, частично дают красноярский исследователь Г.В. Малашин и К.И. Зайцева, директор Воскресной школы во имя святителя Иоанна Златоуста Николаевской церкви г. Красноярска (в которой служил свт. Лука. – С. К.). Они резюмируют: поскольку в часовне не было алтарной преграды [4, с. 77] богослужение совершалось на антиминсе [6, с. 391–392]. Антиминс («вместопрестолie») представляет собой «прямоугольный плат с особыми изображениями, освященный и подписанный епископом» [1], на котором совершается Божественная Литургия. Без него Литургия не служится. Службы, проводимые владыкой Лукой на антиминсе в Николаевской часовне, вне освящённого храма, можно было бы назвать исключительными, но допустимыми Церковью обстоятельствами. Как выше отмечалось, красноярские чиновники не разрешили открыть храм в городе. Благодаря о. Алексею Захарову антиминс сохранился, священник передал его в 1937 г. вместе с евангельским крестом красноярским монахиням после закрытия в Николаевской слободе каменной церкви во имя святителя Николая [8, с. 33].

Однако вспомним, что владыка Лука всё же писал Н.П. Пузину об алтаре в храме, маленькой церкви в Николаевке и т. д., а отец Николай Климовский в дневниках сообщал об открытии в часовне храма и о службах

в храме. Если верить священнослужителям, то Николаевская часовня была храмом и, соответственно, имелся алтарь с престолом (на который, как и должно быть, полагался антиминос).

Уже в Тамбове, 22 марта 1944 г., архиепископ Лука заявлял в местном облисполкоме, что в Красноярске «не было для меня храма и я вынужден был ходить для совершения богослужения за несколько километров» [5, с. 381]. Таким образом, владыка косвенно подтверждал факт совершения служб в церкви и, одновременно, отсутствия действующего храма в г. Красноярске в период своего архиерейства. Он также помнил, что преодолевал небезопасный путь в 5–7 километров из центра города в Николаевскую слободу (*лошадь для владыки начали подавать только перед самым его отъездом из Красноярска. – С. К.*). Бывало, что по дороге он падал в грязь, уставал до переутомления и уже не мог работать в госпитале. Всё это было крайне неприятно для правящего архиерея.

А ведь именно в 1942–1943 гг. профессор-епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был признан одним из величайших практикующих докторов и учёных в области военно-полевой хирургии не только в тыловом Красноярском крае, но и в Советском Союзе. В этот же период верховной государственной властью СССР была признана важнейшая роль Русской Православной Церкви в борьбе с фашизмом [10]. Последовало повсеместное открытие храмов, возрождение епархий, духовных учебных заведений, было возобновлено издание Журнала Московской Патриархии и многое другое.

При такой благоприятной обстановке для Церкви владыка Лука впол-

не мог недоумевать, почему же власти не разрешают открыть храм в самом Красноярске, а люди вынуждены преодолевать большое расстояние и затем тесниться в маленькой часовенке, не вмещавшей даже четверти богомольцев? Архиепископ-хирург, окружённый заслуженным почётом и уважением, не мог допустить, что служит на антиминос в часовне, в которой нет алтаря, престола и т. д. Он боролся.

Описывая Н.П. Пузину свои церковные проблемы, владыка Лука обособленно называл Николаевскую часовню церковью, с алтарём, ему, как архиерею, нужен был храм. Пусть для него и верующих не было открыто храма в городе, но, по свидетельству старожилов Николаевской слободы, на месте солеи¹ Николаевской церкви (*той самой бывшей часовни. – С.К.*) в 1943 г. был престол, очевидно, приставной, с возложенным на него сохранившимся антиминосом. Верующие, с благословения архиепископа Луки, сами устроили алтарь, условно отделив его, например, непрозрачной занавеской или лёгкой перегородкой, чтобы владыка мог служить Литургию. Вот почему о. Николай Климовский написал в дневнике об открытии в часовне храма. Начиная с записей о Пасхальном богослужении архиерея, он уже писал «храм» или «церковь», которой неофициально стала часовня. Таким образом, по сути, владыка Лука самовольно устроил церковь из часовни, что свидетельствует о его гражданском мужестве, проявленном для выполнения пастырского долга в тяжёлое для советских людей время.

Приведённые размышления, на наш взгляд, позволяют разрешить ещё

¹ Солея – возвышение в храме перед иконостасом.

одно существенное противоречие. Оно касается даты назначения архиепископа Луки на Красноярскую кафедру. Сам владыка в автобиографии 30 апреля 1944 г. писал: «В октябре 1942 г. возведен в сан архиепископа и в марте 1943 г. назначен на Красноярскую кафедру»¹. А в Указе Московской Патриархии от 27.12.1942 г. за № 40 написано так:

«г. Ульяновск, 27 декабря 1942 г., № 728.

27 декабря с. г. состоялось следующее определение Московской Патриархии: «Преосвященному архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому), не отрывая его от работы в военных госпиталях по его специальности, поручить управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского». О чем и посылается Вашему Преосвященству к исполнению указ.

Патриарший Местоблюститель Сергей, м[итрополит] Московский <...>» [2, с. 90].

Итак, официальный Указ Патриархии был составлен тремя месяцами ранее той даты, которую приводит владыка Лука в автобиографии. Возможно, это объясняется поздним получением святителем документа или другими причинами, связанными с ограниченностью средств коммуникаций. Но вполне допустимо, что архиепископ Лука признавал датой начала управления им Красноярской епархией факт открытия Николаевской

часовни (*ставшей церковью*. – С. К.), что произошло в самом конце февраля 1943 г., по свидетельству же самого архиерея – в начале марта 1943 г. [4, с. 98]. Официально назначенный управляющим Красноярской епархией не мог себя в полной мере осознавать таковым без богослужений в храме.

Подводя общий итог, отметим, что нестигаемая воля и вера владыки Луки (Войно-Ясенецкого), его огромные усилия по устройству храма в Николаевской слободе и обеспечению полноты архиерейских богослужений по каноническим правилам Православной Церкви, самоотрешённость в вопросах исполнения пастырского долга позволили в короткий срок запустить тяжёлый процесс по восстановлению Красноярской епархии. Успешное совмещение обширной работы по лечению раненых и больных в красноярских эвакуационных госпиталях, научной и педагогической деятельностью с архиерейскими обязанностями привлекли к нему большое количество страждующих красноярцев и военнотружеников, которым владыка помогал не только сохранить жизнь и здоровье, но и наставлял духовно, укреплял в вере и прививал патриотизм. В лице святителя Луки епархия обрела сильного руководителя и православного проповедника, отдававшего себя служению Богу и Отечеству.

Статья поступила в редакцию 27.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Антиминс // Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2001. С. 489–493.
2. Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 57–120.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72. Л. 14 об.

3. Глушченков В. А. Святитель Лука – взгляд в будущее. Ростов н/Д.: Ростовская-на-Дону епархия, 2007. 429 с.
4. Да светит всем! Альбом о земной и небесной славе Святителя Луки Крымского. Т. 2 / Автор проекта и составитель митрополит Лазарь (Швец); комментарии, примечания, сноски Т.С. Шорохова (Чичкина). Симферополь: Н. Орианда, 2018. 680 с.
5. Косачев И.Д., Гладких П.Ф., Яковлев А.Е. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.
6. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 480 с.
7. Малашин Г.В. Судьба Церкви – в судьбе храма: очерки по истории красноярского Свято-Троицкого собора. Красноярск: Восточная Сибирь, 2008. 160 с.
8. Отесов Е.А. Записки прихожанина (из истории Свято-Никольской кладбищенской Церкви г. Красноярска, в коей служил Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий) // Журнал Красноярско-Енисейской Епархии. 2000. № 1. С. 32–39.
9. Петров С.Г. Пребывание архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в Новосибирске (свидетельство очевидца) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2011. Вып. 3 (40). С. 117–132.
10. Поповский М.А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. 528 с.
11. Пузин Н.П. Мир и благословение // Слово. 1991. № 3. С. 47–49.
12. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 5-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 816 с.
13. Цыпин В., прот. Каноническое право. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 864 с.

REFERENCES

1. Antimins. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya*, T. 2 [The Orthodox encyclopedia. Vol. 2]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr RPTS Publ., 2001, pp. 489–493.
2. Galkin A.K. [The decrees and definitions of the Moscow Patriarchate about the bishops since the beginning of the Great Patriotic War till the Cathedral of 1943]. In: *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2008, no. 2, pp. 57–120.
3. Glushchenkov V.A. Svyatitel' Luka – a look into the future. [Saint Luka – a look into the future] Rostov n/D., Rostovskaya-na-Donu eparkhiya Publ., 2007. 429 p.
4. Da svetit всем! Al'bom o zemnoi i nebesnoi slave Svyatitelya Luki Krymskogo. T. 2 / Avtor proekta i sostavitel' mitropolit Lazar' (Shvets); kommentarii, primechaniya, snoski T.S. Shorokhova (Chichkina) [May it shines you all! The album about the earthly and heavenly glory of St. Luke the Crimean. Vol. 2 / Author and compiler of Metropolitan Lazar' (Shvets); comments, annotations, footnotes, T.S. Shorokhova]. Simferopol, N. Orianda Publ., 2018. 680 p.
5. Kosachev I.D., Gladkikh P.F., Yakovlev A.E. Voino-Yasenetskii – Archbishop Luka: healing and the priesthood (1877–1961). SPb., Dmitrii Bulanin Publ., 2013. 622 p.
6. Malashin G.V. Krasnoyarskaya (Eniseiskaya) eparkhiya RPTS: 1861–2011 gg. [Krasnoyarsk (Yenisei) diocese of the Russian Orthodox Church: 1861–2011 gg.]. Krasnoyarsk, Vostochnaya Sibir' Publ., 2011. 480 p.
7. Malashin G.V. [The Future of the Church in the fate of the Church: essays on the history of the Krasnoyarsk Holy Trinity Cathedral]. Krasnoyarsk, Vostochnaya Sibir' Publ., 2008. 160 p.

8. Otesov E.A. [Notes of a parishioner (from the history of St. Nicholas cemetery of the Church of Krasnoyarsk, in any way served as Archbishop Luka Voyno-Yasenetsky)]. In: *Zhurnal Krasnoyarsko-Eniseiskoi Eparkhii*, 2000, no. 1, pp. 32–39.
9. Petrov S.G. [The stay of Archbishop Luka (Voyno-Yasenetsky) in Novosibirsk (eyewitness)]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2011, no. 3 (40), pp. 117–132.
10. Popovskii M.A. Zhizn' i zhitie Svyatitelya Luki (Voyno-Yasenetsky), arkhiepiskopa i khirurga [Life and the life of St. Luka (Voyno-Yasenetsky), Archbishop and surgeon]. SPb., "Satis", Derzhava Publ., 2002. 528 p.
11. Puzin N.P. [Peace and blessings]. In: *Slovo*, 1991, no. 3, pp. 47–49.
12. Tsypin V. prot. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Sinodal'nyi i noveishii periody. 5-e izd [The history of the Russian Orthodox Church, Synodal and modern periods. 5th ed]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyraya Publ., 2012. 816 p.
13. Tsypin V. prot. Kanonicheskoe pravo. 2-e izd [The canonical law. 2nd ed]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyraya Publ., 2012. 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожевников Семён Валериевич – кандидат экономических наук, исполнительный директор ООО «РАМикс». Исследование выполнено при кафедре отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (научный консультант д. и. н., профессор Г. Ф. Быконя);
e-mail: semenk2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semen V. Kozhevnikov – Candidate of Economic Sciences, executive director of RAMiks Limited. The research has been done in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, National History department (scientific expert Associate Professor of Historical Sciences, Professor G.F. Bykonya);
e-mail: semenk2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кожевников С.В. Архипастырское служение святителя Луки, хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого в Красноярске (1941–1944 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 205–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-205-215

FOR CITATION

Kozhevnikov S. Archpastoral Ministering of V.F. Voyno-Yasenetsky, Saint Luka and Surgeon in Krasnoyarsk (1941–1944). In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 205–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-205-215

УДК 94 (470) "1950/1960"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-216-220

Н.С. ХРУЩЁВ И ОБРАЗОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ МОСКВЫ» В 1960 ГОДУ

Горлов В.Н.*Московский институт государственного управления и права**115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. Автор рассматривает новые идеи развития градостроительства в СССР в конце 1950-х гг., когда начался переход к застройке на свободных территориях и расширялась транспортная сеть города. Автор анализирует расширение городской черты Москвы, изменение административно-территориального деления столицы, образование лесопаркового защитного пояса. Автор рассматривает социальные, демографические, культурные проблемы в развитии градостроительства при переходе к массовому жилищному строительству.

Ключевые слова: Большая Москва, Московская кольцевая автодорога, лесопарковый защитный пояс Москвы, массовое жилищное строительство.

N.S. KHRUSHCHEV AND THE FORMATION OF THE "BIG MOSCOW" IN 1960

V. Gorlov*Moscow State University of Management**2, Sadovniki ul., Moscow, 115487, Russian Federation*

Abstract. The author discusses new ideas for the development of town planning in the USSR in the late 1950s, when the transition to the building on the free territories started, and transport network of the city expanded. The author considers the expansion of the city limits of Moscow, the change of the administrative-territorial division of the capital, the formation of forest-park shelter belt of Moscow. The author analyzes social, demographic, and cultural issues in development of urban planning in the transition to mass house-building.

Key words: the Big Moscow, Moscow encircling highway, forest-park shelter belt of Moscow, mass house-building.

По плану размещения строительства в Москве на 1959–1965 гг. были намечены свободные территории, зарезервированные в Генеральном плане 1935 г. для развития Москвы. Рассчитывать на резервы территории в городах Тушино, Кунцево, Люблино, Перово и др. не было возможности, так как в этих городах имела своя большая градообразующая база и при более высоком уровне жилищной обеспеченности населения территориальные резервы оказались бы недостаточными даже для населения этих городов. В силу этого необходимо было изыскать дополнительные территории для размещения строительства. Именно поэтому в целях дальнейшего планомерного развития Москвы Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ о расширении городской черты, об обра-

зовании Большой Москвы. Плановые органы рассчитали, что в новых границах Москвы можно было разместить примерно 75 млн. кв.м. жилой площади и расселить примерно 6 млн. человек, а в лесопарковом поясе – до 1,4–1,7 млн. чел.¹

27 января 1960 г. в ЦК КПСС была направлена записка, подписанная министром транспортного строительства Е. Кожевниковым, Председателем Мосгорисполкома Н. Бобровниковым и секретарем МГК КПСС В. Устиновым с просьбой рассмотреть вопрос о строительстве Московской кольцевой автомобильной дороги (МКАД)². В соответствии с Указом территория города расширялась и доводилась до линии строящейся кольцевой автостреды. Охватывая территории новой застройки, вокруг столицы прошла Московская кольцевая автодорога, образовавшая внешнее кольцо в системе генплана Москвы. В ноябре 1960 г. было сдано в эксплуатацию восточное полукольцо автодороги, в 1962 г. было закончено сооружение западного полукольца. 23 ноября 1962 г. в ЦК КПСС поступает сообщение о досрочном завершении сооружения кольцевой автомобильной дороги, с просьбой представить к наградам отличившихся³.

Автострада протяженностью 109 км вошла в строй, стала органической частью транспортной системы Москвы. Она сразу приобрела важную роль в организации городских сообщений, связав периферийные районы, освободив внутренние зоны от авто-

машин, следующих транзитом. В этих границах Москва занимала примерно 87 тысяч гектаров. Таким образом, общие размеры территории, подведомственной Мосгорисполкому, считая и лесопарковую зону, достигли 267 тысяч гектаров. Другими словами, она увеличилась в восемь раз. Расширение территории города обеспечило развитие массового строительства, что значительно увеличило среднюю жилую норму на одного человека.

18 августа 1960 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О расширении городской черты, изменении административно-территориального деления города Москвы и передаче в административно-хозяйственное подчинение Мосгорсовету территории лесопаркового защитного пояса» [1]. По этому указу были включены в городскую черту Москвы города: Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово и Тушино, а также рабочие, дачные поселки и сельские населенные пункты Московской области, находящиеся на территории, ограниченной Московской кольцевой автомобильной дорогой. Одним росчерком пера Н.С. Хрущёв подарил городу сотни квадратных километров подмосковной земли. На своих землях стояли избы вековых поселений, в одно прекрасное утро ставшие юридически городскими. Внешняя граница полосы отвода МКАД стала границей города Москвы.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР выдвигал серьезные задачи перед проектировщиками, строителями и работниками строительной индустрии. Новое административное районирование предусматривало создание семнадцати районов в городе, в

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 165. Д. 1. Л. 139–140.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 119. Д. 6. Л. 1–2.

³ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 3. Л. 218–219.

том числе четырех – в пределах Садового кольца и пяти – в лесозащитном поясе. При определении границ районов стремились сохранить исторически сложившуюся радиально-кольцевую систему планировки столицы, сделать районы приблизительно одинаковыми по площади и численности населения, равномерно распределить систему коммунального обслуживания. Резкое увеличение территории города дало возможность ликвидировать чрезмерно густую заселенность в пределах Садового кольца, произошло смещение акцента градостроительных работ в сторону периферии города. Массовое жилищное строительство развернулось на свободных территориях города.

До 1960 г. лесопарковый пояс находился в двойном подчинении Мосгорисполкома и Моссовета, что осложняло руководство зеленой зоной, отрицательно влияло на её благоустройство. В результате в лесопарковой полосе увеличилось количество предприятий, были обнаружены случаи загрязнения рек. Указ положил конец этому ненормальному положению. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Большой Москвы в административно-хозяйственное подчинение Мосгорисполкому были переданы территории лесопаркового защитного пояса со всеми расположенными на ней городами, поселками, сельскохозяйственными населенными пунктами площадью общей площадью примерно 180 тысяч гектаров. Были образованы на территории лесопаркового защитного пояса города Москвы следующие районы: Балашихинский, Красногорский, Люберецкий, Мытищинский и Ульяновский, подчинив районные Советы депутатов трудящихся этих рай-

онов Московскому городскому Совету депутатов трудящихся.

Передаваемый в административное подчинение Мосгорисполкома лесопарковый пояс шириной примерно 10–12 км изобилует лесными массивами и водоемами и явился резервуаром чистого воздуха для столицы, её «зелёными легкими», питающий Москву озонированным, чистым воздухом и основным местом для организации массового отдыха москвичей. На его территории находилось девять городов (Мытищи, Балашиха, Реутов, Люберцы, Лыткарино, Одинцово, Красногорск, Химки и Долгопрудный), много рабочих и дачных поселков и свыше 600 мелких населенных мест. Население этого пояса (включая и сельское) составляло более 20% от численности населения Москвы (в границах 1959 г.), 70% населения лесопаркового пояса проживало в городах. Около половины самодеятельного населения городов и поселков работало в Москве. Население Москвы с 5040 тыс. чел. в связи с изменением границ города увеличилось почти на один миллион – до 6 млн. чел. [2, с. 20].

До 1960 г. в пригородном районе Москвы выделялась также зона, зарезервированная по Генеральному плану реконструкции г. Москвы, утвержденному в 1935 г., для расширения города: площадью около 34 тыс. га в радиусе 15–17 км от центра столицы. Эти и другие территории, находящиеся в пределах новой Московской кольцевой автомобильной дороги (общей площадью 52 тыс. га), Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 августа 1960 г. были включены в черту города. Значительная часть проживающего здесь населения была занята на

предприятиях и в учреждениях столицы. В то же время небольшая часть москвичей работала на предприятиях, расположенных на этой территории. По семилетнему плану здесь размещалось большое жилищное, культурно-бытовое и другие виды строительства.

Большое значение имело расстояние населенного пункта от Москвы. Города и поселки, срастающиеся с Москвой (Тушино, Перово, Кунцево, Бабушкин, Люблино и др.), не могли быть отнесены к категории «спутников» или «спален», так как по новому административно-территориальному делению Москвы они были включены в состав административных районов города. Кунцево не случайно вошло в черту Москвы. Оно уже давно тянулось навстречу столице. За 1950-е гг. Кунцево придвинулось к Москве на добрые километры. Вдоль Можайского шоссе поднялись десятки красивых зданий. Да и большинство жителей Кунцева было крепко связано со столицей, работая на её предприятиях. Скоро прямое шоссе связало эти места с Ленинскими горами, сюда прошла от Филей наземная ветка метро. В 1960 г., присоединив сотни квадратных километров Подмосковья, столица стала непомерно огромной. Казалось, что и века не хватит построить эти необъятные территории. Однако очень быстро выросла новая Москва. Пятиэтажки со всех сторон строились до кольцевой автодороги на свободных территориях. В итоге почти вся земля, отданная столице, была застроена.

Таким образом, день 18 августа 1960 г. стал важнейшей вехой в истории развития столицы. «Расползание» застройки в Москве способствовало тому, что застроенные территории про-

стирались в природное окружение столицы по транспортно-коммуникационным путям на 15–25 км. Вследствие этого многие крупные лесные массивы оказались в городской черте, среди многоэтажных домов. Во многом благодаря этому они получили впоследствии статус особо охраняемых территорий и были сохранены (это касается в первую очередь национального парка Лосиный остров, Битцевского леса, Останкино, Кусково, Измайлово, Кузьминок и др.). В орбиту быстро растущей столицы вошли природные комплексы, которые до этого были отдалены от неё на большие расстояния. Величина территорий и число поселений, втягивавшихся в сферу влияния столицы, постоянно росли, параллельно с ростом собственной территории Москвы.

Образование Большой Москвы вызвало необходимость строительства и реконструкции новых магистралей, инженерных сооружений, совершенствование транспорта. Пролегли Ленинский, Кутузовский, Комсомольский проспекты, были обновлены проспект Мира и Ленинградский проспект, другие столичные транспортные артерии. Расширение границ Москвы значительно увеличило расстояние от мест жительства до мест приложения труда. Необходимо было кардинально улучшить транспортное обслуживание, и в первую очередь строить новые линии метрополитена. Московский метрополитен после образования Большой Москвы становится основным видом столичного транспорта, значительно увеличив количество станций. Московский метрополитен обеспечил надежную транспортную связь многих новых районов с центральной частью столицы.

С образованием Большой Москвы открывались новые возможности рационального расселения столицы, её разуплотнения, исходя из высокой нормы жилищной обеспеченности на каждого человека. Возникли сложные градостроительные проблемы, связанные с развитием промышленности, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро. Необходимо было обеспечить условия для рассредоточения города путем создания городов-спутников. Образование Большой Москвы предус-

матривало завершение реконструкции старых жилых районов столицы, в том числе центра, а также населенных пунктов лесопаркового защитного пояса, создание лучших условий обеспеченности жильем москвичей. Планировочная структура Большой Москвы на основе новейших достижений науки и техники должна была гармонично развиваться в соответствии с совершенствованием всех отраслей городского хозяйства и транспорта.

Статья поступила в редакцию 26.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Москва // Правда. 1960. 19 авг.
2. Двинский Э.Я. Москва. Спутник туриста. М.: Московский рабочий, 1961. 480 с.

REFERENCES

1. Bol'shaya Moskva [Greater Moscow]. In: *Pravda*, 1960, 19 Aug.
2. Dvinskii E. Ya. Moskva. Sputnik turista [Moscow. Tourist's fellow traveller]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1961. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и образование «Большой Москвы» в 1960 году // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 216–220.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-216-220

FOR CITATION

Gorlov V. N.S. Khrushchev and the Formation of the "Big Moscow" in 1960. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 216–220.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-216-220

УДК 330.34:94(470+571)»1991/2017»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Маслов Д.В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Статья посвящена вопросу о влиянии стереотипов сознания и поведения индивида на проведение отечественных экономических реформ в конце 1980-х и 1990-е гг. Показано, что сама постановка проблемы содержит элемент научной новизны, т. к. в таком ракурсе история современных российских реформ практически не изучалась. Статья написана на основе комплекса как известных, так и ранее не использовавшихся историками источников – воспоминаний участников преобразований, дневников, данных социологических опросов (в т. ч. и проведенных автором статьи), материалов устной истории. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. В историографии преобладают работы, изданные за последние пять лет. Методология исследования основана на методах контент-анализа, методе биографических траекторий, акторном подходе, истории репрезентаций и других методах и подходах современного антропологического исследования. В результате выявлено, что изучаемые стереотипы активно влияли на проведение реформ, причем не только препятствуя их осуществлению, но и способствуя ему. Эти же стереотипы являлись своеобразным механизмом адаптации россиян к новым экономическим условиям. Рассмотрены наиболее распространенные стереотипы, указаны подходы к их классификации в целях данного исследования. В заключении сделаны выводы о значении стереотипов в истории современных российских экономических реформ.

Ключевые слова: стереотип, реформа, индивид, поведение, экономика, рынок, приватизация, государство, опросы.

ECONOMIC REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY AS THE TRANSFORMATION OF THE INDIVIDUAL'S STEREOTYPES OF BEHAVIOR

D. Maslov*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the influence of the individual's stereotypes of consciousness and behavior on the domestic economic reforms in the late 1980 and the 1990s. It is shown that the very formulation of the problem contains an element of scientific novelty, because in this perspective, the history of modern Russian reforms has not been studied. The article is

written on the basis of a complex of well-known and sources-memoirs of the participants of transformations previously unused by historians, as well as on the basis of their diaries and data of sociological surveys (including those conducted by the author), materials of oral history. Significant part of the sources is introduced into scientific circulation for the first time. The historiography is dominated by works published over the past five years. The research methodology is based on the methods of content analysis, the method of biographical practices, the actor approach, the history of representation and other methods and approaches of modern anthropological research. As a result, it was revealed that the studied stereotypes actively influenced the implementation of the reforms, not only hindering their implementation, but also contributing to it. These same stereotypes were a kind of mechanism of adaptation of the Russians to the new economic conditions. The most common stereotypes are considered. The approaches to their classification for the purposes of this study are indicated. In conclusion, the author draws conclusions about the importance of stereotypes in the history of modern Russian economic reforms.

Key words: stereotype, reform, individual, behavior, economic, market, privatization, state, polls.

Почему важен поворот историков к изучению стереотипов

Актуальность темы связана с повышением исследовательского интереса к роли человеческого фактора в переломные моменты истории. Модернизация позднего советского общества является процессом многоаспектным, однако, в отечественной и зарубежной историографии рассмотрены преимущественно социально-экономические и политические элементы указанного процесса. Кроме того, модернизация в научной литературе осваивается в основном на макроуровне общества, что оставляет недостаточно исследованным восприятие реформ на уровне отдельного индивида. Таким образом, из сферы научного изучения несколько выпадают те стороны процесса преобразования СССР в современное общество, которые представляют ход модернизации в сфере общественно-го сознания [исключения, касающиеся частных тем, представлены в социологической литературе – 11; 26; 27; 31]. Важнейшим элементом последнего являются стереотипы сознания и поведе-

ния рядового индивида, выражающие преемственность дореформенной и постреформенной эпох и представляющие собой своеобразное «наследство», полученное россиянином от советского человека. Суть проблемы данной статьи заключается в том, что слабая исследованность трансформации таких стереотипов затрудняет не только научное изучение модернизации в нашей стране, но и препятствует пониманию трудностей, с которыми связано практическое осуществление процессов обновления.

Отразить в небольшой статье все аспекты трансформации стереотипов советского человека, разумеется, невозможно. Поэтому ставится более узкая задача – показать, в какой мере само общество было предрасположено к намеченным преобразованиям экономики и какие стереотипы содействовали или мешали этим процессам.

Термин «стереотип» введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом в 1922 г. в книге «Общественное мнение» [35]. Под стереотипом Липпман понимал особую форму

восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал.

В мировоззрении советского человека стереотипы играли значительную роль. Они составляли существенный элемент официальной идеологии и служили человеку по-своему надежным ориентиром в социальном пространстве. Идеологические повороты периодически случались, но они не затрагивали основ миропонимания советского человека. Однако с началом горбачевской «перестройки» почти семьдесят лет формировавшиеся стереотипы начали рушиться, что стало в конце 1980-х гг. едва ли не одним из наиболее ощутимых признаков нового, особенно в отсутствие ожидаемых результатов экономических реформ. Причем некоторые стереотипы формировались в течение ряда столетий, но прочно вошли в сознание советского человека [исследование исторических факторов, определивших экономическое сознание россиян: 18]. Тем самым в 1990-е гг. наметился разрыв не только с «советизмом», но и с «русизмом» [11, с. 12]. Соответственно, хронологические рамки статьи охватывают период конца 1980–1990-е гг. – время, на которое приходится наиболее интенсивный период экономических реформ, сопровождавшийся переосмыслением стереотипов.

Есть основания полагать, что стереотипы, сложившиеся в экономиче-

ской сфере, сыграли в отечественных реформах новейшего времени особую роль. Идущие все эти годы дискуссии о результатах экономических преобразований 1990-х гг. зачастую игнорируют фактор влияния на поведение людей в сфере экономики сложившихся стереотипов. До сих пор нет специального исследования этого вопроса. Вместе с тем накопленный эмпирический материал заслуживает, на наш взгляд, обобщения.

Под носителем стереотипов в данной статье понимается среднестатистический советский (российский) гражданин, вступивший к началу реформ в активный возраст, в чьем сознании прочно закрепились рассматриваемые ниже стереотипы. Автор статьи вполне осознаёт, что в территориальных рамках СССР–России было и есть немало особенностей, вызываемых различиями по национальному, религиозному, территориальному и пр. признакам. В то же время в целях данной статьи представляется возможным ими пренебречь, т. к. стереотип как раз подразумевает наличие того общего, что объединяет людей независимо от различных факторов.

Источниковая основа исследования такого рода, как данное, имеет особенности. Прежде всего, автор привлёк источники, уже введенные в научный оборот, но практически не рассмотренные в интересующем нас ключе. К таковым отнесена та часть текстов официальных документов с середины 1980-х гг. (КПСС, СССР, РФ), которая отражает стереотипы поведения представителей правящей элиты страны, сформированные в более ранних условиях и по-прежнему востребованные в проведении реформ. Ставшее привыч-

ным недоверие к источникам такого рода не отменяет тот факт, что в них зафиксированы представления руководителей непосредственно периода реформ, не отягощенные последующими результатами преобразований.

Наиболее значимыми для целей данного исследования являются документы личного происхождения. Опубликованные многочисленные мемуары и дневники отражают стереотипы главным образом ключевых действующих лиц – политических и общественных деятелей. Есть основания полагать, что их позиции по интересующим нас вопросам далеко не всегда идентичны представлениям значительной массы рядовых граждан. Поэтому в исследованиях такого рода, как данное, эта часть мемуарной литературы привлекается в качестве своеобразного эталона для сравнения со взглядами граждан. Мемуары и особенно дневники последних публикуются, по понятным коммерческим причинам, гораздо реже. Тем не менее имеющиеся исключения представляют несомненную ценность [3; 13–15].

Наибольший интерес для целей статьи представляют неопубликованные источники личного происхождения. Эта практически неисчерпаемая группа источников представляет на сегодня весьма пестрый и почти необработанный комплекс материалов, собранных в последнее время разными путями.

Ценная информация содержится на сайтах социологических служб, занимавшихся сбором материалов уже в процессе проведения реформ¹. Эти

¹ См. базу данных результатов всероссийских опросов общественного мнения «Архивариус» ВЦИОМ, в которую внесе-

данные являются отражением взглядов респондентов именно на момент проведения преобразований. Кроме того, эти материалы служат основой для сопоставления с данными более поздних соцопросов и сведениями, почерпнутыми из иных источников.

Кроме того, автором статьи с участием студентов факультета истории, политологии и права МГОУ проводились опросы в 2017–2018 гг. Было опрошено более ста человек, представляющих различные категории населения. Основной возраст респондентов – от 45 до 80 лет. В социальном плане были представлены различные слои населения, в первую очередь, рабочие и служащие; участвовали и представители интеллигенции, жители сельской местности. География опроса в основном охватывала подмосковный регион; отражены и мнения тех, кто проживал за его пределами в Советском Союзе (России)². Таким образом удалось получить сведения, ценность которых определяется тем, что они отражают представления разных слоев населения с точки зрения сферы занятости, уровня доходов, возраста, образования.

Вместе с тем в последние годы начинается сбор воспоминаний рядовых участников отечественного преобразовательного процесса. Более сотни воспоминаний представлены на сайте Фонда ИНДЕМ (<http://indem.ru/Re90/Vo/PriPriVos.htm>). Продолжающийся

ны материалы за период с 1992 г. по настоящее время (https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=&text=pabota&logic=AND&in_q=on&day_f1=19&month_f1=12&year_f1=1992&ds=3&day_t3=19&month_t3=12&year_t3=2016&day_f2=&month_f2=&year_f2=&day_t2=29&month_t2=5&year_t2=2017)

² Анкеты № 1-114 / Личный архив автора.

и по сей день проект «Народная книга» собрал уже около трехсот воспоминаний¹, часть из которых только что опубликована [19]. Собираемые через социальные сети данные материалы ценны широтой своей тематики (авторы воспоминаний сами отбирали сюжеты и определяли характер их изложения). Кроме того, материалы весьма репрезентативны, т. к. содержат факты жизни разных категорий населения с точки зрения возраста, пола, образования, профессии, места жительства и пр. В анализе данных источников на первый план выходят востребованность гражданами тех или иных сюжетов, характер их освещения, динамика предпочтений и другие обстоятельства, особенно значимые для выявления именно стереотипов сознания и поведения.

Материалы опросов и воспоминаний, полученные в последние годы, требуют особо осторожного отношения. И хотя подобная исследовательская практика уже применялась в отношении более ранних периодов отечественной истории [1; 16; 25; 34], следует помнить об эволюции взглядов опрашиваемых под влиянием самых разнообразных факторов. Сопоставление таких материалов с источниками периода реформ отчасти позволяет обнаружить эту эволюцию. В то же время сам факт такой эволюции не может не заинтересовать исследователя, т. к. позволяет глубже изучить механизмы, влияющие на массовое сознание, в т.ч. и в плане складывания и преодоления различных стереотипов.

¹ На сайте «Народная книга: истории народной летописи» (<http://nk.ast.ru>) см. раздел «Были 90-х: семейные истории выхода из СССР, или «лихие» метаморфозы личной жизни».

Для идентификации определенных взглядов как стереотипов, важно установить связь представлений индивида периода реформ с устоявшимися представлениями предшествующего периода. Понятно, что такая связь может и не являться стереотипом, а отражать естественную преемственность взглядов. Характер стереотипа таким представлениям придает тот не вполне логичный факт сохранения устаревших в условиях общественных изменений взглядов, уже не вполне вписывающихся в новую социальную действительность.

Экономическая сфера выбрана для данного исследования прежде всего потому, что изменения именно в этой сфере являются наиболее ощутимыми для социального самочувствия индивида. И как раз с экономической сферы начались преобразования периода «перестройки».

Стереотипы экономического поведения советского человека

Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, значимые из таких стереотипов, характерные не только для обывателей, но и для руководителей страны.

Прежде всего, это стереотип целесообразности, возможности и полезности государственного управления и контроля над экономикой в той мере, в какой это сочтет нужным само государство. Суть стереотипа заключается в том, что в советский период в сознании общества прочно закрепились мысли о том, что государство является главным субъектом экономики. Данный стереотип – один из тех факторов, который мешал переводу экономики в русло рынка еще в горбачевский период. Согласно представлениям советских ру-

ководителей, экономика подвластна партийным решениям и не имеет иных законов, кроме воли партии.

В основе печально известного курса на ускорение социально-экономического развития лежало в том числе и стереотипное представление о способности экономики «подстраиваться» под партийные резолюции. Если в позднесталинский период руководство страны задумывалось о соотношении законов экономики и партийных решений [30], то в последующий период эта проблема всерьез на таком уровне не ставилась. Официальные документы свидетельствуют, что руководители страны периода «перестройки» не теряли веру в свою способность решить экономические проблемы директивным путем, что будет показано ниже. Не отставало в этом от своего руководства и население страны, даже его весьма образованная часть. Вполне передовой для того времени по взглядам актер и режиссер Р. Быков в 1987 г. сетовал на отсутствие закона «об инициативе и замене одних форм хозяйствования другими даже для общественных организаций» [3, с. 594]. Получалось, что даже инициатива общестственности должна регулироваться сверху!

Не менее значимую роль в определении экономической линии горбачевского руководства, особенно на начальном этапе перестройки, сыграло ставшее стереотипом еще со сталинских времен представление советских лидеров о необходимости «неуклонного» обеспечения количественного роста экономических показателей, что и выразилось в уже упомянутом курсе на «ускорение социально-экономического развития». Современные

исследователи убедительно показали, что проблемы советской экономики середины 1980-х гг. были связаны отнюдь не с ее отставанием по количественным показателям; требовалось иное качество роста, структурная перестройка [33, с. 62], чего горбачевская команда как раз и не смогла осуществить практически. Как было заявлено М.С. Горбачевым в 1986 г., под ускорением понималось прежде всего повышение темпов экономического роста, хотя тут же последовало напоминание о необходимости нового качества этого роста [20, с. 21].

При этом в процессе перестройки у ее лидеров укреплялось понимание, что количественным ростом показателей дело не должно ограничиться. На ключевом в этом плане пленуме ЦК КПСС в июне 1987 г. М.С. Горбачев особо подчеркнул, что «цели ускорения социально-экономического развития мы видим не только в том, чтобы преодолеть допущенное отставание... они направлены на достижение нового качественного состояния социалистического общества» [21, с. 7]. Но и в 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС генсек вынужден был признать сохранение стереотипного стремления к «валу» у хозяйственных руководителей разного уровня [7, с. 15]. Родившийся в годы индустриализации стереотип необходимости роста экономики во что бы то ни стало сохранялся в сознании руководителей и тогда, когда этот рост лишь усиливал и без того острые хозяйственные диспропорции. Сама терминология руководителей того периода включала в себя лексику, свидетельствующую, что корень проблем усматривался именно в количественном факторе – «тормо-

жение», «застой», «отставание», «неисчерпаемость преимуществ социалистического способа производства». С другой же стороны, одним из главных лозунгов начального периода перестройки являлся лозунг «больше социализма», в чем также просматривается особое внимание количественной стороне вопроса [8, с. 7]. Любопытно, что в своих более поздних текстах периода перестройки, а также в последних книгах М.С. Горбачев практически не возвращается к идее ускорения [9].

Новое качество экономического роста предполагалось осуществить, прежде всего, за счет перехода к интенсивному пути развития на основе научно-технического прогресса. Но реальная структурная перестройка экономики, как известно, предполагает необходимость оптимизации социальной политики. М.С. Горбачев же неизменно уверял, что «мы не можем встать на путь свертывания социальных программ» [10, с. 4]. И, действительно, социальные расходы государства росли вопреки возможностям экономики [29, с. 17 и далее]. Но и несколько позже, на Всесоюзной партконференции, Горбачев М.С. вновь заявил о том, что реформа ценнообразования не должна привести к снижению жизненного уровня населения и спада производства. Отдельные попытки горбачевской команды в этом направлении не шли дальше известного и ранее расширения прав предприятий. Ожесточенная дискуссия на Политбюро в декабре 1986 г. о повышении цен в розничной торговле закончилась безрезультатно [4, с. 117]. Стереотип государства, обязанного всегда и обо всех заботиться, прочно сидел в умах перестроечных руково-

дителей. Такое «чудо» предполагалось обеспечить за счет перенаправления госдотаций от производителей к населению в качестве компенсаций. При этом, по Горбачеву, государство ничего не выиграет от повышения цен, но и население ничего не потеряет [7, с. 21–23]. Что удивительно: речь шла о глубокой реформе, от которой, однако, должны выиграть все!

Вопрос о финансах еще не возникает, что иллюстрирует еще один экономический стереотип – представление руководства страны о некоей неэкономической природе денег, о деньгах как инструменте манипулирования экономикой в соответствии с партийными решениями. Размышления о природе денег проявятся лишь к концу 1980-х гг., когда экономическая ситуация существенно ухудшится. Причем размышления эти, по меркам сегодняшнего дня, выглядят банальными [23, с. 89].

За годы «перестройки», как свидетельствуют документы, руководству страны не удалось преодолеть и стереотип неприятия всего, что связано с частнособственническими отношениями. Так, уже в 1990 г. в подготовленной для XXVIII съезда КПСС Платформе ЦК «К гуманному, демократическому социализму» хотя и говорится о «полноценном рыночном хозяйстве» (термин тоже показательный; видимо, авторы испытывали внутренние сомнения), но тут же оговаривается необходимость централизованного планового воздействия на развитие производства и категорическое неприятие «отчуждения работника от средств производства и эксплуатации человека человеком». Само понятие «частная собственность» стыдливо заменялось невразумительной кате-

горией «трудовой индивидуальной собственности». Причем такой подход преподносился как «глубокая переработка отношений собственности» [17, с. 11–13]. Конечно, сказанное здесь является не очередным упреком в адрес горбачевской команды реформаторов, а констатацией связанности их сознания экономическими стереотипами уже на этапе начала перехода к рынку.

Но и новому поколению реформаторов из гайдаровской команды пришлось бороться не только с устаревшими экономическими отношениями, но и с их укорененностью в массовом сознании россиян.

В какой мере реформаторы начала 1990-х гг. учли этот фактор (в первую очередь, отказ от госрегулирования, особенно цен)? Судя по их воспоминаниям, они ожидали возможных волнений на почве роста цен на первом этапе, в январе 1992 г. С этой целью осуществлялся мониторинг ситуации по регионам с привлечением соответствующих подразделений силовых структур. Однако серьезных акций протеста не произошло. Почему же регистрируемая социологическими опросами народная боязнь роста цен не получила активного выражения? Очевидно, что в этой ситуации исследователь сталкивается с феноменом более сильным, чем воздействие стереотипа. Этот сюжет свидетельствует о том, что некоторые стереотипы не опасны для реформаторов, т.к. блокируются более мощными по значению факторами.

Негативное воздействие ряда стереотипов реформаторы ощутили в сфере денежного обращения, жесткий контроль над которой рассматривался ими как важнейшее условие перехода к рынку. В литературе с экономической

точки зрения хорошо изучен кризис неплатежей, охвативший экономику в первые годы реформ. Парадокс ситуации, на первый взгляд, заключался в том, что даже имея сомнительные шансы на оплату своей продукции, производители ее все равно поставляли. Объяснялось это в т. ч. стереотипом, основанном на представлении о том, что «отгруженная продукция раньше или позже, но неизбежно будет оплачена», что прочно сидело в головах директорского корпуса. Изживание данного стереотипа в дальнейшем минимизировало негативные последствия этой проблемы. Но еще в 1993 г. мысли некоторых российских реформаторов из команды Гайдара о том, что в условиях инфляции не следует бездумно инвестировать бюджетные средства в производство, к чему привыкли и хозяйственники, и государство в советское время, были непривычными для массового сознания. Но что было спрашивать с рядовых граждан, если даже глава правительства В. Черномырдин, как отмечает современник, «думает по-советски» [15, с. 180].

Стереотипы в сфере финансового обращения проявлялись не только внутри страны. Это и понятно, т. к. распад СССР не мог означать отказа от объединявших всё постсоветское пространство сложившихся моделей поведения. Гайдар писал, что «в республиках, где денежная политика мягкая, податливая, продукцию берут не торгуясь и не скупясь – денег не жалко, еще напечатаем» [6, с. 343]. Гайдар рассматривал это именно как проявление стереотипов дефицитной, бартерной экономики. Но это, в свою очередь, ставило под угрозу жесткую денежную политику в России.

Но и рядовые граждане не отставали в убежденности преодолеть экономические трудности «правильной» политикой и «мудрыми» решениями. В дневнике современника обнаруживаем факт общения Б.Н. Ельцина с гражданами в октябре 1992 г. во время его поездки в Астраханскую область. Ключевой вопрос населения президенту – когда перестанут расти цены [14, с. 519]. Очевидно, что в вопросе содержится подтекст, связанный с нерыночной убежденностью граждан в способности государства контролировать цены. Позднее и Гайдар признавал, что «сломать твердо укоренившееся в управленческих структурах и в общественном сознании представление о переходе к рынку прежде всего как о длинном списке товаров с регулируемыми ценами оказалось непросто» [6, с. 329].

Собранные мной анкеты также свидетельствуют, что даже переход к рыночным отношениям на рубеже 1980–90-х гг. представлялся большинству респондентов как поэтапный процесс с обязательным участием государства. Именно это участие, по мнению респондентов, обеспечивало бы «мягкое и продуманное» вхождение «простого народа» в рынок. Один из участников опроса даже провел историческую параллель с послевоенным временем, когда, по его мнению, не происходило обогащения «начальников» (как это случилось в 1990-е гг.), т. к. «старт был для всех одинаков». Примечательно, что в последнем случае респондент не обратил внимания на тот факт, что в послевоенные годы решались иные задачи, и речь о переходе СССР к рынку тогда не шла.

Нельзя не упомянуть и о встречающихся гораздо реже высказываниях опрошенных о том, «всё должно быть

в руках государства, никаких рынков не нужно. Рынок наделал миллиардеров, воров». Надо учесть и то обстоятельство, что прошедшие годы не изменили отношения многих «рядовых» граждан к тому, что существенная роль государства в рыночной экономике должна сохраняться. Есть основания полагать, что в этом случае мы имеем дело с весьма живучим стереотипом, имеющим значение и для понимания ситуации в современной России. Представления о роли государства в условиях рынка категорично, но с плохо скрываемым пессимизмом, отражено в следующем высказывании одного из опрошенных: «что было рынком – должно им остаться. Остальное в руках государства. Честного государства! Видимо, такое невозможно».

Собранные данные свидетельствуют также, что даже из тех, кто признается сегодня в позитивном отношении к переходу к рыночным отношениям, примерно две трети ожидали повышения благосостояния. Остальные разделились примерно поровну на тех, кто надеялся хотя бы сохранить достигнутое либо ожидал снижения уровня жизни. Очевидно, что столь высокий показатель количества тех, кто надеялся на рост благосостояния, свидетельствует о том, что, как и руководство страны, общество также стереотипно представляло себе рыночные реформы как не очень болезненный переход к чему-то «лучшему», причем с сохранением того позитивного, что было в советской экономике.

Становление рыночных отношений затруднялось и привычным стереотипом, что такой переход неизбежно предполагает «эксплуатацию наемного труда», что само по себе имело негатив-

ную коннотацию. Конечно, такой стереотип в дальнейшем не раз проявлялся и отнюдь не содействовал реформам. Примечателен в этом отношении такой диалог приехавшего в Россию в 1994 году американского фермера с руководителями бывшего колхоза:

«Когда вступительная часть была закончена, один немолодой агроном, какой-то взлохмаченный и с огнем в глазах, глядя то на гостей, то на своего начальника спросил:

– Так сколько у вас земли?

– 2500 га, – повторила переводчица, я кивнул.

– А сколько у вас наёмных рабочих? – спросил он, торжествующе оглядывая коллег.

– У нас нет наёмных рабочих, мы работаем только с женой, – сказал американец.

– Как это нет? – не понял агроном.

Он видимо хотел выставить фермера эксплуататором, а тот уворачивался.

– У нас немного земли, и нам не выгодно брать рабочих, – сказал фермер.

– Что вы нас за дураков держите! Как это нету? Две с половиной тысячи гектаров и нету рабочих? Да этого не может быть! – горячился агроном.

Американцы переглядывались, явно не понимая, от чего возмущается этот господин. Переводчица в мягкой форме пыталась объяснить причину недовольства.

– Я работаю на комбайне, а жена на большом грузовике отвозит зерно в ближайший кооператив, – пытался объяснить американец.

– Да они подсланы специально, не может такого быть – столько земли, почти наш колхоз, и без наёмных рабочих, – продолжал настаивать агроном, – Это американская пропаганда!

Американцы были озадачены.

– Что не нравится этим господам? – спросили они у меня.

Я не силён в вежливых формах и сказал прямо:

– Они говорят, что вы врете, не могут два человека обработать столько земли.

Семейная пара посовещалась, что-то вспомнили и муж сказал:

– Да действительно, иногда, когда урожай очень хороший, мы приглашаем соседа и он на своей машине, помогает нам вывозить зерно.

Продолжать не имело смысла. Эти люди жили в разных измерениях. Одни не могли понять, зачем нанимать кого-то, если можно эту работу выполнить самим» [22]. Очевидно, что боязнь рынка подпитывалась плодами многолетней официальной советской пропаганды, преодолеть которую было непросто даже во «вполне рыночном» 1994 г.

Тем более неудивительно, что попытки продвинуть новые экономические идеи в самом начале 1990-х гг. наталкивались на стереотипы даже со стороны специалистов-экономистов. Один из авторов воспоминаний так рассказал о защите своей дипломной работы в 1990 г. по непривычной по тем временам теме «Арендное рыночное предприятие в строительстве»:

«На защите – откровенный вопрос «красной профессуры»: «От таких методов строительства в СССР будет безработица. Ведь занятость дают ежегодные ремонты. Вы построили и ушли. Зачем вам о заказчике заботиться?». Да, совсем не по Форду. Я отвечаю комиссии: «Разве у нас в стране уже всё построено? Дороги хорошие? Все семьи качественным жильем обеспече-

ны?». Профессоров то в жар, то в холод бросало, меняли краску лица, как хамелеоны» [5]. Стереотипы такого рода порождались попыткой механически перенести представления о советской плановой экономике на рыночные отношения.

Труднопреодолимым стереотипом поведения советского человека, привыкшего к тому, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг мое», стали в 1990-е гг. хищения имущества частных фирм их сотрудниками. Показательно, что сами хищения в качестве таковых виновными практически не воспринимались. Один из организаторов частного бизнеса вспоминал позднее:

«За многие годы “через мои руки” прошло такого народа человек сорок. За редчайшим исключением, это все были милейшие люди. Но, как я ни старался и что только не придумывал, справиться с их не убиваемой тягой что-нибудь скомуниздить мне не удалось. Водитель, по кличке Башка, «облагодетельствованный» в силу служебного положения и казавшийся весьма надежным, сначала убедил разрешить ему «для пользы дела» ставить машину около своего дома, а затем через пару месяцев организовал ее угон в одну из южных республик. Не столь выразительной, но весьма характерной, оказалась моя борьба со сторожами на автостоянке. Часть мест использовалась для хранения товарных автомашин, часть – по договорам долговременного хранения (паркинг), а на свободные сторожа ставили так называемых «суточников». Убедить своих работников в необходимости сдавать всю суточную выручку в кассу, было выше человеческих сил. Все кивали, соглашались, но хотя бы часть

выручки присваивали. Что только я не придумывал: наказания, увольнения, специальные стимулирующие формы оплаты – без толку! – Александр Иванович – говорю – зачем ты уворовал этот полтинник (пятьдесят рублей), я же в конце месяца у тебя тысячу вычту или вообще премии лишу? – Тык на сигареты – отвечает с рассеянной улыбкой... Такое поведение никак не укладывалось в моей голове, я не находил логики. Как-то удалось, побеседовал по душам с бригадиром и картина прояснилась. Детская и абсолютно искренняя уверенность: раз это «Я» поставил машину на стоянку, то это мои законные деньги. Раз он тут сидит, то это его лампочки, а скребок, которым он чистит снег – тоже его, он же им работал! Вот такие представления о собственности. Нет, они, конечно, знали, что я собственник (хозяин), но это было крайне размытое и малопонятное представление. Все воспринималось скорее всего как-то по-советски. Собственник – это тот же директор, поставленный государством, чтобы платить зарплату и отвечать за все. Зарплата – это пособие на жизнь, а рабочее место – это место «кормления». Знакомо, не правда ли?!» [5].

Примечательно, что даже суровые финансовые санкции не останавливали любителей мизерных хищений. Очевидно, что в подобных случаях стереотипы оказывались сильнее элементарной экономической логики. В то же время с началом рыночных реформ было поставлено под сомнение уже сложившееся представление о том, что частное априори лучше государственного. Современник отмечает в 1992 г. разрушение расчетов «теоретиков» о том, что частный магазин – это чест-

ный магазин, а обсчет и обвес в советской торговле был связан исключительно с низкой зарплатой продавцов и «ничейной» собственностью. По его наблюдениям, и в приватизированном магазине эти явления наблюдаются, и даже репутацией магазина никто не дорожит [14, с. 266]. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело сразу с рядом взаимосвязанных стереотипов, построенных по одному принципу: «хорошо чего у нас нет, хорошо там, где нас нет».

В последнем случае следует упомянуть о распространенном в начале 1990-х гг. представлении, что все западное – «лучшее». Участие в том или ином проекте зарубежной структуры рассматривалось как гарантия выполнения обязательств. В дневнике современника находим характерную для того времени фразу обывателя: «Не думаю, что западная фирма способна нас обмануть». Другой гражданин вообще счастлив заключением контракта с зарубежной организацией: «Это манна небесная на нас упала!» [14, с. 190]. В подобных высказываниях проявлялся стереотип, связанный с присущим россиянам своеобразным комплексом, который в известные времена даже именovali космополитизмом. Очевидно, что смена времен и режимов отнюдь не приводит к автоматическому изживанию порожденных ими комплексов. Тем более, что приверженность населения нерыночным стереотипам проявлялась отнюдь не только в начале 1990-х гг., когда это выглядело вполне естественно.

Не всегда стереотипы начального этапа реформ преодолевались. Достаточно вспомнить «гречневый кризис» 2014 г., окрещенный журналистами

как «синдром гречки» [28]. Проявление данного стереотипа тем удивительнее, что от начала рыночных преобразований к тому времени минула уже почти четверть века. Очевидно, что даже довольно значительный для одного поколения социальный опыт недостаточен для преодоления таких стереотипов.

Но были и стереотипы, которые постепенно изживались. Известно, что с началом реформ обнаружилось стремление части населения к легкому благополучию. За этим скрывалось стереотипное представление, что «кто-то о нас позаботится». Ярким примером этого стало активное вовлечение в 1990-е гг. населения в финансовые пирамиды. Рассматривая историю самой известной из них – «МММ» – эксперт отмечает, что «когда Мавроди, отбыв наказание, вышел на свободу и попытался повторить свои аферы 90-х гг., то ему это сделать не удалось: те пирамиды, которые он создавал позже, были намного менее масштабны, чем пресловутая МММ. Очевидно, что лучший способ борьбы с финансовыми пирамидами – это вовсе не запреты разного рода, а рост финансовой грамотности» [32]. По мнению же А. Чубайса, в этом нашло отражение «извечное стремление граждан к халяве» [24, с. 190–191].

Пирамида «МММ» рухнула в 1994 г., однако, отнюдь не вследствие роста финансовой грамотности населения. Последующее избрание организатора «пирамиды» С. Мавроди в Государственную думу свидетельствует, что крах его начинания немало граждан связывало не с порочностью самой затеи, а с «кознями» государства. Тем более, что в эти же годы благополу-

но существовали другие структуры подобного рода. И все-таки данный стереотип по мере укрепления рыночных отношений утрачивал свою значимость, люди постепенно, нередко на собственном печальном опыте, осознавали, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Постепенно у россиян складывалось понимание, что привычный мир рушится, а вместе с этим становятся бесполезными и даже вредными сложившиеся стереотипы сознания и поведения. Так, в ряде случаев, вполне в соответствии с «духом времени», на различные общественные должности избирались «шустрые» люди, способные «схитрить» в интересах своих доверителей (один из таких случаев в элитном садовом товариществе описывает Ю. Болдырев [2]).

Экономические реформы вели и к разрушению стереотипов, связанных с социальным статусом индивидов. Уходило в прошлое привычно благоговейное отношение к тем, кто «состоит при дефиците», как к «касте» избранных. Переход к свободе торговли, например, существенно понизил социальный статус продавца, завскладом и т.п. лиц, т.к. утрачивалась экономическая основа их «могущества» – дефицит. «Переход к нормальной денежной экономике с доминирующим положением покупателя означал для государственной торговли крах не только устоявшихся стереотипов, но и социального престижа, положения в обществе» [6, с. 332–333].

В ряде же случаев можно наблюдать даже укрепление стереотипов, в частности, в процессе приватизации 1990-х гг. Стереотипным здесь является сложившееся в советский период негативное отношение в обществе к частной

собственности. Интеллигенция осталась недовольна чековой приватизацией, т. к., являясь образованной частью населения, пострадала больше, чем необразованная. И потому, как пишет А. Чубайс, что пыталась вложить ваучеры «с умом» – не в акции какого-нибудь заводика, а в солидные чековые инвестиционные фонды. Эти фонды поглотили четверть всех ваучеров, но приобретено было на них только 10% акций. Но именно потому, что обманутой ощущала себя прежде всего интеллигенция, наиболее образованная часть общества, недовольство приватизацией приняло столь массовый характер [24, с. 141].

Естественно, причины негативного отношения к приватизации лежат не только в сфере психологии. Но благодаря, в том числе, и негативному освещению хода приватизации значительной частью СМИ, усиливалось общее отрицательное отношение к этому процессу, а сам стереотип отрицательного отношения к частной собственности в какой-то мере даже укреплялся. Тот факт, что большинство россиян без особых эксцессов восприняли результаты «грабительской приватизации», ряд исследователей объясняет тем, что частные предприятия на практике всё-таки доказали свою эффективность, в магазинах исчезали очереди, а полки в них наполнялись товарами [12, с. 193]. Если согласиться с таким объяснением, то следует признать, что позитивные сдвиги в неприглядной в целом социальной реальности 1990-х гг. лучше агитировали против устоявшихся стереотипов, чем предвыборные лозунги левых политиков или кампания против радикал-реформаторов в СМИ.

Однако парадоксальным образом стереотипы не только мешали про-

ведению приватизации, но и **использовались ее инициаторами в своих целях**. В ситуации 1993–1994 гг., когда приватизацию приходилось буквально «пробивать», она осуществлялась не только экономическими методами, но и по указаниям из центра. Тем самым реформаторы использовали привычку руководителей на местах к подчинению власти вне зависимости от идущих от нее решений. Стереотип правящей элиты, выражающийся в приверженности командному стилю управления, использовался не только при проведении приватизации, но и в интересах реформ в условиях перехода к рынку в целом [24, с. 199].

Любопытно, что абсолютно рыночное по сути мероприятие – приватизация – проводилось порой вполне советскими методами. В частности, в регионы были спущены плановые задания по приватизации [24, с. 146]. Не надеясь дожидаться инициативы местных руководителей, центральная власть использовала понятный им язык. И что важно – это давало свои результаты. Очевидно, что, вопреки существующему представлению, стереотипы могут оказывать на реформы и благотворное влияние, если сами реформаторы грамотно используют их (стереотипов) преобразовательный потенциал. Однако любой стереотип имеет свои хронологические границы «жизни» и постепенно вытесняется новыми реалиями. Указы Президента России по приватизации еще в начале 1990-х гг. выполнялись беспрекословно, но уже в конце 1990-х гг. этого не было [24, с. 201].

«Командный стиль» проведения приватизации проявлялся и на уровне воздействия на массовое сознание,

из которого еще не выветрился стереотип уважительного отношения к «начальственному слову». Так, на завершающем этапе чековой приватизации положительный для реформаторов эффект имел рекламный ролик, в котором актер в образе большого начальника в категорической форме давал указание получить приватизационный чек.

История приватизации показывает, что стереотипы имеют свою «национальность». Красивая реклама приватизации, сделанная приглашенными западными специалистами, была оторвана от российской почвы и потому могла лишь усилить и без того существенное непонимание этого процесса в обществе, а потому была отвергнута командой российских реформаторов [24, с. 215].

Принято считать, что экспроприации прошлого и репрессии породили в народе страх перед государством. Якобы люди не торопились включаться в реформы из-за страха перед государственной машиной. Но реформаторам дело представлялось еще хуже, т.к. приходилось бороться с устойчивым недоверием народа к государству. Столкнувшись с проблемой размещения ваучеров, народ рассуждал привычно: зачем связываться с этим «дурацким» государством [24, с. 231–234].

В осуществлении рыночных реформ в России нельзя игнорировать стереотипы, связанные и с ролью внешнего фактора в преобразованиях. Для значительного числа советских людей Запад, несмотря на внешнее сближение с СССР при Горбачеве, оставался не другом. Поэтому не случайно, что тяготы перехода к рынку ассоциировались в общественном мнении россиян

с вредным влиянием Запада в форме якобы чуждых нашей жизни рецептов, стремлением Запада разорить Россию экономически, вмешиваться в ее внутренние дела, участием иностранных консультантов и т.п. В этом случае мы имеем дело с давним историческим стереотипом неизбежности противостояния России и Запада.

Естественно, подпитку данному стереотипу давала активизация взаимодействия России и Запада в условиях перехода нашей страны к рыночным отношениям. Полноценное исследование роли «фактора Запада» в российских реформах еще впереди, имеющиеся же источники свидетельствуют, что взаимодействие отечественных реформаторов с западными советниками и институтами носило сложный и отнюдь не всегда соглашательский характер. Тем не менее в сознании большинства россиян и по сей день остается устойчивое представление о том, что реформы были проведены «по указке Запада, МВФ» и т.п., чем во многом и объясняются обычно их негативные последствия. Устойчивость стереотипа подогревается и тем, что его активно подпитывают своими авторитетными суждениями политики и обществоведы. В условиях обострения отношений России с Западом данный стереотип воспринимается обществом как доказанный самой жизнью, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, фиксирующих рост недоверия россиян к Западу в последние годы. Тем самым стереотип обретает «второе дыхание» и становится в какой-то мере одним из немногих символов современного общественного консенсуса.

Заключение

Подводя итоги, назовем основные результаты проведенного исследования. Прежде всего, отметим, что рассмотренные стереотипы являются порождением особенностей отечественного исторического процесса и одним из значимых факторов социокультурной составляющей процесса модернизации России. Противоречивость и неоднозначность результатов экономических реформ в России объясняется не только ошибками реформаторов или изъянами плана реформирования, но и укорененностью в массовом сознании целого ряда стереотипных представлений о «нормальной» экономике. Изучение процесса трансформации исторических стереотипов в сфере экономического сознания свидетельствует об их устойчивости и относительной независимости от текущей экономической ситуации. Очевидно, что экономические стереотипы являются одним из важных факторов, определивших характер и предварительные результаты рыночных экономических преобразований в России, а их учет позволит избежать лишних ошибок в дальнейшей трансформации отечественной экономики.

Выявленные стереотипы можно условно классифицировать с точки зрения их дальнейшей «судьбы» на те, которые в целом преодолевались; те, которые укреплялись; и те, которые трансформировались в какие-то новые модели поведения индивида. Подчеркнем, что даже базовые экономические стереотипы дореформенного времени не преодолены и по сей день. Данные многих исследований свидетельствуют, что россияне сегодня хотят капитали-

стического благосостояния, но с социальной справедливостью. Тем самым становится очевидным, что проблема отказа от устаревших стереотипов не является только вопросом времени. Не исключено, что не преодоленные до сих пор, хотя и не вполне соответствующие новым реалиям экономические стереотипы надолго останутся характерной чертой сознания и поведения рядовых россиян и будут определять развитие отечественной экономики.

Еще одним критерием классификации стереотипов может являться их соответствие замыслам реформаторов. С этой точки зрения стереотипы представляется возможным классифицировать как на противоречащие таким целям, так и на содействующие им (какие-то стереотипы могут оказаться в рассматриваемом аспекте и нейтральными). Вопреки распространенному мнению, стереотипы не только затрудняют проведение преобразований, но в случае осознания их реформаторами могут использоваться и в целях проведения реформ. В последнем случае это обеспечивает менее болезненное протекание реформаторских процессов. Почву для этого создает то обстоятельство, что в условиях быстрых изменений окружающей жизни обыватель психологически предрасположен к позитивной реакции на обращение реформаторов к таким стереотипам, напоминающим ему о прежней «устроенной» и понятной жизни, возвращающим обывателю привычные способы решения новых проблем. Данное обстоятельство явно недостаточно учитывается в изучении современных отечественных реформ. Поэтому от умения реформаторов зависит возможность превращения сте-

реотипов из «врагов» в «союзников» в деле преобразований. В целом же для значительной части наших граждан стереотипы сыграли препятствующую менее болезненной адаптации к рынку роль, затруднив и растянув во времени данный процесс. Признание этого факта дает одно из объяснений непростой истории становления рыночных отношений в России в 1990–2000-е гг.

Изучение трансформации стереотипов в условиях рыночных реформ в России, далее, ставит и вопросы теоретико-методологического характера. Главный из них – всегда ли реформы в качестве исходной цели должны ставить улучшение жизни людей. Именно с таким стереотипным представлением сталкиваешься каждый раз, когда изучаешь представления граждан о том, чего они ожидали от перехода к рынку. Но что значит «улучшение»? Материальное? Но его параметры не ясны даже для самого населения и весьма подвижны. К тому же потребности граждан также растут, вследствие чего меняется и само наполнение «улучшения». Улучшение для одних может означать ухудшение или стабильность для других (о чём, кстати, также свидетельствуют данные опросов) и т. д. Структурные реформы могут на какое-то время ухудшить жизнь части населения. Перечень таких вопросов можно продолжать. Очевидно поэтому, что само представление о цели любой реформы исключительно как улучшении жизни населения также является стереотипом и не может восприниматься наукой как положение, пригодное для исследования реформ вне их исторического контекста. Но эти вопросы еще нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Таким образом, смена стереотипов – процесс неизбежный, но наиболее длительный по сравнению с другими направлениями модернизации общества. Многие проблемы, связанные с незавершенностью и противоречи-

востью модернизации России в современное общество, следует искать в незавершенности процесса трансформации стереотипов в сознании значительной части населения.

Статья поступила в редакцию 18.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Болдырев Ю.Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Форум, 2003. 432 с.
3. Быков Р.А. Я побит – начну сначала!: Дневники. М.: АСТ, 2010. 761 с.
4. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 784 с.
5. Высоцкий С. Мои 80-е. Мои 90-е // 90-е: История Великого Поворота [сайт]. – URL: http://indem.ru/Re90/Vo/13moi80e90_1.pdf (дата обращения 15.09.2018).
6. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. 557 с.
7. Горбачев М.С. О ходе реализации решений 27 съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 94 с.
8. Горбачев М.С. Молодежь – творческая сила революционного обновления: Выступление на XX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16 апреля 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 31 с.
9. Горбачев М.С. Наедине с собой. М.: Грин Стрит, 2012. 688 с.
10. Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 32 с.
11. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
12. Елькин Д. Россия переворачивает страницу. Исторические зарисовки конца постсоветского периода. 2007–2014. М.: Центрполиграф, 2015. 575 с.
13. Зенькович Н.А. 1991. СССР. Конец проекта. М.: ОЛМА, 2009. 576 с.
14. Зенькович Н.А. 1992. На руинах советской империи. М.: ОЛМА, 2009. 592 с.
15. Зенькович Н.А. 1993. Честная хроника безумных дней. М.: ОЛМА, 2010. 640 с.
16. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
17. К гуманному, демократическому социализму: Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. М.: Политиздат, 1990. 32 с.
18. Кричевский Н.А. Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера. М.: Дашков и Ко, 2016. 304 с.
19. Маринина А. Были 90-х. Т.1: Как мы выживали. М.: ЭКСМО, 2017. 350 с.; Были 90-х. Т. 2: Эпоха лихой святости. М.: ЭКСМО, 2017. 384 с.
20. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 112 с.

22. Мельник В.О. Американцы в России. Фермер / 90-е: История Великого Поворота [сайт]. – URL: <http://indem.ru/Re90/Vo/05AmerFerder.htm> (дата обращения 29.09.2018).
23. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра. М.: Московский рабочий, 1990. 255 с.
24. Приватизация по-российски / Под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. 367 с.
25. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
26. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
27. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
28. Сидорчик А. «Синдром гречки», или как россияне создают кризис там, где его нет [17.11.2014] / Аргументы и факты [сайт]. – URL <http://www.aif.ru/society/opinion/1383135> (дата обращения 28.09.2018).
29. Синельников С. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М.: Евразия, 1995. 316 с.
30. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. 647 с.
31. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
32. Эксперт рассказал, чем был обусловлен успех Мавроди [26.03.2018] / РИА Новости [сайт]. – URL: https://ria.ru/radio_brief/20180326/1517286024.html (дата обращения 26.09.2018).
33. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
34. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2006. 384 с.
35. Lippman W. Public Opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922, 427 p.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu.V. Khrushchevskaya «ottepel» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and the public mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 622 p.
2. Boldyrev Yu.Yu. O bochkakh meda i lozhkakh degtya [On barrels of honey and spoons of tar]. Moscow, Forum Publ., 2003. 432 p.
3. Bykov R.A. Ya pobit [I'm beaten]. Moscow, AST Publ., 2010. 761 p.
4. V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991). Sost. A. Chernyaev, A. Veber, V. Medvedev [In the Politburo of the CPSU Central Committee... records of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985–1991). Comp. A. Chernyaev, A. Weber, V. Medvedev]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2006. 784 p.
5. Vysotskii S. Moi 80-e. Moi 90-e. In: *90-e: Istoriya Velikogo Povorota* [My 80s, My 90s. In: *The 90s: the story of the Great Turn* [website]. Available at: http://indem.ru/Re90/Vo/13moi80e90_1.pdf (accessed: 15.09.2018).
6. Gaidar E.T. Dni porazhenii i pobed [The days of defeats and victories]. Moscow, Vagrius Publ., 1996. 557 p.
7. Gorbachev M.S. O khode realizatsii reshenii 27 s"ezda KPSS i zadachakh po uglubleniyu perestroiki. Doklad na XIX Vsesoyuznoi konferentsii KPSS 28 iyunya 1988 g. [On the implementation of the decisions of the 27 Congress of the CPSU and the tasks of deepening the perestroika. Report on the XIX all-Union CPSU conference on 28 June 1988]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 94 p.

8. Gorbachev M.S. Molodezh' – tvorcheskaya sila revolyutsionnogo obnoveniya: Vystuplenie na XX s"ezde Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi 16 aprelya 1987 g. [Young people - the creative force of the revolutionary renewal: Speech at the XX Congress of all-Union Leninist Communist Youth Union on 16 April 1987]. Politizdat Publ., 1987. 31 p.
9. Gorbachev M.S. Naedine s soboi [Alone with myself]. Moscow, Grin Strit Publ., 2012. 688 p.
10. Gorbachev M.S. Korennoi vopros ekonomicheskoi politiki partii. Doklad na soveshchanii v TSK KPSS po voprosam uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa 11 iyunya 1985 g. [The fundamental question of the economic policy of the party. Report on the meeting in the CPSU Central Committee on questions of accelerating scientific and technological progress June 11, 1985]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 32 p.
11. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of the Russians of the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1. The Era of Khrushchev]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 624 p.
12. El'kin D. Rossiya perevorachivaet stranitsu. Istoricheskie zarisovki kontsa postsovetского периода. 2007–2014 [Russia turns over the page. Historical sketches of the late post-Soviet period. 2007–2014]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 575 p.
13. Zen'kovich N.A. 1991. SSSR. Konets proekta [1991. The Soviet Union. The end of the project]. Moscow, OLMA Publ., 2009. 576 p.
14. Zen'kovich N.A. 1992. Na ruinakh sovetskoi imperii [1992. On the ruins of the Soviet Empire]. Moscow, OLMA Publ., 2009. 592 p.
15. Zen'kovich N.A. 1993. Chestnaya khronika bezumnykh dnei [1993. Honest chronicle of the crazy days]. Moscow, OLMA Publ., 2010. 640 p.
16. Zubkova E.YU. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost', 1945–1953 [The postwar Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.
17. K gumannomu, demokraticeskomu sotsializmu: Platforma TsK KPSS k XXVIII s"ezdu partii [To the humane, democratic socialism: Platform of the Central Committee of the CPSU XXVIII Congress of the party]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 32 p.
18. Krichevskii N.A. Nasledie protivorechii. Istoki russkogo ekonomicheskogo kharaktera [The legacy of contradictions. The origins of the Russian economic nature]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2016. 304 p.
19. Marinina A. Byli 90-kh. T. 1: Kak my vyzhivali; T. 2: Epokha likhoi svyatosti [True story of 90th. Vol. 1: We've survived.; vol. 2: The era of the dashing of holiness]. Moscow, EKSMO Publ., 2017. 384 p.
20. Materialy XXVII s"ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [The materials of the XXVII Congress of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 352 p.
21. Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 25–26 iyunya 1987 g. [Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee, June 25–26, 1987]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 112 p.
22. Mel'nik V.O. Amerikantsy v Rossii. Fermer. In: 90-e: Istoriya Velikogo Povorota [Americans in Russia. The farmer. In: *The 90th: The story of the Great Turning* [website]. Available at: <http://indem.ru/Re90/Vo/05AmerFermer.htm> (accessed: 29.09.2018).
23. Narodnye deputaty SSSR: ekonomika segodnya i zavtra [Deputies of the USSR: Economics today and tomorrow]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 255 p.

24. Privatizatsiya po-rossiiski [Privatization in the Russian way, ed. by A.B. Chubais]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 367 p.
25. Pyzhikov A.V. Khrushchevskaya «ottepel'» [Khrushchev's "thaw"]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 511 p.
26. Raleigh D. Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane [Soviet baby-boomers. The postwar generation talks about themselves and their country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 544 p.
27. Sigman C. Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva [Political clubs and Perestroika in Russia: Opposition without dissent]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.
28. Sidorchik A. «Sindrom grechki», ili kak rossiiane sozdayut krizis tam, gde ego net [The "syndrome of buckwheat", or how the Russians created a crisis where there is none] [17.11.2014]. In: *Argumenty i fakty* [Arguments and facts [website]]. Available at: <http://www.aif.ru/society/opinion/1383135> (accessed: 28.09.2018).
29. Sinel'nikov S. Byudzhetniy krizis v Rossii: 1985–1995 gody [Budget crisis in Russia: 1985–1995]. Moscow, Evraziya Publ., 1995. 316 p.
30. Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii. 1947–1953 gg.: Dokumenty i materialy (sost.: V.V. Zhuravlev, L.N. Lazareva) [Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947–1953.: the Documents and materials. Ed. V.V. Zhuravlev, And L.N. Lazarev]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 647 p.
31. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was for good and all until it finished. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.
32. Ekspert rasskazal, chem byl obusloven uspekhn Mavrodi [The expert explained what Mavrodi's success was due to] [26.03.2018]. In: RIA news [website]]. Available at: https://ria.ru/radio_brief/20180326/1517286024.html (accessed: 26.09.2018).
33. Shubin A.V. Paradoksy perestroiki. Upushchennyi shans SSSR [Paradoxes of the perestroika. The lost chance of the USSR]. Moscow, Veche Publ., 2005. 480 p.
34. Shubin A.V. Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR [Dissidents, nonconformists and freedom in the Soviet Union]. Moscow, Veche Publ., 2006. 384 p.
35. Lippman W. Public Opinion. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922, 427 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)»), № 18-09-00063а).

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund (Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, No. 18-09-00063a).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Dmitry V. Maslov – doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д.В. Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивида // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 221–241. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241

FOR CITATION

Maslov D. Economic Reforms in Modern Russian History as the Transformation of the Individual's Stereotypes of Behavior. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 221–241.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241

УДК93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-242-250

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Осина О.В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Преобразования в СССР во второй половине 80-х гг. XX в., вошедшие в историю как «перестройка», определили изменение политического переустройства государства, его экономической основы, социальной структуры, а также общественно-политической жизни советского общества. Необходимость изучения грандиозных изменений в общественно-политическом сознании в период перестройки и актуальна, и закономерна. Автор анализирует состояние экономики и социально-бытовой сферы советского общества к середине XX в. Приходит к выводу о неизбежности системных трансформаций.

Ключевые слова: СССР, КПСС, ускорение, перестройка, реформы М.С. Горбачева.

BACKGROUND AND MAIN DIRECTIONS OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS IN THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

O. Osina*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The transformations in the USSR in the second half of the 1980s, which went down in history as "perestroika", determined the change in the political restructuring of the state, its economic basis, social structure, as well as socio-political life of the Soviet society. The need to study the grandiose changes in the socio-political consciousness in the period of perestroika is both relevant and natural. The author analyzes the state of the economy and social sphere of the Soviet society by the middle of the XX century. It is concluded that the need of system transformations is inevitable.

Key words: the USSR, the CPSU, speeding-up, "perestroika", M.S. Gorbachev's reforms.

Социально-экономические реформы в Советском Союзе во второй половине XX в., получившие в финальной фазе общее название «перестройка», по мнению ее авторов, должны были привести к кардинальным преобразованиям в экономической основе государства, ее политической системе и улучшению материального благосостояния граждан. Объективно перестройка явилась следствием публично не высказываемых, но реально существующих запросов общества к переменам. Эти перемены определили изменения политического и территориального переустройства государства, его экономической основы, социальной

структуры, а также общественно-политической жизни советского общества. Необходимость изучения грандиозных изменений в общественно-политическом сознании в период перестройки и актуальна, и закономерна.

Изучение теоретических основ реформ 80-х гг., первых и конечных итогов их реализации, вероятно, надолго останется актуальной исторической проблемой.

Даже беглый анализ развития и состояния экономики и социально-бытовой сферы советского общества к середине XX в. удивляет исследователей. Советский народ в исторически короткие сроки дважды восстановил народное хозяйство, разрушенное двумя мировыми войнами и гражданским противостоянием революционных и консервативных слоев общества. Трудом поколений советских граждан был не только воссоздан, но и углублен экономический, научно-технический и культурный потенциал российского государства.

По прошествии времени граждане бывшего СССР все чаще в быту и средствах массовой информации констатируют наличие элементов коммунистического общества: государственной системы здравоохранения и образования. Безработица, экономические кризисы, классовая и национальная вражда были знакомы нашим согражданам по сообщениям печати в качестве язв капитализма в других государствах.

Безусловно, правящая элита неоднократно проводила различные социально-экономические реформы. Их содержание, главным образом, определялось взаимодействием и противоборством двух сложившихся к 1960-м гг. тенден-

ций: с одной стороны, к обновлению социализма, а с другой – к консервации той модели социализма, которая реализовывалась И.В. Сталиным. Первую питали граждане, которые все больше ощущали и осознавали потребность в коренном обновлении всей системы функционирования и развития социализма как общественного строя. Вторую тенденцию определяло руководство КПСС и Советского государства, у которых не было ясного понимания взаимосвязи между осуществлением назревавших перемен в обществе и обновлением политико-идеологического арсенала самой партии, приступившей к осуществлению этих перемен.

Замыслы, и даже предпринимавшиеся преобразования, нередко соответствовали духу времени, но в конечном счете они обесценивались и не доводились до конца. Это происходило потому что, эти преобразования решались старыми, административно-командными методами, на основе устаревшего представления о социализме. Изменение устоявшихся порядков – очень трудный процесс, хотя бы потому, что советская система, сложившаяся к 1950-м гг., стала привычной для народа.

В 1960–1980-х гг., впервые за много лет, появилась возможность для демократизации общественных процессов, но мощные силы, заинтересованные в сохранении административной экономики и авторитарной политики, тормозили этот процесс [3]. Поэтому все преобразования носили организационно-технический характер. Создавались и ликвидировались министерства, отраслевая организация заменялась территориальной (совнархозы) и снова отраслевой. Общие же

принципы директивного управления оставались нетронутыми.

Для того, чтобы понять, как в стране происходил процесс нарастания системного кризиса, можно обратить внимание на труды Абрамовой Ю.А., Белоусова Р., Полюнова М.Ф. Становится очевидно, что когда у власти находился Н.С. Хрущев, все же делались попытки сравнительно радикальных преобразований [1]. В конце 1950-х гг. Хрущев начал говорить о необходимости внесения изменений в социально-политическую и экономическую политику Советского государства, о развитии производства средств потребления. Главной задачей государства должна была стать задача – удовлетворение потребностей населения [7, с. 184]. После смещения Н.С. Хрущева становилось все более очевидно наступление застойного периода. Л.И. Брежнев и его окружение стремились к стабильности, что, в свою очередь, привело едва ли не к полному отказу от каких-либо перемен. И даже в тех случаях, когда были попытки внедрения в народное хозяйство механизмов, которые могли бы стать частью радикальных преобразований, таких как хозрасчет, никаких *коренных* изменений не происходило. Это были лишь частичные перемены, которые как-то должны были сочетать в себе механизмы хозрасчета с сохранением административных принципов.

Глубокой непоследовательностью отличались как перемены в хозяйственных механизмах, так и преобразования политической системы. Господство традиций позволяло сохранять основы административного управления. В 1960-70-е гг. стало очевидно, что данных средств хватает для обеспе-

чения авторитарности политической жизни и нет необходимости прибегать к массовым репрессиям. В итоге сталинизм сменился в 1950–1970-е гг. политической системой, в которой также сохранились порядки, при которых управление строилось на указаниях и директивах, продиктованных сверху, а реальная власть была сосредоточена в руках узкого круга работников партийно-государственного аппарата.

После сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС совнархозы были ликвидированы, но вместе с этим вновь увеличилось административное давление, приказные методы руководства. Министерства и их ответвления росли, и вместе с ними все больше разрастался бюрократический аппарат.

В небольших изменениях, произошедших в общественной системе за период 1950 – начала 1980-х гг., можно увидеть относительный успех только на отдельных направлениях роста – преимущественно там, где можно было экстенсивно продолжать незавершенные индустриальные и связанные с ними процессы, более или менее поддающиеся административно-директивному регулированию. Это регулирование мешало решению основной задачи народнохозяйственного развития – общей интенсификации экономики, развертыванию научно-технической революции. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что за те тридцать лет, когда в мире произошло ускорение научно-технического прогресса, наша страна старалась не отставать. Ярким примером является достижение паритета в области ядерного оружия. Однако для развития народного хозяйства, использование достижений НТР было малозначительно.

Все основные показатели экономического роста страны неуклонно ухудшались на протяжении рассматриваемого периода [4]. Только во второй половине 1960-х гг. видно улучшение этих показателей, связанное с реформой 1965 г., но затем показатели экономического роста вновь уменьшились. Конечно, если сравнивать уровень жизни населения 1950-х гг. с 1980-ми годами, он значительно улучшился. Зарботная плата большинства рабочих, доходы колхозов перестали стремиться только лишь к прожиточному минимуму, появился некоторый достаток.

В период 1950–1980-х гг. можно увидеть назревание системного кризиса. Со второй половины 1960-х гг. попытки преобразования политических институтов практически прекратились, а 1970-х гг. прослеживаются застойные явления в экономике, культуре, социальном развитии [14]. В конечном итоге односторонние реформы, непоследовательность действий партии привели страну в 1980-х гг. к кризису.

Заслуженно период 1970–1985 гг. именуется политологами и историками временем застоя в экономике, социальной сфере, хотя сложившаяся за годы административная система продолжала исправно работать. Объем промышленного производства, а также ВВП на душу населения в 1980 г. был примерно в два раза выше, чем спустя 20 лет, т. е. в начале XXI в. Система здравоохранения, образования и социального обеспечения, несмотря на определенные недостатки, соответствовала требованиям населения. Социальная напряженность несколько сглаживалась за счет закупки продовольствия и товаров широкого по-

требления на доходы от *экспортной продажи* нефти и газа [5, с.153]. Государственное управление, уповавшее на плановую систему, не реагировало на эти явления. Реформы не проектировались и не проводились.

К началу 1980-х гг. состояние экономики, наконец, стало тревожить не только трудящихся, но и властные структуры. На XXVI съезде КПСС в 1981 г. в числе приоритетных проблем перечислялись: интенсификация производства, повышение ее эффективности, рост производительности труда, качества продукции, в том числе и в аграрном секторе [6; 14]. Планировались изменения в оплате труда трудящихся, увеличение размера пенсий, рост жилищного строительства, улучшение системы здравоохранения, образования. Неоднократно говорил об озабоченности грядущими переменами, необходимых как «верхам», так и «низам» общества, генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов [2; 13]. Однако обещания, даваемые номенклатурой обществу, не выполнялись. Это порождало разочарование властью. В своем докладе министр финансов СССР Б.И. Гостев отметил кризисные явления в экономике, такие, как: превышение себестоимости продуктов питания над розничными ценами (соответственно стоимость сливочного масла составляла 8,2 и 3,4 руб., говядины – 1,5 руб., а производство – 5 руб.), прекращение роста реальных доходов населения с 1982 г. из-за скрытого завышения цен, диспропорция между доходами и расходами бюджета СССР в 300 млрд. рублей [11, с. 64–68].

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, М.С. Горбачев начал поиск выхода из сложившейся ситуации [10].

23 апреля 1985 г. Михаил Сергеевич объявил на пленуме ЦК КПСС о программе широких реформ под лозунгом «ускорение социально-экономического развития страны», через три недели он впервые произнес термин «перестройка». Поиск новых, более эффективных методов для решения экономических, политических и социальных проблем, можно увидеть в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1985 г., 30 сентября 1985 г., 9 января 1986 г. и др. Они были направлены на широкое распространение новых методов хозяйствования, ускорение научно-технического прогресса, укрепление порядка на производстве, экономию и бережливость. Наиболее радикальными были решения XXVII съезда КПСС в феврале – марте 1986 г. и пленума ЦК партии 25–26 июня 1987 г., конкретизированные в ряде законов СССР, и 11 – и в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР [8].

На XXVII съезде КПСС были подведены итоги за четверть века, т.е. за 1961–1986 гг. Констатировалось следующее: национальный доход СССР увеличился почти в 4 раза, производство промышленной продукции – в 5 раз, сельскохозяйственной – в 1,7 раза, общественные фонды потребления – в 5 раз, реальные доходы на душу населения – в 2,6 раза и т. д. В тоже время на съезде отмечалось, что, несмотря на принимаемые партией и правительством меры, снизились темпы роста экономики, производительности труда, ухудшились некоторые показатели эффективности, замедлился научно-технический прогресс, усилились диспропорции в экономике [8, с. 66–117].

На XXVII съезде партии КПСС и особенно на январском (1987 г.) Пле-

нуме ЦК КПСС были подвергнуты критическому анализу негативные процессы, происходившие не только в социально-экономической жизни страны, но и в самой партии [9, с. 73–84; 12]. Другими словами, политическая элита признавала, что устои, на которых построена советская система, служившие гарантом ее существования, нуждались в трансформации [16]. При решении задач стратегической концепции, то есть интенсификации экономики, ускорения научно-технического прогресса, перестройки управления и планирования, изменения структурной и инвестиционной политики, повышения организованности и дисциплины, планировалось, с одной стороны, отрешиться от некомпетентного вмешательства чиновничества в производственную деятельность трудовых коллективов со стороны органов управления, с другой стороны, через абзац подчеркивалось усиление действенности централизованного руководства в реализации задач экономической стратегии [8, с. 74]. Таким образом, *партийная номенклатура понимала, что перемены нужны, но при этом не желала выпускать решения даже мельчайших проблем из своих рук.*

Практические решения по реализации концепции ускорения социально-экономического развития страны конкретизировались в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Планировалось достигнуть следующих результатов: *национальный доход за 5 лет должен был повыситься на 17 процентов, из них 90 процентов – за счет роста производительности труда,*

сельскохозяйственная продукция прирастать ежегодно на 6%, а промышленная – на 3,4% [8, с. 184–185]. Примечательно, что второй раз в истории пятилетних планов предполагалось преимущественное увеличение продукции группы «Б» по сравнению с группой «А».

Конкретные механизмы реализации стратегии ускорения разрабатывались в ходе подготовки пленума ЦК КПСС со следующей повесткой: «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой», состоявшегося 25–26 июня 1987 г. По мнению историка А.В. Островского, М.С. Горбачев учел опыт А.Н. Косыгина, встретившего сопротивление Брежнева и его окружения при реализации своей реформы. В тезисах его доклада на пленуме в общей форме прозвучала мысль о невмешательстве парткомов в оперативно-хозяйственную деятельность предприятий. Их основной задачей должно было быть развитие демократических основ управления государством.

В обществе развернулась острая дискуссия, касающаяся не только реформ экономики, но и всей политической системы, что означает реставрацию частного капитализма [11, с. 64–68]. Даже в Политбюро ЦК КПСС не было единства в оценке этих реформ. Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков отстаивал «незыблемость» заданий пятилетки, предупреждая, что самостоятельность и самоокупаемость предприятий перечеркнет смысл пятилетнего плана. В своих воспоминаниях он писал: «Я Горбачеву верил... Но летом 1987 г... у нас с Горбачевым появились первые серьезные разногласия стратегическо-

го плана. Он предлагал в 1988 г. сделать то, что Гайдар осуществил 2 января 1992 г.» [11, с. 66].

Концепция реформы управления экономикой, принятая на пленуме, предполагала развитие инвестиционной политики, научно-технического прогресса, системы управления государством направленной на развитие народного хозяйства. Такая система управления должна была включать в себя материально-техническое обеспечение производств, их финансирования и кредитования, достойной оплаты труда. В свою очередь это должно было привести к повышению эффективности производства, улучшению качества продукции.

Суть коренной перестройки управления экономикой страны состояла в переходе от преимущественно административных к экономическим методам руководства на всех уровнях, к управлению интересами и через интересы, к широкой демократизации управления, всемерной активности трудящихся [8, с. 408]. Но при этом в «Основных положениях коренной перестройки управления экономикой», наряду с вышеназванными положениями оставались разделы: «Планирование», «Материально-техническое обеспечение», «Ценообразование», «Финансово-кредитный механизм» [8, с. 413–421]. Верховный Совет СССР принял ряд законов, главными из них были три, которые, по мнению ученых, сломали хребет советской экономике, а вместе с экономикой – советскому обществу: законы о государственном предприятии, о кооперации, аренде земли [15, с. 5–7]. В средствах массовой информации реформа получила наименование трех «С»: самоуправле-

ние, самофинансирование, самоокупаемость [8, с. 409–412].

Перестройка, задуманная как поступательный процесс «совершенствования социализма» завершилась неконтролируемым развалом СССР. Мнения о значении этого события разноплановы от оценки депутата Госу-

дарственной думы Д.Н. Травкина, что перестройка осталась хорошей легендой в духе народных сказок, до жестких слов командующего ВДВ Г. Шпака: «Развал сильной державы. Это было бестолковое деяние нашего генсека».

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущёва: преобразования Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2011. № 4. с. 16–33.
2. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983. 320 с.
3. Безбородов А, Елисеева Н. Шестаков В. Перестройка и крах СССР, 1985–1991. Изд. 3-е, испр. Санкт-Петербург: Норма, 2016. 215 с.
4. Белоусов Р. Экономическая история. XX век. Кн.5. М.: ИздАТ, 2006. 414 с.
5. Боффа Д. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. М.: Международные отношения, 1990. 632 с.
6. Величко С.А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «Перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 4–9.
7. Замечания Н.С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг., 22 сентября 1964 г. // Источник: документы по русской истории. Приложение к журналу «Родина». 2003. № 6. С. 183–189.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп и испр. Т. 15. М.: Политиздат, 1989. 638 с.
9. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: ТЕИС, 2000. 162 с.
10. Орлов Б.П. Истоки перестройки: К 60-летию первого пятилетнего плана // ЭКО. 1989. № 5. С. 3–15.
11. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Форум, 2011. 179 с.
12. Полынов М.Ф. Тенденции экономического развития СССР в годы перестройки, 1985–1991 гг. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 356–367.
13. Сеницин И. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с.
14. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. 378 с.
15. Фурсов А.И. Тайна двух пленумов или 20 лет, разрушивших СССР. Стенограмма беседы политолога А.И. Фурсова с историком Н.И. Кротовым на День ТВ 28.07.2017 г., 12 с. / КПЕ [сайт]. – URL: http://www.kpe.ru/files/pdf/2017/2017.07.28_fursov.pdf (дата обращения: 28.10.2018).
16. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

REFERENCES

1. N.S. Khrushchev's Unfinished reform: transformation of the Soviet Armed forces in 1953–1964. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University (electronic journal)* [Bulletin of the Moscow Regional State University (electronic journal)], 2011, no. 4, pp. 16–33.
2. Andropov Yu.V. *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected speeches and articles]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 320 p.
3. Bezborodov A, Eliseeva N. Shestakov V. *Perestroika i krakh SSSR, 1985–1991*. Izd. 3-e, ispr [Perestroika and the collapse of the Soviet Union, 1985–1991. 3rd ed., rev.]. SPb., Norma Publ., 2016. 215 p.
4. Belousov R. *Ekonomicheskaya istoriya. XX vek*. Kn. 5 [Economic history. XX century. B. 5]. Moscow, IzdAT Publ., 2006. 414 p.
5. Boffa D. *Istoriya Sovetskogo Soyuza*. T. 2. *Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy*. Stalin i Khrushchev. 1941–1964 gg. [The History of the Soviet Union. Vol. 2. From domestic war to the status of the second power in the world. Stalin and Khrushchev. 1941–1964]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 632 p.
6. Velichko S.A. [The reasons for the beginning of perestroika in the USSR (dedicated to the 30th anniversary of the emergence of the term "Perestroika")]. In: *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, 2016, no. 2 (31), pp. 4–9.
7. [N.S. Khrushchev on the note about the draft of main directions of the USSR national economy development for 1966–1970, 22 Sept. 1964]. In: [Source: *documents for Russian history (supplement to the "Rodina" journal)*], 2003, no. 6, pp. 183–189.
8. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988)*. 9-e izd., dop i ispr. Tom 15 [The Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). 9th ed., rev. Vol. 15]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 638 p.
9. Ol'sevich Yu., Gregori P. *Planovaya sistema v retrospektive: Analiz i interv'y u rukovoditelyami planirovaniya SSSR* [Planning system in the retrospective: Analysis and interviews with heads of planning system of the USSR]. Moscow, TEIS Publ., 2000. 162 p.
10. Orlov B.P. [The origins of perestroika: on the 60th anniversary of the first five-year plan]. In: *EKO*, 1989, no. 5, pp. 3–15.
11. Ostrovskii A.V. *Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR* [Stupidity or treason? The investigation of the USSR's downfall]. Moscow, Forum Publ., 2011. 179 p.
12. Polynov M.F. *Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya SSSR v gody perestroiki, 1985–1991 gg.* [Economic development trends of the USSR in the perestroika years, 1985–1991]. In: *Rossiya na perelome: voiny, revolyutsii, reformy. XX vek* [Russia at the turning point: war, revolution, reform. The twentieth century]. SPb., SPbGU Publ., 2018, pp. 356–367.
13. Sinitsin I. *Andropov vblizi. Vospominaniya o vremenakh ottepeli i zastoya* [Andropov closely examined. Memories of the years of thaw and stagnation]. Moscow, Tsentropolegraf Publ., 2015. 512 p.
14. *Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deistvuyushchie litsa, 1940–1985* [The Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985]. Moscow, Variant Publ., 2008. 378 p.
15. Fursov A.I. *Taina dvukh plenumov ili 20 let, razrushivshikh SSSR*. Stenogramma besedy politologa A.I. Fursova s istorikom N.I. Krotovym [The mystery of the two plenums or 20 years which destroyed the Soviet Union. Verbatim record of the politologist A.I. Fursov's talk with the historian N.I. Krotov on the "Day TV". 28.07.2017, 12 p.]. In: *KPE* [website]. Available at: www.kpe.ru/files/pdf/2017/2017.07.28_fursov.pdf (accessed: 28.10.2018).
16. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was for good and all until it finished. The last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014. 664 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осина Ольга Владимировна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: olgavlshenk@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Osina – postgraduate student of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: olgavlshenk@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Осина О.В. Предпосылки и основные направления социально-экономических реформ в СССР во второй половине XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 242–250.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-242-250

FOR CITATION

Osina O. Background and Main Directions of Socio-Economic Reforms in the USSR in the Second Half of the XX Century. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 242–250.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-242-250

УДК-327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-251-260

ВОПРОС О СТАТУСЕ ИЕРУСАЛИМА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Васецова Е.С.

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
125009, Москва, Моховая, 11, Российская Федерация*

Аннотация. В статье прослеживается развитие вопроса о статусе Иерусалима на геополитическую обстановку в регионе. Автором проанализирован корпус документов, рассматривающих статус Иерусалима в его развитии, выявлена реакция основных игроков в регионе на перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. В теоретическом отношении результаты анализа могут быть использованы специалистами-международниками, востоковедами, политологами при написании аналитических работ, в ходе учебного процесса. Автор пришел к выводу, что после «Арабской весны» приоритеты внешней политики арабских государств серьезным образом изменились. Если раньше ключевым вопросом был палестино-израильский конфликт, то теперь страны сосредоточились на сдерживании Ирана. Перенос посольства переводит США из посредников в мирном урегулировании арабо-израильского конфликта в его участники из-за спора относительно статуса Иерусалима. Позиция США в мирном процессе становится гораздо более уязвимой. В свою очередь, Россия может использовать сложившуюся ситуацию для упрочения своего статуса в процессе ближневосточного урегулирования.

Ключевые слова: Израиль, Палестина, Иерусалим, США, Д. Трамп, Россия, арабо-израильский конфликт.

THE QUESTION OF THE STATUS OF JERUSALEM IN THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST

E. Vasetsova

*Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University
11, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract. The article traces the influence of the issue about the status of Jerusalem on the geopolitical situation in the region. The author of the article examined the body of documents on the

status of Jerusalem, studied the development of the question of its status, analyzed the actions of the main actors in the region after the transfer of the embassy to Jerusalem. The theoretical importance includes the possibilities of using the results of the research in writing analytical works by specialists in international affairs, orientalist and politologists. Besides, the research results can be of use in the course of educational process. The author came to the conclusion that after the Arab Spring the priority of the foreign policy of the Arab states in the Middle East has changed a lot. Before the Arab Spring the key issue was the Israeli-Palestinian conflict. Now the countries are concentrated on the deterrence of Iran. The transfer of the embassy changes the USA's role from a mediator in the Arab-Israeli conflict into a participant of the conflict because of the status of Jerusalem, thus making the USA's position much more vulnerable. In its turn Russia can use the existing situation for strengthening its status in the Middle East peace process.

Key words: Israel, Palestine, Jerusalem, the USA, D. Trump, Russia, the Arab-Israeli conflict.

Выбор темы статьи обусловлен ее возрастающей актуальностью. Вопрос о статусе Иерусалима всегда был одним из ключевых в повестке дня переговоров по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Иерусалим является центром паломничества для представителей нескольких конфессий, и при определении статуса Святой земли заинтересованные стороны не готовы исходить исключительно из соображений прагматизма. Несмотря на то, что после войны 1967 г. город находится под контролем Израиля, в восприятии мирового сообщества его статус по-прежнему остается спорным. Показателем неоднозначного отношения к сложившемуся положению дел является решение государств размещать свои посольства в Израиле за пределами Иерусалима.

Значимость вопроса о статусе Иерусалима подтверждают многочисленные работы политологов, востоковедов, специалистов по международным отношениям [8; 9; 11; 15; 16]. Были опубликованы документы, проливающие свет на важные аспекты ближневосточного конфликта и позволяющие глубже понять историю вопроса о статусе Иерусалима [5; 20]. Воспоми-

нания и свидетельства военных как с израильской, так и с арабской стороны [2; 7], которые описывают ход военных кампаний с позиции непосредственных участников событий, способствуют формированию более целостной картины арабо-израильского противостояния.

В последние несколько лет в результате решений президента США Д. Трампа вопрос о статусе Иерусалима резко обострился. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в исследовании вопроса о статусе Иерусалима в новых политических условиях. Цель статьи – изучить влияние развития вопроса о статусе Иерусалима на геополитическую обстановку в регионе.

Одним из пунктов предвыборной кампании Д. Трампа был перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. Заняв пост президента США, он выполнил свое обещание, 6 декабря 2017 г. объявив о признании Иерусалима столицей Израиля и о переносе американского посольства. 14 мая 2018 г. США открыли свое посольство в Иерусалиме. Руководство Израиля высоко оценило данный шаг. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху в своем

выступлении назвал открытие посольства США «великим днем – для Иерусалима, для государства Израиль». На церемонии открытия присутствовала делегация высокопоставленных представителей США, в том числе советники президента США Д. Трампа И. Трамп и ее супруг Дж. Кушнер, а также министр финансов США С. Мнучин. Д. Трамп выступил с речью в видеообращении. Очевидно, что Тель-Авив и Вашингтон расценивают открытие посольства как важную веху в развитии двусторонних отношений. По примеру США перенести свои посольства из Тель-Авива в Иерусалим планируют Гватемала и Парагвай. Чехия изъявила намерение открыть в Иерусалиме почетное консульство, а также чешский культурный центр.

Реакция палестинцев на открытие посольства была острой и крайне негативной. Данный шаг был воспринят как нарушение сложившегося баланса сил в пользу еврейского государства и вызвал бурные протесты у палестинцев, которые считают Восточный Иерусалим столицей своего будущего государства. Действия США были ими расценены как фактическое признание права Израиля на весь город. Обратимся к истории вопроса, знание которой позволяет понять истоки сложившейся ситуации, нынешнюю позицию сторон [14, с. 9–15]. Согласно Резолюции Генеральной ассамблеи Организации объединенных наций № 181 от 29 ноября 1947 г., для Иерусалима был предусмотрен международный режим и управление Советом по опеке ООН. Однако по итогам арабо-израильской войны (1947–1949 гг.) Израиль объявил Иерусалим столицей еврейского государства в 1949 г., и не признает

его деления на восточную и западную части. Законодательная, исполнительная и судебная ветви израильской власти функционируют на территории Западного Иерусалима. После победы в шестидневной войне 1967 г. Израиль объявил о своем суверенитете над объединенным Иерусалимом.

ООН и часть мирового сообщества осудили действия Израиля, что отражено в документах организации¹. На фоне сопротивления значительной части мирового сообщества, 30 июля 1980 г. Кнессет принял Закон об Иерусалиме, который был утвержден в качестве одного из основных законов страны. Закон гласит, что «Иерусалим – единый и неделимый, есть столица Израиля»². Принятый «Основной закон: Иерусалим, столица Израиля» единогласно был признан Резолюцией Совета Безопасности ООН № 478 от 20 августа 1980 г. нарушением норм международного права. Израилю было предъявлено требование его аннулировать. В качестве карательной меры резолюция предложила странам-участницам вывести свои дипломатические представительства из Иерусалима.

Руководство Израиля оспаривает решение ООН о том, что принятый закон является нарушением норм международного права, и выражает протест против использования термина «оккупированная территория» применительно к Восточному Иерусалиму,

¹ См.: Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 242 от 22 ноября 1967 г.; № 51/27 от 4 декабря 1996 г.; № 58/292 от 6 мая 2004 г. Эти и другие резолюции ГА ООН, упоминаемые в статье, размещены на официальном сайте ООН (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/>).

² Текст закона см. на сайте Кнессета Государства Израиль (<http://main.knesset.gov.il/Activity/Legislation/Documents/yesod2.pdf>).

предлагая употреблять понятие «спорная территория». Свою позицию израильское руководство подкрепляет следующими доводами: оборонительный характер войн 1947–1949 гг., 1967 г., историческое право еврейского народа на землю Израиля. В 2014 г. премьер-министр Б. Нетаньяху выступил с утверждением, что Иерусалим никогда не будет разделен [18].

После того, как Д. Трамп объявил о намерении открыть американское посольство в Иерусалиме, Вашингтон наложил вето на резолюцию Совета Безопасности ООН против признания Иерусалима столицей Израиля. Данный шаг вызвал резкий протест как в мусульманском мире, так и у многих стран. Турция и Йемен обратились к Генеральной ассамблее ООН с резолюцией, повторяющей отклоненную Советом Безопасности ООН резолюцию. Данный документ был принят большинством голосов (против 9 голосов «за»), но имеет рекомендательный характер.

В свою очередь, руководство Палестинской автономии считает, что Восточный Иерусалим в границах до 1967 г. должен быть столицей палестинского государства, а за Израилем признает только западную часть города. За развитие города должен будет отвечать коллегиальный орган. Более жесткой позиции придерживаются радикальные исламистские группировки, отстаивающие принцип неделимого Иерусалима – столицы Палестины. В целом ни одна из сторон не готова идти на компромисс, хотя до недавнего времени установился статус-кво, при котором был достигнут баланс сил.

Отметим, что решение Д. Трампа о переносе посольства в Иерусалим

основано на акте Конгресса США от 1995 г.¹ Данный документ предусматривает возможность переноса посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. Предшественники Д. Трампа считали возможным не исполнять данный акт, ссылаясь на рекомендательный характер подобного рода документов. Согласно Конституции США внешняя политика – прерогатива исполнительной власти в лице президента. Вероятно, что ранее лидеры США не были готовы пойти на столь опрометчивый шаг из-за опасения спровоцировать дальнейшее развитие конфликта между Израилем и арабским миром. Не беремся однозначно утверждать, что стоит за решением Д. Трампа. Вы скажем предположение, что американский президент действует в интересах израильского лобби США в котором ищет поддержку, – в том числе и в Конгрессе. Также своим решением президент укрепил позиции в консервативно-христианских кругах избирателей, которые традиционно поддерживают идею переноса посольства в Иерусалим по религиозным соображениям.

Открытие посольства США в Иерусалиме привело к многочисленным акциям протеста. Самые сильные волнения произошли в секторе Газа у границы с Израилем, когда тысячи человек атаковали заграждения, отделяющие их от еврейского государства. Трансляция открытия посольства происходила одновременно с освещением в телеэфире массовых беспорядков, в результате подавления которых десят-

¹ Public Law 104 – 45 – Jerusalem Embassy Act of 1995. Текст размещен на сайте официальных правительственных публикаций США – <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ45/content-detail.html>

ки людей были убиты и сотни ранены. По заявлению израильской стороны, подобное применение силы является оправданной самозащитой от боевиков ХАМАС. Израиль возложил ответственность за инцидент на радикальную исламистскую группировку ХАМАС, признанную террористической многими странами мира. Один из лидеров ХАМАС Исмаил Хания призвал к началу нового палестинского восстания. По мнению руководства Израиля, организация нагнетает протестные настроения и использует гражданское население для разжигания конфликта ради достижения своих целей. В любом случае, в сложившихся обстоятельствах переговоры с Израилем для главы Палестинской автономии М. Аббаса неприемлемы, и процесс ближневосточного урегулирования вновь оказался приостановлен.

Несмотря на то, что Тель-Авив одобрил решение Д. Трампа о переносе посольства, которое, на первый взгляд, отвечает интересам Израиля, возникает закономерный вопрос о том, насколько удачно для данного шага выбран момент и действительно ли открытие посольства в Иерусалиме является победой еврейского государства.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш недвусмысленно высказал позицию большинства государств-участников организации относительно данного события: «Окончательный статус Иерусалима – это вопрос, который должен быть решен через прямые переговоры между двумя сторонами на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН и с учетом законных чаяний как палестинской, так и израильской сторон» [1].

Рассмотрим реакцию основных игроков в регионе на открытие американского посольства в Иерусалиме и его возможные последствия. Государства региона решительно осудили действия США и заявили, что не намерены с ними мириться. МИД Турции выпустил пресс-релиз, содержащий протест относительно решения Д. Трампа о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. В документе указано, что данное решение является нарушением международного права и не служит мирному развитию региона [19]. Схожее мнение высказал президент Египта Ас-Сиси. В своей речи он отметил, что перевод американской дипмиссии в Иерусалим приведет к дестабилизации ситуации [3]. Власти Саудовской Аравии отказались признавать перенос посольства из Тель-Авива в Иерусалим, охарактеризовав событие как «большой откат в деле продвижения мирного процесса, который задевает чувства мусульман во всем мире» [14].

Генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ) Ахмед Абу аль-Гейт выразил общую позицию стран-участниц организации, заявив, что США совершили весьма опрометчивый и опасный шаг [5]. Впрочем, никаких ответных мер противодействия сложившейся ситуации предложено не было.

Организация Исламского Сотрудничества (ОИС), которая объединяет 57 государств с преимущественно мусульманским населением, призвала ООН «защитить статус Иерусалима» [13]. Организация признала Палестину государством со столицей в Восточном Иерусалиме. Страны-участницы Организации обратились к мировому

сообществу с предложением последовать своему примеру.

В данной ситуации вскрылись противоречия между Ираном и арабским миром. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф назвал происходящее «великим позором», а также обвинил «арабских приспешников» Д. Трампа в том, что они не реагируют на событие должным образом [17]. Отметим, что в то же время государства региона ограничились эмоциональными высказываниями в адрес США. Коллективных действий не последовало.

США не нашли поддержки и у своих традиционных союзников – стран ЕС. Решение Д. Трампа осудили Великобритания, Германия, Франция, Италия, Швеция. Пресс-службы канцлера ФРГ и премьер-министра Великобритании опубликовали заявления А. Меркель и Т. Мэй о несогласии решением Д. Трампа о переносе дипмиссии. Официальной позицией Берлина является урегулирование ближневосточного конфликта на основе принципа мирного сосуществования, а решение американского президента идет вразрез с данным принципом. Т. Мэй подтвердила, что Великобритания не изменила свою позицию относительно статуса Иерусалима. Вопрос о статусе города должен быть решен в ходе переговоров израильтян и палестинцев. Восточную часть Иерусалима Лондон по-прежнему продолжает считать частью оккупированных палестинских территорий. Премьер-министр Великобритании подчеркнула, что решение американского президента не идет на пользу мирного урегулирования арабо-израильского конфликта [12].

Позиции США и РФ по вопросу переноса посольства диаметрально

противоположны. Исполняющий обязанности министра иностранных дел РФ С. Лавров отозвался на данное событие следующим образом: «Мы публично неоднократно давали нашу негативную оценку этому решению... Мы убеждены, что нельзя подобным образом в одностороннем порядке ревизовать те договоренности, которые были закреплены в решениях международного сообщества» [10].

Итак, в результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам. Полагаем, что реакция арабских стран на перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим является показателем глубоких изменений, которые происходят на Ближнем Востоке. Несмотря на бурную риторику, арабский мир не предпринял никаких действий, чтобы переломить ситуацию. Очевидно, что после «Арабской весны» приоритеты внешней политики арабских государств серьезным образом изменились. Если раньше ключевым вопросом, определяющим вектор внешней политики арабских государств в регионе, был палестино-израильский конфликт, то теперь страны сосредоточились на сдерживании Ирана. Особенно важным сдерживание Ирана является для стран Персидского залива, которые заинтересованы в продолжении взаимодействия с администрацией Д. Трампа. Также государства залива намерены развивать экономическое взаимодействие с Израилем. Таким образом, желание оказать сопротивление возвышению Ирана оказалось сильнее общеарабской солидарности.

В данном свете решение американского президента не выглядит таким безрассудным, каким его представля-

ют в многочисленных СМИ. Впрочем, выделим одно явно негативное для США последствие. Решение Д. Трампа перевело США, которые выполняют функции одного из посредников в мирном урегулировании арабо-израильского конфликта, в его участники из-за спора относительно статуса Иерусалима. Позиция США как посредника в мирном процессе становится гораздо более уязвимой.

В свою очередь, Россия может использовать сложившуюся ситуацию для упрочения своего статуса в процессе ближневосточного урегулирования. Россия располагает обширными ресурсами для реализации инициатив по мирному разрешению конфликта. Традиционно Россия поддерживает тесные связи с арабским миром, с 2005 г. является наблюдателем в Орга-

низации Исламского Сотрудничества (до 2011 г. называлась Организация Исламская Конференция) и участником «Ближневосточного квартета». Полагаем, что в нынешней геополитической обстановке, которая характеризуется стремлением США и их союзников любой ценой сохранить свою мировую гегемонию и в этом контексте ослабить Россию посредством её изоляции на международной арене, для России крайне важным является упрочить своё влияние на разных внешнеполитических направлениях, в том числе, и на ближневосточном. Российской стороне следует проявлять прагматизм, используя все возможности для нормализации палестино-израильских отношений.

Статья поступила в редакцию 18.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов С. Иерусалим раздора: Путин и Трамп по разные стороны фронта, 07.12.2017 // Свободная Пресса [сайт]. – URL: <http://svpressa.ru/politic/article/187979/> (дата обращения: 12.07.2018).
2. Арабо-израильские войны. Арабский взгляд. М.: Яуза. 2008. 480 с.
3. Ас-Сиси заявил, что перенос посольства США в Иерусалим приведет к нестабильности в регионе, 16.05.2018 / RT на русском [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/513831-perenos-posolstva-egipet-izrail> (дата обращения: 12.07.2018).
4. Ближневосточный конфликт: из документов Архива внешней политики РФ. 1947–1967: в 2-х томах. М.: МФД, 2003. 608 с.; 704 с.
5. В Иерусалиме открыли американское посольство, 14.05.2018 / РБК [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2018/5af96969a7947a7c48fd6f6> (дата обращения: 12.07.2018).
6. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных наций. Нью-Йорк: ООН, 2008. 130 с.
7. Даян М., Тевет Ш. Арабо-израильские войны (1956, 1967). М.: Изографус. 2003. 496 с.
8. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 207 с.
9. Звягельская И.Д. История государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.
10. Лавров заявил, что Россия негативно оценивает открытие посольства США в Иерусалиме, 14.05.2018 / RT на русском [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/512849-lavrov-posolstvo-ssha-ierusalim> (дата обращения: 12.07.2018).
11. Меламедов Г., Эпштейн А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М.: Мосты культуры, 2008. 432 с.

12. Меркель и Мэй раскритиковали решение Трампа по Иерусалиму, 06.12.2017 / НТВ [сайт]. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1959161/> (дата обращения: 12.07.2018).
13. Организация Исламского Сотрудничества признала Восточный Иерусалим столицей Палестины, 13.12.2017 / Интерфакс [сайт]. – URL: <http://www.interfax.ru/world/591686> (дата обращения: 12.07.2018).
14. Саудовская Аравия не признала перенос посольства США в Иерусалим, 12.07.2018 / Газета.ру [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/05/15/n_11536705.shtml (дата обращения: 12.07.2018).
15. Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться. М.: Мосты культуры, 2008. 286 с.
16. Эпштейн А.Д. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно. М.: Мосты культуры, 2009. 192 с.
17. Iran FM Slams Israel for Massacring Palestinians “In Cold Blood”, 14.05.2018 / PressTV [сайт]. – URL: <http://www.presstv.com/Detail/2018/05/14/561706/Zarif-Israel-Palestine-Twitter-Jerusalem-alQuds-capital> (дата обращения: 12.07.2018).
18. Lazaroff T. Netanyahu: “Jerusalem Is The Heart Of The Nation. We’ll Never Divide Our Heart”, 28.05.2014 / The Jerusalem Post [website]. – URL: <https://www.jpost.com/National-News/Netanyahu-47-years-ago-Jerusalem-was-reunited-and-thats-how-it-will-stay-354589> (дата обращения: 12.07.2018).
19. No: 137, 14 May 2018, Press Release Regarding the Decision of The US Administration to Move Its Embassy in Tel Aviv to Jerusalem, 14.05.2018 / Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs [website]. – URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-137_-abdnin-telaviv-buyukelciligini-kuduse-tasimasi-hk.en.mfa (дата обращения: 12.07.2018).
20. The Israeli-Palestinian conflict: A Documentary Record 1967–1990 / Ed. Yehuda Lukacs. New York, Cambridge University Press, 1992. 549 p.

REFERENCES

1. Aksenov S. Ierusalim razdora: Putin i Tramp po raznye storony fronta [Jerusalem of contention: Putin and Trump on opposite sides of the front], 07.12.2017. In: *Svobodnaya Pressa* [Free Press, website]. Available at: <http://svpressa.ru/politic/article/187979/> (accessed: 12.07.2018).
2. Arabo-izrail'skie voyny. Arabskii vzglyad [The Arab-Israeli wars. Arab point of view]. Moscow, Yauza Publ., 2008. 480 p.
3. As-Sisi zayavil, chto perenos posol'stva SShA v Ierusalim privedet k nestabil'nosti v regione [Al-Sisi said that the transfer of the U.S. Embassy to Jerusalem would lead to instability in the region], 16.05.2018. In: *RT na russkom* [RT in Russian, website]. Available at: <https://russian.rt.com/world/news/513831-perenos-posolstva-egipet-izrail> (accessed: 12.07.2018).
4. Blizhnevostochnyi konflikt: iz dokumentov Arkhiva vneshnei politiki RF. 1947 [The Middle East conflict: from the documents of Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. 1947]. In 2 vols. Moscow, MFD Publ., 2003. 608 p.; 704 p.
5. V Ierusalime otkryli amerikanskoe posol'stvo [The American Embassy is opened in Jerusalem], 14.05.2018. In: *RBC* [RBC, website]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2018/5af969699a7947a7c48fd6f6> (accessed: 12.07.2018).
6. The question of Palestine and the United Nations. New York: United Nations, 2008. 130 p.
7. Dayan M., Tevet Sh. Arabo-izrail'skie voyny (1956, 1967) [The Arab-Israeli wars (1956, 1967)]. Moscow, Izografus Publ., 2003. 496 p.
8. Zvyagel'skaya I.D. Blizhnevostochnyi klinch: konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii [The Middle East clinch: the conflicts in the Middle East and Russia]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 207 p.

9. Zvyagel'skaya I.D. *Istoriya gosudarstva Izrail'* [The history of the state of Israel]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 360 p.
10. Lavrov zayavil, chto Rossiya negativno otsenivaet otkrytie posol'stva SShA v Ierusalime [Lavrov said that Russia negatively assesses the opening of the U.S. Embassy in Jerusalem], 14.05.2018. In: *RT na russkom* [RT in Russian, website]. Available at: <https://russian.rt.com/world/news/512849-lavrov-posolstvo-ssha-ierusalim> (accessed: 12.07.2018).
11. Melamedov G., Epshtein A.D. *Diplomaticheskaya bitva za Ierusalim. Zakulisnaya istoriya* [The diplomatic battle for Jerusalem. The offstage story]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 432 p.
12. Merkel' i Mei raskritikovali reshenie Trampa po Ierusalimu [Merkel and May have criticized Trump's decision on Jerusalem], 06.12.2017. In: *NTV* [website]. Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1959161/> (accessed: 12.07.2018).
13. Organizatsiya Islamskogo Sotrudnichestva priznala Vostochnyi Ierusalim stolitse Palestiny [The organization of Islamic Cooperation has recognized East Jerusalem as the capital of Palestine], 13.12.2017. In: *Interfaks* [Interfax, website]. Available at: <http://www.interfax.ru/world/591686> (accessed: 12.07.2018).
14. Saudovskaya Araviya ne priznala perenos posol'stva SShA v Ierusalim [Saudi Arabia does not recognize the transfer of the U.S. Embassy to Jerusalem], 12.07.2018. In: *Gazeta.ru* [website]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/05/15/n_11536705.shtml (accessed: 12.07.2018).
15. Epshtein A.D. *Izrail' i (ne)kontroliruemye territorii: uiti nel'zya ostat'sya* [Israel and (un) controlled territory: leave cannot stay]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 286 p.
16. Epshtein A.D. *Izrail'tyane i palestintsy: ot konfrontatsii* [Israelis and Palestinians: from confrontation to negotiations and back]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2009. 192 p.
17. Iran FM Slams Israel for Massacring Palestinians "In Cold Blood", 14.05.2018 / PressTV [website]. Available at: <http://www.presstv.com/Detail/2018/05/14/561706/Zarif-Israel-Palestine-Twitter-Jerusalem-alQuds-capital> (accessed: 12.07.2018).
18. Lazaroff T. Netanyahu: "Jerusalem Is The Heart Of The Nation. We'll Never Divide Our Heart", 28.05.2014 / The Jerusalem Post [website]. Available at: <https://www.jpost.com/National-News/Netanyahu-47-years-ago-Jerusalem-was-reunited-and-thats-how-it-will-stay-354589> (accessed: 12.07.2018).
19. No: 137, 14 May 2018, Press Release Regarding the Decision of The US Administration to Move Its Embassy in Tel Aviv to Jerusalem, 14.05.2018 / Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs [website]. Available at: http://www.mfa.gov.tr/no_-137_-abdnn-telaviv-buyukciligini-kuduse-tasimasi-hk.en.mfa (accessed: 12.07.2018).
20. The Israeli-Palestinian conflict: A Documentary Record 1967–1990. Ed. Yehuda Lukacs. New York, Cambridge University Press, 1992. 549 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васецова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: vasetsova.es@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Vasetsova – PhD in Political sciences, associate professor of the Department of Politicalology, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vasetsova.es@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васецова Е.С. Вопрос о статусе Иерусалима в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 251–260.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-251-260

FOR CITATION

Vasetsova E. The Question of the Status of Jerusalem in the Geopolitical Situation in the Middle East. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 251–260.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-251-260

УДК 03.09.55

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-261-272

«ЗЕЛЕННЫЕ» В ФРГ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Вититнев С.Ф., Курков Н.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. Статья посвящена деятельности германской партии Союз-90/Зеленые. Взяв на вооружение идею защиты окружающей среды, «зеленые» изначально с антисистемных позиций подвергают критике внешнюю и внутреннюю политику государства и всех существующих политических партий. Со временем отказавшись от бывшего радикализма, «зеленые» на правах младшего партнера социал-демократов входят в состав правительственной коалиции. Однако после ее распада в середине первого десятилетия XXI в. их поиски политических партнеров как на земельном, так и федеральном уровнях не увенчались успехом. Обращаясь к публикациям, вышедшим в свет в период становления «зеленых» как парламентской партии, авторы раскрывают некоторые из причин, обусловивших подобное развитие событий.

Ключевые слова: современная Германия, экологическое движение, «зеленые», правительственная коалиция, парламентская партия.

THE “GREENS” IN GERMANY AS A POLITICAL PHENOMENON AND ITS INTERPRETATION IN GERMAN HISTORICAL AND POLITICAL LITERATURE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

S. Vititnev, N. Kurkov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. Article is devoted to the activities of the German party Soyuz 90 / the Greens. Having adopted the idea of environment protection, the "greens" initially criticize the foreign and domestic policy of the state and all existing political parties from anti-system positions. Over time having refused former radicalism, the "greens" entered the government coalition as the junior partner of social democrats. However, when it disintegrated in the middle of the first decade of the 21st century, their search of political partners both at the land, and federal levels wasn't successful. Addressing the publications which were published during the period when the "greens" were forming as a parliamentary party the authors disclose some of the reasons which determined similar succession of events.

Key words: modern Germany, ecological movement, the “greens”, governmental coalition, parliamentary party.

Последние десятилетия XX в. были ознаменованы появлением в целом ряде индустриально развитых стран экологических движений, призывавших в условиях набирающего силу экологического кризиса кардинальным образом изменить отношения человечества с природой, осуществляя переход к альтернативному типу цивилизационного развития, что предполагало утверждение новых способов производства и потребления, техники и технологии, изменение ценностных ориентаций общества.

Одновременно экологические движения и возникшие на их основе партии подвергали суровой критике политику, проводимую правительственными кругами, идеологически и практически отстаивали положение о необходимости отстранения их от власти, оказывая давление как на парламентском, так и внепарламентском уровне. Наиболее значительных успехов экологисты добились в Федеративной Республике Германия. Не желая ограничиваться проведением уличных митингов и демонстраций, они начинают вести успешную борьбу за депутатские мандаты первоначально земельных парламентов-ландтагов, а после партийной институализации в 1980 г. посылают своих представителей в бундестаг.

При этом, обретя парламентский статус, «зеленые» изначально сознательно стремились демонстрировать стиль политического поведения, присущий внепарламентским движениям, закрепляя за собой роль внесистемной оппозиционной партии нового типа, к которой не применимы основанные на дихотомическом делении характеристики «правая» или «левая». Такая постановка вопроса определялась не

только экологическими приоритетами «зеленых», но и тем, что к моменту возникновения партии в ее рядах оказались выходцы из организаций, представлявших все оттенки политического спектра.

Это предопределило возникновение нескольких внутрипартийных течений, противостояние которых привело к вытеснению правых, а затем и левых радикалов, на протяжении лет задававших тон среди экологов, что имело своим следствием приход к руководству представителей течения «реалистов». С подачи последних «зеленые» после поглощения Германской Демократической Республики Западной Германией в 1990 г., в надежде укрепить влияние на востоке страны объединяются с далекой от левого радикализма природоохранной организацией либерального толка Союзом-90, а в дальнейшем, сочтя целесообразным наладить тесное сотрудничество с СДПГ, получают министерские портфели в правительстве, возглавляемом Г. Шредером, пребывавшем у власти вплоть до 2005 г.

Казалось бы, корректировка былых подходов и принципов, определявшая направленность движения экопартии по пути системной интеграции, взятие на вооружение идеологических установок либерального толка (мультикультурализм, интеграция иммигрантов в германское общество, разрешение однополых браков, ограничение возможностей государства вмешиваться в личную жизнь граждан, признание необходимым сохранения Германией членства в НАТО и т. д.) должна была стать залогом долговременности ее политических успехов, гарантией получения пропуска в коридоры власти.

Более того, среди «зеленых» после распада коалиции с СДПГ, что было связано с проведением в 2005 г. долгосрочных выборов, по итогам которых социал-демократы вошли в новое правительство во главе с христианскими демократами, приобретает популярность идея последовать этому примеру. Так, в 2009 г. руководство земельной организации «зеленых» в Сааре высказывается в пользу создания коалиции с клерикально-консервативным Христианско-демократическим союзом и либеральной Свободно-демократической партией. И хотя это решение вызвало критику со стороны «партийных левых», определивших его как «проблематичное и фатальное», а объединение просуществовало лишь до января 2012 г., прецедент был создан.

Тем не менее с тех пор, несмотря на готовность «зеленых» создавать политические союзы, возможность которых на протяжении долгих лет отвергалась, надежды экопартии на вхождение в состав правительств как земельного, так и федерального уровня, не были реализованы. Примером могут служить переговоры, проходившие осенью 2018 г. после очередных выборов в бундестаг между Союзом 90/Зеленые, ХДС/ХСС и СвДП по созданию правительственной коалиции «Ямайка», именуемой подобным образом, поскольку официальные цвета партий, принимавших в них участие – черный, зеленый и желтый – составляли цвета флага государства Ямайка [2].

Несмотря на заявления лидеров «зеленых» о том, что позиции сторон по вопросам защиты окружающей среды, сельского хозяйства и иммиграции близки и осталось договориться лишь по отдельным пунктам, а также о готов-

ности партии идти на компромиссы, переговоры закончились провалом [2]. В итоге в начале 2018 г. была сформирована очередная «большая коалиция» в составе ХДС/ХСС и СДПГ, участники которой не нуждались в поддержке эко-партии, отводя ей в очередной раз роль парламентской оппозиции.

Подобное развитие событий неслучайно. Помимо обстоятельств, связанных с количеством голосов, полученных на выборах каждой из партий, потенциально обладающих способностью принять участие в формировании правительства большинства, и, как следствие, стремящихся обрести приемлемых для решения этой задачи партнеров, немаловажную роль сыграли причины более глубокого характера и имеющие давнее происхождение, а потому препятствующие вхождению «зеленых» в состав правительственной коалиции во главе с христианскими демократами. Более того, судя по всему, в этом качестве «зеленые» не предстают даже в глазах их союзников по двум правительственным коалициям прошлых лет социал-демократов, о чем говорят скромные политические результаты сотрудничества этих партий в последующие годы не только на федеральном, но и на земельном уровнях.

Можно предположить, что так называемые этаблированные партии отнюдь не торопятся расставаться с предубеждениями в отношении «зеленых», имевшими место в предшествующие десятилетия после выхода экологов на политическую арену.

С этой точки зрения безусловный интерес представляют те оценки и характеристики «зеленых», которые можно обнаружить в исторической и политологической литературе конца

XX – начала XXI в., вышедшей из под пера авторов как консервативной, так и либерально-реформистской ориентации, идейно близких как ХДС/ХСС, так и СДПГ.

Обращаясь к сочинениям авторов, стоящих на позициях политического консерватизма, можно обнаружить однозначно негативное отношение к деятельности участников экологического движения, в первую очередь к партии «Зеленые», заявлявшей о своем намерении использовать как внепарламентские, так парламентские формы борьбы за преодоление индустриального способа производства, губительного для окружающей среды, что предполагало отрицание существующих политических институтов, включая государство и партии, выступающих за его сохранение.

Так, Г. Лангут в книге «Зеленый фактор: от движения к партии» указывал на существовавшие связи между возникновением движения «зеленых» и выступлениями леворадикального студенчества «поколения 68 года» [13, S. 79].

В этом же духе высказывался другой консервативный автор Х. Фогт, писавший, что «зеленые» – партия левых экстремистов, ряды которой наполнены выходцами из прокоммунистических и анархистских объединений [9, S. 132, 148], стремящихся изменить общественное устройство, в частности производственные отношения, утвердив общественную собственность на средства производства [9, S. 180].

Развивая эту тему в книге «С коммунистами и «зелеными» в 90-е годы» К. Бранд и Х. Глеумес называли «зеленых» составной частью леворадикального движения, продуктом

разложения «новых левых» и коммунистических марксистских групп догматического толка [3, S. 8]. При этом в качестве доказательства близости «зеленых» к коммунистам приводятся политические призывы тех и других относительно необходимости выхода ФРГ из блока НАТО [3, S. 8].

По определению же Ф. Дормана, «зеленые» представляют собой новую антирыночную партию, преследующую цель осуществить всеохватывающие «культурно-революционные преобразования» [7, S. 1].

Резкой критике консервативные авторы подвергали практически все идейно-политические установки «зеленых». Так, Г. Лангут обвинял их в нежелании следовать нормам и правилам парламентской демократии, функционирование которой предполагает заключение компромиссных соглашений [13, S. 79]. Что же касается концепции базисной демократии, которая, по утверждениям «зеленых», обосновывает особый тип политической организации общества, характеризуемый высокой степенью вовлеченности граждан в принятие политических решений и действий по их реализации [1, с. 92], то она, напротив, предполагает замену власти народа властью кадрового меньшинства [13, S. 86].

«Зеленые», по утверждению В. Шлаффке, отвергают основы общественного устройства страны, парламентскую демократию, не желают признавать волеизъявление большинства [6, S. 35–36], оправдывают акты насилия в отношении представителей государственной власти [6, S. 40]. По словам Х. Фогта, «зеленые» видят в своих депутатах, избранных в бундестаг, не выразителей воли народа, а элитар-

ного меньшинства, что противоречит конституционным нормам [6, S. 77].

Антиконституционное начало, согласно мнению Г. Тимера, просматривается в отношении «зеленых» к семье, воспринимаемой ими как союз чередующихся партнеров, а также в навязывании большинству населения установок, распространенных в среде социальных маргиналов [6, s. 112].

Помимо этого, обличая представительную демократию как политический спектакль, служащий оглушению населения и маскирующий несправедливость общественного устройства, «зеленые» считают возможным, проводя свою политическую линию, задействовать «средства и институты», предоставляемые им столь презируемой властью [19, S. 54]. В целом же политическое поведение «зеленых» сопряжено с нагнетанием эсхатологических настроений, связанных со страхами относительно возможности начала мировой войны, экологической катастрофы и т. д. [19, S. 41].

Одновременно «зеленые», по словам С. Айзеля, посредством постоянного морализирования стремятся диффамировать своих оппонентов [8, S. 251]. Помимо этого, создавая свои идеологические конструкции, «зеленые», как правило, противопоставляют утопические проекты реальности, руководствуясь принципом, согласно которому если реальность не соответствует их взглядам, то «тем хуже для реальности» [8, S. 254–255].

Положение об утопичности экологических, социально-экономических, политических теорий, идейных установок, программ, инициатив, предложений «зеленых» разделялось практически всеми авторами консер-

вативного направления. Так, согласно утверждению К.-Р. Кабелитца, они отказываются постичь очевидную истину, что рост экономики и технический прогресс создают предпосылки для осуществления эффективных природоохранительных мероприятий, а перспективы реализации их программ по преодолению индустриального общества и организации сельскохозяйственного производства, в первом случае приведет к возврату «в деревни и леса» [6, S. 113], а во втором – разорению немецких крестьян [6, S. 201]. В энергетическое средневековье приведет и реализация отказа от ядерной энергетики [6, S. 217].

По мнению Б. Шмидбауэра, «утопическими были и все предложения по защите окружающей среды в бундестаге [16, S. 364]. Как утопическая оценивалась консервативными авторами и экономическая концепция «зеленых», поскольку те в качестве приоритетной задачи видели не обеспечение населения товарами и услугами, а устранение последствий экологического кризиса, ущерба окружающей среде [4, S. 372], возлагая ответственность за них на крупный бизнес [4, S. 367].

Вставая на защиту его интересов, Р. Бирет заявлял, что, отрицая сложившееся отношение собственности, «зеленые» не выдвигают реальную альтернативу, предпочитая рассуждать о необходимости децентрализации социальной и производственной сферы, в данном случае также демонстрируя свою непоследовательность [6, S. 138]. Абсолютно контрпродуктивна и выдвигаемая «зелеными» идея создания альтернативного сектора экономики, функционирующего в соответствии с принципом демократического само-

управления, о чем свидетельствовал опыт реформ, проводившихся в свое время в Югославии [6, S. 166].

Крайне негативная оценка в консервативной литературе дается достаточно ограниченной на тот момент практике сотрудничества «зеленых» и социал-демократов. И те, и другие в той или иной степени, по мнению ряда авторов, были подвержены влиянию пацифистских, антирыночных, антикапиталистических, антипрогрессистских, технократических идей [19, S. 104]. Говоря о политике СДПГ в отношении «зеленых», Х.-П. Шварц ставил ей в вину неспособность воспрепятствовать тем провести своих депутатов в бундестаг, а также имевший место в Гессене прецедент, связанный с созданием коалиционного правительства [17, S. 21–23]. При этом делался вывод, что социал-демократы оказались под влиянием эко-партии, а потому задачу, связанную с минимизацией ее политического влияния на избирателей, должна взять на себя партия христианских демократов [17, S. 24], категорически отвергающая намерения «зеленых» изменить статус ФРГ в составе Североатлантического альянса и привнести в молодежную среду свои идеи и лозунги, многие из которых напоминают нацистские [17, S. 25–27].

Авторы в работах, посвященных «зеленым», либерально-реформистского направления, которые также не были чужды обличительного пафоса, все же стремились придерживаться принципа научного объективизма, и потому не давали излишне однозначной интерпретации фактов, имеющих отношение к деятельности «зеленых». В этом плане весьма пока-

зательна работа В.-П. Бюрклина «Зеленая политика», ставшая одним из первых в германской историографии комплексных исследований экологического движения. Успехи «зеленых» в избирательных кампаниях, по мнению автора, были связаны с тем, что им удалось предложить избирателям «новые ценности и новую идеологию», созвучные тем изменениям, которые произошли в обществе, посредством чего осуществляется «делегитимация эстаблированной политической элиты и легитимируются собственные властные притязания» [5, S. 5].

В то же время появление «зеленых» – «симптом эколого-радикального установочного синдрома», «сформировавшегося в ходе немецкой истории» [5, S. 93], а их духовные корни уходят в «идеалистическо-романтический протест» XVIII–XIX вв., нашедший свое выражение в критике как средневекового абсолютизма, так и рационализма Просвещения.

История партии «зеленых» и разнообразные аспекты проводимой ею политики рассматриваются в книге Й. Группа «Прощание с принципами. «Зеленые» между коалицией и оппозицией». Отмечая, что вопрос о политической природе экопартии вызывает дискуссии в научных и политических кругах, автор относит ее к левой части политического спектра. Тем не менее в силу отсутствия внутреннего единства, существования в партии враждующих течений, говорить однозначно о ее перспективах невозможно. Так, сторонники течения «фундаменталистов» утверждают, что партия не должна быть ни правой, ни левой [11, S. 85], а находиться в авангарде, эконосерваторы же хотят ее видеть в роли «Эко-

ХДС» [11, S. 25–26], эко-либералы высказываются за создание «широких коалиций», «реалисты» хотят вступить в коалицию с СДПГ, тогда как эко-социалисты считают, что нужно оказывать давление на ее левый фланг [11, S. 100].

Вопрос о противоречиях среди «зеленых» и неопределенности их политического будущего также поднимался П. Гаттером, указывавшим на наличие внутрипартийных течений, ведущих друг с другом острые политические дискуссии [10, S. 255–256].

Способность «зеленых» и социал-демократов выступать в роли политических партнеров становится предметом анализа О. Тольмайна и Д. Винкеля. Отмечая, что обе партии на протяжении ряда лет взаимодействуют на муниципальном и даже земельном уровнях, авторы приходят к выводу о наличии возможности формирования ими в будущем федерального правительства. При этом ее реализация зависит от того, станут ли «зеленые» обычной партией, пусть даже экологически ориентированной, склонной к морализированию, что принесет ей некоторую оригинальность, или сохраняют враждебность существующей политической системе [18, S. 8].

Различные аспекты деятельности «зеленых» рассматриваются Р. Хюлленом в книге «Идеология и борьба за власть у “зеленых”». Задаваясь вопросом, к какому типу партий могут быть отнесены «зеленые», автор делает вывод о том, что они представляют собой «контрмодель» народной партии (типа ХДС или СДПГ) и являются политическим союзом, позиционирующим себя как рупор тех, кто находится в тяжелом социальном положении. Для

«зеленых» характерны плюрализм и гетерогенность, что заставляет задуматься о их способности выработать специфическую идеологию и программу. Выражением претензии «зеленых» быть в этом отношении оригинальными становятся их заявления о том, что они не правые и не левые, а находятся впереди, а также стремление освободить свою идеологию от логических противоречий, доказать реализуемость ее положений в сфере практики.

Согласно оценке Р. Хюллена, в экопартии представлены носители как правых, так и левых взглядов. Это ведет к тому, что в политическом отношении среди «зеленых» можно встретить сторонников парламентской демократии, гуманного социализма, эко-диктатуры [12, S. 49]. Их объединяет то, что в своих философских рассуждениях центральное место они отводят понятию «экология» [12, S. 52]. Многие из «зеленых» вообще придают экологии «статус мировоззренчески обоснованного секуляризованного священного учения», распространение которого должно способствовать «утверждению нового взгляда на мир, новых парадигм мышления» [12, S. 55].

При этом Р. Хюллен отмечал у «зеленых» так называемые «программные мутации», связывая их с усвоением ценностей либеральной демократии, что обусловлено «цивилизующим воздействием» включения «зеленых» в систему парламентских связей и приходит в противоречие с «тоталитарно-деструктивным стилем борющихся против «системы» оппозиционеров» [12, S. 462]. Такого рода тенденции к «системной» интеграции оценивались автором положительно, поскольку оз-

начают отказ от старых идеологических и поведенческих парадигм, большинство которых были выработаны в 80-е гг. под воздействием левых радикалов [12, S. 463].

Наиболее фундированным исследованием конца XX в., посвящённым экологическому движению, стала работа Й. Рашке «Зеленые: как они возникли, кто они такие». Исследуя социально-политическую природу эко-партии, автор приходит к выводу, что она играет роль индикатора постиндустриальных общественных изменений и одновременно выступает как участник этого процесса, стремящийся определить его направленность, ведя борьбу против «этаблированных партий власти» [14, S. 19]. В «зеленых» концентрируются эмансипационные возможности упомянутых изменений. Возникновение постиндустриального общества сопряжено с изменениями не только на социально-экономическом уровне. На культурном уровне они коррелируются с явлением «идеологического постмодернизма», носителями которого являются «зеленые», ставшие постмодернистами против собственной воли, поскольку «реактивируют многие традиционные идеологии и опираются на разнообразный культурный потенциал» [14, S. 19]. Речь идет о том, что идеологическое структурирование «зеленых», связанное с потребностью интерпретировать окружающий их мир, своим результатом имело использование положений, заимствованных из различных областей знания: как научного, так и религиозного, антропософского, спиритуалистического [14, S. 37]. Помимо этого, идейная гетерогенность «зеленых», по мнению Й. Рашке, определяется тем, что они воз-

никли как «протестная собирательная партия» [14, S. 42], вобравшая в себя выходцев из самых разных политических организаций.

Называя «зеленых» левой партией, Й. Рашке отмечает, что они действуют на поле «новой политики», выражением чего служит дистанцирование от «этаблированных» партий и подчеркнутое внимание к вопросам экологии и образа жизни [14, S. 49]. Но, рассматривая экологию как основной пункт своей программы, они также продемонстрировали различие подходов к этой теме, интерпретируя ее в натуралистическом, морализаторском или спиритуалистическом ключе [14, s. 70]. Анализируя деятельность эко-партии, «приобщившейся» к кормилу государственного управления, войдя в состав правительственной коалиции с СДПГ, автор задается вопросом – насколько «зеленые» готовы к исполнению этой роли, обладают ли они необходимым для этого стратегическим мышлением [15, S. 20].

Рассматривая стиль политического руководства лидеров эко-партии, ее взаимоотношения со старшим партнером по коалиции, идейно-политические приоритеты, отстаиваемые ведущими внутрипартийными течениями, Й. Рашке указывает на отсутствие у «зеленых» продуманной стратегии [15, S. 27], что ведет к ограничению собственных возможностей, зависимости от внешних факторов, отсутствию сил для проведения политики «активного центризма» [15, S. 28]. За этими словами просматривалась обеспокоенность за судьбу «красно-зеленого» правительственного эксперимента, неудача которого была чревата смещением оси политической жизни страны впра-

во, что не вызывало воодушевления у большинства представителей либерально-реформистского течения.

Относительно краткий обзор публикаций, вышедших в свет в конце XX – начале XXI вв. из-под пера германских авторов, позволяет более глубоко понять причины, препятствующие превращению «зеленых» в полноценных партнеров в сфере государственного управления наиболее влиятельных германских партий ХДС/ХСС и СДПГ, а в конечном счете, обозначить перспективы подобного сотрудничества.

Очевидно, что противоречия, существующие между «зелеными» и их предполагаемыми политическими партнерами, более основательны, чем это представляется в настоящее время самим «зеленым», а точнее говоря, их партийным лидерам. И эти противоречия, не преодоленные в полной мере вплоть до наших дней, со всей очевидностью обнаруживаются при обращении к рассмотренным выше публикациям.

С большой степенью вероятности можно предположить, что «зеленые» в глазах как ХДС/ХСС, так и СДПГ по-прежнему предстают как носители гипертрофированного левого и даже радикального начала, наличие которого делает экопартию не слишком подходящим партнером для создания правительственной коалиции, поскольку ожидаемые идейно-политические разногласия помешают лидирующей партии в полной мере реализовать свою программу.

Такого рода опасения имеют под собой определенные основания, поскольку «зеленые», несмотря на все метаморфозы, произошедшие с ними за два

последних десятилетия, по-прежнему представляют левый фланг германской партийно-политической системы, что находит выражение в их подходах к самому широкому кругу вопросов, стремление решать которые выражается не только в принятии тех или иных программных документов, но и в проведении ряда внепарламентских акций.

Не следует забывать и того, что «зеленые», пользуясь поддержкой лишь примерно 10% избирателей, а значит, имея достаточно ограниченную социальную базу, далеко не при всех политических раскладах, даже независимо от сказанного выше, в состоянии заинтересовать крупные политические партии, позиционируя себя в качестве потенциального партнера. Более того, вероятность стать таковым уменьшается, благодаря наличию либеральной Свободно-демократической партии (чье политическое влияние сопоставимо с влиянием «зеленых»), неоднократно входившей в правительства, возглавляемые представителями этаблированных партий, которые к тому же вопреки традиционной конкуренции в случае необходимости (подобно тому, как это произошло в феврале 2018 г.), готовы идти на создание так называемой «большой» коалиции.

Гипотетически ситуация может измениться при условии, если экопартия во имя реализации своих правительственных амбиций сочтет целесообразным еще больше сместиться вправо, существенным образом пересмотреть свои идейно-политические условия, заметно нивелировать особенности, отличающие ее от всех прочих субъектов, представленных на политической арене. В этом случае можно предположить, что «зеленые» стол-

кнутся с проблемой самоидентификации, потеряют значительную часть своих сторонников, наличие которых определяется местом и функцией экопартии в рамках сложившейся партийно-политической системы. Очевидно и то, что наиболее радикальная перестройка основ существования экопартии потребует для сближения с консерваторами из ХДС/ХСС. Однако, как представляется, лимит уступок со стороны «зеленых» приближается к завершению, так как следование подобным курсом может обернуться для них не только потерей идентичности, но и потерей всякой политической субъектности, в особенности на фоне освоения экологической проблематики другими партиями.

Что же касается сотрудничества с СДПГ, то его осуществление не предполагает столь очевидной политической капитуляции, но в любом случае речь идет о серьезных уступках со стороны «зелёных», о чем свидетельствует опыт их совместной работы в коалиционном правительстве.

При этом, если формирование такового в 2018 г. в союзе с христианскими демократами стало невозможным в силу достаточно большого количества

непреодоленных разногласий, то в отношении социал-демократов это изначально было связано с недостаточным количеством голосов, полученных обеими партиями. Как могли развиваться события в другом случае – дать однозначный ответ довольно сложно, поскольку интенсивность сотрудничества между партиями в последние годы не была высока, что определялось рядом противоречий по вопросам внешней и внутренней политики [20].

Подводя итоги сказанному, отметим, что понимание перспектив и проблем современного политического статуса «зеленых» со всей очевидностью предполагает обращение к массиву публикаций, вышедших в свет на этапе генезиса «зеленого» движения, что доказывает в очередной раз справедливость известной истины, согласно которой знание прошлого дает понимание настоящего и позволяет заглянуть в будущее. Именно этим соображением руководствовались авторы настоящей статьи, предпринимая попытку рассмотреть политические проблемы современной Германии в оценке немецких историков.

Статья поступила в редакцию 27.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Вититнев С.Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции. М.: Папирус-про, 2004. 248 с.
2. Рязанова Э. «GroKo» повторяется: когда в Германии появится новое правительство? 23.01.2018 // POLITIQ [сайт]. – URL: <https://politiq.ru/2018/01/23/groko-povtoryaetsya-kogda-v-germanii-poyavitsya-novoe-pravitelstvo> (дата обращения: 28.10.2018).
3. Brand C., Gleumes H. Mit Kommunisten und Grünen in die 90er Jahre?: Strukturen u. Entwicklungstendenzen des linksradikalen Bündnisgeflechts an den Hochschule der BRD. Bonn, 1986.
4. Bierett R. Zwischen Schlaraffenland und Zwangsvericht. Die Wirtschaftsprogrammtik der Grünen // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. Bergisch Gladbach, 1987.
5. Bürklin W.-P. Grüne Politik: Ideologische, Zyklen, Wähler und Parteisystem. Oplanden, 1984.

6. Das grüne Chaos. Enttarnung einer verfehlten Politik. Köln, 1985.
7. Dormann F. Die Grünen. Repräsentationspartei der Neuen Linken. Bonn, 1992.
8. Eisel S. Die Gefahr der Irrationalen. Wie die Grünen der ideologischen Versuchung erliegen // *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
9. Fogt H. Die Grünen und die Neue Linke. Zum innerparteilichen Einfluß der organisierten Linksradikalismus // *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
10. Gatter P. Die Aufsteiger. Ein politisches Porträt der Grünen. Hamburg, 1987.
11. Grupp J. Abschied von den Grundsätzen. Die Grünen zwischen Koalition und Opposition. Berlin, 1986.
12. Hüllen R. Ideologie und Machtkampf bei den Grünen. Bonn, 1990.
13. Langguth G. Der grüne Faktor. Von der Bewegung zur Partei // Osnabrück. Zürich, 1984.
14. Raschke J. Die Grünen: Wie sie wurden, was sie sind. Köln, 1993.
15. Raschke J. Sind die Grünen regierungsfähig? Die Selbstblockade einer Regierungspartei // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2001. № 10.
16. Schmidbauer B. Anspruch und Wirklichkeit. Bilanz grüner Umweltpolitik // *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
17. Schwarz H.-P. Vorwort // *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
18. Tolmein O. Vorwort // *Ökorepublik Deutschland. Erfahrungen und Perspektiven rot – grüner Zusammenarbeit*. Hamburg, 1986.
19. Vorsicht: Grüne Fälle. Die Partei der falschen Hoffungen. Köln, 1987.
20. Wir sorgen für Sicherheit und erhalten die Freiheit, 03.07.2017 // Bündnis 90 / Die grünen [website]. – URL: <https://www.gruene.de/themen/gruene-themen-von-a-bis-z/wir-sorgen-fuer-sicherheit-und-erhalten-die-freiheit.html> (дата обращения: 28.10.2018).

REFERENCES

1. Vititnev S.F. [The ecological movement in Germany: genesis, ideology, functions]. Moscow, Papyrus-pro, 2004. 248 p.
2. Riazanova E. ["GroKo" repeats: when will the new government appear in Germany? 21.01.2018]. In: *POLITIQU* [website]. Available at: <https://politiq.ru/2018/01/23/groko-povtoryaetsya-kogda-v-germanii-poyavitsya-novoe-pravitelstvo> (accessed: 28.10.2018).
3. Fire C., Gleumes H. [With communists and Greens in the 90s?: Structures and development trends of the left radical alliance network to the college of the FRG]. Bonn, 1986.
4. Bierett R. [Between land of Cockaigne and Zwangsvericht. The Wirtschaftsprogramm of the Greens]. In: *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
5. Bürklin W.-P. [Green politics: Ideological, cycles, voters and Parteisystem]. Oplanden, 1984.
6. [The green chaos. Exposure of a wrong politics]. Cologne, 1985.
7. Dormann F. [The Greens. Representation party of the new lefts]. Bonn, 1992.
8. Eisel S. [The danger of the irrational. Like the Greens of the ideological temptation succumb]. In: *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
9. Fogt H. [The Greens and the new left. To the inner-party influence the organised link radicalism]. In: *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
10. Fence P. [The promoted teams. A political portrait of the Greens]. Hamburg, 1987.
11. Trench J. [Resignation of the principles. The Greens between coalition and opposition]. Berlin, 1986.
12. Covers R. [Ideology and struggle for power with the Greens]. Bonn, 1990.

13. Langguth G. [The green factor. From the movement to the party]. In: *Osnabrück*, Zurich, 1984.
14. Raschke J. [The Greens: How they became what they are]. Cologne, 1993.
15. Raschke J. [Are the Greens governmentable? The self-blockade a ruling party]. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2001, no. 10.
16. Schmidbauer B. [Claim and reality. Balance of green environmental politics]. In: *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
17. Black H.-P. [Preface]. In: *Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei*. Bergisch Gladbach, 1987.
18. Tolmein O. [Preface]. In: *Ökorepublik Deutschland. Erfahrungen und Perspektiven rot – grüner Zusammenarbeit*. Hamburg, 1986.
19. [Care: Green cases. The party the wrong court fun gene]. Cologne, 1987.
20. [We provide security and freedom, 03.07.2017]. In: *Bündnis 90 / Die grünen* [website]. Available at: <https://www.gruene.de/themen/gruene-themen-von-a-bis-z/wir-sorgen-fuer-sicherheit-und-erhalten-die-freiheit.html> (accessed: 28.10.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kurkowkonstanti@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey F. Vititnev – doctor of historical sciences, professor, professor of the department of political science and law, Moscow Region State University;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Nikolay V. Kurkov – doctor of historical sciences, professor, professor of the department of modern, contemporary history and methodology, Moscow Region State University;
e-mail: kurkowkonstanti@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вититнев С.Ф., Курков Н.В. «Зеленые» в ФРГ как политический феномен и его осмысление в немецкой историко-политологической литературе конца XX – начала XXI веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 261–272.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-261-272

FOR CITATION

Vititnev S., Kurkov N. The “Greens” in Germany as a Political Phenomenon and its Interpretation in German Historical and Political Literature of the Late XX – Early XXI Centuries. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 261–272.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-261-272

УДК 316.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-273-284

УНИОНИСТСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ МОЛДОВЫ: ОСНОВНЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РУМЫНИЕЙ МОЛДОВЫ)

Лавренов С.Я.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты возникновения и реализации проекта об объединении Румынии и Молдовы; актуальные процессы постепенной «румынизации» Молдовы в контексте евроинтеграционного курса Кишинёва; отношение нынешнего правящего класса Молдовы и молдавского общества к проблеме объединения; позиция Приднестровья и Гагаузии относительно этой проблемы, а также влияние унионистского процесса на состояние российско-молдавских отношений.

Ключевые слова: Республика Молдова, Румыния, румыно-унионистский проект, политика «румынизации» Молдовы, Сфатул Цэрий.

THE UNIONIST PROJECT FOR MOLDOVA: MAIN RISKS AND PROSPECTS (ON THE CENTENARY OF JOINING MOLDOVA TO ROMANIA)

S. Lavrenov*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. In the article the historical aspects of formation and implementation of the project of unification Romania and Moldova are scrutinized. The current processes of the gradual «romanization» of Moldova are given in the context of the European integration course of Chisinau. The attitude to the problem of unification of the current Moldovan ruling class and society is mentioned. The position of Transnistria and Gagauzia to the problem is discussed. The influence of the unionist process on the state of the Russian-Moldovan relations is scrutinized.

Key words: Republic of Moldova, Romania, the Romania-unionist project, concept of «romanization» of Moldova, Sfatul Țării (the Regional Council).

Румыния, после формального признания своей государственности в 1878 г., придерживается в отношении Молдовы концепции «единого народа», последовательно и настойчиво стремясь «вернуть» молдавские земли в состав своего государства. Ради возвращения Бессарабии (Восточной Молдовы) и присоединения новых территорий, населенных преимущественно этническими румынами, Бухарест накануне Первой мировой войны прибегал к резким зигзагам в своей внешней политике, когда это выгодно, меняя союзников. Воспользовавшись ре-

волюционной ситуацией в России, Румыния, прикрывшись решением «Сфатул Цэрий» (Совета края) от 27 марта 1918 г., фактически аннексировала Бессарабию. Вынужденная 27 марта 1940 г., по требованию советского правительства, эвакуироваться из Бессарабии, Румыния, как показали последующие события, не смирилась с этой потерей. Очередная попытка «возвращения» Молдовы была предпринята на закате «перестройки», когда Бухарест инициировал создание Народного фронта Молдовы (1989 г.), намереваясь с его помощью «воссоединиться» с Молдовой. Реальная угроза подобного хода событий стала одной из главных причин развития конфронтации с Гагаузией и Приднестровьем, не принявших румыно-унионистский проект и фактически сыгравших роль «якоря», предотвративших развитие данного процесса в этом направлении. Однако Бухарест не отказался от своих намерений. В статье будет предпринята попытка рассмотреть состоятельность румынских притязаний в историческом плане, а также особенности современной стратегии Румынии по сближению с Молдовой, основные риски нарастающей «румынизации» для последней, а также перспективы румыно-унионистского проекта.

Объединение княжеств Молдавия и Валахия произошло в 1859 г., став одним из главных геополитических итогов Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг., сопровождавшейся существенным изменением баланса сил на международной арене. Россия после поражения в Крымской войне, согласно Парижскому мирному договору (18(30) марта 1856 г.), была вынуждена уступить княжеству Молдавия (в тот мо-

мент, фактически – Османской Порте) ряд территорий Южной Бессарабии¹ – Измаильский и Кагульский уезды, включая и Болградскую волость, вошедшие в состав Российской империи после победоносной русско-турецкой войны (1806–1812 гг.). Как следствие, Россия лишалась выхода к важной европейской судоходной реке – Дунаю.

Инициатором объединения Молдавии и Валахии являлись Франция и Англия, заинтересованные в том, чтобы Объединенные Дунайские княжества стали своего рода буферной зоной, препятствующей расширению влияния России на Балканах. Соответственно, образование Объединенного княжества с самого начала носило характер геополитического проекта.

Однако успешная для России русско-турецкая война 1877–1878 гг. позволила Петербургу настоять на возвращении утраченных земель. Рассчитывая в этом вопросе на компромисс с созданной в

¹ Бессарабия (рум. *Basarabia*) – историческая область в юго-восточной Европе между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр. Название (рум. *Țara lui Basarab* «Земля Басараба») происходит от имени валашского воеводы Басараба 1 Великого (1829–1352, правил с 1310). В энциклопедии «Отечественная история» (М., Большая Российская Энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 220) говорится о том, что до начала XIX в. Бессарабией называлась только южная часть междуречья Прута и Днестра – Буджак, юг восточной части Молдавского княжества. После присоединения к Российской империи в 1812 г. восточная часть Молдавии получила название Бессарабская область, а с 1873 г. – Бессарабская губерния. Южная Бессарабия в румынской историографии известна под названием полоса Кагул-Измаил-Болград (рум. *Districtul Cahul, Bolgrad și Ismail*) – участок суши, занимавший южную и восточную части историко-географической области Буджак в южной части Бессарабии. По итогам Крымской войны данная территория была передана Молдавскому княжеству в 1856 г.

1877 г. Румынией (провозглашенной на основе Объединенного княжества), Россия сыграла важную роль в получении последней формальной независимости, которая была закреплена в Сан-Стефанском мирном договоре 19 февраля (3 марта) 1878 г. и подтверждена на Берлинском конгрессе 1878 г. В качестве ответной меры (согласно ст. 43, 45 и 46 Берлинского трактата) Румыния должна была вернуть России Южную Бессарабию, получив взамен из бывших владений Турции Северную Добруджу и острова дельты Дуная [12, с. 200–201]. Россия была заинтересована в возвращении Южной Бессарабии по тем же соображениям, по которым Англия и Франция пытались препятствовать ей в этом – эта территория имела стратегическое значение, открывая «ворота» для России на Балканы и выход к Черному морю.

Перестав нуждаться в России для получения независимости, Румыния, опираясь на поддержку Лондона и Парижа, воспротивилась обмену. Это вынудило Россию явочным порядком ввести войска на спорные территории, поставив Бухарест перед свершившимся фактом. Румыния с утратой Южной Бессарабии не смирилась, что во многом предопределило её внешнюю политику в последующие годы. Антироссийскому вектору этой политики способствовало то, что государственность Румынии, как это происходит с молодыми государствами, формировалась на основе этноцентризма, предполагавшего культивирование «образа» внешнего врага, роль которого была отведена России. Русофобские установки стали составной частью румынской национальной идеологии [16, с. 22].

Благоприятный момент для присоединения Бессарабии настал в 1917 г., когда Российская империя, не выдержав напряжения Первой мировой войны, оказалась охваченной революционной смутой. Экспансионистским замыслом Бухареста не помешало то, что на тот момент Румыния формально все еще являлась союзником России, вступив в войну на стороне Антанты в августе 1916 г. Прежде чем окончательно решиться на военные действия, Бухарест выторговал у Лондона и Парижа «право» на присоединение находившихся тогда в составе Австро-Венгерской империи Трансильвании (территория Буковины до Прута), Угорщины до Тисы и весь Тешеварский (Восточный) Банат, где проживало преимущественно румынское население [8, с. 538].

Несмотря на почти миллионную по численности армию, военный дебют Румынии оказался крайне неудачным. Вместо скоротечных военных действий против истощенной австро-венгерской армии, румынским войскам на деле пришлось столкнуться с закаленными в боях германскими корпусами, уже к концу 1916 г. сумевшими оккупировать почти всю территорию Румынии. Королевская семья и румынское правительство было вынуждено эвакуироваться из Бухареста в Яссы, ставшего временной столицей государства. Решительные действия Берлина, среди прочего, объяснялись тем, что тот не мог простить Румынии, накануне войны проводившей политику заигрывания не только с Антантой, но и с Центральными державами, подобного коварства. Стальной натиск немецких войск, казалось, окончательно похоронил надежды румынского пра-

вещающего режима на создание, по итогам войны, «Великой Румынии».

Ситуацию кардинально изменили революционные события в России. При этом, если распропагандированная русская армия на глазах утрачивала боевую мощь, румынские войска, благодаря помощи стран Антанты (прежде всего, Франции), к лету 1917 г. сумели восстановить свою боеспособность. Как следствие, Бухарест вновь вернулся к планам включения Бессарабии в состав Румынии. «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует, писал в своих послевоенных мемуарах тогдашний румынский министр И.Г. Дука, – Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без неё, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы опасались видеть даже в самых смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы» [17, с. 273].

Однако на этом пути Румынии предстояло заручиться согласием не только Англии и Франции, но и Центральных держав, прежде всего – Берлина. Ввести войска на территорию Бессарабии Бухарест мог, только оголив участок румыно-германского фронта. Добиться этого Бухарест намеревался, предложив свои услуги в борьбе против молодой советской России, что отвечало, по различным обстоятельствам, интересам как его формальных союзников, так и противников.

Уже 8 ноября 1917 г. английское правительство на своем внеочередном заседании приняло решение о необходимости поддержать румынскую

армию в её совместной с войсками казачьего атамана А.М. Каледина борьбе против большевиков [1, с. 169]. Поддержало Румынию и французское правительство во главе Ж. Клемансо [7, с. 60]. Не остались в стороне и США. 10 ноября 1917 г. президент США В. Вильсон высказался за возможность удовлетворения притязаний Бухареста на Бессарабию на предстоящей мирной конференции, в обмен на участие Румынии в антисоветской борьбе [4, с. 11].

Сложнее было договориться с Германией и Австро-Венгрией, войска которых оказывались в тылу в случае вторжения Румынии в Бессарабию. Для ведения трудных переговоров было сформировано новое румынское правительство во главе с известным германофилом А. Авереску, которому тем не менее в ходе июньского наступления 1917 («наступление «Керенского») в битву у Мэрэшти удалось остановить контрнаступление австро-германских войск под командованием Макензена.

Тем временем созданный в Бессарабии 2 декабря 1917 г. Совет страны (Сфатул Цэрий) принял декларацию, объявлявшую Бессарабию «Молдавской Народной Республикой, входящей как равноправный член в состав Единой Федеративной Российской Демократической Республики» [6, с. 135]. Принимать подобные решения от имени большинства населения Бессарабии этот Совет, сформированный по инициативе солдат-молдаван, воевавших на Румынском фронте, не имел. Однако в смутное время, накрывшее Российскую империю, любая самопровозглашенная организация могла оказать существенное влияние на развитие политического процес-

са. Сфатул Цэрий, в состав которого вошли представители состоятельных слоев населения и офицерства, особой популярностью у населения Бессарабии не пользовался, не без основания, подозревавшего его в унионистских устремлениях. Теряя социальную опору, но стремясь во что бы то ни стало удержаться у власти, представители Сфатул Цэрий 8 декабря 1917 г. обратились к румынскому руководству с просьбой о военной помощи [2, с. 18–19]. Это стало поводом для ввода 10 декабря румынских войск в приграничные районы Бессарабии. После того, как румынскому правительству удалось получить окончательное согласие командующего германскими войсками в Румынии фельдмаршала А. Маккензена на эту акцию, с фронта были сняты четыре румынские дивизии, в задачу которых входило взятие под контроль всей территории Бессарабии [10, с. 132]. 4(17) января 1918 г. румынские войска перешли пограничную реку Прут, а уже 13 января, слолив разрозненное сопротивление большевизированных воинских частей, сумели занять Кишинев. В тот же день Совнарком РСФСР объявил о разрыве дипломатических отношений с Румынией [5, с. 89–90]. Что касается Берлина, то он намеревался добиться от Румынии максимально выгодных условий перемирия. Не препятствуя наступлению румын в Бессарабии, Берлин потребовал у румын в качестве компенсации Добруджу. В противном случае Берлин намеревался инкриминировать румынам нарушение условий Фокшанского перемирия (26 ноября/9 декабря 1917 г.), запрещавшего какую-либо переброску румынских войск. 4 (27) февраля 1918 г. представители

австро-германского блока, угрожая оккупацией остатков Румынии, навязали румынскому правительству переговоры. Согласно подписанному 5 (18) марта 1918 г. прелиминарному мирному договору Румыния отказывалась от Добруджи; соглашалась выполнить экономические требования Центральных держав, а также выдворить военные миссии стран Антанты, находившиеся при королевском дворе. Она обязывалась также не препятствовать переброске немецких войск через Бессарабию с целью оккупации Украины [16, с. 29]. Румынское правительство, стремясь развязать себе руки в Бессарабии, было вынуждено согласиться на все условия.

27 марта (9 апреля) 1918 г. Сфатул Цэрий на своем торжественном заседании (но здание, где заседал Сфатул Цэрий, было предусмотрительно окружено румынскими войсками) проголосовал за вхождение Бессарабии в состав Румынии на правах автономии.

Тем временем Германия намеревалась навязать Румынии еще более обременительные условия договора, когда, на радость Бухаресту, военная удача окончательно отвернулась от Центральных держав. Осенью 1918 г. под ударами союзников по Антанте Четверной союз рухнул. 28 октября (10 ноября) 1918 г. Румыния объявила войну Германии, а менее чем через сутки, 29 октября (11 ноября), вступило в силу Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну. Бухаресту удалось удержаться в стане победителей по единственной причине – державы-победительницы нуждались в Румынии в качестве активной антисоветской силы. Готовясь к Парижской мирной конференции,

которая должна была закрепить итоги Первой мировой войны, 25–26 ноября 1918 г. Сфатул Цэрий под жестким давлением Бухареста, при отсутствии кворума, принял решение о безусловном присоединении Бессарабии к Румынии [5, с. 589–592].

Советское правительство не признало присоединение Бессарабии Румынией. На Венской конференции 1924 г.¹ советское правительство в качестве компромисса предложило провести в Бессарабии плебисцит – с тем, чтобы выявить волеизъявление проживающего здесь населения, однако Румыния отвергла это предложение. Как следствие, территориальный вопрос между Румынией и Советским Союзом был на долгое время «заморожен», чтобы разрешиться в 1940 г., когда Москва, опираясь на Договор о ненападении с Германией (23 августа 1939 г.), потребовала от Румынии возвращения Восточной Молдовы. На основе её слияния с Молдавской автономной советской социалистической республикой (ядром которой являлось Приднестровье) была создана Молдавская Советская Социалистическая Республика, просуществовавшая вплоть до 1990 г., когда был провозглашен сначала суверенитет, а затем, в 1991 г., и независимость Республики Молдова. Что касается Приднестровья, то его население в создавшихся условиях предпочло избрать путь строительства собственной государственности.

¹ Венская советско-румынская конференция, состоявшаяся 28 марта – 2 апреля 1924 г., была второй попыткой путем непосредственных переговоров разрешить спорные между СССР и Румынией вопросы (первая попытка – подготовительные переговоры в Варшаве в 1921 г. между советским полпредом Л. М. Караханом и румынским уполномоченным Филати).

В настоящее время официальный Бухарест в своей публичной риторике избегает громких заявлений о неизбежности «воссоединения» с Молдовой, но при этом процесс румынизации Молдовы не только не ослаб, но приобрел новое качество. В ноябре 2015 г. румынский сенат принял законопроект о провозглашении 27 марта национальным праздником – днем объединения Бессарабии с Румынией. Национал-либеральная партия (НЛП) Румынии (возглавляемая К. Иоханнисом до избрания его президентом страны), готовясь к 100-летию со дня объединения (27 марта 1918 г.), в феврале 2016 г. обнародовала программный документ «Республика Молдова – приоритет политики Румынии»², фактически представляющий собой план объединения основных сфер жизнедеятельности двух государств, при сохранении Молдовой формальной независимости. В этом программном документе определены конкретные меры по объединению медиапространств Румынии и Молдовы, их экономик, инфраструктуры, систем образования и других сфер жизнедеятельности.

События последнего времени свидетельствуют о том, что этот план, направленный на формирование единого политического, экономического и духовного пространств Румынии и Молдовы, последовательно реализуется.

Если раньше основной акцент Бухарестом делался на предоставлении облегченной процедуры получения молдаванами румынских паспортов³,

² Документ является базовой частью румынского плана под условным названием «Объединение – 2018».

³ Данные о точном количестве молдаван, имеющих румынский паспорт, носят закрытый характер, но речь идет, как минимум, о не-

преподавании в молдавских школах вместо «Истории Молдовы» – «Истории румын»¹; сокращении числа школ и вузов с преподаванием на русском языке, ежегодном квотировании бесплатных мест в румынских вузах для молодых людей из Молдовы (до 5 тыс.), то теперь правящий режим Румынии, встречая поддержку официального Кишинёва, значительно разнообразил свою стратегию в отношении Молдовы.

Это находит выражение в реализации совместных финансово-экономических проектов, направленных на сближение экономик Румынии и Молдовы, прежде всего, в сфере энергетики и транспорта; расширении числа прорумынских неправительственных организаций на территории Молдовы, задачей которых является постепенное переформатирование сознания населения страны в пользу румынской идентичности.

Существенные перемены в контексте дальнейшего сближения Румынии и Молдовы коснутся образовательной сферы Молдовы где, помимо изучения истории румын (написанной в Бухаресте), предполагается в ближайшее время внедрить обязательную до университетскую программу по изучению румынского языка и литературы, а также ряда социальных наук (истории, географии) в интерпретации румынских специалистов.

В духовно-религиозной сфере Бухарест наращивает всестороннюю поддержку Бессарабской митрополии, подчиняющейся Румынской митрополии и, соответственно, конкури-

рующей с Молдавской митрополией Русской православной церкви. В настоящее время под контролем Бессарабской митрополии на территории Молдовы находится свыше 100 действующих приходов и пять монастырей.

В контексте подготовки столетней годовщины (27 марта; 25–26 ноября 2018 г.) объединения Румынии и Бессарабии унионистскими движениями и организациями в Молдове в 2016 г. было инициировано учреждение так называемого «Сфатул Цэрий-2» («Совет страны-2»). «Сфатул Цэрий-2», в свою очередь, утвердил «дорожную карту» воссоединения двух государств, которая, в числе прочего, предполагает вступление Молдовы в Евросоюз и НАТО, а также объединение парламентов и государственных органов.

Помимо откровенно прорумынских движений (Actiunea-2012 и др.), в политической жизни Молдовы появились новые политические партии, выступающие с откровенно прорумынских позиций. Речь идет, в частности, о «Партии национального единства», созданной в феврале 2016 г., во главе с бывшим министром обороны А. Шалару (почетный председатель – Т. Бэеску). Пропагандистское «турне» Т. Бэеску «по городам и весям» Молдовы в конце 2017 г. получило широкое освещение в СМИ Молдовы, подконтрольных правительству и парламенту. Своей унионистской программой известна и Либеральная партия (лидер – М. Гимпу), имеющая свою фракцию в молдавском парламенте.

Бухарест всё более активно вторгается в медийное пространство Молдовы. Политика, проводимая Буха-

скольких сотнях тысяч человек.

¹ Учебники по «Истории румын» дискредитируют историю Молдовы и не признают молдаван в качестве самостоятельного этноса.

рестом, в последнее время приняла форму информационной экспансии – уже свыше десятка средств массовой информации Молдовы в той или иной степени занимаются пропагандой унионистских идей.

Данный процесс является составной частью плана Запада по так называемому преодолению российской пропаганды в странах Юго-Восточной Европы, в том числе в Молдове. Для планирования и реализации нового информационного курса создан Консультативный совет Бухарест – Кишинев, целью которого является не только закрепление позиции Румынии в информационном пространстве Молдовы, но и «завоевание» русскоязычной аудитории страны. 31 октября 2017 г. Конституционный суд (КС) Молдовы, где большинство судей являются гражданами Румынии, дал положительное заключение по законопроекту группы депутатов-демократов о внесении в Конституцию поправки, предусматривающей изменение названия государственного языка с «молдавского» на «румынский».

Информационное наступление Румынии сопровождается одновременной дискриминацией российских СМИ. Так, 7 декабря 2017 г. молдавский парламент принял закон, ограничивающий эфирное вещание российских телевидения и радио (новостных и информационно-аналитических программ) на территории Молдовы [11].

Распространению унионистских настроений в молдавском обществе способствуют низкий уровень жизни в республике и утрата доверия к тому, что властные структуры способны справиться с социально-экономическими трудностями, распространение

коррупции и другие серьезные изъяны молдавской политической действительности. Необходимо отметить, что именно молодежь, не видя перспектив в собственной стране, является «ударным» отрядом унионистского движения, что наглядно продемонстрировали апрельские события 2009 г. в Кишинёве.

Бывший идеолог ПКРМ, депутат молдавского парламента, историк Марк Ткачук: «Я уверен, что в вопросе унионизма нет серьезной идеологии. Источник роста унионистских настроений на этот раз не какая-то волна воспоминаний о Великой Румынии межвоенного периода, не рост румынского национализма. Нынешний унионизм – это унионизм граждан, потерпевших поражение в борьбе с властью, с собственным государством, которое сегодня ассоциируется не с суверенной страной, а с сотней политиков, захвативших и удерживающих власть. Унионизм — это неверие в перемены к лучшему, недоверие собственным госинститутам, это открытая гражданская капитуляция перед режимом, когда все способы перепробованы и остался единственный способ избавиться от режима — отказаться от государственности. Это всплеск прагматического унионизма отчаявшихся людей» [13].

Вместе с тем привлекательность румыно-унионистскому проекту придает возможность для молдавских граждан сразу оказаться в ЕС, которая, в противном случае, в ближайшие 10–15 лет Европейским Союзом не планируется. Идея объединения с Румынией призвана подменить собой идею европейской интеграции Республики Молдова. Многих молдавских граждан привле-

кает также успешный опыт борьбы румынских правоохранительных органов с коррупцией, в том числе и в верхних эшелонах власти.

Таким образом, Кишинёв, в лице своих официальных представителей, хотя в публичной риторике и отвергает возможность присоединения к Румынии, в практической политике демонстрирует обратное. Это обусловлено, в том числе тем, что в молдавском парламенте, правительстве, Конституционном суде, министерстве обороны, органах государственной безопасности функционирует немало людей, поддерживающих «румынизацию» Молдовы.

Несмотря на явный настрой официального Бухареста и Кишинева на максимальное сближение, последнее слово по этому вопросу остается за евроатлантическими структурами, пока занимающими выжидательную позицию (по крайней мере, ЕС).

В первую очередь, это обусловлено высокой вероятностью появления в Юго-Восточной Европе новой «горячей» точки, поскольку Приднестровье и Гагаузия однозначно, на уровне референдумов, высказались против унионистского проекта. Инициирование унионистского проекта, по мнению президента РМ И. Додона, может привести к гражданской войне в республике. Более того, объединение Румынии и Молдовы и Приднестровья может вызвать перекройку государственных границ в этом регионе Европы. Территориальные споры, в первую очередь, могут актуализироваться между Румынией и Венгрией, Румынией и Болгарией, границы между которыми сформировались после Второй мировой войны в пользу Румынии, своевре-

менно присоединившейся к антигитлеровской коалиции. Неизбежен рост автономистских ожиданий среди венгров, проживающих в Трансильвании (непризнанная Секуйская автономия).

В этом смысле провокационным выглядит предложение бывшего президента Румынии Траяна Бэеску внести на рассмотрение румынского парламента декларацию о денонсации так называемого пакта Молотова–Риббентропа, благодаря которому Бессарабия вошла в состав Советского Союза [3].

Сдерживающим фактором данного процесса является также высокая затратность объединительного процесса для Румынии. Несмотря на то, что цифры относительно того, во сколько может обойтись объединение Румынии и Молдовы, разнятся, речь идет об астрономических суммах. Еще в 2006 г., когда президент Траян Бэеску предложил Молдове вступить вместе с Румынией в Евросоюз, отказавшись от Приднестровья, вышло, что для этого потребуется не менее 30–35 млрд. евро в течение первых 5 лет, что привело бы к дестабилизации румынской экономики. В последующем назывались и другие цифры – от 180 до 200 млрд. евро. Таких трат экономика Румынии, по оценке румынских экспертов, вынести не сможет. При этом на помощь Евросоюза, самому пребывающему в сложной экономической ситуации, Румынии вряд ли приходится рассчитывать [15].

Не случайно румынское общество относится к проекту «Великая Румыния» куда менее оптимистично, чем правящий класс Румынии. Социологический опрос, проведенный Центром городской и региональной социологии CURS в январе 2018 г., в 100-летнюю

годовщину так называемого Велико-го объединения Румынии, показал, что только 27% румын поддерживают идею поглощения Молдавии [14].

Тем не менее стратегическая установка правящих румынских кругов по поглощению Румынией остается неизменной, а нынешние власти Молдовы (парламентско-правительственное большинство) не препятствуют унионистскому процессу, используя его, в случае необходимости, к собственной политической выгоде.

В сентябре 2015 г. председатель парламента Молдовы Андриан Канду заявил, что ему известно, как «правильно» объединить Молдову с Румынией. По его мнению, объединение необходимо делать не на улице, а путем ре-

ализации совместных инфраструктурных проектов, «...через такие проекты Румыния и Молдова стали бы настолько зависимыми друг от друга, что люди и не заметили бы, как произошло объединение» [9].

Таким образом, в ближайшей перспективе следует ожидать не прямых попыток поглощения Румынией Молдовы, а последовательной реализации совместных финансово-экономических, информационных и иных проектов, постепенно притягивающих Молдову к Бухаресту и при этом удерживающих её в зависимом состоянии: формально суверенной, а «де-факто» – полукolonией.

Статья поступила в редакцию 17.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив полковника Хауза. Т. III. М.: Соцэкгиз, 1939. 320 с.
2. Брысякин С.К., Сытник М.К. Торжество исторической справедливости: 1918 и 1940 годы в судьбах молдавского народа. Кишинев: Cartea Moldoveneasca, 1969. 910 с.
3. Бывший президент Румынии требует денонсации пакта Молотова-Риббентропа, 05.02.2018 / AfterShock: аналитический центр [сайт]. – URL: <https://aftershock.news/?q=node/613604&full> (дата обращения: 12.11.2018).
4. Гиршвелд А. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 3–22.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. 773 с.
6. Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917–1918). Кишинев: Штиинца, 1977. 212 с.
7. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. М.: Международные отношения, 1967. 496 с.
8. История Румынии: 1848–1917 / Отв. ред. Виноградов В.Н. М.: Наука, 1971. 668 с.
9. Канду заявил, что знает, как объединить Молдову с Румынией, 14.09.2015 / OMEGA: новости и мнения в реальном времени [сайт]. – URL: <https://omg.md/?newsid=10928> (дата обращения: 12.11.2018).
10. Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев: Штиинца, 2000. 497 с.
11. Парламент Молдавии принял закон об ограничении вещания российских каналов, 07.12.2017 // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20171207/1510432400.html> (дата обращения: 12.11.2018).
12. Сборник договоров России с другими государствами: 1856–1917 / Ред. Адамов Е.А. М.: Госполитиздат, 1952. 464 с.

13. Соловьев В. Молдавия не пришлась к селу: 108 населенных пунктов страны высказались за объединение с Румынией // Коммерсантъ. 2018. 13 марта.
14. Социологический опрос в Румынии показал мнение граждан об объединении с Молдовой, 21.01.2018 / Point [сайт]. – URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/sotsiologicheskii-opros-v-rumynii-pokazal-mnenie-grazhdan-ob-obedinenii-s-moldovo> (дата обращения: 12.11. 2018).
15. «Униря» Молдовы и Румынии будет стоить 200 миллиардов евро, 01.09.2016 / Комсомольская правда (Молдова) [сайт]. – URL: <https://www.kp.md/daily/26576.4/3591544/> (дата обращения: 08.06.2018).
16. Ястребчак В.В. Феномен «Великой Румынии» и румынская дипломатия в годы Первой мировой войны // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.): сборник докладов международной научной конференции. М.: РИСИ, 2011. С. 21–34.
17. Duca I.G. Memorii. Vol. III: Razboiul (1916–1917). Part 1. Bucuresti: Expres, 1994. 464 p.

REFERENCES

1. Arkhiv polkovnika Khauza. T. III [Archive of Colonel House. Vol. III]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 320 p.
2. Brysyakin S.K., Sytnik M.K. Torzhestvo istoricheskoi spravedlivosti: 1918 i 1940 gody v sud'bakh moldavskogo naroda [The triumph of historical justice: 1918 and 1940 in the destiny of the Moldovan people]. Chisinau, Cartea Moldoveneasca Publ., 1969. 910 p.
3. Byvshii prezident Rumynii trebuie denonsatsii pakta Molotova-Ribbentropa [Former President of Romania demands the denunciation of the Molotov-Ribbentrop Pact], 05.02.2018. In: *AfterShock: analytical centre* [website]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/613604&full> (accessed: 12.11. 2018).
4. Girshvel'd A. [On the US role in organizing the anti-Soviet intervention in Siberia and the Far East]. In: *Voprosy istorii*, 1948, no. 8, pp. 3–22.
5. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 1: 7 noyabrya 1917 – 31 dekabrya 1918 g. [Documents of Soviet foreign policy. Vol. 1: 7 Nov. 1917 – 31 Dec. 1918]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 773 p.
6. Esaulenko A.S. Sotsialisticheskaya revolyutsiya v Moldavii i politicheskii krakh burzhuaizma (1917–1918) [The socialist revolution in Moldova and the political collapse of bourgeois nationalism (1917–1918)]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1977. 212 p.
7. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki SSSR. T. I [The history of international relations and foreign policy of the USSR. Vol. I]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1967. 496 p.
8. Istoriya Rumynii [History of Romania]: 1848–1917. Ed. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 1971. 668 p.
9. Kandu zayavil, chto znaet, kak ob"edinit' Moldovu s Rumyniei [Kandu said he knows how to unite Moldova with Romania], 14.09.2015. In: *OMEGA: news and opinions in real-time* [website]. Available at: <https://omg.md/?newsid=10928> (accessed: 12.11.2018).
10. Levit I.E. Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918) [The Moldovan Republic (November 1917 – November 1918)]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 2000. 497 p.
11. Parlament Moldavii prinyal zakon ob ogranichenii veshchaniya rossiiskikh kanalov [The Parliament of Moldova adopted the law on the limitation of Russian TV channels broadcasting], 07.12.2017. In: *RIA Novosti* [website]. Available at: <https://ria.ru/world/20171207/1510432400.html> (accessed: 12.11.2018).
12. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami: 1856–1917 [A collection of treaties of

- Russia with other states: 1856–1917]. Red. E. Adamov. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. 464 p.
13. Solov'ev V. Moldaviya ne prishlas' k selu: 108 naselennykh punktov strany vyskazalis' za ob"edinenie s Rumyniei [Moldova is neither here nor there: 108 settlements in the country voted for the Union with Romania]. In: *Kommersant*, 2018, 13 Mar.
14. Sotsiologicheskii opros v Rumynii pokazal mnenie grazhdan ob ob"edinenii s Moldovoi [A survey in Romania showed the opinion of citizens on the unification with Moldova], 21.01.2018. In: *Point* [website]. Available at: <https://point.md/ru/novosti/politika/sotsiologicheskii-opros-v-rumynii-pokazal-mnenie-grazhdan-ob-obedinenii-s-moldovoi> (accessed: 12.11.2018).
15. «Unirya» Moldovy i Rumynii budet stoit' 200 milliardov evro ["Unirea" will cost Moldova and Romania 200 billion euros], 01.09.2016. In: *Komsomolskaya Pravda* (in Moldova) [website]. Available at: <https://www.kp.md/daily/26576.4/3591544> (accessed: 08.06.2018).
16. Yastrebnichak V.V. Fenomen «Velikoi Rumynii» i rumynskaya diplomatiya v gody Pervoi mirovoi voyny [The phenomenon of "the great Romania" and Romanian diplomacy during the First World War]. In: *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI veka)* [The Eastern policy of Romania in the past and at present (late XIX – early XXI century): the collection of reports of international scientific conference]. Moscow, RISI Publ., 2011, pp. 21–34.
17. Duca I.G. Memorii. Vol. III: Razboiul (1916–1917). Part 1. Bucuresti, Expres, 1994. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренов Сергей Яковлевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Ya. Lavrenov – Doctor of Political Sciences, Professor, professor of the Department of Politicalology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лавренов С.Я. Унионистский проект для Молдовы: основные риски и перспективы (к 100-летию со дня присоединения Румынией Молдовы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 273–284.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-273-284

FOR CITATION

Lavrenov S. The Unionist Project for Moldova: Main Risks and Prospects (on the Centenary of Joining Moldova to Romania). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 273–284.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-273-284

УДК 342.24 (470-571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-285-295

РОССИЯ: ОТ ПОЛУРАСПАДА К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Алябьева Т.К.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция федеративных отношений в России на рубеже XX–XXI вв.: изменение системы и структуры взаимоотношений центра и субъектов федерации; политической, налогово-бюджетной системы; развитие нормативной базы, обеспечивающей данный процесс; формирование национально ориентированной модели. Проанализированы центристский и центробежный векторы развития страны. В результате проведенного исследования выделены этапы формирования централизованной, конституционной, вертикально ориентированной модели федерации. По заключению автора, данная модель федеративных отношений соответствует историческому опыту развития России.

Ключевые слова: Россия, договорная модель федерации, централизация, властная «вертикаль», федерализм, сепаратизм.

RUSSIA: FROM COLLAPSE TO CENTRALIZATION

T. Alyabieva*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the evolution of Federal relations in Russia at the turn of the XX–XXI centuries: changes in the system and structure of relations between the center and the subjects of the federation. Besides, the political, tax and budgetary systems are studied. The development of the regulatory framework that provides this process is scrutinized, as well as the formation of the nationally oriented model. As a result of the study, the stages of the formation of a centralized, constitutional, vertically oriented model of the Federation are shown. The author considers this model of federative relations to fully correspond to the historical experience of the development of Russia.

Key word: Russia, contractual model of Federation, centralization, vertically oriented model of power, federalism, separatism.

Введение

Изучение эволюции такого явления, как федерализм, раскрывает его и как феномен власти, и как средство регулирования противоречий в многонациональном, многоконфессиональном, социально неоднородном, многосоставном обществе.

Все вышеизложенное применительно к России – многосоставному, гетерогенному федеративному обществу, для которого характерно наличие многообразных политических соглашений и структур, отсутствие социального и экономического, культурного единства, функционирование множества внутригосударственных объединений, этнополитических групп и религиозных конфессий. В силу этого, процесс становления федеративной модели в России вызывает особый интерес у отечественных и зарубежных авторов.

Важным аспектом изучения является то, что Россия отказалась от переноса теоретических схем и моделей западного федерализма, но сформировала национально-ориентированную модель. Процесс трансформации продолжается. Оценивается он учеными и политиками по-разному и поэтому требует научной рефлексии. В рамках данной статьи сделана попытка проанализировать эволюцию федеративной модели в России в новых социально-экономических условиях; определить «векторы» развития; описать дифференциацию и интеграцию в процессе территориального строительства; выделить этапы перехода к современной модели федерализма.

При проведении исследования были использованы методы анализа и синтеза, сравнения, классификации и обобщения.

Теоретической основой для исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов: Р.Г. Абдулатипова, С.О. Алехнович, В.Э. Багдасаряна, Л.Ф. Болтенкова, М.И. Гаврилова, В.В. Гайдука, И.Б. Гоптарева, Н.М. Добрынина, А.А. Захарова, Е.А. Кремянской, В.Н. Лысенко, А.С. Морозовой, В.А. Макарова, Е.С. Смирнягина, А.В. Стародубцева, М.Х. Фарукшина, Р.С. Хакимова, И.А. Умнова, А.Э. Савельева, Ю. Розе, Й. Траута, О. Винсента, П. Кинга, Д. Элазара, А. Лейпхарда и др.

Децентрализация страны

Процесс эволюции российского федерализма на рубеже XX–XXI вв. означал активный поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия центра и регионов в период становления новой социально-экономической системы. Специфику этому процессу придавал ряд факторов: острый социально-экономический и национально-этнический кризис; потеря ведущей роли на международной арене, нацеленность ЕС и США на превращение России в сырьевой придаток мировой экономики.

В Гарварде и Хьюстоне еще в 80-е гг. XX в. разрабатывали сценарии распада России [7; 8]. Нацеленность Запада на развал России выразил Зб. Бжезинский в своих работах «Геостратегия для Азии», «Великая шахматная доска» [1; 12], а также известный инвестор Дж. Роджерс [5] и П. Кристи [4]. Возможность распада России рассматривали и некоторые российские эксперты и политологи: С. Переслегин, Р. Шахутдинов, В. Камышев, Б. Туманов, И. Яковенко и др. Концепция дезинтеграции

России предполагала возрождение и развитие региональных идентичностей (сибирской, восточной, поморской, южной), социально-экономическую, национальную асимметричность и политическую и экономическую слабость центра.

С точки зрения западноевропейских и российских либералов, общегосударственные проблемы в федерации должны решаться с позиций регионов, а не центра; суверенная власть должна делиться между центральной властью и составными частями государства (Г. Оттосен), суверенитет должен быть рассредоточен по составным частям государства (Л. Уильтшайер) [11]. Главным постулатом такой позиции было утверждение, что демократизация и федерализация – это два процесса, которые связаны с децентрализацией экономической и политической жизни общества, разрушением вертикали власти. Как утверждалось, именно эти процессы являются условиями для вхождения России в западное экономическое пространство и демократическое сообщество. В действительности Запад преследовал иную цель: получить доступ к российским территориям и ресурсам, свести на нет возможность формирования национальноориентированной политики страны.

Вектор политического и экономического развития, заданный тогдашней правящей верхушкой России, был направлен на развитие конфедеративных отношений. Позиция главы Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина, озвученная в Казани 6 августа 1990 г. и повторенная в Уфе, четко сформировала вектор сепаратизма: «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить» [2]. В условиях полити-

ческой трансформации и социально-экономического кризиса курс главы государства привел к «параду суверенитетов».

Распад СССР в 1991 г., принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г., заключение Федеративного договора 31 марта 1992 года, Конституция 1993 г. нормативно закрепили неравноправный, асимметричный характер Российской Федерации, ослабили вертикаль власти и усилили суверенизацию субъектов федерации. Создававшаяся ситуация оказалась чревата распадом государства.

Конституция 1993 г. зафиксировала двойственный характер Российской Федерации, закрепив сочетание конституционно-договорной и национально-территориальной моделей федерализма, асимметричность политико-территориальной структуры. При этом провозглашались принципы единой, централизованной федерации; запрет субъектов на выход из государства и на одностороннее изменение своего статуса, целостность государства и единство государственной власти.

Двойственный характер положений Конституции 1993 г. приостановил, но не прекратил распад страны. Тяжелейший административно-политический, социально-экономический кризис усугубили развитие этно-радикализма и национальной напряженности [10, с. 14–15], противостояние исполнительной и законодательной власти в центре и регионах. На фоне социально-экономического и политического коллапса началось перераспределение прав и полномочий в пользу регионов; продолжилось развитие процес-

сов суверенизации и дезорганизации. Восторжествовал откровенный сепаратизм субъектов РФ. В 1991–1993 гг. края и области России потребовали закрепления одинакового статуса с республиками. Семь республик РФ (Якутия, Башкирия, Татарстан, Чечня, Тува, Коми, Бурятия) с 1991 по 1994 гг. закрепили законодательно свой суверенитет. Новосибирская область выступила с предложением создать Сибирскую республику, Свердловская область – Уральскую республику, донские и кубанские казаки потребовали создания Донской и Кубанской республик. Ряд общественных организаций на Кавказе в 1992 г. выступили с предложением сформировать конфедерацию самостоятельных государств Кавказа. Федеральное законодательство и Конституция РФ нарушались¹. Законы субъектов федерации обладали верховенством по отношению к федеративным [3, с. 9–12]. Президент и Парламент Калмыкии отказались приводить избирательное законодательство в соответствие с федеральным [6].

Начался процесс формирования нового механизма взаимодействия центра и регионов. В ноябре 1992 г. был создан Совет глав республик (куда вошли 53 региона) и Союз губернаторов, что привело столкновению интересов республик и других субъектов РФ.

¹ См.: Постановление Государственной думы № 233-1 ГД от 22 июля 1994 г. по итогам парламентских слушаний «О проблемах соответствия конституций республик, уставов краев, областей, городов федерального подчинения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации», рекомендации указанных слушаний, принятые их участниками 24 мая 1994 г., а также опубликованный к ним аналитический обзор законодательства.

Развитию политического сепаратизма способствовал и экономический сепаратизм, закрепленный указом Президента РФ Б.Н. Ельцина «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» (1991 г.) и постановлениями Правительства «О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории РФ» 1992 года и «О введении экспортного тарифа на отдельные товары, вывозимые с территории РФ». Этими документами юридически была закреплена возможность совершения сделок с иностранными государствами и предприятиями для любых юридических лиц. Начался процесс децентрализации всей бюджетной системы России.

В ноябре 1996 г. Президент Бурятии Л. Потапов объявил о введении в республике «Особого режима управления экономикой и социальной сферой» и провозгласил отказ от выполнения ряда республиканских и федеральных законов [5].

Совет Федерации на практике превратился в «региональную палату», а в Государственной думе большую роль играло региональное лобби. Восторжествовала концепция «двойного суверенитета» и «инструментального национализма». Отношения центр – регионы практически полностью были дестабилизированы.

Таким образом, период 1990–1996 гг., характеризуется *договорным характером федерации*, расширением и углублением политического и экономического статуса субъектов РФ, формированием региональных элит и практически формированием основ конфедерации. Оформление и углубление конфедеративного направления

вело к распаду страны и образованию более мелких полусуверенных, «квази-государственных» образований.

Парадоксальность политического развития России в это время проявилась в том, что одни и те же факторы смоделировали два взаимоисключающих вектора развития: формирование сепаратизма и формирование централизованной модели федерализма. Второй вектор развития сопровождался возрождением единого, централизованного государства с сильной административной властью и, соответственно, усилением контроля за деятельностью субъектов РФ. Он более всего соответствовал национальным интересам и особенностям исторического развития России.

Центростремительный вектор развития России

Центростремительное движение началось с юридического оформления полномочий центра в 1996–1999 гг.: Указ Президента РФ Б. Ельцина об утверждении «Положения о порядке работы по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов РФ», опубликованный в марте 1996 года; Федеральный закон «Об общих принципах разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации»¹.

Большое значение в упорядочивании и систематизации процесса федеративного развития сыграла «Концеп-

ция государственной национальной политики Российской Федерации», закрепившая принципы и приоритеты в деятельности федеральных органов власти, сохранение исторически сформировавшей потребности целостности и единства РФ, равноправия всех субъектов, согласование общегосударственных интересов и интересов субъектов РФ². Она положила начало развитию процесса собирания российской территории в единое централизованное государство.

Практическая деятельность по восстановлению единства государства начала реализовываться в последние годы нахождения Б.Н. Ельцина в должности Президента РФ и активизировалась с назначением на должность премьер-министра Е.М. Примакова в 1998 г., а также с деятельностью В.В. Путина сначала в качестве главы Правительства, а затем и Президента.

Верхняя и нижняя палаты Российского парламента поддерживали усиление централизации, и 4 июля 1999 г. был принят закон, закрепивший разграничение полномочий регионов и центра, верховенство Конституции РФ, федеральных конституционных, федеральных законов по отношению к юридической базе субъектов РФ, единство системы государственной власти РФ³. Начался *процесс перехода*

² «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации». Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909 // Российская газета 1996. 7 окт.

³ Об общих принципах разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ настоящий Федеральный закон признан утратившим силу

¹ Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ настоящий Федеральный закон признан утратившим силу

от договорной федерации к конституционной, от децентрализованной к централизованной. Изменение вектора развития выразилось в целом ряде социально-экономических, политических шагов центра.

Были закреплены возможность перехода власти при определенных условиях в отдельном регионе к Центру (1999 г.)¹ и установление прямого руководства центра. При необходимости центр мог образовать орган прямого управления на территории субъекта федерации и вводить воинские и полицейские части; досрочно приостанавливать полномочия законодательного собрания. Министерство юстиции РФ получило право экспертизы принятых в регионах нормативных актов.

Центр сформировал нормативную базу, закрепившую единое государственное пространство, охватившее экономическую, административную и юридическую сферы; создал механизм подчинения субъектов федерации. Были закреплены обязанности субъектов РФ, которые они выполняют из своего бюджета, самостоятельно, но с опорой на федеральное законодательство².

Борьба центра за «укрепление» власти, формирование централизованной

федерации, начатая в 1999 г., продолжилась в 2000 г. С этой целью территория государства была разделена на 7 административно-федеральных округов, введен институт полномочных представителей Президента³, сформирован механизм контроля за деятельностью глав субъектов РФ.

Фактически началось формирование нового подхода к политико-территориальному управлению страной. Федеральные округа представляли собой совершенно новый для России элемент государственного устройства, не рассматриваемый в Конституции РФ. Цель его создания определена в преамбуле Указа Президента: «...повышение эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствование системы контроля за исполнением их решений», усиление координации в деятельности федеральных органов государственной власти, стабилизации взаимодействия центра и регионов.

Летом 2000 г. парламент России принял закон по реформированию Совета Федерации. Главы субъектов РФ не могли теперь избираться более чем 2 раза, потеряли сенаторский статус и парламентский иммунитет. Была установлена ответственность органов государственной власти регионов и органов местного самоуправления перед федеральным центром.

В связи с изменением формирования Совета Федерации в 2001 г., отменой прямых выборов глав субъектов Федерации в 2004 г., закреплением права Президента назначать и смещать

¹ Указ Президента № 849 от 13 мая 2000 года «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе»; ФЗ «Об общих принципах разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ настоящий Федеральный закон признан утратившим силу.

² См.: ФЗ 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»

³ Указ Президента РФ от 13.05.2000 г. № 849 (ред. от 19.07.2017) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

их на основании «потери доверия», руководство субъектов РФ оказалось под контролем Центра. Такие региональные «тяжеловесы», как Н. Федоров, М. Шаймиев, М. Рахимов, Э. Россель утратили свое прежнее влияние.

1 сентября 2000 г. указом Президента был учрежден Госсовет. Одной из главных его функций является усиление всех форм взаимодействия и функционирования органов государственной власти и глав регионов, координации ветвей власти. Проблемы регионов стало возможно обсуждать напрямую в присутствии Президента и других государственных лиц, вносить коррективы, формировать общее направление внутренней политики государства. Создание Госсовета дополняет весь процесс модернизации системы государственного управления в России, усиливает контроль за деятельностью исполнительной властью в субъектах РФ.

В этом же году была принята Правительством РФ «Программа реформирования бюджетного федерализма до 2005 г». В результате сформировалась новая система бюджетно-налоговых отношений. Центр получил право распоряжения бюджетными ресурсами.

К 2005 г. доля федерального центра в консолидированном бюджете страны уже составляла 70%, а к 2014 г. – до 83% [9]. Данная модель опиралась на ежегодные нормативные акты, регулировавшие федеральный бюджет: президентские указы и ведомственные инструкции. К сожалению, нормативная база в целом не была разработана.

Началась выработка критерия управленческих и экономических взаимоотношений между центром и реги-

онами, так как на тот момент разногласия охватывали достаточно большой спектр проблем: конституционно-политического, экономического, межнационального, социального характера.

Была сделана попытка упростить федеративную модель. С 2000 г. началось реформирование административно-территориальной системы, развившийся в процессе укрупнения регионов. Объединению подлежали, прежде всего «сложносоставные» субъекты РФ (края и области, включавшие в себя автономные округа), имевшую структуру «матрешки». Количество субъектов сократилось с 89 до 83.

Новая модель федеративного устройства РФ должна была не только сохранить целостность и единство государства, но и соответствовать двум аспектам: современным реалиям развития государства и историческим основам.

Мероприятия, проводимые Центром, соответствовали этим требованиям. Они были направлены не только на построение вертикали власти, перераспределение политического, экономического, информационного ресурса в сторону Центра, но и сокращали асимметричность федерации, усиливали административный ресурс и иерархическую систему российской бюрократии, формировали механизма «управляемого» центром плюрализма.

Ресурсы региональной власти стали совершенно иными. Изменился баланс бюджетных и налоговых отношений в пользу центра, была проведена централизация доходов, систематизация и упорядочивание взаимоотношений центр–регионы. Произошел переход к конституционной, централизованной модели федерации, восстановление

единого политического и экономического пространства, стабилизировались национальные отношения.

Реформа федеративной модели изменила всю конфигурацию властных отношений в государстве. Одновременно с ней была проведена реформа федеральных органов исполнительной власти, в результате которой появилось три вида федеральных органов исполнительной власти: министерства, службы и агентства. Таким образом, можно говорить о системной реформе, которая изменила: бюджетные и межбюджетные отношения; налоговую, государственную службу, административную, судебную органы государственной власти. Вся система государственных отношений включилась в процесс рационализации, систематизации, иерархической организации.

Выводы

Проведенный анализ позволяет понять логику развития федеративной модели, выделить два периода: 1) 1990–1996 гг. – децентрализация, суверенизация субъектов РФ, деградация государственного управления, формирование договорной модели федерации, конфедеративный вектор развития; 2) 1996 г. – и по настоящее время – централизация государства во всех сферах развития, переход к конституционной, централизованной модели федерации.

Необходимо отметить, что переход от договорной к конституционной, централизованной федерации отвечал исторически сложившимся условиям функционирования страны. Россия смогла преодолеть процесс дестабилизации. Угроза разрушения государства была ликвидирована.

Сложившаяся российская модель наиболее оптимальна для экономически неоднородного, переживающего социально-экономический коллапс государства с несформированным гражданским обществом, с несложившейся преемственностью политических институтов государственной власти и институтов федерализма. Для такого государства наилучшая форма государства – конституционная, централизованная федерация, опирающаяся на сильную исполнительную власть.

Анализ эволюции российского федерализма позволяет сделать ряд выводов:

- с начала 1990-х гг. по настоящее время подход к формированию федеративного устройства несколько раз и кардинально менялся, однако в итоге сформировалась централизованная, конституционная модель федерации, отражающая национальные интересы России;

- был создан совершенно новый механизм управления; произошла реструктуризация отношений между Центром и регионами;

- российская политическая элита и российское общество в целом раскрыли свой потенциал гибкости и приспособляемости в процессе трансформации всей социально-экономической и политической системы, продемонстрировали своё понимание необходимости сохранения целостности и единства, суверенитета государства перед лицом вызовов рубежа XX–XXI вв.;

- на развитие федеративной модели в России оказали влияние многие факторы: юридические, экономические, географические, этно-национальные, международные;

– в результате проведенных реформ система территориального управления стала более эффективной, рациональной, фактически остановила суверенизацию субъектов РФ.

Особенностью российской модели федерации является при многосоставном характере наличие центростремительного вектора развития, а не центробежного. Именно такой характер федерации придает ей, при всех особенностях политического развития,

устойчивость, уравновешенность, создавая комбинированную, дифференцированную систему взаимодействия.

Сегодня в России продолжает формироваться единое территориальное, политическое, социально-экономическое и правовое пространство. Модель федеративного развития не сформирована окончательно, процесс трансформации продолжается и требует дальнейшей рефлексии.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2018. 256 с.
2. Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» [электронный ресурс] // Ельцин Центр [сайт]. – URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcincerite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/> (дата обращения: 20.10.2018).
3. Каягин А.Б. Бастен И.С. Государственное устройство России и конституционный (уставной) строй субъектов РФ // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. Вып. 23. 2010. № 9 (190). С. 9–12.
4. Кубасов Ю. Россию собираются травить до тех пор, пока страна не развалится на независимые территории // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба [сайт]. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/04/14/rossiyu_sobirayutsya_travit_do_teh_por_poka_strana_ne_razvalitsya_na_nezavisimye_territorii (Дата обращения: 20.10.2018).
5. Маслов О.Ю. Распад России в начале XXI века в высказываниях современников, 11.05.2009 // Еженедельное независимое аналитическое обозрение [сайт]. – URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru/> (дата обращения: 29.10.2018).
6. Митрохин С.С. Модели федерализма для России (В поисках альтернативы хаосу и распаду) // Федерализм: Теория. Практика. История. 1997. № 1. С. 99–118.
7. От развала СССР к расчленению России: Гарвардский и Хьюстонский проекты, 28.11.2009 / Правда-TV [сайт]. – URL: <http://maxpark.com/community/129/content/667387> (дата обращения: 12.10.2018).
8. Юрков П. Гарвардский и Хьюстонский проект – план разделения и уничтожения России, 26.06.2017 // НПО “Истина” – исследовательский центр по правам человека [сайт]. – URL: <http://ru.truthngo.org/гарвардский-и-хьюстонский-проект-пла> (дата обращения: 12.10.2018).
9. Одинг Н., Савулькин Л., Юшков А. Российский бюджетный федерализм через призму реализации правительственных программ // Экономическая политика. 2016. Т.11. № 4. С. 93–114.
10. Степанова А.А. К вопросу о федеративном устройстве России // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 33. С. 47–51.
11. Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. 336 с.
12. Bzezinski Z. A Geostrategy for Asia // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. No. 5. P. 50–64. 56.

REFERENCES

1. Bzhezinskii Zb. Velikaya shakhmatnaya doska [The Grand chessboard]. Moscow, AST Publ., 2018. 256 p.
2. Boris El'tsin: «Berite stol'ko suvereniteta, skol'ko smozhete progлотit'» [Boris Yeltsin: "Take as much sovereignty as you can swallow"]. In: *El'tsin Tsentr* [website]. Available at: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-progлотit> (accessed: 20.10.2018).
3. Kayagin A.B., Basten I.S. [The state system of Russia and constitutional (authorized) system of subjects of the Russian Federation]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Iss. «Pravo» (23), 2010, no. 9 (190), pp. 9–12.
4. Kubasov Yu. Rossiya sobirayutsya travit' do tekhn por, poka strana ne razvalitsya na nezavisimye territorii [Russia is going to slack off as long as the country does not fall apart into independent territory]. In: *Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba* [Russian folk line: information-analytical service, website]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2015/04/14/rossiya_sobirayutsya_travit_do_teh_por_poka_strana_ne_razvalitsya_na_nezavisimye_territorii (accessed: 20.10.2018).
5. Maslov O.Yu. Raspad Rossii v nachale XXI veka v vyskazyvaniyakh sovremennikov [The collapse of Russia in the early twenty-first century in statements of contemporaries], 11.05.2009. In: *Ezhenedel'noe nezavisimoe analiticheskoe obozrenie* [Weekly independent analytical review, website]. Available at: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru> (accessed: 29.10.2018).
6. Mitrokhin S.S. [Model of federalism in Russia (In search of alternatives to the chaos and decay)]. In: *Federalizm: Teoriya. Praktika. Istoriya*, 1997, no. 1, pp. 99–118.
7. Ot razvala SSSR k raschleneniyu Rossii: Garvatskii i Kh'yustonskii proekty [From the collapse of the USSR to the dismemberment of Russia: Harvard and Houston projects, 28.11.2009]. In: *Pravda-TV* [Truth-TV, website]. Available at: <http://maxpark.com/community/129/content/667387> (accessed: 12.10.2018).
8. Yurkov P. Garvatskii i Kh'yustonskii proekt – plan razdeleniya i unichtozheniya Rossii [Harvard and Houston projects – a plan to divide and destroy Russia], 26.06.2017. In: NPO “Istina” – issledovatel'skii tsentr po pravam cheloveka [NGO “Truth” – the research centre for human rights, website]. Available at: <http://ru.truthngo.org/гарвардский-и-хьюстонский-проект-пла> (accessed: 12.10.2018).
9. Oding N., Savul'kin L., Yushkov A. [Russian fiscal federalism through the prism of realization of the governmental programs]. In: *Ekonomicheskaya politika*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 93–114.
10. Stepanova A.A. [The question of the Federal structure of Russia]. In: *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, 2014, no. 33, pp. 47–51.
11. Farukshin M.H. Sovremenniy federalizm: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Contemporary federalism: Russian and foreign experience]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta Publ., 1998. 336 p.
12. Bzezinski Z. A Geostrategy for Asia. In: *Foreign Affairs*, 1997, vol. 76, no. 5, pp. 50–64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алябьева Татьяна Константиновна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: altatkon@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana K. Alyabieva – PhD in political Sciences, associate professor, associate professorat the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: altatkon@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алябьева Т.К. Россия: от полураспада к централизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 285–295.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-285-295

FOR CITATION

Alyabieva T. Russia: From Collapse To Centralization. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 285–295.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-285-295

УДК 339.924 (1-67 ЕАЭС)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ЕАЭС В КОНКУРЕНЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ФОРМАТАМИ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Пахолкин Д.А.*Международный юридический институт**127427, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проводится анализ политических, институциональных и идентификационных особенностей евразийского интеграционного проекта, обуславливающих его преимущества и недостатки в конкуренции с продвигаемыми Европейским союзом форматами «мягкой интеграции» в его восточном соседстве. В результате исследования автор показывает, что сильными сторонами ЕАЭС являются меньшая степень накладываемых им интеграционных ограничений и, как следствие этого, более благоприятные условия для сохранения государствами-членами своего национального суверенитета. Вместе с тем эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торга, и узость его нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ.

Ключевые слова: международная интеграция, ЕАЭС, ЕС, СНГ.

STRENGTHS AND WEAKNESSES OF THE EAEC IN COMPETITION WITH EUROPEAN INTEGRATION FORMATS IN THE CIS SPACE

D. Pakholkin*International Law Institute**4, Kashenkin Lug ul., Moscow, 127427, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes political, institutional and identity-related features of the Eurasian integration project that constitute its strengths and weaknesses in competition with the EU-promoted forms of 'soft integration' in its Eastern neighbourhood. Proceeding from the finding of the investigation the author shows that the EAEU's strengths consist in lower degree of integration constraints imposed by it upon member states and, hence, more favorable terms for preservation of their state sovereignty. At the same time, these strengths are not sufficient for overcoming the EAEU's handicaps: weakness of its common identity and political subjectivity, structural asymmetry of its participants, which prevents integration process from getting beyond inter-state bargaining, and narrowness of its normative context that in absence of potent value basis is not able to compete successfully with the EU normative claims over the CIS states.

Key words: international integration, EAEU, EU, CIS.

Со второй половины 2000-х гг. ключевым процессом, определяющим политическую конфигурацию пространства СНГ, стала конкуренция европейского и евразийского интеграционных проектов. Образование Таможенного, а затем и Евразийского экономического союза в условиях, когда с европейской стороны происходило оформление Европейского политики соседства и Восточного партнёрства, создало предпосылки для противоречия и потенциальной коллизии между двумя интеграционными форматами, чем не преминули воспользоваться силы, заинтересованные в усилении конфликтности между ЕС и Россией. Ход этой конкуренции во многом определялся и продолжает определяться стратегиями продвижения соответствующих интеграционных форматов, которые задействуют основные игроки. Однако немаловажное значение имеют также свойства самих продвигаемых интеграционных форматов.

Переход евразийской интеграции на качественно новый уровень с формированием Таможенного союза был напрямую связан с попыткой перенести на постсоветскую почву некоторые наиболее эффективные институциональные модели, выработанные в ходе европейской интеграции, прежде всего, институты наднационального характера – Комиссию и Суд интеграционного сообщества. Аналогично в плане продвижения вовне евразийский проект во многом эмулировал подходы и методы, применяемые ЕС, – его нормативно обусловленные принципы сближения с внешними партнёрами и экономические стимулы в качестве «награды». Основные этапы

этого противостояния изложены в наших предыдущих работах [4].

Тем не менее ряд имманентных особенностей ТС / ЕАЭС заранее затруднял использование нормативных методов влияния в том ключе, в каком их применял Евросоюз. Главная цель настоящей работы – выявить элементы евразийского интеграционного проекта, обусловившие его недостаточно сильную позицию ещё на стадии замысла, в парадигмальных установках инициаторов этого проекта, продвигаемых ими в попытках реинтеграции постсоветского пространства.

1. Прежде всего, речь идёт об *идентификационных особенностях* евразийского проекта. Слабым местом всех постсоветских интеграционных форматов было отсутствие общей идентичности, способной служить социокультурной базой интеграции и задавать единый ценностный вектор интеграционного процесса. Становление евразийских механизмов интеграции – сначала в более размытом варианте ЕврАзЭС в начале 2000-х, затем в виде более упорядоченного Таможенного союза во второй половине 2000-х и, наконец, в виде Евразийского экономического союза – было призвано преодолеть этот дефект, однако на практике этого не произошло.

Дискурс о евразийской идентичности в политической риторике стран-участниц присутствует крайне слабо и не является стержневым в конструировании их идентичности. Причём это касается РФ не в меньшей мере, нежели остальных членов ЕАЭС. Процесс осмысления евразийской идентичности в академической и публицистической литературе продвигается весьма пунктирно, практически не выходя

за пределы традиционной школы геополитического евразийства¹ [6; 2; 3], и не вызывает того общественного резонанса, какой вызывал и продолжает вызывать вопрос о европейской идентичности России. В дискуссиях на «вечную тему» о принадлежности России к Европе или Азии компромиссным, «медианным» вариантом всё чаще признаётся идея об уникальности и самостоятельной российской идентичности, которую нельзя вписать в те или иные более широкие цивилизационные рамки [5]. Имя «евразиец» не создаёт основы для общей идентичности, по меньшей мере, на данном историческом этапе. Соответственно, отсутствует общественный запрос на то, чтобы примкнуть к Евразии, или массово проявляемое индивидуальное стремление стать евразийцем (не приверженцем политического течения А. Дугина, а активным гражданином Евразии и носителем её идентичности).

Одним словом, евразийская идентичность продолжает оставаться сугубо номинальной величиной и не имеет устойчивого смыслового наполнения как в политическом, так и в социокультурном плане. Это лишает евразийскую интеграцию ценностного измерения – возможности апеллировать к общим ценностям, общему историческому наследию и общей стратегической перспективе для обоснования интеграционного продвижения, оставляя для этой цели лишь сугубо рациональные экономические мотивы [8].

¹ Примечательно, что немногочисленные публикации на эту тему начали появляться уже после 2014 г., то есть когда конкуренция между европейским и евразийским проектами достигла кризисного уровня.

Сам по себе этот недостаток не является фатальным. В конце концов, далеко не все процессы региональной экономической интеграции сопровождаются становлением общей идентичности, и это не мешает им успешно развивать интеграционную динамику. Однако в ситуации конкуренции с альтернативными проектами ЕС слабость общей идентичности выступает серьёзным гандикапом ЕАЭС. В то время как евразийский проект позиционируется как сугубо экономическое объединение, а его лидеры в почти оправдательном тоне доказывают, что их проект не направлен на воссоздание прежних имперских исторических форм, Европейский союз опирается на сильную и политически артикулированную европейскую идентичность, наполненную как политическим, так и ценностным содержанием. Монополизировав дискурс о европейской идентичности, органы и функционеры Евросоюза активно эксплуатируют её в своей внешнеполитической деятельности, увязывая проекцию европейской идентичности с теми или иными политическими и практическими уступками со стороны стран-партнёров. При этом, поскольку европейская идентичность, кроме всего прочего, ассоциируется с определённой эффективной моделью управления, ЕС получает возможность оказывать влияние на управленческие системы стран, декларирующих свою принадлежность к европейской цивилизации, и даже выступать арбитром в их внутривнутриполитических процессах. Основанное же на общей идентичности ценностное измерение евроинтеграции позволяет ЕС выступать в качестве морального авторитета и «нормативного игрока», мотивированного не только

соображениями экономической выгоды, но и стремлением к утверждению определённого круга «европейских ценностей».

Наряду с этим евразийская идентичность нередко используется противниками евразийской интеграции в качестве конститутивного антипода, так называемого «значимого Иного», на противопоставлении которому выстраивается положительный образ европейской стороны. То есть не имея чёткого собственного смыслового наполнения, евразийская идентичность получает такое наполнение в риторике её соперников, приобретая негативную коннотацию и представляя естественным извечным антагонистом Европы.

Подобный искусственный антагонизм крайне контрпродуктивен для ЕАЭС как для потенциального второго центра силы на Европейском континенте, на роль которого он изначально претендовал, поскольку невозможно стать вторым центром в Европе, находясь в то же время в смысловой оппозиции к ней. По этой причине, одного только конструирования евразийской идентичности вряд ли достаточно для успешной конкуренции с ЕС в идентификационной плоскости. Необходимо также оспорить монополию ЕС на европейскую идентичность и задействовать её для легитимизации евразийских интеграционных процессов как взаимодополняющих, а не противодействующих евроинтеграции как таковой.

2. Слабость общей идентичности является составляющей более широкой проблемы *слабости политической субъектности* ЕАЭС. При всём стремлении к тому, чтобы превратить

евразийское объединение во второй центр силы на континенте, архитекторы ЕАЭС, и в первую очередь Москва, не смогли создать отделяемого от государств-членов условного субъекта, который бы олицетворял весь интеграционный проект в целом, и от имени которого его представители могли обращаться к внешнему миру. Для евроинтеграции таким виртуальным макросубъектом вполне естественно выступала «единая Европа», из географического наименования превращённая, с одной стороны, в воображаемый политический субъект со своими интересами и ценностями, а с другой – в символ, ассоциируемый с главными достижениями современной человеческой цивилизации и наиболее эффективной моделью политического управления. Длительная историческая традиция европейской идентификации также подкрепляла этот субъект, укореняя его в исторической «общности судеб» и общем наследии европейской культуры, что само по себе служило мощнейшим инструментом, повышающим привлекательность европейского интеграционного проекта.

В то же время понятие «Евразия» никогда ранее не использовалось как обозначение единого политического субъекта, воплощением которого является евразийская интеграция. Собственно, использовать его в подобном качестве весьма проблематично, прежде всего из-за географического масштаба, выходящего далеко за рамки пространства СНГ. К тому же, за «Евразией» нет сколь-нибудь длительной исторической традиции, которая бы находила непосредственный отклик в обществах государств-членов ЕАЭС, за исключением, возможно, Казахстана.

Помимо сугубо символической стороны вопроса, у ЕАЭС наблюдается дефицит признаков, позволяющих позиционировать его в качестве самостоятельного целостного субъекта. Его медийное присутствие весьма пунктирно и, как правило, привязано к проведению заседаний на высшем уровне. Также в силу институциональных особенностей ЕАЭС у него нет должностного лица, способного олицетворять его субъектность хотя бы так, как это делает глава Еврокомиссии или верховный представитель по внешней политике ЕС. В какой-то мере эта функция может быть возложена на председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии, и пока этот пост занимал Виктор Христенко (2012–2016 гг.), он в какой-то мере действительно выступал «лицом» ЕАЭС и обеспечивал некоторую узнаваемость проекта. Нынешний председатель Коллегии Тигран Саркисян несколько менее активен в публичном пространстве, что непосредственным образом сказывается на политическом позиционировании ЕАЭС.

Очевидно, что эта особенность является не только следствием просчётов и упущений архитекторов евразийской интеграции, но главным образом следствием подходов к интеграционному процессу, доминирующих у партнёров России по евразийскому проекту. Многие из них не разделяют цель формирования на основе ЕАЭС второго центра силы на европейском континенте и целенаправленно блокируют любые инициативы, способные придать этому проекту хотя бы видимость политического объединения. Однако даже с учётом этих сложностей продвижение на ключевые посты

в ЕАЭС ранговых политических фигур и надлежащее медийное освещение их деятельности могло бы существенно повысить политический профиль евразийской интеграции и её восприятие в обществе, что, в свою очередь, могло бы повлиять и на позицию руководства стран-партнёров РФ по евразийской интеграции.

В контексте интеграционной конкуренции с ЕС эта особенность также имеет немалое значение. Во-первых, она затрудняет постановку вопроса о прямом диалоге между ЕАЭС и ЕС. На сегодняшний день в ЕАЭС просто нет сопоставимых фигур, с которыми ЕС мог бы установить публичный политический контакт, поэтому даже те европейские политики, которые благожелательно относятся к идее диалога с ЕАЭС, говорят максимум о возможности проведения технических консультаций между двумя объединениями [9, с. 14]. А во-вторых, дефицит собственной субъектности ЕАЭС позволяет его оппонентам изображать весь проект в негативном ключе как исключительно проекцию воли Кремля и его стремления удержать свою зону влияния в СНГ, не имеющую под собой никаких рациональных экономических оснований и являющуюся сугубо геополитическим проектом. В такой интерпретации евразийская интеграция представляется уже не объективной потребностью, обусловленной поддержанием доставшейся в наследство взаимозависимости, а исключительно средством фиксации российской гегемонии и, как следствие, подрыва государственности новых независимых стран.

3. Ещё одной имманентной проблематичной особенностью евразийского

проекта является его *политическая асимметрия*, когда масштаб и потенциал одного участника значительно превышает ресурсы других. Для Европейского союза баланс между крупными и малыми государствами также представляет немалую политическую проблему, однако она смягчалась тем, что крупные государства Западной Европы были готовы в той или иной степени принимать интеграционные ограничения и наднациональные механизмы управления в силу высокой заинтересованности в продвижении интеграции как таковой. Кроме того, среди стран-участниц ЕС есть несколько сопоставимых крупных стран с большим весом в принятии решений, что автоматически уменьшает восприятие происходящего процесса как гегемонии только одного участника.

В евразийском проекте уровень и природа интеграционной мотивации существенно отличаются от европейского, что не в последнюю очередь объясняется иными политическими условиями, в которых развивается данный проект. Поэтому и проблема политической асимметрии выглядит несколько серьёзнее, нежели в случае ЕС, и связана с оценкой затрат и потенциальных выигрышей от участия в интеграционном процессе и принятия его ограничений.

Для крупного государства, чей внутренний рынок является основным «активом», «инвестируемым» в интеграционный проект, вопрос заключается в обеспечении политического влияния, соразмерного этому «вкладу». Вливаясь в многостороннее интеграционное объединение, крупное государство частично уступает контроль за этим «активом» и теряет воз-

можность манипулировать им по своему усмотрению, устанавливая тот или иной объём доступа для своих партнёров на двустороннем уровне. Очевидно, что принимать на себя подобные ограничения крупному государству целесообразно лишь в том случае, когда оно получает достаточные рычаги влияния на уровне интеграционных институтов и когда интеграция приносит ему адекватные политические и статусные преимущества. При этом зачастую его политическая идентичность как великой державы и политическая культура его общества затрудняют легитимизацию интеграционных ограничений и необходимость передачи государственных полномочий на наднациональный уровень.

Малым государствам участие в интеграционном объединении предоставляет более серьёзные рычаги влияния на крупные державы, которые они не могут приобрести на двустороннем уровне. Однако и для них актуальна проблема сохранения своей политической автономности и свободы манёвра при получении максимального практического выигрыша [13, с. 1024]. С этой целью они манипулируют заинтересованностью крупной державы в интеграционном проекте, представляя сам факт своего участия в нём как её потенциальный выигрыш, ради которого крупная держава должна идти на уступки в практических сферах. И евразийская интеграция наглядно подтверждает эту закономерность [12, с. 10].

Преодолеть указанные трудности можно при наличии, во-первых, чёткой стратегической перспективы интеграции, ради которой её участники были бы готовы идти на компромиссы,

а во-вторых, эффективной системы согласования интересов на наднациональном уровне, с учётом мнения национальных правительств и негосударственных акторов, которая в конечном итоге давала бы странам, участвующим в этом интеграционном проекте, достаточные инструменты воздействия на принимаемые решения [1].

В Евразийском экономическом союзе с обоими этими компонентами дела обстоят не лучшим образом, прежде всего потому, что интеграция рассматривается его участниками как сугубо инструментальный процесс, не имеющий достаточной собственной ценности. Стратегические цели их внешней политики лежат за пределами построения евразийского интеграционного объединения. К тому же на эффективности ЕАЭС сказывается отсутствие в новейшей отечественной политической культуре «традиции интеграции», точнее, паттернов равноправного, а не подчинённого, взаимодействия и выстраивания общих структур, основанных на учёте различных интересов и нахождении либо оптимального решения, в максимально возможной степени устраивающего всех участников, либо создании таких механизмов принятия общих решений, которые в течение длительного времени дают для каждого участника наилучший результат, заведомо более предпочтительный, чем при попытке самостоятельного решения проблем. Отсутствие парламентаристской традиции насаждалось на недостаток опыта: даже в самом Евросоюзе механизмы согласования интересов с задействованием официальных и неофициальных каналов, государственных и общественных акторов вырабатывались десятилетия-

ми, и попытка простого копирования видимой части этих механизмов не могла дать быстрого результата.

В итоге процесс согласования интересов участников евразийского проекта не ушёл далеко от классического межгосударственного торга, в котором никто не гнушается блокировать интеграционное продвижение и прибегать в случае необходимости к односторонним действиям в обход институциональных процедур союза. Более того, в ЕАЭС мы наблюдаем парадоксальную ситуацию, когда даже с течением времени у государств-членов не вырабатывается «интеграционного рефлекса», а практическое углубление интеграции и переход к единому экономическому пространству сопровождается не усилением, а ослаблением наднациональных структур [12, с. 8].

В каком-то смысле это даже можно представить как преимущество евразийской интеграции перед форматами «мягкой интеграции» с ЕС в плане поддержания суверенитета стран-участниц, ведь в рамках ЕАЭС государства-члены испытывают намного меньшие интеграционные ограничения, чем в условиях того же Соглашения об ассоциации. Однако на деле это преимущество не даёт серьёзных дивидендов в конкуренции с ЕС ввиду того, что во многих постсоветских странах местные элиты практикуют дискурсивное увязывание интеграции в пространстве СНГ с укреплением политического доминирования России, что делает вопрос о евразийской интеграции крайне чувствительным для национального суверенитета в глазах местной общественности.

4. Наконец, значительную роль в ходе конкуренции с ЕС играет каче-

ство нормативного контекста ЕАЭС, которое, в свою очередь, напрямую влияет на способность евразийского объединения задействовать свою нормативную силу в отношении внешних партнёров. Понятно, что нормативная база ЕАЭС продолжает формироваться, и этот процесс далёк от завершения, но формируется она в рамках существенно экономической логики, к тому же зависящей от хода межгосударственного торга её участников. Ситуации, когда те или иные участники тормозят подписание ключевых интеграционных документов или отказываются применять уже согласованные правила, в евразийском объединении далеко не редкость, как, собственно, не были они редкостью и в предыдущих интеграционных форматах в СНГ.

(Обеспечение консолидации постсоветских элит с их колоссальным уровнем недоверия друг другу и высокой конкуренцией между собой всегда было нелёгкой задачей. И даже Евросоюз столкнулся с этой проблемой, когда выяснилось, что его восточные соседи крайне прохладно относятся не только к идее интеграции в своём региональном пространстве, но и к самому факту группировки их в единые институциональные рамки Европейской политики соседства и Восточного партнерства, в результате чего основным инструментом «мягкой интеграции» ЕС в СНГ стали двусторонние соглашения с отдельными странами.)

Вследствие указанных особенностей, ЕАЭС в проекции своей нормативной силы вовне может полагаться исключительно на стимулы и санкции экономического характера, связанные с доступом на общий рынок ЕАЭС, а также с трудовыми правами граждан

третьих стран на этом рынке. Это значительно сужает спектр возможного применения нормативной силы со стороны ЕАЭС, а также девальвирует её потенциал. Ситуации, когда участники ЕАЭС в одностороннем порядке или коллективно применяли те или иные нормативные меры в отношении третьих стран (ссылаясь на несоответствие их продукции принятым стандартам качества), а впоследствии эти проблемы решались путём политических договорённостей, серьёзно дискредитировали сами эти меры и их нормативную природу. Правительствам третьих стран проще списывать такие меры на политические претензии, мобилизуя общественность на противодействие им и укрепляя таким образом негативный образ ЕАЭС в целом.

Нельзя сказать, что Европейский союз не сталкивается с подобными сложностями. Его нормативная сила тоже во многом компрометируется политическим характером принятия решений в отношении предоставления тех или иных анонсированных стимулов. Но ЕС целенаправленно выстраивает свою политическую идентичность именно на нормативно-ценностной основе [11, с. 614], создавая хотя бы видимость морально оправданного характера его политики [10, с. 509], которая в немалой степени обязывает его следовать заявленному дискурсу [14, с. 1054]. Причём эта видимость подкрепляется функционированием отдельных и формально независимых от национальных государств структур, осуществляющих мониторинг имплементации европейских норм третьими странами. В последнее время даже наметилась тенденция передачи части этих функций на те или иные неправительственные

организации, что призвано усилить образ объективности и политической незаангажированности подобного мониторинга [7]. В евразийском объединении таких структур пока что нет, а традиция мониторинга средствами НПО также пока не приобрела широкого распространения, как и привлечение гражданского общества к интеграционному процессу как таковое.

При этом европейские лидеры утверждают, что ЕС осуществляет проекцию своих норм и ценностей ради стабилизации сопредельного пространства, а не ради получения экономических выгод, поэтому и третьи страны также должны быть заинтересованы в имплементации этих норм как таковых: ради улучшения собственной системы управления, приближения к демократическим стандартам и т.п., а не ради получения политических или практических стимулов. Тем самым ЕС присваивает себе роль «честного брокера», арбитра в отношении соседних стран, выступающего в качестве морального авторитета и носителя европейской идентичности и европейских ценностей, который не просто претендует на защиту своих «особых интересов» в сопредельном пространстве, а выполняет историческую миссию его европеизации. В этой роли у Европейского союза пока нет достойного евразийского конкурента. Адепты евразийской интеграции могут критиковать и разоблачать геополитические амбиции их европейских конкурентов, закамуфлированные под нормативную повестку дня [15, с. 536], но противопоставить ей иную нормативную повестку они пока не в состоянии. И это существенно сказывается на преимуществах ЕАЭС в интеграционной конкуренции

с ЕС, причём за влияние не только на страны, не входящие в ЕАЭС, но и даже на действующих его членов.

Ключевым фактором, определяющим эффективность нормативного воздействия ЕС на страны СНГ, несомненно, является восприимчивость элит и обществ этих стран к дискурсу о европейской идентичности и европейских ценностях. Однако степень данной восприимчивости обуславливается прежде всего спецификой местной политической системы конкретной страны, интересами её элит и идейной ориентацией активных групп общества, а не наличием соразмерной и привлекательной евразийской альтернативы. Проще говоря, страны, меньше других поддающиеся нормативной силе ЕС, делают это скорее из стремления сохранить собственную независимость или из стремления местных элит сохранить свой политический режим, нежели в силу приверженности евразийскому проекту. Что касается общественности этих стран, то фактически единственной рабочей референцией для сторонников евразийского проекта остаётся привязка к России и исторической памяти о нахождении в составе более масштабного государственного образования, что автоматически ограничивает число решительных симпатизантов евразийского интеграционного проекта теми слоями, которые готовы (пусть с оговорками) ассоциировать себя с нынешним российским государством.

* * *

Итак, проведённый анализ показал, что ряд имманентных особенностей евразийского интеграционного про-

екта заранее обуславливал его сильные и слабые стороны в конкуренции с форматами «мягкой интеграции», продвигаемыми Европейским союзом в пространстве СНГ. Относительно сильными его сторонами являются меньшая степень накладываемых им интеграционных ограничений и, как следствие этого, более благоприятные условия для сохранения государствами-членами своего национального суверенитета, значительные экономические выгоды, а также более серьёзные рычаги влияния на интеграционный процесс. Вместе с тем эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торгового узуза его нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ, а также дефицит самостоятельных институтов и публичных фигур, которые бы олицетворяли евразийское политическое пространство.

Разумеется, список особенностей ЕАЭС, влияющих на его позиции в

интеграционной конкуренции с ЕС, не исчерпывается приведёнными пунктами. В нашей статье рассмотрены лишь базовые политические, идентификационные и институциональные особенности евразийского объединения, тогда как экономические нюансы остались за пределами анализа. К тому же дальнейшие исследования должны уточнить, как политический контекст в конкретных странах влияет на восприятие их элитами и общественностью тех или иных особенностей ЕАЭС и как это сказывается на устойчивости самого евразийского проекта. Данная статья позволяет сформулировать методологическую основу для подобных исследований, выделяя те сферы и вопросы, которые нуждаются в более глубокой проблематизации.

В интеграционной конкуренции с ЕС евразийский проект не является априори аутсайдером. Сам факт его появления значительно повлиял на характер восточной политики ЕС. Однако без успешного преодоления описанных в данной статье недостатков проект евразийской интеграции вряд ли сможет выйти на желаемый уровень консолидации и в полной мере реализовать свой геополитический потенциал.

Статья поступила в редакцию 13.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордачёв Т.В. Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. 2007. № 1. С. 65–77.
2. Журавлёва С.М., Иванов А.В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 7–20.
3. Лепешев Д.В. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 4 (34). С. 28–32.
4. Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 171–186.

5. Сурков В. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2-3/1. С. 124–129.
6. Титаренко М., Петровский В. О неоевразийской идентичности России // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 20–44.
7. Burluk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // East European Politics. 2017. Vol. 33. No. 1. P. 36–55.
8. Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact // Security in Shared Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 13–34.
9. Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P. The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the post-Soviet space // Studia diplomatica. 2015. Vol. 68. No. 1. P. 5–33.
10. Delcour L., Tulmets E. Pioneer Europe? The ENP as a Test Case for EU's Foreign Policy // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14. P. 501–523.
11. Diez Th. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering ‘Normative Power Europe’ // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 613–636.
12. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers. May 2017. 27 p. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
13. Gnedina E. ‘Multi-Vector’ Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 7. P. 1007–1029.
14. Pace M. The Construction of the EU Normative Power // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45. No. 5. P. 1041–1064.
15. Ross Smith N. The EU and Russia's conflicting regime preferences in Ukraine: assessing regime promotion strategies in the scope of the Ukraine crisis // European Security. 2015. Vol. 24. No. 4. P. 525–540.

REFERENCES

1. Bordachev T.V. [Sovereignty and integration]. In: *Rossiia v global'noi politike*, 2007, no. 1, pp. 65–77.
2. Zhuravleva S.M., Ivanov A.V. [Eurasian civilizational identity as the ideological basis of the new Association of Eurasia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 7–20.
3. Lepeshev D.V. [Eurasian civilizational identity: the definition of the concept]. In: *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2014, no. 4 (34), pp. 28–32.
4. Pakholkin D.A. [Normative power competition in the Eurasian and European integration projects in the former Soviet Union]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2017, T. 12, no. 6, pp. 171–186.
5. Surkov V. [The half-bred's loneliness (14+)]. In: *Rossiia v global'noi politike*, 2018, no. 2-3/1, pp. 124–129.
6. Titarenko M., Petrovskii V. [On neo-Eurasian identity of Russia]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, no. 4, pp. 20–44.
7. Burluk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine. In: *East European Politics*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 36–55.
8. Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact. In: *Security in Shared Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 13–34.

9. Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P. The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the post-Soviet space. In: *Studia diplomatica*, 2015, vol. 68, no. 1, pp. 5–33.
10. Delcour L., Tulmets E. Pioneer Europe? The ENP as a Test Case for EU's Foreign Policy. In: *European Foreign Affairs Review*, 2009, vol. 14, pp. 501–523.
11. Diez Th. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering 'Normative Power Europe'. In: *Millennium: Journal of International Studies*, 2005, vol. 33, no. 3, pp. 613–636.
12. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power. In: *Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers*. May 2017. 27 p. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf> (accessed: 15.04.2018).
13. Gnedina E. 'Multi-Vector' Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? In: *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 7, pp. 1007–1029.
14. Pace M. The Construction of the EU Normative Power. In: *Journal of Common Market Studies*, 2007, vol. 45, no. 5, pp. 1041–1064.
15. Ross Smith N. The EU and Russia's conflicting regime preferences in Ukraine: assessing regime promotion strategies in the scope of the Ukraine crisis. In: *European Security*, 2015, vol. 24, no. 4, pp. 525–540.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахолкин Дмитрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Международного юридического института;
e-mail: dpakholkin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pakholkin – Senior lecturer at the Department of General Humanities and Science Disciplines, International Law Institute;
e-mail: dpakholkin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пахолкин Д.А. Сильные и слабые стороны ЕАЭС в конкуренции с европейскими интеграционными форматами в пространстве СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 296–307.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307

FOR CITATION

Pakholkin D. Strengths and Weaknesses of the EAEC in Competition with European Integration Formats in the CIS Space. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 296–307.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-308-319

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»

Майборода Д.М.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Изложены события новейшей фазы российско-украинских отношений в контексте «Крымской проблемы». Автором произведена оценка нормативно-правовой базы, касающейся воссоединения Крыма с Российской Федерацией, обобщены статистические данные, проанализированы выступления российских и украинских экспертов по данной проблематике. С использованием широкого круга источников автор доказывает, что официальный Киев использует крымский вопрос не столько рассчитывая реально на возвращение полуострова, сколько как информационный, политический повод дальнейшего продвижения внешнеполитического курса в «Западном» направлении. Статья адресована политологам, занимающимся проблемой российско-украинских отношений.

Ключевые слова: «Крымская весна», российско-украинские отношения, международные организации, общественное мнение.

RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS AFTER THE «CRIMEAN SPRING»

D. Mayboroda*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article describes the events of the newest stage in the Russian-Ukrainian relations in the context of the "Crimean problem". The author gives the assessment of the normative-legal basis for the Crimea's reunion with the Russian Federation. The statistical data are summarized. Besides, the statements of the Ukrainian and Russian experts on the problem are analyzed. Using a wide range of sources the author proves that the official Kiev uses the Crimean issue not as much as really counting on the return of the Peninsula, but as the informational and political cause for further move of the foreign affairs course to the "west". The article is addressed to the politologists who study the problem of the Russian-Ukrainian relations.

Key words: the «Crimean spring», the Russian-Ukrainian relations, the international organizations, public opinion.

Исторический акт воссоединения Крыма с Российской Федерацией предсказуемо вызвал негативное отношение западного сообщества и явился фактором, во-первых, осложнившим и без того не всегда стабильные российско-украинские отношения, и, во-вторых, поводом дальнейшего дистанцирования Украины от России, постсоветских интеграционных структур и ориентации на Запад.

По инициативе Украины еще до Крымского референдума 28 февраля 2014 г. состоялось заседание Совета Безопасности ООН. С 1 по 19 марта Совет Безопасности обсуждал проблему, связанную с ситуацией в Крыму, шесть раз. Проект решения был поставлен на голосование 15 марта. В документе говорилось, что Совет Безопасности «подтверждает приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Украины в пределах ее международно-признанных границ» и, отмечая, что Украина не санкционировала проведение референдума о статусе Крыма, «заявляет, что этот референдум не может иметь юридической силы и не может служить основой для любого изменения статуса Крыма», а также «призывает все государства, международные организации и специализированные учреждения воздержаться от любых действий или контактов, прямо или косвенно признающих таковые» [13]. Россия, пользуясь своим правом, наложила вето при голосовании за резолюцию.

Представители Германии, Канады, Коста-Рики, Литвы, Польши и Украины инициировали в конце марта 2014 г. рассмотрение вопроса о Крыме на Генеральной Ассамблее ООН. В подготовленном этими странами проекте резолюции содержался призыв к международному сообществу не поддерживать любые акции, направленные на нарушение суверенитета Украины и признание Крымского референдума. За резолюцию Генассамблеи, не имеющую обязывающего характера, проголосовали представители ста стран, 58 стран воздержались и 11 государств-членов ООН проголосовали против [15].

Акт присоединения Крыма к России стал предметом рассмотрения Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 7 апреля 2014 г. Несоответствие акта воссоединения полуострова с РФ планам стран европейского сообщества определило общий негативный настрой парламентариев ЕС и призывы к введению против России санкций. Антироссийские санкции, призванные заставить Россию пересмотреть свои намерения в отношении Крыма, вслед за США приняли Австралия, Япония, Канада, ЕС.

В отличие от западного сообщества, реинтеграция с Крымом получила поддержку российской общественности. Перед прямой линией с Президентом РФ в адрес организаторов этого мероприятия поступило более 2 млн. обращений граждан со словами благодарности за «Крымскую весну» [1].

Несмотря на жесткость официальной риторики Киева, социально-экономическая реальность подвигала новые власти на принятие компромиссных решений. Верховная Рада Украины, под предлогом необходимости поддержки населения полуострова, приняла 14 июля 2014 г. законопроект «О свободной экономической зоне Крым и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины». На самом деле СЭЗ была призвана поддержать крупный украинский бизнес, имеющий значительные активы в Крыму. До начала 2015 г. в соответствии с режимом свободной экономической зоны на полуостров прошли не менее 500 груженых фуру с товаром на сумму не менее 300 млн. долл. США. Экономические связи с Крымским регионом сохранили 1802 украинских предприятия [18].

С другой стороны, по логике, диктуемой западной ориентацией, отвечающей потребностям радикальных группировок, приведших к власти новую администрацию, Киев 12 августа 2014 г. принял (через Верховную Раду) законопроект «О санкциях», предусматривающих 29 мер «безотлагательного и эффективного реагирования на имеющиеся и потенциальные угрозы национальным интересам», предусматривающий сворачивание экономических связей с Россией. При этом глава правительства Украины А. Яценюк предупредил, что принятые антироссийские меры принесут ущерб, оцениваемый в 7 млрд. долл. США [6].

Осенью 2015 г. активисты крымскотатарских экстремистских организаций, выехавшие с территории полуострова, устроили блокаду пропускных пунктов в Крым [2].

Спустя два месяца после правительственного переворота новая администрация инициировала Закон от 15 апреля 2014 г. «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины»¹. В законе говорилось, что «Нахождение на территории Украины вооруженных сил других государств, в нарушение процедур, определяемых Конституцией и законами Украины, Гаагской конвенцией 1907 г., Женевской конвенцией 1949 г., вопреки меморандуму о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия 1994 г., Договору о

дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией 1997 г. и другим международно-правовым актам является оккупацией части территории суверенного государства» со всеми вытекающими из этого последствиями международно-правового порядка. Пунктом 2 закона, внесенным 15 сентября 2015 г., определялась рубежная дата начала оккупации – 20 февраля 2014 г. «Временно оккупированной территорией» провозглашалась Автономная республика Крым, Севастополь и бывшая акватория исключительной экономической зоны Украины вокруг полуострова.

Учитывая контрпродуктивность политического давления на Россию, руководство Украины предприняло ряд мер экономического порядка против Крыма. Вопреки подписанному 7 июня 2014 г. Постановлению кабинета министров Украины «О регулировании отношений в сфере электроэнергетики на временно оккупированной территории Автономной Республики Крым и города Севастополя», уже с лета того же года начались веерные отключения подачи электроэнергии на полуостров [8]. К концу 2014 г. Украина прекратила подачу воды в Крым, а в 2016 г. с целью недопущения самотека по Северо-Крымскому каналу, была возведена дамба, окончательно перекрывшая ее поступление с материка [20].

Начатую официальными властями Киева энергетическую изоляцию Республики Крым завершили экстремисты, которые в декабре 2015 г. взорвали опоры линий электропередач [3].

В надежде на перспективу реинтеграции Крыма в состав Украины 20

¹ Закон «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» № 1207-VII от 15 апреля 2014 г. // Текущий архив Института стран СНГ. 2014 год. Оп. 9. Ед. хр. 72. Л. 14.

апреля 2016 г. указом президента Украины было создано Министерство по вопросам временно оккупированных территорий. Об исключительно пропагандистском характере этого акта говорит тот факт, что в составе ведомства в первый год функционирования насчитывалось 2 работника [27].

С осени 2016 г. официальный Киев предпринял беспрецедентную кампанию юридического давления на Россию. В октябре этого года «Нафтогаз» Украины подал иск на Россию в третейский суд Гааги об утрате активов в Крыму на 2,6 млрд. долл. К концу следующего года сумма претензий Украины возросла вдвое. Вместе с «Нафтогазом» иски предъявил «Приват Банк» и шесть подконтрольных И. Коломойскому структур.

Несмотря на то, что Россия не признает компетенцию Гаагского суда, арбитраж 10 мая 2018 г. удовлетворил иск 18 украинских компаний к России и обязал выплатить бизнесу Украины 59 млн. долл. Однако этот акт оценивается российскими и украинскими СМИ как признание Крыма российским [16].

Имея в виду безнадежность мер, призванных подвинуть Россию отказать от Крыма, бизнес-структуры, близкие к П. Порошенко, стали избавляться от активов на полуострове. В феврале 2017 г. от своих активов на полуострове избавился соратник П. Порошенко Ю. Косюк [10].

Весной 2017 г. Украина инициировала рассмотрение дела в Международном суде ООН в Гааге, касающееся «военных преступлений» и «нарушения Россией Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении украинцев и крымских татар в

Крыму». Рассмотрев претензию Киева, суд «призвал Россию не дискриминировать украинцев и крымских татар – например, разрешить деятельность на полуострове Меджлиса (запрещенной в РФ организации), обеспечить нацменьшинствам возможность получать образование на родном языке» [19].

Дальнейшее развитие событий в отношениях Киева с активистами Меджлиса показало картину, прямо противоположную той, которую представила украинская сторона в международный трибунал. Россия, строго следуя заявленным в президентском указе «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого и крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (май 2014 г.) принципам, выполнила взятые на себя обязательства по соблюдению прав всех народов Крыма [14]. Напротив, уже в 2018 г. наметился раскол некогда сложившегося единства крымско-татарских активистов, выехавших с территории полуострова, и киевской администрацией. В 2015 г. в целях привлечения крымских татар на свою сторону П. Порошенко заявил: «Мы осознали необходимость создания в Крыму национальной автономии крымских татар с полным обеспечением равных прав и гражданских свобод этнических русских, украинцев и других этносов полуострова». С целью конкретной проработки вопроса, определенного Президентом Украины весной 2017 г., была создана Конституционная Комиссия. Однако сразу после начала ее работы выявились неразрешимые противоречия. Представители президента считали, что речь в заявлении П. Порошенко шла о

культурной автономии, представители крымско-татарских активистов настаивали на юридическом статусе автономии, с правом самоопределения. Официальный Киев при этом отказывался обсуждать любой проект, связанный с федерализацией страны. Конкретным ответом украинской администрации на притязания крымских татар стала акция обыска в Исламском культурном центре Киева, проведенная в марте 2018 г. [7].

Неоднозначную реакцию политической элиты Киева вызвал вопрос денонсации договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве с Россией». Сложность расторжения договора для официального Киева заключалась в утрате обязательств сторон, вытекающих из ст. 2, согласно которой «Россия и Украина признавали нерушимость существующих между ними границ».

Понимание негативных последствий расторжения Договора о дружбе не остановило вал русофобии украинской политической элиты. В середине марта 2018 г. Министерство иностранных дел Украины подготовило предложения о денонсации соглашения. При этом заместитель главы российского внешнеполитического ведомства Г. Карасин заявил, что «денонсация договора приведет к еще большей непредсказуемости комплекса двусторонних российско-украинских отношений» [11].

Стремясь сгладить накал взаимных претензий вокруг Крыма и Юго-Восточных территорий Украины, Президент РФ В.В. Путин в начале 2018 г. предложил возобновить передачу украинской стороне кораблей и авиатехники с территории полуострова. На тот момент в Крыму оставался боль-

шой десантный корабль «Константин Ольшанский», корабль «Славутич», тральщики «Черкассы» и «Чернигов», корветы «Тернополь» и «Луцк», береговая техника, включающая БМП, БТР, артиллерию и минометы.

Российское политическое сообщество неоднозначно отнеслось к предложению президента. Дело в том, что к 2018 г. уже было передано Украине более 2 тыс. единиц военной техники (на 1 млрд. долл. США), которые использовались, в том числе, в АТО («антитеррористической операции») в Донбассе [26].

Еще одним поводом для обострения российско-украинских отношений стала кампания выборов Президента РФ, в которой, естественно, приняло участие население полуострова. После успешно проведенной избирательной кампании в Крыму семь министров иностранных дел ЕС: Дании, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Швеции и Украины выступили с совместным заявлением, в котором говорилось: «В связи с четвертой годовщиной аннексии Крыма с Россией» «ЕС не признает результаты выборов, которые проводятся Россией в Крыму». «Пока будет продолжаться незаконная аннексия, будут продолжаться ограничительные меры и санкции». «Произошедшее в Крыму касается не только Украины, но и всех нас». «Вот почему мы не забудем и не оставим Крым» [9].

На фоне развернувшейся русофобии в связи с президентскими выборами в Крыму киевские власти объявили о разрыве экономических отношений с Россией. Начало процессу экономического размежевания было положено в 2014 г., когда Верховная Рада Украины приняла решение денонсировать дого-

вор о сотрудничестве с Россией в военной отрасли, соглашения о транзите военных и техники по территории Украины, находящихся в Молдове с миротворческими функциями, о межгосударственных военных перевозках, сотрудничестве в военной разведке и информационной безопасности.

Вместе с тем решение о прекращении межгосударственного экономического взаимодействия не помешало достаточно активным хозяйственным связям двух стран. В 2017 г. на Россию приходилось 12% украинского экспорта, а импорт из России вырос на 40% [21].

После имплементации новой киевской администрации вектор внешней политики Украины все больше смещался в сторону Запада и Североатлантического союза. Весной 2018 г. П. Порошенко выступил с программной речью, в которой заявил о разрыве с СНГ и ориентации на вступление в НАТО. Явившаяся одним из учредителей СНГ, Украина в далеком 1993 г. не подписала Устав этой организации и поэтому имела статус не члена, но ее участника. Заявив о разрыве с СНГ, П. Порошенко декларировал: «Сейчас время для стратегических решений относительно определения восточноевропейских границ ЕС и НАТО. Подчеркиваю, что более благоприятной возможности не будет. Украина, Молдова и Грузия принадлежат к Западному альянсу и должны стать его частью».

Также глава Украины заявил, что в связях с ЕС «мы будем постепенно продвигать всеобъемлющую секторальную интеграцию». «Киев будет настаивать на том, чтобы подписать с НАТО Программу усиленных возмож-

ностей и План действий относительно членства» [22]. При этом заметим, что ориентация руководства страны на вступление в НАТО не находит единодушной поддержки у украинского населения. По данным (КМИС) Киевского международного института социологии, однозначно поддерживают курс на НАТО только 49,2% граждан Украины [5].

Несмотря на формальные препятствия вступлению Украины в НАТО, Североатлантический блок активно использует проблему Крыма для давления на Россию. Весной 2018 г. в акватории Черного моря были проведены учения сил НАТО. К берегам Крыма регулярно приближаются британские и американские самолеты-разведчики [24].

В разжигании военно-политической напряженности вокруг полуострова принимают участие и украинские власти. По сведениям, озвученным секретарем Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБОУ) А. Турчиновым, в стране осуществляется национальная программа ракетного вооружения, прямо нацеленная на создание средств доставки зарядов на полуостров [25].

Угрозы от официального Киева Крыму и агрессивная политика в отношении русскоязычного населения Донбасса обусловили ответные меры России по обеспечению безопасности. В Крыму были развернуты два полка ПВО, вооруженные комплексами С-400 «Триумф» и ЗРК «Панцирь-С1». Развернутые полки призваны нейтрализовать поступающие на вооружение украинской армии ракеты «Ольха» («Вільха»), противокорабельные комплексы «Нептун», создаваемые по

заказу канадской фирмы «Maritime Launch Services», двухступенчатые ракеты «Циклон-Ум» [24].

Неконструктивный контекст в российско-украинских отношениях по поводу крымской проблемы усилил внесенный на рассмотрение Верховной Рады П. Порошенко законопроект «О внесении изменений в закон о гражданстве» [12].

Одна из статей законопроекта предусматривала лишение украинского гражданства всех жителей Крыма, получивших российский паспорт, при оговорке: «добровольно принявших гражданство РФ» и принявших участие в выборах Президента России. Однако по данным ОУФМС России, к октябрю 2014 г. добровольно получили российский паспорт 98,0 % крымчан.

Конкретным поводом для внесения поправок в законодательство о гражданстве стало задержание украинскими силовиками крымского рыболовецкого судна «Норд». Официальный представитель погранслужбы Украины относительно задержанных рыбаков заявил: «Мы сомневаемся, что российские паспорта были выданы на законных основаниях». Рыбакам «Норда» было предъявлено обвинение в «нарушении порядка въезда на временно оккупированную территорию Украины» [23].

В ответ следственное управление ФСБ РК возбудило встречное уголовное дело «Об угоне судна».

Кстати заметить, российско-украинские отношения в акватории Азовского и Черного морей, прилегающей к Крыму, стали обостряться с момента, когда Россия летом 2017 г. объявила о перекрытии Керчь-Еникальского канала в связи со строительством Крым-

ского моста. В ответ официальный Киев обратился в арбитраж в Гааге с иском к России в связи с ущербом, причиненным строительством перехода через Керченский пролив.

В апреле 2018 г. киевские власти совершили повторное задержание российского судна, осуществлявшего забор песка с морского дна, чем спровоцировали ответные меры России. Был введен режим регулярного досмотра судов, направлявшихся в украинские порты Мариуполя и Бердянска [17].

Взрывную реакцию Киева вызвал исторический акт введения в эксплуатацию автомобильного перехода по Крымскому мосту. Ежегодный ущерб от моста украинские власти оценивают в 10 млрд. гривен. В ответ на запуск Крымского моста Министерство инфраструктуры Украины заявило о намерении «блокировать российские порты».

Осознавая важность сообщения по Азово-Черноморскому транзиту, киевские власти приняли решение перекопать перешеек, соединяющий Крым с материком, и построить канал протяженностью 120 км [4].

Несмотря на санкционное давление Запада, трудности, связанные с экономической блокадой полуострова, россияне, и жители Крыма в том числе, положительно относятся к акту воссоединения. По данным Левада-Центра, 85% россиян (включая крымчан) одобряют этот исторический акт¹.

Таким образом, воссоединение Крыма с Россией стало фактором, запустившим активный процесс перео-

¹ По данным ВЦИОМ, удельный вес граждан, положительно оценивающих «Крымскую весну», составляет 91% // Известия № 45 (30030). 15 марта 2018 г.

риентации Украины от постсоветских интеграционных институтов в сторону Запада и северо-атлантического альянса. Вместе с тем, дальнейшее продвижение киевской власти по пути интеграции в западное сообщество обнажило глубину раскола внутри украинского социума и сохранение значительной части населения, ориентированной на восстановление отношений с Россией. Кроме того, проблема Крыма будируется политической элитой Украины с целью получения

материальных и политических преференций от Запада и поддержания уровня легитимности центральной власти в условиях дефицита доверия народа. Функционирование Крыма в составе Российской Федерации показывает несостоятельность надежд на ухудшение социально-экономического положения на полуострове как фактора, способствующего его реинтеграции в состав Украины.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. Иначе в Крыму Россия поступить не могла, 18.04.2014 / Одна родина: информационно-аналитическое издание [сайт]. – URL: <https://odnarodyna.org/content/inache-v-krymu-rossiya-postupit-ne-mogla> (дата обращения: 24.11.2018).
2. Блокада Крыма повлияет на позицию парламента относительно закона о свободной экономической зоне «Крым», - Корнацкий, 21.09.2015 / 112.ua [сайт]. – URL: <https://112.ua/politika/blokada-kryma-povliyaet-na-poziciyu-parlamenta-po-zakonu-o-svobodnoy-ekonomicheskoy-zone-krym-kornackiy-259649.html> (дата обращения: 24.11.2018).
3. Возле Чонгара взорваны две электроопоры, подающие электричество в Крым, 20.10.2015 / УНИАН: информационное агентство [сайт]. – URL: <https://www.unian.net/society/1157295-vozle-chongara-neizvestnyie-vzorvali-dve-elektrooporyi-podayuschie-elektrichestvo-v-kryim.html> (дата обращения: 24.11.2018).
4. Все-таки остров: Украина решила перекопать перешеек на границе с Крымом, 23.05.2018 / РИА Новости [сайт]. – URL: <https://crimea.ria.ru/world/20180523/1114504285.html> (дата обращения: 24.11.2018).
5. Геополитические ориентации и отношение жителей Украины к независимости Украины // Украина. Информационно-аналитический мониторинг. 2017. № 9–10 (133–134). С. 27.
6. Коринь Н. Киев решил поиграть в санкции, 13.08.2014 / Одна родина [сайт]. – URL: <https://odnarodyna.org/content/kyev-reshil-poigrat-v-sankcii> (дата обращения: 24.11.2018).
7. Киеву грозят массовые акции. Истек срок действия ультиматума, поставленного крымскими татарами Порошенко, 18.05.2018 / Главред [сайт]. – URL: <https://glavred.info/politics/505959-kiyevu-grozyat-massovye-akcii-istek-srok-deystviya-ultimatuma-postavlenного-krymskimi-tatarami-poroshenko.html> (дата обращения: 24.11.2018).
8. Крымские миллиарды // Ведомости. 2018. 16 марта.
9. Министры стран Европы: Мы не забудем про Крым, 17.03.2018 / Корреспондент.net [сайт]. – URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3951963-mynistry-stran-evropy-my-ne-zabudem-pro-krym> (дата обращения: 24.11.2018).
10. Мироновский хлебопродукт Косюка продал крымские активы, 21.02.2017 // Зеркало недели. 2017. 21 февр.
11. На двадцатом году «дружбы» // Коммерсант. 2018. 4 апр.
12. «Придется признать выборы в Крыму». У крымчан хотят забрать украинские паспорта, 23.04.2018 / Вести [сайт]. URL: <https://vesti-ukr.com/strana/286617-pridetsja-priznat>

- vybory-v-krymu-u-krymchan-khotjat-zabrat-ukrainskie-pasporta (дата обращения: 24.11.2018).
13. Проект резолюции СБ ООН [о крымском референдуме] / United Nations [сайт]. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2014/189> (дата обращения: 24.11.2018)
 14. Путин «переписал» историю: новый документ президента РФ «О мерах по реабилитации» депортированных не будет способствовать восстановлению прав репатриантов в Крыму, 22.04.2014 / День [сайт]. – URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-ukrainy/putin-perepisal-istoriyu> (дата обращения: 24.11.2018).
 15. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 г. / United Nations [сайт]. – URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 24.11.2018).
 16. Селезнева И. Гаага признала Крым российским: в Сети отреагировали на решение суда о компенсации Украине, 10 мая 2018 / Федеральное агентство новостей [сайт]. – URL: <https://riafan.ru/1055679-gaaga-priznala-krym-rossiiskim-v-seti-otreagirovali-na-reshenie-suda-o-kompensacii-ukraine> (дата обращения: 24.11.2018).
 17. Строкань С. Россия и Украина играют в морской бой // Коммерсантъ. 2018. 7 мая.
 18. Трудно стиснуть кулак, в который сунули милостыню // Зеркало недели. 2015. 26 янв.
 19. Украина готовится к судам в Гааге // Независимая газета. 2018. 21 февр.
 20. Украина перекрыла воду в оккупированный Крым, 30.04.2017 / Главред [сайт]. – URL: <http://glavred.info/ekonomika/ukraina-perekryla-vodu-v-okkupirovannuyu-krym-opublikovany-foto-i-video-432968.html> (дата обращения: 24.11.2018).
 21. Украина порвала с Россией, но не до конца, 21.03.2018 / Газета.ру [сайт]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/03/21/11690545.shtml> (дата обращения: 24.11.2018).
 22. Украина рвет последние связи с СНГ // Независимая газета. 2018. 12 апр.
 23. Членам экипажа «Норд» грозит штраф за попытку незаконно покинуть Украину, 20.04.2018 / УНИАН [сайт]. – URL: <https://www.unian.net/politics/108130-chlenam-ekipazha-nord-grozit-shtraf-za-popytku-pokinut-ukrainu-gpsu.html> (дата обращения: 24.11.2018).
 24. Шарковский А. Зачем Крыму срочно понадобились «Триумфы» // Независимая газета. 2018. 10 янв.
 25. Шарковский А. Что ищет в Черном море британский корабль–шпион // Независимая газета. 2018. 1 февр.
 26. Широкопад А.Б. Надо ли возвращать корабли Украине // Независимая газета. 2018. 17 янв.
 27. Уряд прийняв рішення про утворення Міністерства з питань тимчасово окупованих територій та внутрішньо переміщених осіб України / Урядовий портал: Єдиний веб-портал органів виконавчої влади України [сайт]. – URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248982208> (дата обращения: 24.11.2018).

REFERENCES

1. Afanas'ev V. Inache v Krymu Rossiya postupit' ne mogla [Russia could not act in the Crimea in the other way], 18.04.2014. In: *Odna rodina: informatsionno-analiticheskoe izdanie*, web-site]. Available at: <https://odnarydina.org/content/inache-v-krymu-rossiya-postupit-ne-mogla> (accessed: 24.11.2018).
2. Blokada Kryma povliyaet na pozitsiyu parlamenta otnositel'no zakona o svobodnoi ekonomicheskoi zone «Krym», – Kornatskii [Blockade of the Crimea will affect the position of the Parliament regarding the law on the "Crimean" free economic zone – Kornatsky], 21.09.2015 / 112.ua [website]. Available at: <https://112.ua/politika/blokada-kryma-povli->

- yaet-na-poziciyu-parlamenta-po-zakonu-o-svobodnoy-ekonomicheskoy-zone-krym-kornackiy-259649.html (accessed: 24.11.2018).
3. Vozle Chongara vzorvany dve elektroopory, podayushchie elektrichestvo v Krym [two electro-poles that supply electricity to the Crimea were blown near Chongar], 20.10.2015 / UNIAN: informatsionnoe agentstvo [website]. Available at: <https://www.unian.net/society/1157295-voze-chongara-neizvestnyie-vzorvali-dve-elektrooporyi-podayushchie-elektrichestvo-v-kryim.html> (accessed: 24.11.2018).
 4. Vse-taki ostrov: Ukraina reshila perekopat' peresheek na granitse s Krymom [Still, it is the island: Ukraine has decided to dig the isthmus on the border with the Crimea], 23.05.2018 / RIA Novosti [website]. Available at: <https://crimea.ria.ru/world/20180523/1114504285.html> (accessed: 24.11.2018).
 5. [Geopolitical orientation and attitude of the Ukrainians to Ukraine]. In: *Ukraina. Informatsionno-analiticheskii monitoring*, 2017, no. 9–10 (133–134), pp. 27.
 6. Korin' N. Kiev reshil poigrat' v sanktsii [Kiev decided to play with the sanctions], 13.08.2014 / Odnarodina [website]. Available at: <https://odnarodyna.org/content/kiev-reshil-poigrat-v-sankcii> (accessed: 24.11.2018).
 7. Kievu grozyat massovye aktsii. Istek srok deistviya ul'timatuma, postavlennoho krymskimi tatarami Poroshenko [Kiev is threatened by mass actions. The term of the ultimatum delivered by the Crimean Tatars to Poroshenko has expired], 18.05.2018 / Glavred [website]. Available at: <https://glavred.info/politics/505959-kievu-grozyat-massovye-akcii-istek-srok-deystviya-ultimatuma-postavlennoho-krymskimi-tatarami-poroshenko.html> (accessed: 24.11.2018).
 8. Krymskieilliardy [Crimean billions]. In: *Vedomosti*, 2018, 16 Mar.
 9. Ministry stran Evropy: My ne zabudem pro Krym [The Ministers of the countries of Europe: We will not forget about Crimea], 17.03.2018 / Korrespondent.net [website]. Available at: <https://korrespondent.net/ukraine/3951963-mynystry-stran-evropy-my-ne-zabudem-pro-krym> (accessed: 24.11.2018).
 10. Mironovskii khleboprodukt Kosyuka prodal krymskie aktivy [Kosyuk's "Mironov Bread-product" sold its Crimean assets]. In: *Zerkalo nedeli*, 2017, 21 Feb.
 11. Na dvadtsatom godu «druzhby» [In the twentieth year of "friendship"]. In: *Kommersant*, 2018, 4 Apr.
 12. «Pridetsya priznat' vybory v Krymu». U krymchan khotyat zabrat' ukrainskie pasporta ["You have to recognize the elections in Crimea". The Ukrainian passports the Crimeans want to take a], 23.04.2018 / Vesti [website]. Available at: <https://vesti-ukr.com/strana/286617-bridetsja-priznat-vybory-v-krymu-u-krymchan-khotjat-zabrat-ukrainskie-pasporta> (accessed: 24.11.2018).
 13. Proekt rezolyutsii SB OON [o krymskom referendume] [The draft of the UN security Council resolution [on the Crimean referendum] / United Nations [website]. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2014/189> (accessed: 24.11.2018).
 14. Putin «perepisal» istoriyu: novyi dokument prezidenta RF «O merakh po reabilitatsii» deportirovannykh ne budet sposobstvovat' vosstanovleniyu prav repatriantov v Krymu [Putin "rewrote" the history: a new document of the Russian President "On the measures for the rehabilitation" of the deportees will not contribute to the restoration of the repatriates' rights in the Crimea, 22.04.2014 / Den' [website]. Available at: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-ukrainy/putin-perepisal-istoriyu> (accessed: 24.11.2018).
 15. Rezolyutsiya, prinyataya General'noi Assambleei OON 27 marta 2014 g. [The resolution adopted by the UN General Assembly March 27, 2014] / United Nations [website]. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R (accessed: 24.11.2018).

16. Selezneva I. Gaaga priznala Krym rossiiskim: v Seti otreagirowali na reshenie suda o kompensatsii Ukraine, 10 maya 2018 [The Hague recognized the Russian Crimea: the Network has responded to the court decision on compensation to Ukraine, May 10, 2018] / Federal'noe agentstvo novostei [website]. Available at: <https://riafan.ru/1055679-gaaga-priznala-krym-rossiiskim-v-seti-otreagirowali-na-reshenie-suda-o-kompensatsii-ukraine> (accessed: 24.11.2018).
17. Stokan' S. Rossiya i Ukraina igrayut v morskoi boi [Russia and Ukraine play in the sea battle]. In: Kommersant, 2018, 7 may.
18. Trudno stisnut' kulak, v kotoryi sunuli milostyny [It is difficult to squeeze the fist in which the alms were thrust]. In: *Zerkalo nedeli*, 2015, 26 Jan.
19. Ukraina gotovitsya k sudam v Gaage [Ukraine is preparing for trial in the Hague]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018, 21 Jan.
20. Ukraina perekryla vodu v okkupirovannyi Krym [Ukraine cut off water supplies from the occupied Crimea], 30.04.2017 / Glavred [website]. Available at: <http://glavred.info/ekonomika/ukraina-perekryla-vodu-v-okkupirovannyi-krym-opublikovany-foto-i-video-432968.html> (accessed: 24.11.2018).
21. Ukraina porvala s Rossiei, no ne do kontsa [Ukraine broke from Russia, but not finally], 21.03.2018 / Gazeta.ru [website]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2018/03/21/11690545.shtml> (accessed: 24.11.2018).
22. Ukraina rvet poslednie svyazi s SNG [Ukraine breaks the last ties with the CIS]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018, 12 Apr.
23. Chlenam ekipazha «Nord» grozit shtraf za popytku nezakonno pokinut' Ukrainu [Members of the "Nord" crew face a fine for attempting to leave Ukraine illegally], 20.04.2018 / UNIAN [website]. Available at: <https://www.unian.net/politics/108130-chlenam-ekipazha-nord-grozit-shtraf-za-popytku-pokinut-ukrainu-gpsu.html> (accessed: 24.11.2018)
24. Sharkovskii A. Zachem Krymu srochno ponadobilis' «Triumfy» [Why Crimea urgently needs the "Triumphs"]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018, 10 Jan.
25. Sharkovskii A. Chto ishchet v Chernom more britanskii korabl' – shpion [What is the British spy-ship looking for in the Black sea?]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018, 1 Feb.
26. Shirokorad A.B. Nado li vozvrashchat' korabli Ukraine [Should the ships be returned to Ukraine?]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018, 2018, 17 Jan.
27. Uryad priinyav rishennya pro utvorenniya Ministerstva z pitan' timchasovo okupovanikh teritorii ta vnutrishn'o peremishchenikh osib Ukraïni [The Government has made a decision on the establishment of a Ministry for Temporary Occupied Territories and Internally Displaced Persons of Ukraine] / Uryadovii portal: Edinii veb-portal orgniv vikonavchoï vladi Ukraïni [website]. Available at: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnp?docid=248982208> (accessed: 24.11.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майборода Дмитрий Михайлович – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: control@sroafd.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry M. Mayboroda – applicant of Moscow Region State University, the Department of Political Science and Law;
e-mail: control@sroafd.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майборода Д.М. Российско-украинские отношения после «Крымской весны» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 308–319.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-308-319

FOR CITATION

Mayboroda D. Russian-Ukrainian relations after the «Crimean Spring». In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 308–319.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-308-319

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БЕЛОВ А.В. 1812 ГОД В СУДЬБЕ РУССКОГО ГОРОДА: ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ НА СОСТОЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ЖИЗНЬ ИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2018. – 326 С.: ИЛ.

Соловьев Я.В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

REVIEW OF A BOOK: BELOV A.V. 1812 IN THE FATE OF THE RUSSIAN CITY: NAPOLEONIC INVASION INFLUENCE ON THE STATE OF URBAN SETTLEMENTS IN CENTRAL RUSSIA AND ON THE LIVES OF THEIR INHABITANTS. MOSCOW, POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2018. 326 PP.: ILL.

Ya. Soloviev

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

В рамках серии «Эпоха 1812 года» в издательстве «РОССПЭН» вышла монография видного специалиста по истории русского дореформенного города, кандидата исторических наук А.В. Белова, которая, безусловно, станет значимым событием в отечественной историографии. 1812 год служит объектом исследования многочисленных научных работ – как отечественных, так и зарубежных. Кажется, что трудно найти такой аспект этой темы, который еще не оказался в центре внимания специалистов. Судьба отдельных городов в период наполеоновского нашествия также привлекала интерес историков и краеведов. Но анализ влияния нашествия на целую сеть городских центров Московского и прилегающих регионов осуществляется впервые.

Если история Отечественной войны 1812 года изучена достаточно подробно, то история русского дореформенного города все еще «terra incognita». Исследования Б.Н. Миронова, Л.В. Кошман, Е.Л. Ломако и др. [3; 4; 5] при всей их значимости оставляют еще немало лакун в нашем знании о жизни горожан XVIII–XIX вв. В центре внимания исследователей оказывались или вопросы городского управления, или положение городских сословий, или демография, или

© СС BY Соловьев Я.В., 2018.

культурное развитие дореформенного города, или история отдельных городов. Новизна подхода А.В. Белова – не просто в многофакторности процессов развития городов, но в стремлении исследовать русский город как элемент региональной городской сети (региональный подход). Это позволяет изучить город в живой органической связи его с окружающим пространством, что было частично реализовано уже в первой монографии историка [2].

Используя этот подход и поднимая большой комплекс архивных материалов РГИА, РГАДА, ЦГА г. Москвы, государственных архивов Владимирской, Калужской и Ярославских областей, А.В. Белов рассматривает в своей новой монографии судьбы городов Центральной России во время нашествия Наполеона.

Автор отмечает особый трагизм факта военного вмешательства в жизнь городских поселений этого периода – вторжение произошло тогда, когда русский город «переживал процесс крупномасштабных преобразований, преследовавших задачу обеспечить городские поселения набором инструментов, необходимых для ускорения их естественного развития и превращения в многофункциональный центр» [1, с. 230].

В первой главе, посвященной положению городов Центральной Европы накануне 1812 г., А.В. Белов высоко оценивает последствия екатерининской реформы для развития городских поселений. Происходил переход от города-крепости к городу – многофункциональному центру, в городе возникли и начали функционировать государственные структуры правоохранительной и пожарной охраны, медицин-

ские, социальные и образовательные учреждения. В развитие городов были вложены огромные средства. Это создало основу для дальнейшего социально-экономического рывка поселений. Какие-то города этот рывок уже осуществляли (Верея, Коломна, Серпухов), другим требовалось еще время для реализации городского потенциала (Звенигород, Клин). Тем чувствительнее оказался для русских городов удар извне, отбросивший некоторые из них (Можайск) на десятилетия назад, другие – навсегда вычеркнувший из списка региональных экономических лидеров (Верея), а некоторым надолго уготовивший роль только номинальных городов (Звенигород). «В 1812 г. практически везде, где прошел солдат наполеоновской армии, титаническая работа по созданию современной городской инфраструктуры пошла крахом» [1, с. 12]. Как справедливо отмечает автор, масштабы и значение нанесенного урона до сих пор не получили должной оценки. Исправлению этого пробела в историографии и посвящена монография А.В. Белова.

Автор определяет следующие факторы, влиявшие на степень ущерба для городских поселений: степень вовлеченности в военные действия (бои в городе, проход всей неприятельской или российской армии или их частей через город, сколько дней провел противник в городе, использование города как опорного пункта), момент вовлечения в военные действия (во время наступления или отступления противника), планы противника и русской армии (которые косвенно вовлекали в военные действия и города, через которые армии и отдельные отряды не проходили), настроение населения

и степень его информированности о ходе военных действий (что позволяло заблаговременно спасти хотя бы часть имущества). В настроениях горожан общим было неприятие оккупантов, поэтому все жители стремились покинуть город до прихода наполеоновских полчищ. Редкие случаи коллаборационизма только подчеркивали это правило. В городе, кроме иностранцев, оставались только те, кто не мог уехать по причине болезни, многодетности, служебного долга (остававшиеся для хранения казенного имущества), и те, для кого выезд мог грозить полным разорением (мещане, все имущество которых было в габаритных вещах и недвижимости).

Естественно, что наибольший ущерб понесли города, находившиеся на пути движения основных сил противника и превращенные им в свои опорные пункты: Верея, Можайск и, конечно, Москва. Можайск, наряду с Малоярослацем, стал ареной крупномасштабных сражений. На линии соприкосновения и под ударом отдельных частей противника оказались Бронницы, Подольск, Руза, Звенигород, Боровск. Кратковременный набег неприятеля пережили Богородск и Дмитров.

Кроме того, ущерб потерпели города, в которые неприятель не входил – города ближнего (Клин, Волоколамск, Серпухов, Коломна, Калуга) и глубокого тыла (города Владимирской и Ярославской губерний).

Особняком стоит город Медынь, разорение которого связано с прохождением российской армии, под влиянием обстановки ударившейся в мародерство. Этот пример показывает, что возложение ответственности за

разорение только на наполеоновские войска будет искажением суровой действительности военного времени.

Тем не менее главным виновником разорения был, конечно, неприятель, видевший в городах желаемый объект грабежа и стремившийся нанести максимальный урон России для ее ослабления, принуждения к невыгодному миру. В монографии приводятся многочисленные примеры не только уничтожения городской застройки, но и материальных запасов, карательных акций по отношению к жителям, использования их подневольного труда.

При оценке понесенного ущерба А.В. Белов опирается как на данные расчетов «Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского», так и на самостоятельный анализ поданных в нее прошений. Исследователь отмечает, что расчеты Комиссии были далеки от реальности – чиновники приносили сумму реального ущерба.

В монографии подчеркивается, что, невзирая на колоссальное разорение, был низок процент горожан, живших в первые месяцы после катастрофы на милостыню. Большинство горожан старались выжить за счет промыслов и торговли, найма к более счастливым землякам или получали приют в семьях родственников.

Отдельная глава исследования посвящена судьбе оккупированной Москвы. Автор скрупулезно разбирается в причинах проблем эвакуации города. В рамках нынешних тенденций в историографии пересматривается в положительную сторону роль Ф.В. Ростопчина. Хотя главнокомандующий Москвы ответственен за информа-

ционную дезориентацию ее жителей (что, впрочем, по его утверждению делалось для предотвращения народных волнений), но в непростых условиях он смог организовать эвакуацию самого ценного – государственных учреждений и коронационных драгоценностей. Недостаток подвод для эвакуации остального – это не вина Ростопчина, а следствие того, что все резервы гужевого транспорта были буквально «выкачаны» армией под свои нужды. Пожар Москвы автор связывает именно с фактом вступления в столицу неприятеля. Большое внимание уделяется рассмотрению планов Наполеона по уничтожению Москвы как древней столицы, имеющей колоссальное сакральное значение для русского народа. Отмечается выдающаяся роль армейских партизан во главе с Ф.Ф. Винцингероде в минимизации ущерба для московских святынь. А.В. Белов настаивает на том, что Москва была не оставлена неприятелем, а освобождена в результате действий частей русской армии и народных мстителей. Хочется особо поддержать высказываемую в монографии идею о памятнике (или хотя бы памятном знаке) освободителям Москвы (Ф.Ф. Винцингероде и его товарищам), вполне уместном к юбилею в 2022 г.

Как любой научный труд, монография имеет отдельные недостатки и спорные моменты.

Недоказанным, с нашей точки зрения, остается важное положение о целенаправленном уничтожении торговой инфраструктуры городов, производимой противником сразу после вступления в город. А.В. Белов считает, что важнейшей задачей неприятеля было экономическое ослабление Рос-

сии. Поэтому ставилась задача уничтожения торговых строений и материальных запасов городов. Однако ни одного французского документа (приказа, инструкции) подобного содержания автор не приводит. Получается, что вражеские солдаты и офицеры действовали или по своей инициативе (сомневаюсь в наличии у них такого уровня понимания задач войны), или по устным распоряжениям. Но если при оставлении города такие действия имели смысл, то при вступлении в город (а автор настаивает именно на этом [1, с. 112]) сознательное истребление его торговой инфраструктуры – это просто диверсия против собственной армии. А.В. Белов подтверждает свою позицию фактом тотального уничтожения торговых лавок, притом что жилая застройка страдала меньше. Но нужно учитывать тот факт, что страдал прежде всего центр города, где и были сосредоточены лавки. Большой ущерб для центра города вполне объясним не целями уничтожения его инфраструктуры, а логикой грабежа и военных действий, особенностями городской застройки (скупенность строений в центре, обострявшей опасность пожара).

Соглашаясь с автором в вопросе о сознательном уменьшении со стороны российских чиновников масштаба понесенного ущерба, отметим некоторую не критичность автора к такому сложному источнику, как прошения. Как чиновник старался преуменьшить в интересах казны оценку ущерба, так и проситель был склонен свой ущерб преувеличить. Автор приводит пример прошения, где заявитель одной деревянной посуды потерял на 100 рублей. Взяв из другого прошения

пример оценочной стоимости коня с упряжью (20 руб. 60 коп.), А.В. Белов приходит к выводу о важности и дороговизне такого атрибута как деревянная посуда для дома и хозяйства [1, с. 98]. Думается, что можно из этих данных прийти к другим выводам – о степени достоверности данных в прошении. С этой точки зрения, полагаем, следует рассмотреть и вопрос об ущербе города Серпухова, который не был затронут военными действиями, но занял 4-е место в «иерархии» разоренных городов. Кстати, сама эта иерархия требует иного подхода – необходимо соотнести сумму ущерба с экономическим потенциалом города, ведь для небольшого городка ущерб в

50 тыс. руб. был куда значимее, чем 600 тыс. для Серпухова.

Представляется, что рецензируемая монография представляет большой интерес не только для историков и краеведов, но и для любого, интересующегося историей Отечества. Масштабная картина последствий наполеоновского вторжения для Центральной России, раскрываемая А.В. Беловым на основе колоссальной архивной работы, позволяет понять те проблемы, с которыми столкнулись российские власти в последующий период на путях модернизации страны. С нетерпением ожидаем следующих работ автора по истории дореформенного города.

Рецензия поступила в редакцию 08.08.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А.В. 1812 год в судьбе русского города: влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
2. Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века (город и процессы урбанизации сельских окраин). М.: Папирус Про, 2005. 179 с.
3. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России в XIX в.: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2018. 446 с.
4. Ломако Е.Л. Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. Коломна: Лига, 2013. 398 с.
5. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.

REFERENCES

1. Belov A.V. 1812 god v sud'be russkogo goroda: vliyanie napoleonovskogo nashestviya na sostoyanie gorodskikh poselenii Tsentral'noi Rossii i zhizn' ikh obyvatelei [1812 in the fate of the Russian city: Napoleonic invasion influence on the state of urban settlements in Central Russia and on the lives of their inhabitants]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 326 p.
2. Belov A.V. Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroi polovine XIX [Moscow, Moscow suburbs, suburban settlements in the second half of the nineteenth – early XX century (the city and the urbanization processes in the rural outskirts)]. Moscow, Papirus Pro Publ., 2005. 179 p.
3. Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii v XIX v.: sotsial'nye i kul'turnye aspekty [The city and urban life in Russia in the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018. 446 p.

4. Lomako E.L. Russkii provintsial'nyi gorod ekaterininskoi epokhi: Kolomna vtoroi poloviny XVIII veka [Russian provincial town of Catherine's times: Kolomna of the second half of the XVIII century]. Kolomna, Liga Publ., 2013. 398 p.
 5. Mironov B.N. Russkii gorod v 1740–1860 [Russian city in 1740–1860: demographic, social and economic development]. L., Nauka Publ., 1990. 271 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: solyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan V. Soloviev – PhD in History, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;

e-mail: solyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьев Я.В. Рецензия на книгу: Белов А.В. 1812 год в судьбе русского города: влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 326 с.: ил. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 320–325.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-320-325

FOR CITATION

Soloviev Y. REVIEW OF A BOOK: “Belov A.V. Anno 1812 in fata Russian urbem: influenza Napoleonic incursio in statu urbana sedes Centralis Russia et vita eorum habitatores. Moscow, 2018. 326 pp.” In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 5, pp. 320–325.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-320-325

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2018. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 22,5, усл. п.л. 20,5.

Подписано в печать: 26.12.2018. Выход в свет: 11.01.2019. Заказ № 2018/12-02.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А